

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ПРЕЗИДЕНТІНІҢ
ЖАНЫНДАҒЫ МЕМЛЕКЕТТІК
БАСҚАРУ АКАДЕМИЯСЫ

ISSN: 1994 – 2370 (Print)

ISSN: 2959 – 0302 (Online)

МЕМЛЕКЕТТІК

БАСҚАРУ ЖӘНЕ МЕМЛЕКЕТТІК ҚЫЗМЕТ

1 (92), 2025

«МЕМЛЕКЕТТІК БАСҚАРУ
ЖӘНЕ МЕМЛЕКЕТТІК ҚЫЗМЕТ»
ЖУРНАЛЫ
№1(92) 2025
230 п.

Меншік иесі және шығарушы:
«Қазақстан Республикасы
Президентінің жанындағы Мемлекеттік
басқару академиясы» РМҚК

Ғылыми редактор: А.Р. Масалимова
Ғылыми редактордың орынбасары: Ш.Т. Шаяхметова

Редакция алқасының мүшелері:
М. Гарсия-Мурило (АҚШ)
Кошербаев Д.Б.
Х. Янг (Ұлыбритания)
Р.Т. Дуламбаева
С. Кондри (АҚШ)
К.Ф. Шерьязданова
А.М. Марголин (Ресей)
Г.А. Джунусбекова
А.С. Есенгельдина
А.М. Есиркепова
М.Б. Қадырова
Л.И. Кусаинова
А.А. Құралбаев
А.Қ. Шәріпов

Жауапты хатшы
М.М. Муратова

Корректор
Ж. Ускенбаева

Техникалық хатшы
Д. Болатбек

Дизайнер
Ф.К. Ертасова

Есепке қою туралы
22.04.2021 ж. №КЗ21ВРҮ00034765
күәлікті Қазақстан Республикасы Ақпарат
және және қоғамдық даму министрлігі берген.
Алғашқы есепке қою кезіндегі нөмірі
мен мерзімі №2848-Ж, 25.04.2002 ж.

Журнал мемлекеттік басқару, халықаралық
қатынастар және экономика салалары
бойынша диссертациялардың негізгі
нәтижелерін жариялау үшін ұсынылатын
ғылыми басылымдар тізіміне енгізілген
(ҚР БҒМ Білім және ғылым саласындағы
сапаны қамтамасыз ету комитеті Төрағасының
2022 жылғы 28 қаңтардағы №22 бұйрығы
және 2024 жылғы 5 ақпандағы №177 бұйрығы).

Мекенжайы: Қазақстан Республикасы
010000, Астана қ., Абай даңғылы, 33 А
Тел.: 8 (7172) 75-34-97, 75-10-41
e-mail: journal@apa.kz

Мақаланы қайта басу, микрофильм жасау
және басқа да көшіру кезінде міндетті түрде
журналға сілтеме жасалуы тиіс.
Редакция алқасының пікірі авторлардың
көзқарасымен сәйкес келмеуі мүмкін.

Мерзімділігі: жылына 4 рет
Тираж: 50 дана

Пішімі 297x210

JOURNAL
«PUBLIC ADMINISTRATION
AND CIVIL SERVICE»
№1(92) 2025
230 p.

Owned and published by
RSE «Academy of Public
Administration under
the President of Kazakhstan»

Editor-in chief: A. Massalimova
Executive editor: Sh.T. Shayakhmetova

Members of editorial board:
M.A. Garcia-Murillo (USA)
D. Kosherbayev
H. Yeung (UK)
R. Dulambayeva
S.E. Condrey (USA)
K. Sheryazdanova
A. Margolin (Russia)
G. Junusbekova
A. Yessengeldina
A. Yessirkepova
M. Kadyrova
L. Kussainova
A. Kuralbayev
A. Sharipov

Executive Secretary
M. Muratova

Corrector
Zh. Uskenbayeva

Technical secretary
D. Bolatbek

Designer
F. Yerassova

Registration number: №КЗ21ВРҮ00034765.
Date of issue: April 22, 2021.
Issuing authority: Ministry of Information
and Public Development
of the Republic of Kazakhstan.
Date and number of the first-time registration:
№2848-Ж / April 25, 2002

Journal is included in the List of scientific
publications recommended for publication
of the main results of dissertations
in the public administration, international
relationships and economics
(Order of the Committee for Control
in the Sphere of Education and Science
of the Ministry of Education and Science
of the Republic of Kazakhstan
No.22 dated January 28, 2022
and No.177 dated February 5, 2024).

Address: 33 A, Abay ave., Astana
Republic of Kazakhstan, 010000
Тел.: 8 (7172) 75-34-97, 75-10-41
e-mail: journal@apa.kz

References to the journal are mandatory in cases
of reprinting, microfilming and other forms of
copying the journal articles. The opinion of the
Editorial Board of the journal may not coincide
with the point of view of the authors of the
articles.

Published 4 times per year
Circulation: 50 copies

Lay-out 297x210

ЖУРНАЛ
«ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ
И ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА»
№1(92) 2025
230 с.

Собственник и издатель:
РГКП «Академия государственного
управления при Президенте
Республики Казахстан»

Научный редактор: Масалимова А.Р.
Заместитель научного редактора: Шаяхметова Ш.Т.

Члены редакционной коллегии:
М. Гарсия-Мурило (США)
Д.Б. Кошербаев
Х. Янг (Великобритания)
Р.Т. Дуламбаева
С. Кондри (США)
К.Ф. Шерьязданова
А.М. Марголин (Россия)
Г.А. Джунусбекова
А.С. Есенгельдина
А.М. Есиркепова
М.Б. Қадырова
Л.И. Кусаинова
А.А. Құралбаев
А.Қ. Шарипов

Ответственный секретарь
М.М. Муратова

Корректор
Ж. Ускенбаева

Технический секретарь
Д. Болатбек

Дизайнер
Ф.К. Ертасова

Свидетельство о постановке
на учет №КЗ21ВРҮ00034765 от 25.04.2021 г.
выдано Министерством информации
и общественного развития Республики Казахстан.
Дана и номер первичной постановки
на учет №2848-Ж от 25.04.2002 г.

Журнал включен в Перечень научных
изданий, рекомендуемых для публикаций
основных результатов диссертаций
в области государственного управления,
международных отношений и экономики
(Приказ Председателя Комитета по контролю
в сфере образования и науки МОН РК
№22 от 28 января 2022 года
и №177 от 5 февраля 2024 года).

Адрес: Республика Казахстан
010000, г.Астана, пр. Абая, 33 А
Тел.: 8 (7172) 75-34-97, 75-10-41
e-mail: journal@apa.kz

При любых формах копирования статей
ссылка на журнал обязательна.
Мнение редакционной коллегии
журнала может не совпадать
с точкой зрения авторов статей.

Периодичность: 4 раза в год
Тираж: 50 экземпляров

Формат 297x210

МАЗМҰНЫ/ CONTENT/СОДЕРЖАНИЕ

МЕМЛЕКЕТТІК БАСҚАРУ ЖӘНЕ МЕМЛЕКЕТТІК ҚЫЗМЕТ/ PUBLIC ADMINISTRATION AND CIVIL SERVICE/ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

Zhugunissova Zhanargul, Tokmurzina Dana, Pankou Dzmitry «Tax incentives in the public administration system - Analysis of National tax legislation».....	2
Сыздықова Гүлфариза, Ыдырыс Серікбай, Bayram Coşkun «Қазақстандағы су ресурстарын экожүйелік тәсіл арқылы мемлекеттік басқаруды дамыту».....	15
Тлебалдина Нурлыгуль, Мукушева Азия, Saulius Nefas «Отдельные вопросы декомпозиции целевых индикаторов в документах системы государственного планирования Республики Казахстан».....	29
Рахимзаде Инара «Медиация как инструмент эффективного государственного управления: международный опыт».....	42
Салтанат Джаненова «Поведенческая госполитика: международный опыт и новые возможности для Казахстана».....	57
Нұрлан Күнтуов, Tadas Sudnickas «Опыт и перспективы реализации проектного управления в публичном менеджменте в Казахстане».....	68

ЭКОНОМИКА/ ECONOMY/ ЭКОНОМИКА

Нұрмағанбетов Арман, Тураева Сурия, Шапошникова Надежда «Вопросы частного инвестирования в развитие водной инфраструктуры Центрально-Азиатского региона (на примере Республики Казахстан)».....	82
Жанакова Назигуль, Кабиева Асем, Маукенова Алтынай, Бодаухан Гульбагда, Карипова Айнур «Характерные особенности экономического роста Казахстана».....	96
Мухамадиева Айжан, Кыдырбаева Эльмира, Байкенов Жасулан, Hans-Christian Brauweiler «Гендерное равенство в домашнем труде как фактор устойчивого развития общества в Казахстане».....	108
Гаипов Зулфухар, Үкібаева Гүлім, Солтанғазинев Айбек, Досмағамбетова Айнұр «Көрсетілетін қызметтер сапасын жақсарту негізінде кадр жүйесін жетілдіру».....	122
Абуов Мурат, Kirilmaz Harun «Совершенствование инструментов эффективного исполнения государственного бюджета в части социальных выплат».....	134
Zhubanazarov Sultan, Ulakov Sairan, Yordanova Desislava «Digital Transformation of the City management process».....	146

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР/ INTERNATIONAL RELATIONS/ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Kussainova Aliya, Houman Sadri, Yesbolatova Dilnaz «Positioning Kazakhstan as an emerging middle power in Central Asia».....	157
Fernandez-Grela Manuel, Maltabarov Arsen, Apsattarova Gulzada «Digital diplomacy: how the EU utilizes facebook in Central Asia».....	169
Kuspayev Ural, Kabaziev Manarbek, Bhuiyan Imran «Obstacles to establishing a water-energy consortium in Central Asia».....	183
Artur Utebayev, Khaizabekov Kazbek, Kappassova Diana «Voting by Brazil, Israel and Thailand in United Nations General Assembly resolutions on the war in Ukraine: a comparative analysis».....	196
Dosbolov Abzal, Firat Purtas «The global aspect of Kazakhstan's cultural policies».....	210
Шонай Аскар, Курмангали Аймен, Моргунова Оксана «Международно-правовые аспекты борьбы с изменением климата и стратегии их разрешения».....	220

МЕМЛЕКЕТТІК БАСҚАРУ ЖӘНЕ МЕМЛЕКЕТТІК ҚЫЗМЕТ

PUBLIC ADMINISTRATION AND CIVIL SERVICE

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

TAX INCENTIVES IN THE PUBLIC ADMINISTRATION SYSTEM - ANALYSIS OF NATIONAL TAX LEGISLATION

Zhanargul*
ZHUGUNISSOVA

DPA candidate at the Institute of Management of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Astana, Republic of Kazakhstan, z.zhugunissova@apa.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1060-5615>

Dana
TOKMURZINA

Candidate of Legal Sciences, Managing Partner of Fortune Partners LLP ", Astana, Republic of Kazakhstan, D.Tokmurzina@fortunepartners.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-3631-6190>

Dzmitry
PANKOU

Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Accounting, Analysis and Audit in the Branches of the Belarusian State Economic University, dapankov@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2898-7225>

Manuscript received: 04/11/2024

Revised: 20/12/2024

Accepted: 27/01/2025

DOI:10.52123/1994-2370-2025-1361

UDC 336.221.4

CICSTI 06.73.15, 10.21.41

Abstract. Tax incentives, being a widely used tool in public administration, are widely used and clearly regulated in accordance with the principles of good public administration. At the same time, they can meet the most diverse directions in solving certain problems in society. This article is aimed at differentiating and systematizing tax benefits in Kazakhstan. During the research, the method of doctrinal analysis was used, which allows to study the tax legislation of Kazakhstan. The work is an analysis of the tax legislation of the Republic of Kazakhstan. The authors have given criteria for determining tax benefits, conducted a doctrinal analysis that allowed determining the tax benefits in force in Kazakhstan. The classification of tax benefits and the assessment of compliance of tax benefits with the principles of taxation established by tax legislation have also been carried out.

Key words: taxes, benefits, government support, incentives, tax policy, tax code

Аңдатпа. Салықтық жеңілдіктер-бұл әлеуметтік-экономикалық процестерді реттеу үшін белсенді қолданылатын мемлекеттік басқарудың кең таралған құралы. Оларды қолдану тиісті басқару қағидаттарына сәйкес қатаң реттеледі, бұл қойылған мақсаттарға қол жеткізуде тиімділік пен ашықтықты қамтамасыз етеді. Бұл жеңілдіктер әртүрлі қоғамдық қажеттіліктерді қанағаттандыруға және әлеуметтік-экономикалық мәселелерді жеңуге бағытталған көптеген міндеттерді шеше алады. Бұл бап Қазақстандағы салық жеңілдіктерін саралауға және жүйелеуге бағытталған. Зерттеу жүргізу кезінде Қазақстанның салық заңнамасын зерттеуге мүмкіндік беретін доктриналық талдау әдісі қолданылды. Жұмыс Қазақстан Республикасының салық заңнамасын талдау болып табылады. Авторлар салықтық жеңілдіктерді айқындау өлшемдерін берді, Қазақстанда қолданылып жүрген салықтық жеңілдіктерді айқындауға мүмкіндік беретін доктриналық талдау жүргізді. Сондай-ақ салық жеңілдіктерін жіктеу және салық жеңілдіктерінің салық заңнамасында бекітілген салық салу қағидаттарына сәйкестігін бағалау жүргізілді.

Түйінді сөздер: салықтар, жеңілдіктер, мемлекеттік қолдау, ынталандыру, салық саясаты, салық кодексі

*Corresponding author: Zhanargul Zhugunissova, z.zhugunissova@apa.kz

Аннотация. Налоговые льготы представляют собой распространённый инструмент государственного управления, который активно используется для регулирования социально-экономических процессов. Их применение строго регламентируется в соответствии с принципами надлежащего управления, что обеспечивает эффективность и прозрачность в достижении поставленных целей. Эти льготы способны решать широкий спектр задач, направленных на удовлетворение различных общественных нужд и преодоление социально-экономических проблем. Данная статья нацелена на дифференциацию и систематизацию налоговых льгот в Казахстане. При проведении исследования применен метод доктринального анализа, позволяющий исследовать налоговое законодательство Казахстана. Работа представляет собой анализ налогового законодательства Республики Казахстан. Авторами даны критерии определения налоговых льгот, проведен доктринальный анализ, позволивший определить налоговые льготы, действующие в Казахстане. Также произведена классификация налоговых льгот и оценка соответствия налоговых льгот принципам налогообложения закрепленным налоговым законодательством.

Ключевые слова: налоги, льготы, государственная поддержка, стимулирование, налоговая политика, налоговый кодекс

Introduction

In the context of increasing globalization and the significant impact of external factors on country development, measures of public administration and state support come to the fore [1]. Tax instruments of public administration, including tax incentives, are used quite widely and can be effective. Most modern states aim to create more attractive tax conditions to stimulate investment activity, attract investment in scientific research, produce innovative products, reform and sustainable development of the economy [1]. Tax incentives, as a tool for stimulating economic development and a tool for overcoming the crisis, are used both in developed countries and in countries classified as fast growing [2,3]. Thanks to the use of tax incentive measures, several countries have seriously intensified economic growth, especially in the development of innovative technologies [4].

At the same time, assessing the effectiveness of tax incentives remains a rather serious problem. A good tax policy must meet a number of principles that can ensure a balanced and fair tax system [5]. Such a policy should take into account various aspects of social, economic and political development of society [6]. Tax incentives can be tools to ensure the implementation of the principles of proper tax regulation (policy). Of particular note is the importance of tax incentives in ensuring the principle of fairness, reducing income gaps between various unevenly developing industries [7]. Tax incentives for small businesses and individual entrepreneurs can be vital in promoting fair access to public goods and reducing income inequality. However, research on this topic presents conflicting views, resulting in different evaluations of the effectiveness of tax regulations. [8]. Experts unanimously agree that the use of specific instruments is

significantly influenced by national characteristics and the way companies generate income. Additionally, there is always a risk of abusing benefits, which can render them ineffective. On the other hand, excessive withdrawals may encourage the growth of the shadow economy [9].

Taxes serve as the primary source of income for governments, enabling them to provide essential services such as healthcare, education, social protection, and infrastructure. While tax policy needs to be adaptable, it should not be excessively dynamic unless it fails to address changing economic conditions and social needs. Taxes can generate revenue, but they also play specific roles in regulating economic activity, incentivizing investment, redistributing income, and promoting environmental sustainability.

In the context of globalization and the digitalization of tax policy, tax instruments have become crucial tools in combating tax evasion and avoidance, while also ensuring a fair distribution of the tax burden among different population groups and businesses. Additionally, tax policy can contribute to the achievement of sustainable development goals by incorporating social and environmental considerations into economic growth. Thus, tax instruments play a vital role in public administration by delivering public goods and facilitating sustainable development.

This study aims to define and classify tax incentives within the national laws of the Republic of Kazakhstan.

The subject of tax benefits is extensively discussed in the literature. Many sources highlight that tax benefits are typically utilized during economic downturns, crises, and periods of recession. The challenge of stimulating investment activity and innovation through tax benefits is contentious, particularly in light of the increasing budget deficit.

Nevertheless, in many instances, tax incentives prove to be an effective means of encouraging environmentally friendly consumption and mitigating negative environmental impacts. [10]. Tax benefits in the form of income tax credits for low-income groups seem to be an effective way for the government to provide support, yielding positive results [11].

Research emphasizes the importance of maintaining a balance when utilizing tax incentives, as excessive reliance on these incentives can lead to abuse and be misused as a means to reduce tax obligations. Moreover, distinguishing between a normal tax regime with generally lower rates and tax benefits intended for specific policy goals remains an unresolved issue in national legislation.

Assessing the effectiveness of incentive-based tax policies is quite challenging due to the numerous related factors involved. It is important to note that there are few works dedicated to justifying the need to differentiate between tax benefits and a standard tax regime, as well as to establish criteria for such differentiation. This gap is particularly evident in developing countries with lower basic tax burdens. In Kazakhstan, for instance, the analysis of tax benefits and the criteria for distinguishing these benefits in order to evaluate their effectiveness is largely underexplored.

The concept of tax benefits is widely discussed in academic and practical literature; however, it varies significantly between jurisdictions and among different authors. This divergent approach and ambiguous interpretation stem from the fact that tax benefits can differ greatly across various tax systems and theoretical frameworks. The definition of tax benefits warrants careful consideration, as it is often broadly interpreted in literature. Researchers frequently define tax benefits according to the specific characteristics of individual tax systems. Additionally, difficulties arise in separating genuine tax benefits from various exemptions and deductions that form part of the overall taxation mechanism. [12]. A large proportion of works devoted to tax incentives note that tax incentives are, first of all, special favorable conditions established to attract investment [13]

Howell H. Zee, Janet G. Stotsky, and Eduardo L. describe a special tax provision that is granted to qualified investment projects

(as defined by the relevant criteria). This provision represents a legally favorable exception to the general tax rules that apply to investment projects. Some researchers emphasize that tax incentives can be viewed as tax regimes that support export activities. [14]. Tax benefits, also known as special rates, are implemented by companies as part of specific regimes. In today's global landscape, tax incentives are utilized in nearly every country, each with its unique characteristics. The forces of globalization and intense competition for attracting investment have led many nations to use tax policies as a means to enhance their competitiveness.

However, developed countries, major economic unions, and international organizations are actively working to limit the use of tax incentives aimed at making jurisdictions more attractive for investment. The Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) has established guidelines intended to create a fair balance among different jurisdictions in the competition for capital. Consequently, several nations are restructuring their tax incentive systems to ensure compliance with the OECD's Global Anti-Base Erosion (GloBE) rules and the Pillar Two framework.

Moreover, developed countries with stable economies that significantly export capital often use tax incentives to promote "green" initiatives and foster innovation. [15], while providing limited benefits in corporate tax and individual income taxation for regular taxpayers, considering these taxes as the main sources of replenishment of government revenues. Countries that do not export capital but actively compete to attract foreign investment often seek to offset inadequate infrastructure, legal frameworks, and heightened risks by offering extensive benefits to foreign investors.

In developed countries, tax incentives are primarily a component of social or environmental policies. Conversely, in developing and underdeveloped countries, tax incentives frequently serve as the main tool for attracting capital and stimulating economic activity. In nations with unstable economies, tax incentives may function as a mechanism to address weak legal, economic, and social infrastructures, as well as to mitigate increased risks and political instability.

In this study, we analyzed the tax laws of countries with varying economic levels. Specifically, we selected five states with the

highest GDP per capita, classified as developed by the UN, five developing countries (including those from the CIS), and

five least developed countries with incomes of less than \$10 GDP per capita.

Table 1 presents a summary of our analysis, highlighting the main trends in tax policy across countries with developed, developing, and underdeveloped economies.

**Table 1. Application of tax incentives in the global economy
(taking into account the level of development of the country)**

Level of development of states	Taxes for which benefits are provided	Content of benefits
Developed countries (for example, USA, China, Japan, Germany, UK) [26,27,28,29,30]	Corporate tax	Deductions for children, educational loans, military personnel, microbusinesses, Exemption for R&D costs, for start-ups, for employers
	Property tax	Mainly social benefits
	Customs duties	For electric cars
Developing countries (Belarus, Russia, Armenia, Azerbaijan, Uzbekistan) [31, 32,33,34,35]	Income tax	Socially vulnerable groups, for foreign employers in high-tech industries, for expenses on medicine and education
	Corporate tax	For foreign investors, for certain industries, for certain regions, benefits for agricultural producers, tax holidays for certain areas of activity
	VAT	For import of equipment, for certain goods, for export
	Customs duties	For the import of equipment for high-tech production, certain raw materials
	Property tax	Socially vulnerable segments of the population, agricultural producers, SEZ small businesses
Underdeveloped countries (Angola, Niger, Afghanistan, Bangladesh, Somalia) [36,37,38,39,40]	Income tax	Property tax Exemption for ultra-low incomes, standard deductions, for socially vulnerable groups of the population
	Corporate tax	For investors, for special zones, for agriculture, a wide range of benefits for foreign investors
	VAT	For foreign investors, for certain regions
	Customs duties	For import of raw materials, machinery equipment
	Property tax	Agriculture, certain sectors

Note: The table was compiled by the authors based on source [16]

According to Table 1, it is evident that developed countries primarily focus on social benefits and incentives aimed at enhancing technological efficiency. In contrast, developing and underdeveloped countries pay special attention to benefits designed to stimulate specific sectors of the economy and attract investments.

Tax policy, used as a stimulation method, is prevalent in both highly industrialized nations and underdeveloped countries, but its application is tailored to align with each country's policy priorities.

In general, tax benefits represent favorable conditions within the taxation mechanism that provide users with advantages not available under the standard tax regime. Different jurisdictions may have preferential tax regimes that are accessible to all taxpayers, often characterized by lower rates than the global average—these are typically referred to as offshore regimes or those similar to them. In other instances, countries may provide specific tax incentives that diverge from the general regime, aimed at reducing the tax burden in particular situations.

It is crucial to not only define these benefits but also to classify and differentiate them accurately. Our research contributes to the current understanding of how to distinguish between standard tax treatment and tax incentives based on various criteria, particularly in Kazakhstan, a Central Asian country recognized as a major source of raw materials in the global extractive sectors.

Methodology

To conduct the research, the method of doctrinal analysis of normative legal acts is used. The use of doctrinal analysis is justified by the need to obtain specific doctrinal grounds for the category of tax benefits [17]. Doctrinal analysis allows one to effectively contribute to the development of decisions in the field of law because it provides systematic justification [18]. Doctrinal research provides certain conclusions based on rational observations and analysis of legal information. The Tax Code of the Republic of Kazakhstan dated December 25, 2017 was used as a data source [16]. To carry out the analysis, all norms in the Tax Code that could lead to budget losses and (or) provide certain advantages for certain categories of taxpayers were selected. Based on reasonable criteria,

these norms were grouped to separate tax benefits and provisions that are the basic tax regime (not a benefit), norms that can be classified as tax benefits, as well as those that are not benefits but represent tax calculation methods that have an impact for budget revenues. In addition, all norms defined as benefits are classified according to several criteria.

Results

An analysis of the tax legislation of the Republic of Kazakhstan, in force as of January 1, 2024, showed that there is a need to differentiate the tax legislation for benefits and non-benefits. This task is difficult because today the concept of “Tax benefit” is not enshrined in regulatory legal acts, and therefore there are no criteria that allow us to identify the presence or absence of a benefit [19]. In determining tax benefits, government bodies, researchers, auditors, and other interested parties primarily rely on their judgment about what constitutes a benefit. Throughout the history of sovereign Kazakhstan, public administration has utilized various measures that enable individual taxpayers to utilize alternative taxation mechanisms when developing and implementing fiscal policy. However, the lack of clear differentiation between types of tax benefits and the criteria for defining them often complicates the assessment of the adequacy of tax policy and the impact of specific tax instruments.

A tax benefit refers to a tax concession that the tax system grants to a specific entity or activity, allowing for a reduced tax rate or amount. This concession can be seen as a favor or privilege. The key difference between tax benefits and the mechanisms for determining the tax base is that tax benefits are specified under special terms that enable certain entities to lower their tax liabilities. In contrast, the tax base is determined by general rules and principles that establish what income or property is taxable and how it will be assessed.

Tax incentives are generally characterized by their targeted nature, clear conditions for eligibility, limited duration, and defined methods and procedures for their allocation. These benefits may focus on encouraging specific sectors of the economy, promoting innovation, supporting small and medium-sized enterprises, or providing social

protection for certain groups within the population.

Overall, these tax system benefits play a vital role in regulating economic activity and addressing social issues. They aim to balance the tax burden and promote desired behaviors within society. [20]

The diagram below shows the separation obtained as a result of the analysis (fig.1)

To carry out the analysis, criteria were previously determined that made it possible to separate the norms of tax legislation that are benefits and those that provide certain discounts and reduce the tax base and can be applied by all taxpayers.

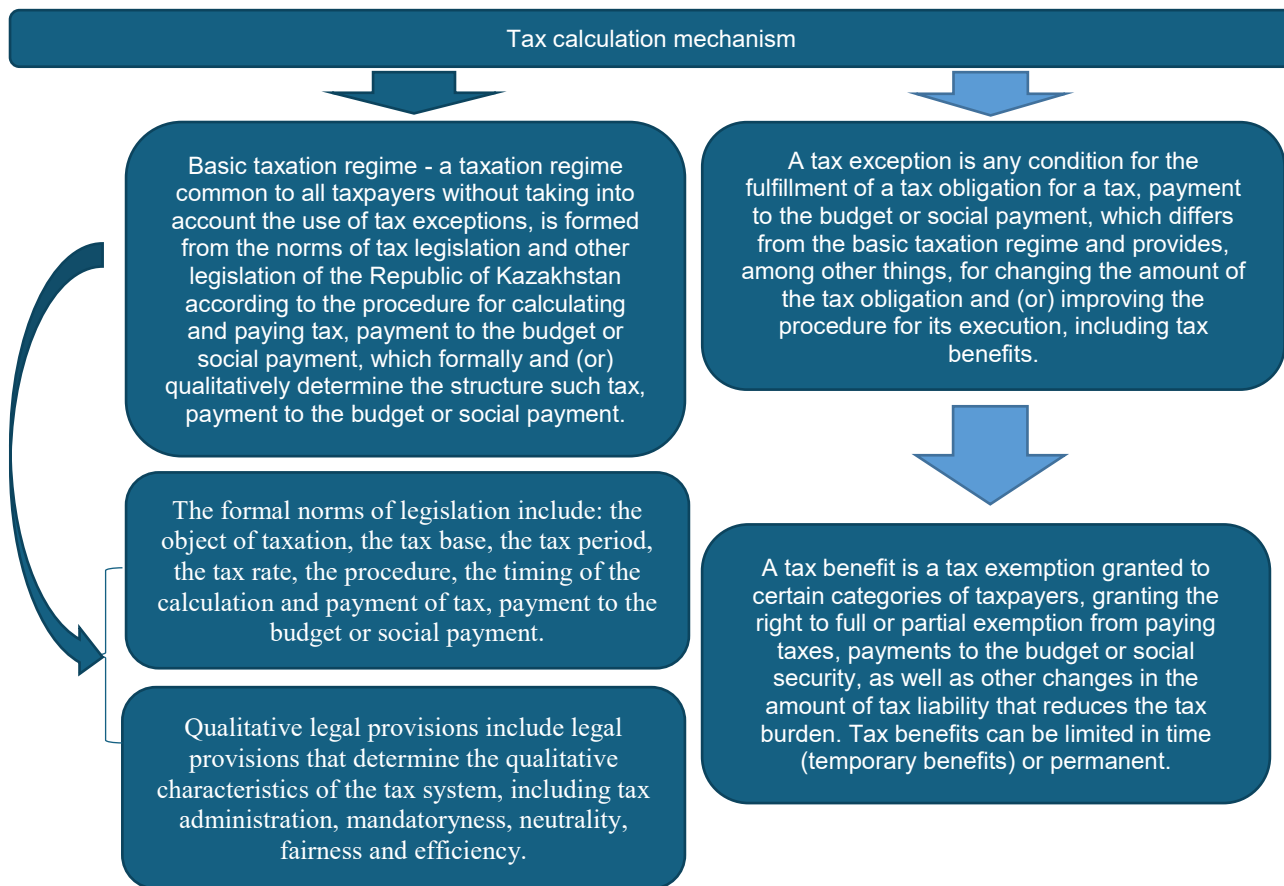

Figure 1. Tax calculation mechanism

Note: compiled by the authors

Following the established tax calculation mechanism, an analysis was conducted on the provisions of tax legislation that result in budget losses. This analysis identified a total of 737 instances, which are categorized into a standard regime and tax exceptions. Additionally, specific tax benefits are highlighted within the tax exceptions. The findings from this analysis of tax legislation are presented in Table 2.

The analysis highlighted several benefits that have not been utilized at all. This underutilization can be attributed to the introduction of these benefits in the tax legislation specifically for certain groups of taxpayers or for particular social and economic circumstances. For example, an exemption

from value-added tax (VAT) on the import of raw materials was granted in the framework of a single investment contract in 2022, which covers the period from 2019 to 2023. However, this type of benefit is not expected to be utilized in the future.

Additionally, the benefits designated for the state Islamic special finance company have never been applied, as this company was never established in the Republic of Kazakhstan. Another example of a one-time benefit is the exemption from taxation on income generated from the cancellation of obligations under a loan (including microcredit) issued by a bank or microfinance organization, specifically in the form of forgiveness of principal debt. This benefit has

been utilized only once by a single taxpayer throughout its existence. [21, 22]

Table 2. Summary results of the analysis of the tax code of the Republic of Kazakhstan

Distinction between tax code norms	Quantity, units	Specific gravity,%
In total, the norms of the Tax Code that entail budget losses when applied are analyzed	737	100
Basic mode	218	29,58
Exceptions	519	70,42
Tax benefits	485	65,8

Note: The table was compiled by the authors based on [35]

It is important to highlight that benefits introduced into tax legislation targeting specific groups significantly violate the principle of fairness in taxation, which prohibits the granting of individual benefits.

In our view, other benefits that should be reduced include those lacking incentive characteristics, which lead to direct losses for the state while negatively affecting the socio-economic situation in the country. One such benefit is the deductibility of provisions created by second-tier banks to ensure the stability of their loan portfolios. The rules governing these provisions are outlined in methodologies that each bank develops independently, in coordination with the regulatory authority overseeing banking operations. However, while the deductible amount of expenses related to provisions is established for banks, there is no legal requirement for these methodologies to be coordinated with the authority responsible for tax policy formulation or with the body that implements it. This lack of mandated coordination is practically non-existent.

Overall, the challenges associated with the mechanism for deducting provisions in Kazakhstan extend beyond increased budgetary losses and complicated administrative processes; they also inadvertently encourage reckless lending practices by financial institutions, which worsens the problem of public indebtedness. Therefore, these incentives should undergo a thorough analysis in collaboration with relevant stakeholders.

Additionally, our legislative analysis has revealed certain incentives aimed at promoting industrial development. However, these incentives come with extended validity periods, and no assessment has been conducted by the responsible authorities to

determine whether their continuation is justified. For instance, tax exemption privileges granted to private medical organizations deserve scrutiny. Currently, the cost of medical services is notably high and continues to rise. According to the Office for National Statistics, the number of private legal entities in the health and social services sector increased by 3.6 times from 2013 to 2023. During the same period, the gross value added by these entities rose by 7.09 times. Similar examples can be found across various other industries [24].

The analysis also revealed benefits that violate existing conventions. These benefits include several provisions within the Tax Code that exempt non-residents from taxation on income at the source. In our opinion, these provisions allow for the complete exemption of non-resident income from taxation, even though such income is subject to taxation in Kazakhstan under the Tax Conventions.

At the same time, one cannot deny the positive effects of the applied privileges. The existing preferential taxation system for entities in the agro-industrial complex contributes to the development of agriculture and addresses current challenges in the industry, including inadequate technical equipment, difficulties in accessing financing, a low level of cooperation, and other related issues.

According to data from the Bureau of National Statistics of the Agency for strategic planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan for 2018-2022, the volume of average annual receipts from taxes and other mandatory payments to the budget for the agricultural sector amounted to 62 billion The tenge accounts for only 0.7% of the total average annual revenue across all sectors of the

economy. This suggests that the agricultural sector plays a relatively minor role in contributing to the revenue of the state budget and extra-budgetary funds. For the past five years reflect an annual increase in accruals for taxes and other mandatory payments to the budget. Specifically, in 2018, these payments totaled 55.1 billion tenge, rising to 98.3 billion tenge in 2022, which corresponds to a growth of 78.4%. Moreover, there has been an increase in accrued corporate income tax: in 2018, it was 5.9 billion tenge; in 2019, 4.1 billion tenge; in 2020, 5.7 billion tenge; in 2021, 6.7 billion tenge; and in 2022, 9.7 billion tenge. Thus, the growth over the past five years amounted to 64.4% [25].

The increase in support for the industry can primarily be attributed to state initiatives aimed at renewing fixed assets, constructing new facilities, modernizing existing ones, and creating new job opportunities while preserving current jobs.

Consequently, tax incentives—vital tools for state management that can impact the socio-economic system—should be introduced only after careful analysis.

For tax benefits to be applied effectively, it is essential to systematize and categorize these benefits. This approach will simplify the process of assessing the outcomes of tax incentives. Drawing from global experience, we have proposed a classification, which is illustrated in Figure. 2.

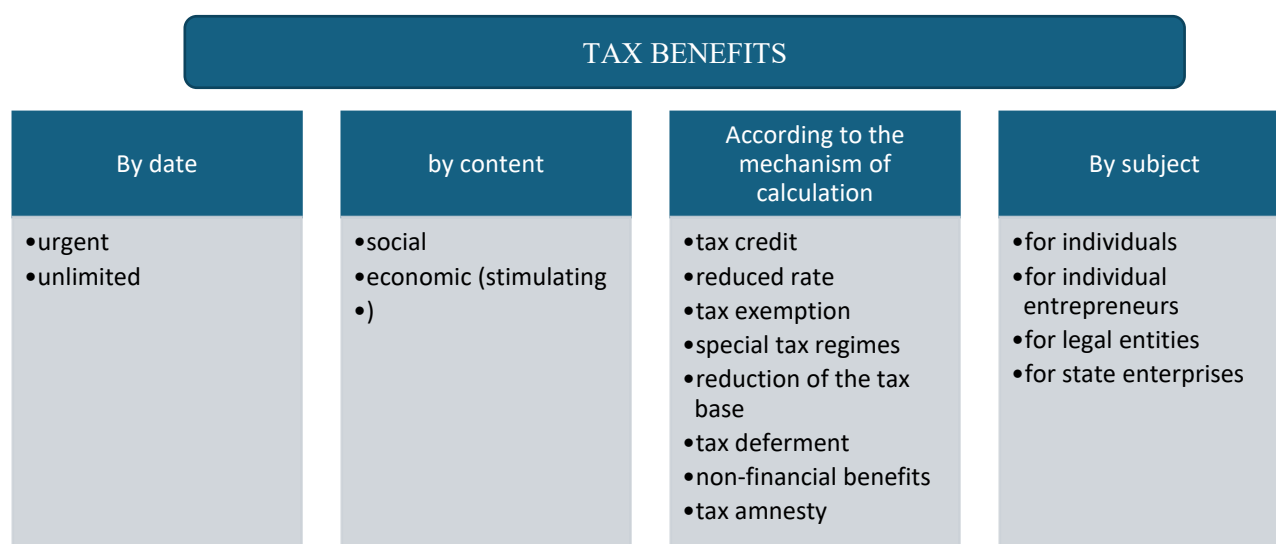

Figure 2. Classification of tax benefits (Note: compiled by the authors)

The classification of tax incentives is important for understanding their purposes and assessing their effectiveness. This issue is still controversial and various authors propose different approaches to such classification [26].

The division of benefits into fixed-term and indefinite is justified by the fact that benefits used to achieve long-term goals, having a socially oriented nature, can be provided indefinitely and act constantly as a built-in mechanism of public administration. Perpetual benefits are usually aimed at solving long-term problems, such as supporting education, health care, and other social programs [27].

Incentive benefits should be limited in duration and regularly assessed for their effectiveness. These incentives are introduced to achieve short-term goals, such as

stimulating the economy during a crisis or supporting specific sectors during their initial development. It is important to evaluate the impact of these benefits when they are valid for a limited period. This evaluation can involve analyzing changes that occur before and after the benefits expire.

Social benefits aim to improve the well-being of specific groups within the population, such as low-income individuals, the elderly, and people with disabilities. These benefits help reduce economic inequality by ensuring access to essential goods and services for those who need them the most. Consequently, social benefits are crucial instruments for providing support to the population. Measuring their impact can be challenging, and any assessment of their effectiveness should be

conducted alongside a broader evaluation of the state's social policies.

On the other hand, incentives are designed to encourage investment, innovation, and growth in specific sectors of the economy. These benefits can stimulate job creation and support the development of small and medium-sized businesses. By reducing the tax burden on certain industries, we can attract both domestic and foreign investment. However, when implementing these incentive benefits, it is essential to consider international regulations. These regulations may require corporations receiving tax benefits in certain jurisdictions to pay additional taxes in the country from which the investment originates, potentially undermining the investment appeal of low-income countries.

By type of tax benefits:

Tax credits can be used to encourage investment in certain industries or activities, such as research and development (R&D) or green energy. Credits can be provided to support specific groups of people, such as the child tax credit or training, which promotes social justice and reduces the tax burden on low-income families.

Reduced Rate - Reduced rates can help small businesses survive and grow, creating jobs and spurring economic growth. Lowering tax rates for particular parts of the economy (such as agriculture or technology) can help stimulate the growth and development of those.

Tax exemption - Tax exemption can be applied on basic goods & services high in nature, such as the like of essential food or health care services against tax burden on the marginalized sections. This kind of incitement can likewise spur speculation in strategically significant areas like environmentally friendly power or foundation ventures.

Special Tax Regimes — The emergence of special tax regimes in some regions to promote their economic development and attract investors to them. They can seed new technologies and start-ups with tax incentives in their early years.

Tax Base Reduction — The most common way in this area is the provision of incentives for the depreciation of assets, that is, companies enjoy the possibility of depreciation over 4 years, indicating (for say physical inventories), or additional spending required to replacing or even total modernization of their production facilities. Deducting certain expenses (e.g. for research

and development) reduces the tax base, lowers the tax burden on companies, and encourages them to take on new ones. investments

Tax Deferral - Tax deferral may assist businesses in cash flow management; this is especially true during times of economic adversity or high capital investment. Capital tax deferral may promote long-term investment and strategic planning by business.

Social or Environmental Tax Benefits Non-financial tax benefits provide other reasons for action. Providing incentives for patents or developments can stimulate innovation and technological progress.

Tax Amnesty - An amnesty can help bring part of the economy out of the shadows, which in the long term helps strengthen the tax base and improve tax administration.

Benefits are divided by subject depending on who is the recipient. Individuals (Tax incentives enjoyed by individuals are usually targeted at low- and middle-income sectors of the population to decrease social inequality and improve living standards. Individual Entrepreneurs Benefits Benefits to Small Business Development, Job Creation and Economic Growth This is essential for a healthy economy and low unemployment rate.

Legal Persons: Corporate tax breaks can help spur investment in targeted industries like technology and green energy and can also support innovation through R&D tax incentives.

Benefits for companies help maintain their competitiveness on the international stage, attracting foreign investors and stimulating the expansion of local companies into foreign markets.

State-Owned Enterprises Tax incentives for state-owned enterprises are often aimed at supporting strategic industries such as infrastructure, energy, and transportation, which contribute to national security and sustainable development. This allows you to more effectively manage your resources and perform key functions in the economy, such as ensuring stable supplies and regulating markets.

Based on the above, it should be noted the need for regular assessment of tax benefits, which in Kazakhstan is not enshrined at the legislative level. Assessing the effectiveness of tax incentives is necessary to understand how appropriate and effective their application is. Tax benefits can be provided to stimulate economic growth, support certain

industries, improve the social status of certain groups of the population and solve other important problems. However, without regularly assessing their effectiveness, it is difficult to determine whether their goals are being achieved and whether unforeseen negative consequences are arising. The assessment allows us to determine which benefits benefit the economy and society and which do not, which helps to allocate budget funds effectively. Regular assessment makes the process of granting tax benefits more transparent, which promotes trust on the part of taxpayers. Based on the assessment, it is possible to make changes to tax policy, adjust or cancel ineffective benefits and introduce new, more effective measures. Researchers and economists often recommend assessing the effectiveness of tax incentives regularly, usually every 2-3 years. This allows you to respond promptly to changes in the economic situation and adjust tax policy. However, in some cases, such as significant economic changes or the introduction of new benefits, it may be appropriate to conduct assessments more frequently.

This assessment allows us to evaluate whether the set goals (for example, investment growth, job creation, innovation) have been achieved. In addition, economic conditions and business needs may change. Regular reviews help make timely adjustments to benefits to ensure they remain effective. It is also very serious that without regular monitoring, incentive benefits may be misused, leading to a loss of public funds. Regular assessment of incentives for efficiency are important tools to ensure their targeted and effective application in the economy. In our opinion, when assessing the effectiveness of a tax benefit, a certain sequence of actions must be followed:

1. Identification of the characteristics of a tax benefit (tax - VAT, income tax, insurance premiums, etc.; category of benefit recipients - individuals or legal entities; type of benefit - exemption, tax reduction, tax credit, etc.; conditions for provision benefits; duration of benefits).

2. Identification of the goals of introducing benefits established by law or other regulatory means. If objectives are not established, they should be determined based on the benefit language/characteristics. If such goals are established, then it is necessary to determine which group of goals they belong to. Determine whether the purpose of introducing

the benefit was established by law or other regulatory means. If there were, then determine which group of goals they belong to. If not, determine goals based on the wording of the benefit.

3. The goals of introducing benefits are proposed to be divided into the following three groups:

- a) elimination/reduction of counter financial flows, optimization of budget expenditures;
- b) support for certain groups of the population;
- c) stimulating the development of certain types of activities, projects, territories, etc. (including equalization of economic conditions).

Further assessment of effectiveness should be carried out depending on which group of goals is pursued by a given tax incentive. If the goal is to eliminate/reduce counter-financial flows and optimize budget expenditures, then the effectiveness of such benefits is determined by whether counter-financial flows are eliminated/reduced. If such a goal is achieved, then the benefit is considered effective. If the goal is material support for certain groups of the population and, first of all, the socially vulnerable, then the effectiveness of such benefits is determined by an assessment of whether the standard of living of these population groups has increased. Accordingly, in the case where the goal is to stimulate certain types of activities, the effectiveness of such a benefit is recognized as an increase in the quantitative and qualitative indicators of the development of the relevant industry.

The question of assessment is both the validity of benefits for one or another category of benefit recipients and the feasibility of the existence of the benefit itself and the socio-economic

Based on the calculated indicators, a conclusion is made about the effectiveness or ineffectiveness of the tax benefit.

Discussion and conclusions

Currently, Kazakhstan has a fairly wide range of tax breaks, which are designed to stimulate economic development.

In its most general form, a system of tax benefits usually includes a reduction in tax rates or their differentiation, full or partial tax exemption, deferred payment, tax holidays and much more.

When developing and implementing tax policy, it is essential to consider various factors that impact taxpayers. Key factors that

serve as economic justifications for tax benefits include political, socio-economic, natural-climatic, territorial, and others. These factors are often diverse and fluctuate in their level of influence depending on the industry and geographic location. Therefore, the goal of tax regulation is to mitigate such inequalities, often through tax incentives.

In Kazakhstan's current context, an important step towards improving the efficiency of tax regulation is to reduce the number of tax benefits, particularly individual ones. Tax incentives should now encourage taxpayers to make greater use of the existing economic potential.

The selection of optimal public administration methods and the implementation of effective tax regulation tools depend on the structure of the tax system and the economic justification behind it. The state must balance two priorities: on one hand, it should optimize expenses and ensure maximum efficiency and long-term benefits from budget spending; on the other hand, it must also work toward establishing a socially oriented state, which requires adequate resources. However, an excessive increase in the tax burden could push businesses into the informal economy.

Consequently, the ongoing reforms of the domestic tax system must align with the current realities of the country's development stage. A tax system should be designed to promote, rather than inhibit, the diversification

of the economy, stimulate the growth of manufacturing industries, reduce the prevalence of the shadow economy, and support sustainable economic development. The tools used should not only yield immediate results but should also be employed strategically to achieve a lasting positive impact.

After summarizing accumulated experience and research material, including a study conducted by European experts that assessed tax benefits for investors, we identified several criteria that are most relevant for evaluation. To be considered effective, a tax benefit must:

- Ensure long-term growth of tax revenues due to its stimulating effect.
- Encourage the expansion of production, leading to an increase in jobs.
- Improve the quality of working conditions.
- Increase individual income.
- Enhance the quality of goods and services.
- Promote environmental protection and increase safety.

In other words, if a tax benefit has positive outcomes, its use is generally justified. However, if several criteria are not met, the benefit should be further evaluated with the involvement of a broader range of experts to make an informed decision regarding its cancellation or continuation.

References

1. Dechezleprêtre A. et al. Do tax incentives for research increase firm innovation? An RD design for R&D // National Bureau of Economic Research. – 2016. – № w22405.
2. Villca-Pozo M., Gonzales-Bustos J. P. Tax incentives to modernize the energy efficiency of the housing in Spain // Energy Policy. – 2019. – T. 128. – S. 530-538.
3. Ordynskaya M. E. et al. Tax incentives for small and medium businesses in European union countries in the crisis period // International Journal of Economics and Financial Issues. – 2016. – T. 6. – №. 2. – S. 212-218.
4. Jun J. Tax incentives and tax base protection in developing countries. – 2017.
5. Carnahan M. Taxation challenges in developing countries // Asia & the Pacific Policy Studies. – 2015. – T. 2. – №. 1. – S. 169-182.
6. Keping Y. Governance and good governance: A new framework for political analysis // Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences. – 2018. – T. 11. – S. 1-8.
7. Fleurbaey M., Maniquet F. Optimal income taxation theory and principles of fairness // Journal of Economic Literature. – 2018. – T. 56. – №. 3. – S. 1029-1079.
8. Ojo L. O. Impact of tax administration on government revenue in developing economy: A case study of Nigeria // Advance Journal of Financial Innovation and Reporting. – 2020. – T. 4. – №. 4.
9. Badertscher B. A., Katz S. P., Rego S. O., Wilson R. J. Conforming tax avoidance and capital market pressure // The Accounting Review. – 2019. – T. 94. – №. 6. – S. 1-30.
10. Lévy P. Z., Drossinos Y., Thiel C. The effect of fiscal incentives on market penetration of electric vehicles: A pairwise comparison of total cost of ownership // Energy Policy. – 2017. – T. 105. – S. 524-533.
11. Bastian J., Michelsmore K. The long-term impact of the earned income tax credit on children's education and employment outcomes // Journal of Labor Economics. – 2018. – T. 36. – №. 4. – S. 1127-1163.

12. Easson A., Zolt E. M. Tax incentives. – World Bank Institute, 2002. – S. 1-35.
13. Munongo S., Akanbi O. A., Robinson Z. Do tax incentives matter for investment? A literature review // Business and Economic Horizons. – 2017. – Т. 13. – №. 2. – S. 152-168.
14. Obafemi T. O., Araoye F. E., Ajayi E. O. Impact of tax incentives on the growth of small and medium scale enterprises in Kwara state // International Journal of Multidisciplinary Research and Growth Evaluation. – 2021. – Т. 2. – №. 3. – S. 11-19.
15. Blandinières F., Steinbrenner D. How does the evolution of R&D tax incentives schemes impact their effectiveness? Evidence from a meta-analysis // Evidence From a Meta-Analysis (February 23, 2021). ZEW-Centre for European Economic Research Discussion Paper. – 2021. – №. 21-020.
16. Tax legislation of the USA, China, Japan, Germany, Great Britain, Belarus, Russia, Armenia, Azerbaijan, Uzbekistan, Angola, Niger, Afghanistan, Bangladesh, Somalia [Elektronnyj resurs]. URL: <https://docs.google.com/document/d/1Rw1QzZmLowG96xvybUCsErNjP6Q9H13JCrhUsqvFgtg/edit?usp=sharing> (data obrashcheniya: 14.01.2025)
17. Kodan S. V. Doktrinal'nyj analiz v yuridicheskom istochnikovedenii: ponimanie, mesto v yuridicheskikh praktikah, tekhnologicheskaya model' provedeniya // Yuridicheskaya tekhnika. – 2023. – №. 17. – S. 86-94.
18. MD P. Legal Research-Descriptive Analysis on Doctrinal Methodology // International Journal of Management, Technology and Social Sciences (IJMTS). – 2019. – Т. 4. – №. 2. – S. 95-103.
19. Bulgak D. V. Teoretiko-metodologicheskie aspekty definirovaniya i klassifikacii nalogovyh l'got // Rossijskaya yusticiya. – 2016. – №. 2. – S. 19-22.
20. Bykov S. S. Klassifikaciya nalogovyh l'got kak uslovie i etap ocenki ih effektivnosti // Izvestiya Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. – 2013. – №. 5. – S. 20-26.
21. Vyazova M. V. Ponyatie i klassifikaciya nalogovyh l'got // Aktual'nye problemy nauki i praktiki: Gatchinskije chteniya–2021. – 2021. – S. 181-183.
22. Gosudarstvennyj audit effektivnosti nalogovogo i tamozhennogo administrirovaniya [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.gov.kz/uploads/2022/6/17/1d9d3850ca67631f8d101c27d6481864_original.946192.pdf (data obrashcheniya: 17.12.2024).
23. Kolichestvo zaregistrirovannyh yuridicheskikh lic RK po otraslyam ekonomiki s chastnoj formoj sobstvennosti [Elektronnyj resurs]. URL: <https://stat.gov.kz/api/iblock/element/3944/file/ru/> (data obrashcheniya: 17.12.2024)
24. VDS po otraslyam promyshlennosti v razreze regionov [Elektronnyj resurs]. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/economy/national-accounts/dynamic-tables/> (data obrashcheniya: 17.12.2024).
25. Valovyj vypusk produkcii (uslug) sel'skogo hozyajstva po regionam [Elektronnyj resurs]. URL: <https://stat.gov.kz/api/iblock/element/8143/file/ru/> (data obrashcheniya: 17.12.2024).
26. Collins M. L., Ruane S., Sinfield A. Introduction: taxation and social policy // Social Policy and Society. – 2020. – Т. 19. – №. 3. – S. 431-436.
27. Cloyne J. et al. Short-term tax cuts, long-term stimulus. – National Bureau of Economic Research. – 2022. – № w30246.

МЕМЛЕКЕТТІК БАСҚАРУ ЖҮЙЕСІНДЕГІ САЛЫҚТЫҚ ЖЕҢІЛДІКТЕР – ҰЛТТЫҚ САЛЫҚ ЗАҢНАМАСЫН ТАЛДАУ

Жанаргүл ЖҮГІНІСОВА*, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясы Басқару институтының докторанты, Астана, Қазақстан Республикасы, z.zhugunissova@apa.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1060-5615>.

Дана ТОҚМУРЗИНА, заң ғылымдар кандидаты., «Fortune Partners» ЖШС басқарушы серіктесі, D.Tokmurzina@fortunepartners.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-3631-6190>.

Дмитрий ПАНКОВ, экономика ғылымдарының докторы, профессор, Беларусь мемлекеттік экономикалық университетінің Халық шаруашылығы салаларындағы бухгалтерлік есеп, талдау және аудит кафедрасының меңгерушісі, danpankov@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2898-7225>.

НАЛОГОВЫЕ ЛЬГОТЫ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ - АНАЛИЗ НАЦИОНАЛЬНОГО НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Жанаргүл ЖҮГУНИСОВА*, докторант Института управления Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, г.Астана, Республика Казахстан, z.zhugunissova@apa.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1060-5615>.

Дана ТОКМУРЗИНА, кандидат юридических наук., Управляющий партнер ТОО «Fortune Partners», D.Tokmurzina@fortunepartners.kz, ORCID ID: [https://orcid.org/ 0009-0009-3631-6190](https://orcid.org/0009-0009-3631-6190).

Дмитрий ПАНКОВ, доктор экономических наук, профессор, Заведующий кафедрой Бухгалтерского учета, анализа и аудита в отраслях народного хозяйства Белорусского государственного экономического университета, dapankov@mail.ru, ORCID ID: [https://orcid.org/ 0000-0003-2898-7225](https://orcid.org/0000-0003-2898-7225).

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ СУ РЕСУРСТАРЫН ЭКОЖҮЙЕЛІК ТӘСІЛ АРҚЫЛЫ МЕМЛЕКЕТТІК БАСҚАРУДЫ ДАМУЫ ПРОБЛЕМАЛАРЫ

Гүлфариза
СЫЗДЫҚОВА*

Мемлекеттік және жергілікті басқару мамандығы бойынша докторанты, Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті, Түркістан, Қазақстан, gulfariza7007@gmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0003-3344-8151>

Серікбай
ЫДЫРЫС

профессор, экономика ғылымдарының докторы, Халықаралық туризм және меймандостық университеті, Түркістан, Қазақстан, serikbay-s@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0593-1990>

Bayram
COŞKUN

профессор, Басқару ғылымдары кафедрасының меңгерушісі, экономика және әкімшілік ғылымдар факультеті, Мемлекеттік басқару бөлімі, Муғла Сымтық Кочман университеті, Муғла, Түркия, bcoskun@mu.edu.tr, ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-6803-7534>

Қолжазбаның редакцияға түскен күні: 05/08/2024

Қайта өңделген күні: 19/11/2024

Қабылданған күні: 27/01/2025

DOI: 10.52123/1994-2370-2025-1305

ӨОЖ 502-504

ГТАХТК 06.75.02

Аңдатпа. Мақалада Қазақстандағы су ресурстарын басқаруда экожүйелік тәсілді енгізудің мәселелері мен келешегі талданады. Тұрақты экономикалық, әлеуметтік және экологиялық даму үшін су ресурстарының маңыздылығы мен су ресурстарының жетіспеушілігі жағдайындағы экожүйелік тәсілді пайдалану қажеттілігі негізделген. Зерттеудің қолданылған әдістері, соның ішінде ресми есептердің, статистикалық мәліметтер мен ғылыми әдебиеттердің талдауы сипатталған. Зерттеу нәтижелері су ресурстарын басқарудың қазіргі таңда бар кілттік мәселелерін анықтайды, олардың қатарына стандартталған әдіснамалардың жоғы мен жергілікті білім мен тәжірибенің жеткілікті түрде интеграцияланбауын жатқызуға болады. Сонымен қатар, жетістікті халықаралық тәжірибені бейімдеу мен Қазақстандағы тиімді құқықтық және институционалдық механизмдерді әзірлеу бойынша ұсыныстар ұсынылды. Аймақтағы тұрақты дамуға қол жеткізуге себептесетін су экожүйелерінің жағдайын жақсарту мен су қауіпсіздігін қамтамасыз ету үшін экожүйелік тәсілді қолдану қажеттілігі жайлы тұжырым жасалды.

Түйін сөздер: экожүйелік тәсіл, су ресурстарының басқармасы, Қазақстан, тұрақты даму, су қауіпсіздігі.

Аннотация. В статье анализируются проблемы и перспективы внедрения экосистемного подхода к управлению водными ресурсами в Казахстане. Обосновывается значимость водных ресурсов для устойчивого экономического, социального и экологического развития, а также необходимость применения экосистемного подхода в условиях дефицита водных ресурсов. Описаны использованные методы исследования, включая анализ официальных отчетов, статистических данных и научной литературы. Результаты исследования выявили ключевые проблемы существующей системы управления водными ресурсами, такие как отсутствие стандартизированных методологий и недостаточная интеграция местных знаний и опыта. Представлены рекомендации по адаптации успешного международного опыта и разработке эффективных правовых и институциональных механизмов в Казахстане. Сделан вывод о необходимости применения экосистемного подхода для обеспечения водной безопасности и улучшения состояния водных экосистем, что способствует достижению устойчивого развития в регионе.

Ключевые слова: экосистемный подход, управление водными ресурсами, Казахстан, устойчивое развитие, водная безопасность

Abstract. The article analyzes the problems and prospects of introducing the ecosystem approach to water resources management in Kazakhstan. The significance of water resources for sustainable economic, social and ecological development is substantiated, as well as the necessity of applying the ecosystem approach under conditions of water resources scarcity. The research methods used, including the analysis of official reports, statistical data and scientific literature, are described. The results of the study identify key problems of the existing water resources management system, such as the lack of standardized methodologies and insufficient integration of local knowledge and experience. Recommendations for adapting successful international experience and developing effective legal and institutional mechanisms in Kazakhstan are presented. It is concluded that it is necessary to apply the ecosystem approach to ensure water security and improve the condition of aquatic ecosystems, which contributes to achieving sustainable development in the region.

Keywords: ecosystem approach, water resources management, Kazakhstan, sustainable development, water security

*Хат-хабарларға арналған автор: Г. Сыздықова, gulfariza7007@gmail.com

Кіріспе

Су қоршаған ортаның орны толмас маңызды құраушы бөлігі болып табылады, ол халықтың экономикалық, әлеуметтік, экологиялық әлеуеті мен жануарлар мен өсімдіктер әлемінің тіршілік етуін қамтамасыз етеді.

Су мәселесі Біріккен Ұлттар Ұйымының тұрақты даму саласындағы Күн тәртібінің барлық пунктерінде қарастырылады. 6 РБО Күн тәртібіндегі басқа да қалған РБО-мен 2030 жылға дейін өзара байланыстырылған. Су ресурстары саласындағы жаһандық мәселелер қатарына тұщы сумен байланысты барлық мәселелер енеді, олардың қатарына жер беті және жер асты су ресурстары, санитария, су айналымдары; сапа, мөлшер, даму, басқару, мониторинг және пайдалану тұрғысынан тұщы су ресурстары; кедейлік қауіпін төмендету мен ауа-райына байланысты су ресурстары саласындағы мәселелерді жатқызуға болады [1].

Еуразия құрлығының орталығында орналаса отырып және теңізге ашық қол жеткізе алмайтын Қазақстан су тапшылығына тап болып отыр. Қазақстандағы сегіз өзен бассейндері: Балқаш-Алакөл, Шу-Талас, Арал-Сырдария, Орал-Каспий, Тобыл-Тоғайлы, Есіл, Ертіс пен Нұра-Сарысу су ресурстарының таралуы біркелкі болмауымен сипатталады.

Осылайша, Ертіс өзенінің бассейні жер беті және жер асты суларымен салыстырмалы түрде жақсырақ қамтамасыз етілген, ал Нұра-Сарысу, Есіл мен Тобыл-Тоғайлы жер асты суларына тапшы. Есіл, Жайық-Каспий, Арал-Сырдария, Тобыл-Тоғайлы, Балқаш-Алакөл және Нұра-Сарысу бассейндерінің біршама аумағы соңғы уақытта жер асты да, жер үсті де суларының тапшылығына ұшырауда.

Әлемдік ресурстар институтының мәліметтері бойынша Қазақстан су тапшылығы бар орташа жоғары деңгейдегі мемлекеттер қатарына жатады. Қазақстанның тұщы суының жалпы қоры 429 км³ деп бағаланады. Нақты орташа көпжылдық өзен ресурстары 102,3 км³/жыл құрайды, оның ішіндегі 54,5 км³/жыл – жергілікті ағын, 51,5 км³/жыл Орталық Азиялық мемлекеттерден, Ресей Федерациясы мен Қытай Халық

Республикасынан келеді (оның ішінде 3,70 қайтарма ресурстар) [2].

Болжанып отырғандай, 2040 жылға қарай судың трансшекаралық ағыны қысқарады, ол 2040 жылға қарай су жетіспеушілігінің 23,2 км³/жыл дейін жетуіне апарады, ал ол көрші мемлекеттермен су қатынастарын ушықтырып, ұлттық қауіпсіздікке қауіп төндіруі мүмкін [3].

Қазақстандағы су ресурстарының қазіргі жағдайы бірқатар экологиялық және экономикалық мәселелермен сипатталады. Шығыс Қазақстан облысында тау-кен және металлургия салалары Ертіс өзеніне ауыр металдар мен химиялық заттарды төгіп, су сапасына кері әсерін тигізеді. Мұнай және газ өндірісімен байланысты Атырау мен Маңғыстау облыстарында мұнай қалдықтары мен химиялық реагенттер су нысандарын ластауда. Сонымен қатар, ауыл шаруашылығында қолданылатын тыңайтқыштар мен пестицидтер Түркістан, Жамбыл және Қызылорда облыстарындағы су ресурстарына теріс әсер етеді. Қалалық аудандарда тұрмыстық қалдықтардың жеткіліксіз тазартылуы Алматы мен Астана қалаларының маңындағы өзендердегі су сапасының нашарлауына әкелуде.

Суды үнемдейтін технологияларды қолдану деңгейі Қазақстанда жеткіліксіз. Түркістан және Қызылорда облыстарында тамшылатып суару әдісі енгізіліп жатқанымен, оның кеңінен қолданылуы үшін мемлекеттік субсидиялар мен қолдау қажет. Сонымен қатар, Алматы мен Шымкент қалаларында смарт-мониторинг жүйелері енгізілуде, бұл суды нақты уақытта бақылап, шығындарды оңтайландыруға мүмкіндік береді. Алайда, бұл технологиялар барлық өңірлерге қолжетімді емес.

Трансшекаралық өзендермен байланысты мәселелер Қазақстан үшін стратегиялық маңызға ие. Елдің су ресурстарының 50%-ы трансшекаралық өзендерден келеді. Ертіс және Іле өзендерінің бастау алатын елі Қытай суды өнеркәсіптік және ауыл шаруашылық мақсаттарына көптеп пайдалану арқылы Қазақстанның су ресурстарына қысым түсіруде. Іле өзенінен суды шектен тыс алу Балқаш көліне экологиялық қауіп төндіруде. Сырдария өзенінде Орталық Азияның басқа елдері су ресурстарын тиімсіз пайдалану арқылы Қазақстанның төменгі

ағыстағы өңірлерінде су тапшылығын тудырып отыр. Жайық өзені де Ресейден ағып келіп, су сапасының төмендеуі мен көлемінің азаюы салдарынан экожүйеге, соның ішінде балық шаруашылығына айтарлықтай зиян тигізуде.

Бұл болжамдар мен салдарлар су ресурстарын басқарудың тиімді стратегияларын әзірлеу мен жүзеге асырудың, көрші мемлекеттермен серіктестіктің және болашақта суды тұрақты пайдалануды қамтамасыз ету үшін белгілі бір шаралар қабылдау қажеттілігі мен маңыздығын еселей түседі. Бұл мәселелер салдарынан кейін су ресурстарын басқару үшін экожүйелік тәсілді қабылдау қажеттігі туындайды.

Су ресурстарын экожүйелік басқару тәсілі су ресурстарын түсіну мен басқару маңыздылығын басқа да кеңірек экологиялық жүйелер арасында ерекшелей түседі. Ол экожүйелердің ішкі құндылығы мен оның адамның әлеуетін қамтамасыз етудегі атқаратын рөлін мойындайды. Су, жер, биологиялық әр алуандылық пен адамның іскерлігі арасындағы өзара әрекеттесуді ескере отырып, экожүйелік тәсіл суды тұрақты пайдалануға, экожүйелердің тұрақтылығын арттыруға және ауа райының өзгеруі салдарларын жұмсартуға себептеседі.

Аталған зерттеудің мақсаты Қазақстандағы қоғамдық су ресурстарын басқаруда экожүйелік тәсілді жүзеге асыру келешегін зерттеу болып табылады. Негізінен зерттеу келесі әрекеттерге бағытталған:

- Қазақстандағы су ресурстарын басқарудың ағымдағы жағдайын бағалау және кілттік мәселелер мен мүмкіндіктерді анықтау.
- Су ресурстарын басқарудың қазіргі таңда қолданылып жатқан тәжірибесіне экожүйелік тәсілді интеграциялаудың жүзеге асуы мен тиімділігін бағалау.
- Су ресурстарын экожүйелік тәсіл негізінде басқару стратегияларын сәтті жүзеге асырған басқа мемлекеттер тәжірибесінен алынған алдыңғы қатарлы тәжірибе мен сабақтарды анықтау.
- Қазақстандағы су ресурстарын басқару саласында шешім қабылдайтын тұлғалар үшін су ресурстарының тұрақтылығын арттыру бойынша ұсыныстар әзірлеу.

Аталған зерттеудің теориялық маңыздылығы экожүйе негізінде су ресурстарын басқарудың дамып келе жатқан саласына енгізетін үлесі болып табылады. Экожүйелік тәсілдің теориялық негіздері, қағидалары мен әдіснамаларын зерттей отыра, бұл зерттеу біздің су ресурстарын мүмкіндігінше толықтай тұтас әрі тұрақты басқарудағы түсінігімізді жақсартуға бағытталған.

Тәжірибе тұрғысынан аталған зерттеудің нәтижелері Қазақстандағы су ресурстарын басқаруға қатысатын саясаткер, су шаруашылығы иелері мен басқа да тұлғалар үшін маңызды болады. Кілттік мәселелер мен мүмкіндіктерді, сондай ақ алдыңғы қатарлы тәжірибе мен сабақтарды анықтай отырып, аталған зерттеу су ресурстарын басқарудың тиімдірек стратегиялары мен саясатын әзірлеуге себептесетін болады.

Аталған зерттеу су ресурстарын басқару, экожүйелер экологиясы мен қоршаған ортаны басқару бойынша қазіргі таңда бар әдебиеттерге негізделген. Бұл саладағы ең ықпалы көп басылымдар қатарына Костанцы (2012) [4] «Мыңжылдық табалдырығындағы экожүйелерді бағалау» (2005) еңбегі мен Ауа-райының өзгеруі саласындағы Үкіметаралық сарапшылар тобының (АӨҮСТ) су ресурстарын басқару бойынша баяндамалары кіреді [5]. Су ресурстарын басқарудағы экожүйелік тәсілге деген қызығушылықтың артуына қарамастан бірқатар шешілмеген мәселелер әлі де қалуда, оның қатарына экожүйелерді басқарудың стандартталған әдіснамасының қажеттілігі, жергілікті білім жүйесін су ресурстарын басқару тәжірибесіне интеграциялау мен трансшекаралық су ресурстарын басқарудың тиімді механизмдерін әзірлеу қажеттіліктерін жатқызуға болады.

Зиябекова Л.М. [6] өз зерттеуінде Қазақстандағы су ресурстарын басқару жүйесін талдай отырып, оның қазіргі жағдайын, негізгі мәселелерін және даму мүмкіндіктерін қарастырған. Зиябекова Л.М. өзінің зерттеуі арқылы Қазақстанда су ресурстарын басқару тиімділігін арттыруға бағытталған кешенді шаралар ұсынған. Бұл ұсыныстар тұрақты даму, су қауіпсіздігін қамтамасыз ету және экожүйелерді қорғау мақсаттарына жетуге негізделген.

Медеу А.Р. зерттеуінде қоғамның дамуына байланысты су ресурстарын пайдалану басымдықтарының өзгеруін

жан-жақты талдаған. Зерттеуде дамушы елдерде негізгі басымдық өндірістік қажеттіліктерге берілсе, ал экономикалық дамыған елдерде коммуналдық-тұрмыстық сумен қамтамасыз ету және экожүйелерді қалпына келтіру бірінші орынға қойылатыны көрсетілген. Зерттеуде бассейндік басқару принципінің маңыздылығы атап өтіледі. Бұл әдіс әлемде кеңінен қолданылып, су және табиғи ресурстарды басқаруда әртүрлі көлемдегі бассейндерді қамтиды. [7].

Жалпы алғанда, аталған зерттеу осы олқылықтарды жою мен Қазақстан мен оның шекарасынан тыс жатқан су ресурстарын басқару тәжірибесін жақсарту бойынша жұмысқа үлес қосуға бағытталған.

Материалдар мен әдістер

Зерттеу әдіснамасында Қазақстандағы су ресурстарын басқару бойынша сәйкес мәліметтерді жинау үшін сандық және сапалық әдістердің кешені қолданылды. Мәліметтердің бастапқы көздері құрамына мемлекеттік органдардың ресми есептері, дамыту институттарының есептері мен ұсыныстары, статистикалық мәліметтер, сондай-ақ су ресурстары мен экожүйелерді басқару бойынша ғылыми әдебиет көздері қолданылды.

Қол жеткізілген мәліметтерге талдау зерттеу мақсатында негізделген құрылымдандырылған тәсілді пайдалана отырып жасалды. Сандық мәліметтерге талдау су ресурстарын басқару тәжірибесіндегі заңдылықтар мен тенденцияларды анықтау үшін сипаттау статистикасы мен кеңістіктік талдау әдістерін пайдалана отырып жүргізілді. Сапалық мәліметтер су ресурстарын басқарудағы экожүйелік тәсілмен байланысты кілттік тақырыптар мен идеяларды анықтау үшін тақырыптық талдау арқылы талданды.

Зерттеу барысында сараптамалық сұхбаттарға су ресурстарын басқару саласында тәжірибесі бар он сарапшы тартылды. Қатысушылардың мамандануы әртүрлі салаларды қамтыды, атап айтқанда: мемлекеттік басқару органдарының өкілдері (су ресурстары комитеті және экология министрлігі), ғылыми-зерттеу институттарының ғалымдары, университет оқытушылары, сондай-ақ үкіметтік емес ұйымдардың (ҰЕҰ) сарапшылары.

Сұхбаттар құрылымданған форматта өткізілді, яғни алдын ала дайындалған сұрақтар жиынтығы негізінде ұйымдастырылды. Бұл сұрақтар негізінен су ресурстарын басқарудағы экожүйелік тәсілдерді енгізудің өзекті мәселелері, трансшекаралық өзендерді басқару, заңнаманы жетілдіру қажеттілігі және инновациялық технологияларды қолдану тақырыптарына бағытталды.

Сұхбат нәтижесінде алынған мәліметтер сапалы талдау әдістерімен өңделіп, зерттеудің негізгі нәтижелері мен ұсыныстарын қалыптастыруға негіз болды.

Нәтижелер

Қазақстанның халықаралық және ұлттық су құқығына экожүйелік тәсілді интеграциялаудың құқықтық және институтционалдық негіздеріне шолу

Халықаралық тәжірибе

Соңғы онжылдықтарда халықаралық қоғамдастық су ресурстарын басқарудағы тәсілдерді өзгерту қажеттілігін түсініп жатыр. Экожүйелік тәсіл (ЭТ) трансшекаралық су ресурстарын тұрақты қолдану мен қорғауды қамтамасыз етуге бағытталған халықаралық су құқығындағы орталық концепцияға айналды [8].

2010 жылдардан бастап трансшекаралық суларды басқаруды негізге ала отырылған су экожүйелерін сақтау мәселелерін интеграциялау тереңдей түсті. БҰҰ-ның 1997 жылғы халықаралық су ағындарын пайдаланудың маңызды емес түрлері бойынша конвенциясы 2014 жылы күшіне еніп, трансшекаралық ағындарды қорғау және тұрақты қолдануға арналған құқықтық шектеулер орнатты [9].

Экожүйелік тәсілдің институциялық механизмдері біріккен трансшекаралық халықаралық серіктестік шеңберінде белсенді қолданылуда. Экожүйелік тәсілді жүзеге асырудың кілттік механизмдерінің бірі біріккен халықаралық комиссиялар мен жұмыс топтары болып табылады. Мысалы, Дунай өзенін қорғау бойынша Халықаралық комиссия (ICPDR) аймақтағы мемлекеттердің әрекеттерін үйлестіре отырып, Дунайдың су ресурстарын басқаруда экожүйелік тәсілді белсенді қолданады (ICPDR, 2015).

Еуропада Хельсинки трансшекаралық су ағындары мен халықаралық көлдерді қорғау және пайдалану туралы конвенция шеңберінде

су ресурстарын басқаруға экожүйелік тәсілдерді енгізу бойынша нұсқаулықтар мен ұсыныстар әзірленген.

Бұл жерде аймақтық келісімдердің мысалдарын да атай кету қажет, олардың қатарына Антарктика туралы Келісімге арналған қоршаған ортаны қорғау бойынша Хаттама, себебі экожүйелік тәсіл су ресурстарын басқару және биологиялық әр алуандылықты сақтау үшін қолданылады. Бұл келісімдер қатысушы мемлекеттердің әрекеттерін үйлестіруге және су экожүйелерін қорғау бойынша біріккен стратегияларды әзірлеуге себептеседі.

Траншекаралық су ресурстары жағдайында осы тәсілді жүзеге асыруға қатысты экожүйелік тәсілдің бес негізгі элементі мыналарды қамтиды: интеграция; экожүйелердің жұмыс істеуі шегінде сақтау мен тұрақты пайдалануға басымдық беру; әділеттілік және қоғамның қатысуы; пайданы әділ және тең бөлу; және бірлескен институттар арқылы ұжымдық басқару немесе ынтымақтастық.

Экожүйелік тәсілдің бірінші элементі-интеграция. Бұл секторлар арасындағы, басқару деңгейлері арасындағы, қазіргі ғылым мен жергілікті және жергілікті халықтардың дәстүрлі әдістері арасындағы, сондай-ақ әртүрлі құқықтық және басқару стратегиялары арасындағы интеграцияға қатысты. Бір мысал-1.1 мақсаты. Тараптарды "экожүйелік тәсілді ескере отырып, су ресурстары мен өзен бассейндерін басқарудың барлық тиісті секторларына биологиялық әртүрлілікті сақтау мен тұрақты пайдалануды біріктіруге" және "су жинауды/су жинауды/өзен бассейндерін кешенді басқару шеңберінде қорғалатын ішкі су экожүйелерінің кешенді, барабар және өкілді жүйелерін құруға және қолдауға" шақыратын қайта қаралған ішкі су жұмысының бағдарламасы"(Мақсат 1.2). Осы екі мақсат үшін де экожүйелік тәсіл жан-жақты нұсқаулық ретінде қолданылуы керек.

Экожүйелік тәсілдің екінші элементі-бұл табиғатты қорғауға басымдық береді және экожүйенің жұмысында тұрақты пайдалануды анықтайды. Бір мысал, Тараптар "ішкі су экожүйелерінің, соның ішінде ең күйзеліске ұшырағандардың тұрақтылығын сақтау немесе жақсарту үшін тиімді басқару стратегияларын әзірлеуі және экожүйенің жұмыс істеуі мен тұтастығын сақтау үшін қоршаған ортаға

судың аз бөлінуіне ықпал етуі" керек. Бұл жұмсақ құқық құралдарының басты артықшылығы-олар табиғатты қорғауға басымдық беру және экожүйелердің жұмыс істеу шегін қарастыру үшін Тараптар орындауы керек нақты тапсырмаларды қояды.

Экожүйелік тәсілдің үшінші элементі-бұл теңдікке және қоғамның қатысуына баса назар аударылатын орталықтандырылмаған процесс. Бұл элемент адамдардың, соның ішінде жергілікті қауымдастықтар мен жергілікті халықтардың экожүйедегі рөлін көрсетеді, мұнда қоғамның қатысуы материалдық және материалдық емес құндылықтарды ескеруге мүмкіндік беруі керек және бұл экожүйенің тұтастығын қамтамасыз етеді.

Траншекаралық Тұщы су экожүйелеріне қолданылатын экожүйелік тәсілдің төртінші элементі пайданы әділ және тең бөлу болып табылады. Бұл тұжырымдаманы түсіну үшін пайданы төрт элемент арқылы бөлуді қарастыру қажет. Оларға мыналар жатады:"айырбастау актісі; бөлінетін пайданың сипаты; пайда бөлу нәтижесінде пайда болатын қызмет; және бенефициарлар". Халықаралық су құқығы мен саясаты контекстінде пайданы әділ және тең бөлу пайда болды.өзен бассейндерінің, әсіресе су электр бөгеттерінің инфрақұрылымын дамытудың ауқымды жобаларына жауап ретінде траншекаралық сулардың жаңа келісімдерін әзірлеу немесе қолданыстағы келісімдерге және соған байланысты құқықтық және саяси құралдарға түзетулер енгізу процесі. Мұндай пайданы бөлу мемлекетаралық ынтымақтастықты нығайтуға, әділ пайдалануға, әділ қатысуға және экожүйелік тәсілді іске асыруға ықпал етеді деп күтілуде.

Траншекаралық Тұщы су экожүйелеріне қатысты экожүйелік тәсілдің бесінші элементі-траншекаралық экожүйені "бірлік ретінде" және "ортақ ресурс"ретінде басқару үшін бірлескен мекемелер арқылы ұжымдық басқару немесе ынтымақтастық.

Тараптарға ішкі сулардың биоалуантүрлілігі үшін қорғалатын табиғи аумақтар мен экологиялық желілерді кеңейту арқылы қорғауды күшейту, сондай-ақ Рамсар халықаралық маңызы бар сулы-батпақты жерлер тізіміне енгізу үшін өзен бассейндеріндегі сулы-батпақты жерлердің

дәйекті және кешенді желілерін анықтау ұсынылады.

Егер елдер климаттың нашарлауымен және биоәртүрліліктің жоғалуымен күрескісі келсе, жануарларға, ағаштарға және өзендерге заңды құқықтар беру өте маңызды, дейді сарапшылар.

Су объектісін сақтау бойынша арнайы заңның қабылдану мысалдарының ішінде мыналарды атап өтуге болады:

- Севан көлін қорғау туралы заң (Армения). Бұл заң Севан көлінің су сапасын жақсартуға және су ресурстарын басқаруға бағытталған. Армения су деңгейін бақылау және биоәртүрлілікті қорғау бойынша қатаң шаралар қабылдады, бұл аймақтағы экологиялық жағдайды тұрақтандыруға мүмкіндік берді;

- Тахо көлін сақтау туралы заң (АҚШ). Калифорния және Невада Штаттарының қолдауымен жерді пайдалануды, көлікті және табиғатты қорғауды реттейтін арнайы басқару органы құрылды. Осы шаралардың арқасында судың мөлдірлігі мен экожүйенің жай-күйі айтарлықтай жақсарды.

- Great Lakes water Quality Agreement (АҚШ және Канада). Бұл Ұлы көлдер экожүйесін қалпына келтіруге және сақтауға бағытталған екіжақты келісім. Бағдарлама ластануды азайту, су ресурстарын қорғау және биоәртүрлілікті сақтау шараларын қамтиды, бұл су объектілерінің жағдайын айтарлықтай жақсартуға әкелді.

Бұл мысалдар тиімді заңнамалық реттеу мен халықаралық ынтымақтастық Тұщы су экожүйелерін сақтаудың негізгі элементтері екенін көрсетеді.

Қазақстандық тәжірибе

Су ресурстарын басқару Мемлекеттік басқарудың аса маңызды аспектісі болып табылады, әсіресе Тұщы су ресурстары әртүрлі әлеуметтік-экономикалық қызмет түрлері мен экологиялық тепе-теңдік үшін қажет болатын Қазақстан сияқты өңірлерде.

2021 жылдың 1 шілдесінен бастап республикада ҚР жаңа Экологиялық кодексі іске енгізілді. Жаңа Экологиялық Кодекс 10 қағидаға негізделген: алдын алу; түзету; алдын ала хабарлау; пропорциялылық; «ластаушы төлейді»; тұрақты даму; интеграция; экологиялық ақпараттың қол жетімділігі; қоғамдық қатысу; экожүйелік тәсіл.

Осылайша, Экологиялық кодекс экожүйелік тәсілді экономиканың кілттік

салаларына енгізудің негізін салып отыр. Су ресурстарын пайдаланумен байланысты жобаларды жоспарлау мен жүзеге асыру экожүйелік қызметтерді бағалауды есепке алу қажеттілігімен байланысты.

2003 жылы қабылданған Қазақстан Республикасының қазіргі бар Су кодексі су экожүйелерін қорғау мен су ресурстарын тұрақты пайдалануды қамтымайды [10].

Қазақстан Республикасы Президентінің 2023 жылғы 1 қыркүйегіндегі №318 Жарлығы негізінде Экология және табиғи ресурстар Министрлігінен бөлек шығу және су қоры, сумен қатамасыз ету, су салаларын пайдалану және қорғау саласындағы қызметтер мен құзіреттіліктерді бөлу арқылы Қазақстан Республикасының су ресурстары мен суландыру Министрлігі құрылды [11].

Қазіргі таңда Қазақстан Республикасының Үкіметінің жарлығымен 2024-2030 жылдарға арналған су ресурстарын басқару жүйесін дамытудың Концепциясы бекітілген. Концепцияға сай басты мақсат халықтың тіршілік сапасы мен экономиканың қажеттіліктерін тұрақты сумен қамтамасыз ету негізіндегі су қоры мен су экожүйелерін сақтау болып табылады. Қызметтің негізгі бағыттарына мыналар жатады:

- Су ресурстарын қорғау мен ұтымды пайдалануға бағытталған нормативтік және құқықтық актілерді әзірлеу және енгізу.

- Экожүйелік тәсіл негізінде су ресурстарын басқарудың интеграцияланған жүйелерін құру және дамыту.

- Трансшекаралық су ресурстарын бірлесіп басқару үшін халықаралық ұйымдармен және көрші елдермен ынтымақтастық.

- Сумен жабдықтау, су бұру және ағынды суларды тазарту саласында ғылыми зерттеулер жүргізу және инновациялық технологияларды енгізу.

- Су ресурстары проблемалары мен экожүйелік тәсіл туралы халықтың қатысу деңгейін және хабардарлығын арттыру.

Бұл шаралар су ресурстарының жай-күйін жақсартуға және Қазақстанда орнықты дамуға қол жеткізуге ықпал ететін тиімді құқықтық және институционалдық тетіктерді құруға бағытталған.

Су шаруашылығын дамыту мәселелері мен келешегіне талдау

2022 жылы жалпы Қазақстан бойынша экономика және халық қажеттіліктері үшін жиналған су мөлшері 24,96 км³ құрады (2021 ж. – 24,5 км³, 2020 ж. – 24,6 км³), соның ішінде [12]:

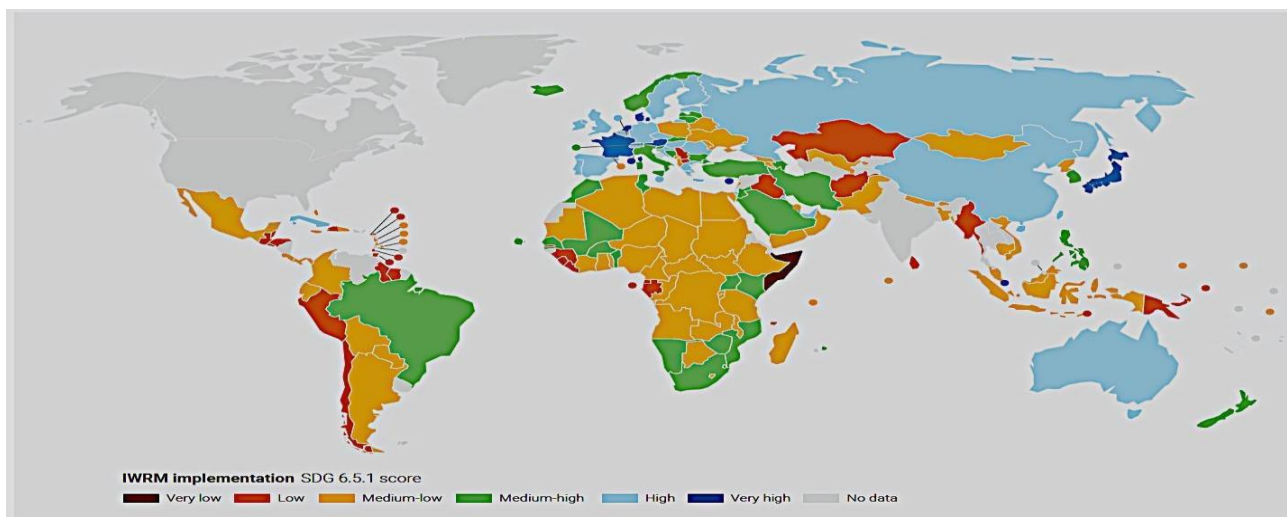
- ауыл шаруашылығы – 14,2 км³,
соның ішінде тұрақты суландыруға – 11,3 км³;

- өнеркәсіп – 5,99 км³;

- коммунальдық шаруашылық секторы – 1,28 км³;

- басқасы – 3,49 км³.

Қазақстандағы суды пайдаланудың негізгі үлесі елдегі бүкіл су тұтынысынан алғанда ауыл шаруашылығы өндірісіне 65%, өнеркәсіпке – 30%, коммунальдық шаруашылыққа 5% келеді. Тасымалдау кезіндегі шығын 13,6% құрайды.

Ескерту: [12] әдебиет көзі негізінде құрастырылған

Сурет 1 – РБО 6.5.1 индикаторына сай Қазақстандағы суды басқару жүйесі (Су ресурстарын интеграциялық басқару) әлемдегі ең тиімсіздердің бірі болып қала береді.

Қазақстандағы 2023 жылғы РБО 6 Мақсатындағы көрсеткіштеріне жету мониторингісінің нәтижелері тұщы сумен қамтамасыз етуге және санитария қызметтеріне бағытталған, олар қауіпсіздік талаптарын сақтай отырып ұйымдастырылған, барлығына арналған және су ресурстарын тұрақты басқаруға ерекше назар аударады, оңтайлы қоршаған

ортаның маңыздылығын мойындайды, су ресурстарын кешендік басқарудың жүйелік мәселелері бар екендігін көрсетеді, өндірістегі судың көп мөлшерде қолданылуы су экожүйелерінің құлдырауына әсер ететіндігін және қайта қалпына келетін көздердің қысқаруына алып баратындығын дәлелдейді.

Ескерту: [13] әдебиет көзі негізінде құрастырылған

Сурет 2 – 2023 жылы ТДМ 6-ға қол жеткізу бойынша Қазақстанның бағалау мониторингінің нәтижелері

Халық сумен қамтамасыз етудің қауіпсіз қызметтерін пайдаланады

Өзгерістер қатарына су тасқыны мен құрғақшылыққа сәйкес келетін және көбінесе климаттың өзгеруімен байланысты жер үсті суларының ұлғаюы мен азаюы жатады. Көлдердің, өзендердің, сағалардың және жасанды су айдындарының кеңістіктік ұзындығы келесідегідей

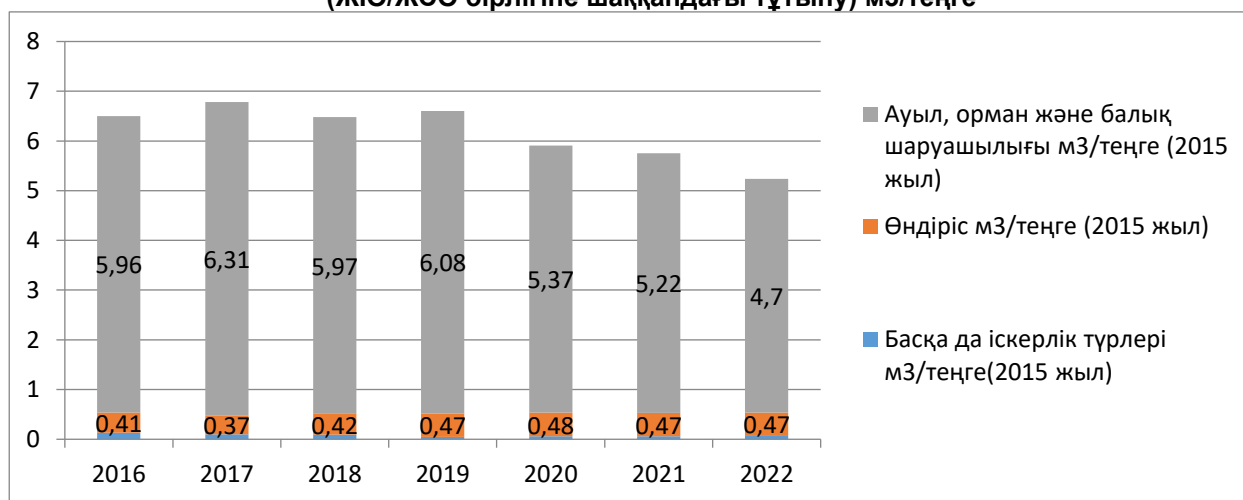
Базалық деңгей (2001-2005): 171 729 км².

Соңғы бесжылдық (2011-2015): 158806 км².

Бастапқы деңгейден масштабты өзгерту: 33% төмендету.

GWP және ФАО бағалауы бойынша Қазақстанда су ресурстарын пайдалану тиімділігін арттыру әлеуеті жекелеген салалар бойынша да, тұтастай алғанда да әлемдегі ең жоғары әлеуеттердің бірі болып табылады. Бүгінгі таңда суды пайдалану кезіндегі шығындар және оның өндіріс шығындары өте жоғары.

Сурет 3 – Су ресурстарын пайдалану қарқыны (ЖІӨ/ЖСӨ бірлігіне шаққандағы тұтыну) м³/теңге

Ескерту: [14] әдебиет көзі негізінде құрастырылған

1-кесте – Суды тұтыну тиімділігі

		Өлшем бірлігі	2017	2018	2019	2020	2021	2022
1	Пайдаланылған тұшы су	млн. м ³	20 520	20 659	20 955	20 307	19 999	20 443
2	Су ресурстарын пайдалану тиімділігі	теңге (2015 жылғы бағалар)/ м ³	1988,0	2055,9	2121,8	2141,8	2267,4	2286,3
		доллар \$ (2015 жылғы бағалар)/ м ³	6,1	6,0	5,5	5,2	5,3	5,0
3	ЖСӨ барлық салалар бойынша 2015 жылғы тұрақты бағалар бойынша	млн. теңге	40 793 799	42 473 761	44 462 129	43 492 853	45 346 578	46 739 232,7
		АҚШ млн.доллары	125 134,4	123 215,7	116 164,8	105 322,2	106 439,8	101 501,3

Ескерту: [12] әдебиет көзі негізінде құрастырылған

Суды тасымалдау кезіндегі шығындар орташа есеппен суды тұтыну көлемінен тұрады: ауыл шаруашылығы тұтынушылары үшін шамамен 60%, өнеркәсіптік тұтынушылар үшін шамамен 40% және коммуналдық шаруашылықтар үшін 50%.

Еліміздегі су шаруашылығы құрылыстарының жалпы саны 5953 құрайды, оның ішінде:

- республикалық меншікте-4714;
- коммуналдық - 955;
- жеке-229;
- иесіз - 25.

Оның ішінде су қоймалары-328, су тораптары – 113, бөгеттер – 444, бас құрылыстар – 1, каналдар – 3448, сорғы станциялары – 102, басқа ГТС (ұңғымалар, бөгеттер, тоғандар) - 1517.

2-кесте – 2022 жылы Қазақстандағы гидротехникалық құрылыстардың жай-күйі

Аймақ/Облыс	ГТС	Зерттелген ГТС	Жөндеуді талап ететін ГТС
Астана қаласы	1	1	0
Алматы қаласы	39	39	9
Шымкент қаласы	10	10	1
Алматы	417	259	58
Ақмола	90	90	21
Ақтөбе	185	154	56
Атырау	30	20	14
Абай	58	0	0
Шығыс Қазақстан	168	143	95
Жамбыл	157	147	15
Батыс Қазақстан	74	32	7
Қарағанды	262	178	160
Қостанай	98	98	11
Қызылорда	37	37	14
Маңғыстау	1	1	1
Павлодар	28	15	1
Солтүстік Қазақстан	20	20	6
Түркістан	110	110	12
Қазақстан Республикасы	1785	1354	481

Ескерту: [12] әдебиет көзі негізінде құрастырылған

Жөндеуді қажет ететін ГТҚ-ның негізгі бөлігі коммуналдық меншікте. Бұл, ең алдымен, оларды тиісті жағдайда ұстау жөніндегі жұмыстарды жеткіліксіз қаржыландырумен байланысты.

2025 жылға дейін 1,7 км3 көлемінде су жинақтау үшін 5 облыста (Ақмола – 1, Алматы – 1, Жамбыл – 3, Батыс Қазақстан- 2, Қызылорда – 1) 8 жаңа су қоймасын салу жоспарланған. Алдын ала есептеулерге сәйкес 8 су қоймасын салудың жалпы құны шамамен 58,7 млрд теңгені құрайды.

Осылайша, республикада су ресурстарын қорғау және ұтымды пайдалану мәселелері бүгінгі таңда өте өзекті.

Қазақстанда су экожүйелерін бағалауды қолдану мысалдары

Қазіргі уақытта Қазақстанда су экожүйелерін басқаруда экожүйелік тәсіл

жиі қолданылуда. Мәселен, зерттеуші Өтеповтың (2020) Астана қаласындағы Кіші Талдыкөл көлдері жүйесінің экожүйелік қызметтерін бағалау жөніндегі жұмысын атап өту қажет [15].

Осы мақаланың авторлары 2020 жылы Нұр-сұлтан қаласының оңтүстік-батыс жоспарлау бөлігінде орналасқан Кіші Талдыкөл көлдері тобының аумағында зерттеу жүргізді. Бұл жұмыстың мақсаты қала құрылысында тиімді басқару шешімдерін қабылдауды негіздеу үшін экожүйелік қызметтерді бағалауды пайдалану болып табылады. Деректердің жетіспеушілігінен туындаған зерттеу әдістерінің біріктірілген стратегиясы қолданылды, оның жағдайында басқа әдісті қолдану арқылы бір әдіспен алынған деректерді түсіндіру, жалпылау және тексеру міндеті тұрды.

3-кесте – Талдыкөл көлдер жүйесінің экожүйелік қызметтерін бағалау, мың. \$ USD/жылда

№	Қызметтердің атауы	Кіші Талдыкөл . көлдер жүйесі бойынша құны	Құны бойынша үлкен Талдыкөл көлі	Жиынтық құны
1.	Жабдықтау қызметтері	3 084,0	6 749,7	9 833,7
2.	Реттеуші қызметтер	32 030,8	70 599,4	102 630,2
3.	Тіршілік ету ортасы қызметтері	5 678,4	12 150,0	17 828,4
4.	Мәдени қызметтер	94 664,5	17 089,7	111 754,3
	Жалпы экономикалық құндылық	135 457,8	106 588,8	242 046,6
Ескерту: [15] әдебиет көзі негізінде құрастырылған				

Деректерді талдау көрсеткендей, жасыл желек алқаптарын кеңейту арқылы жасанды "табиғат аралдарын" құруға байланысты жыл сайынғы шығындар Кіші Талдыкөл аумағын дамытуға және соның салдарынан табиғи ландшафтты жоғалтуға байланысты шығындардан 20 есе аз.

Талқылау

Нәтижелерімізді басқа зерттеушілердің нәтижелерімен салыстыра отырып, біз су тапшылығының өсіп келе жатқан мәселелерін шешу үшін суды басқарудың сенімді стратегияларын енгізудің жеделдігі туралы консенсусты атап өтеміз. Айта кететін жайт, алдыңғы зерттеулер экожүйелік шешімдерді және мүдделі тараптармен өзара әрекеттесуді қамтитын суды басқарудың кешенді тәсілдерінің маңыздылығын растайды.

Қолданыстағы заңнаманы талдау су экожүйелерін қалпына келтіруге, табиғи капиталды есепке алуды енгізуге және табиғи шешімдерді (NbS) енгізуге бағытталған инновациялық технологияларды енгізу үшін жақсартуды қажет ететін күшті жақтары мен себептесетін салаларды анықтайды.

Су экожүйелерін сақтау мен қалпына келтірудің басымдықтарын анықтауға арналған құқықтық база бойынша ұсыныстар мынадай іс шараларды шынайы іске асырудан тұрады:

- Инновациялық технологияларды енгізуді ынталандырудың құқықтық тетіктерін құру. Бұған суды үнемдеу әдістерін, тиімді суару жүйелерін және басқа да тұрақты технологияларды енгізетін кәсіпорындар мен

қауымдастықтарға салықтық жеңілдіктер, субсидиялар немесе нормативтік жеңілдіктер кіруі мүмкін. Қолданыстағы заңнама су ресурстарын басқарудың инновациялық технологияларын енгізуді тікелей ынталандырмайды, су үнемдеу технологияларына, интеллектуалды мониторинг жүйелеріне және экологиялық таза инфрақұрылымға қатысты ынталандырулар жоқ.

- Су объектілерінің өзара байланысын көрсете отырып, экожүйелік тәсілді тікелей қабылдау үшін су кодексіне түзетулер енгізу. Тұрақты су ресурстарын басқару контекстінде су экожүйелерін сақтау және қалпына келтіру ережелерін қосу.

- Су ресурстарын басқаруда табиғи капиталды есепке алу жүйесін енгізу. Бұл экожүйелерді олар ұсынатын қызметтер үшін бағалауды және экономикалық шешімдерде суды пайдаланудың шынайы құнын ескеруді қамтамасыз етуді қамтиды.

- Nbs принциптерін қабылдау және оларды су заңнамасына интеграциялау. Бұған жасыл инфрақұрылым, су айдындарын қалпына келтіру және жерді тұрақты басқару әдістері кіреді. NbS-ті суды басқару жоспарларына қосу үшін нұсқаулықтар әзірлеу қажет (мүмкін ұлттық су кеңесінің ұсыныстары түрінде).

- Су ресурстарын басқарудың инновациялық технологияларын енгізу үшін мемлекеттік-жекешелік әріптестікті көтермелеу. МЖӘ заңнамасында өзара іс-қимылдың нақты моделін белгілеу, тұрақты шешімдерді әзірлеу және енгізу үшін мемлекеттік органдар, жеке кәсіпорындар және коммерциялық емес ұйымдар

арасындағы ынтымақтастықты ынталандыратын құқықтық негіз құру қажет.

- Су ресурстарын басқару технологиялары саласындағы зерттеулер мен әзірлемелерге ынталандыру. Бұл мемлекеттік органдар мен ғылыми-зерттеу институттары арасында арнайы гранттық бағдарламаларды, салықтық жеңілдіктерді немесе ғылыми-зерттеу серіктестіктерін құруды қамтуы мүмкін.

Коммуникациялық стратегияны іске асыру үшін ақпаратты басқару процесінің үздіксіздігін және жүйенің дұрыс жұмыс істеуін қамтамасыз ету үшін қоршаған орта туралы деректер мен ақпаратқа қол жеткізетін және пайдаланатын мақсатты сегмент (мемлекеттік органдар) арасындағы тік ведомствоаралық байланысты пайдалану қажет.

Көлденең байланыс басқа мүдделі тараптар (ҰЕҰ, академиялық сектор және азаматтар, БАҚ) арасында экологиялық ақпаратпен алмасуды және оған қол жеткізуді қамтамасыз етеді.

Өзара іс-қимылдың ақпараттық-коммуникациялық моделі мынадай салаларды қамтуды көздейді:

- Деректерді жинауды, тұтынуды мониторингілеуді және талдауды (ведомствоаралық ақпараттық ағындардың ығысуы) қамтитын ақпаратты тиімді басқару үшін әртүрлі мүдделі тараптар (мемлекеттік органдар, ғылыми ұйымдар, бизнес сектор, тұтынушылар) арасындағы коммуникация тетігін қамтамасыз ету.

- Коммуникациялық стратегияны жоспарлау және шешім қабылдау процесінде деректерді басқару, бөлісу және пайдалану процедураларын реттеу.

- Ақпаратты тұтыну кезеңінде ақпаратқа қол жеткізу деңгейлерін анықтау (ашық және жабық жүйелерді бөлу).

- Ақпарат жинаушы топтарды одан әрі тиімді басқаруды қамтамасыз ету жөніндегі жұмыстың негізгі қағидаттарына оқыту.

- Интернет арқылы көпшілікке/мүдделі тараптарға қол жетімді ақпаратты анықтау.

- Жүйенің жұмыс істеу қағидаттары мен деректерін пайдалану жайлы жалпы жұртшылықтың (азаматтардың) хабардарлығын арттыру.

- Деректерді пайдалану, жинау, талдау, бөлісу және сақтау мәселелерімен байланысты әртүрлі мүдделі тараптар үшін оқыту жүйесін құру.

2025 жылға дейінгі дамудың стратегиялық көрсеткіштерінің картасында "теңгерімді аумақтық даму" бағытына "халықтың экологиялық өмір сапасына қанағаттану деңгейі" атты басымдық көрсетілген, оның орындалуына Қазақстан Республикасының экология, геология және табиғи ресурстар Министрлігі жауапты болып табылады. "Экологиялық өмір сапасына" қанағаттану индикаторы облыстарда, сондай-ақ ЭБЖМ-де жүргізілген сауалнама нәтижелері болып табылады.

Ғылыми әдебиеттерге шолу "халық өмірінің экологиялық сапасы" тұжырымдамасының жоқтығын көрсетті. Дүниежүзілік денсаулық сақтау ұйымының (ДДҰ) анықтамасына сәйкес, бұл термин адамның қабылдауына негізделген физикалық, психологиялық, эмоционалдық және әлеуметтік денсаулығын бойына қамтиды.

"Өмір сапасы" ұғымының өзі тұрақтылыққа жетудің негізгі критерийлерінің бірі болып табылады және оның әлеуметтік аспектісін одан сайын аша түседі.

Салыстырмалы түрде субъективті тұжырымдама бола отырып, "өмір сапасы" сауалнама құралдарын қолдана отырып бағаланады, бұл қоғамдастық ұстанатын құндылықтар мен көзқарастарды түсінуге мүмкіндік береді. Сонымен қатар, зерттеушілер атап өткендей, "жоғары қанағаттануды" "еркін таңдау жағдайындағы артықшылықтардың көрінісі" болмаса, "максималды әл-ауқатқа" теңестіруге болмайды.

Мәселен, су объектілерінің ластану деңгейі көрсеткіштерінің мониторингін экологиялық бақылауды қамтамасыз ету, денсаулық сақтау саласындағы санитарияны МО жүзеге асырады, ауыл шаруашылығын тұрақты жүргізу саласында – ауыл шаруашылығы, биоәртүрлілік және табиғи ресурстарды басқару саласында – ЭЫДҰ – ның тиісті ведомстволары, су ресурстарының жай-күйін-су ресурстары Министрлігі жүзеге асырады.

Қорытындылай келе, біздің зерттеуіміз Қазақстанда су ресурстарын басқаруға тұтас көзқарас қабылдаудың ерекше маңыздылығын атап көрсетіп отырғандығын айту қажет. Ғылыми идеяларды ғылыми негізделген саяси шаралармен біріктіру және көптеген мүдделі тараптардың ынтымақтастығына

ықпал ету арқылы біз су тапшылығы мәселелерін тиімді шеше аламыз және қазіргі және болашақ ұрпақ үшін су ресурстарын тұрақты пайдалануды қамтамасыз ете алатын боламыз.

Қорытынды

Жүргізілген сапалы талдау негізінде зерттеу нәтижелері келесі негізгі қорытындыларды анықтайды:

1. Экожүйелік тәсілді интеграциялау қажеттілігі: Қазақстанның су ресурстары орнықты экономикалық, әлеуметтік және экологиялық дамуда маңызды рөл атқарады. Экожүйелік тәсілді қолдану су қауіпсіздігін қамтамасыз ету және су экожүйелерінің жағдайын жақсарту үшін өте маңызды. Бұл халықаралық тәжірибеге және су ресурстары саласындағы жетекші зерттеушілердің ұсыныстарына сәйкес келеді

2. Ағымдағы су ресурстарын басқару жүйесінің мәселелері: Зерттеу стандартталған әдістемелердің жоқтығын және қазіргі су ресурстарын басқару жүйесінде жергілікті білім мен тәжірибенің жеткіліксіз интеграциясын анықтады. Бұл проблемалар су тапшылығын күшейтеді және аймақтың тұрақты дамуына кедергі келтіреді. Инновациялық технологиялар мен табиғи капиталды есепке алудың рөлі:

су ресурстарын тиімді басқару үшін инновациялық технологиялар мен жүйелерді енгізу қажет.

3. Инновациялық технологиялар мен табиғи капиталды есепке алудың рөлі: Су ресурстарын тиімді басқару инновациялық технологияларды және табиғи капиталды есепке алу жүйесін енгізуді талап етеді. Бұған суды үнемдейтін технологиялар, смарт мониторинг жүйелері және жасыл инфрақұрылым кіреді.

4. Мүдделі тараптардың қатысуы: Су ресурстарын тиімді басқару мүдделі тараптармен, соның ішінде жергілікті қауымдастықтар, фермерлер, өнеркәсіп, мемлекеттік мекемелер және халықаралық ұйымдармен белсенді араласуды талап етеді. Бұл неғұрлым интеграцияланған және тұрақты су ресурстарын басқару жүйесін құруға мүмкіндік береді.

5. Құқықтық және институционалдық реформалардың қажеттілігі: Қолданыстағы заңнаманы талдау экожүйелік тәсілді қолдау үшін құқықтық және институционалдық реформалардың қажеттілігін анықтады. Бұл суды үнемдейтін технологияларды енгізуді ынталандыруды және су экожүйесін қорғау мен қалпына келтірудің құқықтық тетіктерін құруды қамтиды.

Әдебиеттер тізімі

1. План по ускорению: Обобщающий доклад по ЦУР 6 в области водных ресурсов и санитарии 2023 года. - URL: https://www.unwater.org/sites/default/files/2023-07/sdg6_synthesisreport2023_executivesummary_russian.pdf. (дата обращения: 10.04.2024).
2. World Resources Institute. - URL: <https://www.wri.org/data>. (Retrieved: 25.04.2024).
3. Қоршаған ортаның жай-күйі және Қазақстан Республикасының табиғи ресурстарын пайдалану туралы 2022 жылғы Ұлттық баяндама. - URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/ecogeo/documents/details/566594?lang=ru> (жүгінген күні: 25.04.2024).
4. Costanza R. The value of natural and social capital in our currentfull world and in a sustainable and desirable future // In book: Sustain-ability Science: The Emerging Paradigm and the Urban Environment. – NY.: Springer. – 2012. – Pp. 99-109.
5. Ecosystems and Human Well-being: a framework for assessment. - URL: http://pdf.wri.org/ecosystems_human_wellbeing.pdf. (Retrieved: 11.01.2020).
6. Зиябекова Л. М. Совершенствование системы управления водными ресурсами Республики Казахстан. – 2023.
7. Шеримова Н. Ш., Беисов Е. Ж. Управление водными ресурсами в Казахстане: состояние и некоторые проблемы // Международный академический вестник. – 2015. – №. 4. – С. 31-33.
8. Brunnée J., Toope S. J. Environmental security and freshwater resources: A case for international ecosystem law // Yearbook of International Environmental Law. –1994. № 5. – Pp.41–76.
9. UNEP. (2012). Global Programme of Action for the Protection of the Marine Environment from Land-based Activities (GPA). - URL: <https://www.unep.org/> (Retrieved: 07.05.2024).
10. Водный кодекс Республики Казахстан от 9 июля 2003 года № 481. - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K030000481_ (дата обращения: 10.04.2024).

11. "Қазақстан Республикасының Мемлекеттік басқару жүйесін одан әрі жетілдіру жөніндегі шаралар туралы" Қазақстан Республикасы Президентінің 2023 жылғы 1 қыркүйектегі № 318 Жарлығы. - URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2300000318>. (жүгінген күні: 25.04.2024).
12. "Қазақстан Республикасының Су ресурстарын басқару жүйесін дамытудың 2024 – 2030 жылдарға арналған тұжырымдамасын бекіту туралы" Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2024 жылғы 5 ақпандағы № 66 Қаулысы - URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400000066>. (жүгінген күні: 25.04.2024).
13. UN-Water_SDG6_Data Portal. - URL: <https://www.unwater.org/our-work/sdg-6-data-portal> (Retrieved: 25.04.2024).
14. Blueprint for Acceleration: Sustainable Development Goal 6 Synthesis Report on Water and Sanitation 2023. - URL: <https://www.unwater.org/publications/sdg-6-synthesis-report-2023> (Retrieved: 20.04.2024).
15. Utepov A. et al. The economic evaluation of water ecosystem services in urban planning in Nur Sultan, Kazakhstan. – 2021. – С. 205-219

References

1. Plan po uskoreniyu: Obobshchayushchiy doklad po TsUR 6 v oblasti vodnykh resursov i sanitarii 2023 goda. - URL: https://www.unwater.org/sites/default/files/2023-07/sdg6_synthesisreport2023_executivesummary_russian.pdf. (Retrieved: 10.04.2024).
2. World Resources Institute. - URL: <https://www.wri.org/data>. (Retrieved: 25.04.2024).
3. Korshagan ortany zhay-kuyi zhane Kazakhstan Respublikasynyn tabigi resurstaryn paydalanu turaly 2022 zhylgy Ulttyk bayandama. - URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/ecogeo/documents/details/566594?lang=ru> (Retrieved: 25.04.2024).
4. Costanza R. The value of natural and social capital in our currentfull world and in a sustainable and desirable future // In book: Sustain-ability Science: The Emerging Paradigm and the Urban Environment. – NY.: Springer. – 2012. – Pp. 99-109.
5. Ecosystems and Human Well-being: a framework for assessment. - URL: http://pdf.wri.org/ecosystems_human_wellbeing.pdf. (Retrieved: 11.01.2020).
6. Ziyabekova L. M. Sovershenstvovanie sistemy upravleniya vodnymi resursami Respubliki Kazakhstan [Improvement of the water resources management system of the Republic of Kazakhstan]. – 2023.
7. Sherimova N. Sh., Beisov E. Zh. Upravlenie vodnymi resursami v Kazakhstane: sostoyanie i nekotorye problemy [Water resources management in Kazakhstan: the state and some problems] // Mezhdunarodnyy akademicheskyy vestnik. – 2015. – № 4. – S. 31-33.
8. Brunnée J., Toope S. J. Environmental security and freshwater resources: A case for international ecosystem law // Yearbook of International Environmental Law. –1994. № 5. – Pp.41–76.
9. UNEP. (2012). Global Programme of Action for the Protection of the Marine Environment from Land-based Activities (GPA). - URL: <https://www.unep.org/> (Retrieved: 07.05.2024).
10. Vodnyy kodeks Respubliki Kazakhstan ot 9 iyulya 2003 goda № 481. - URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K030000481> (Retrieved: 10.04.2024).
11. "Kazakhstan Respublikasynyn Memlekettik baskaru zhuyesin odan ari zhetildiru zhonindegi sharalar turaly "Kazakhstan Respublikasy Prezidentinin 2023 zhylgy 1 kyrkuyektegi № 318 Zharlygy. - URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2300000318>. (Retrieved: 25.04.2024).
12. "Kazakhstan Respublikasynyn Su resurstaryn baskaru zhuyesin damytudyn 2024 – 2030 zhyldarga arналған тұжырымдамасын бекіту туралы" Kazakhstan Respublikasy Ukimetinin 2024 zhylgy 5 akpandagy № 66 Kaulysy - URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400000066>. (Retrieved: 25.04.2024).
13. UN-Water_SDG6_Data Portal. - URL: <https://www.unwater.org/our-work/sdg-6-data-portal> (Retrieved: 25.04.2024).
14. Blueprint for Acceleration: Sustainable Development Goal 6 Synthesis Report on Water and Sanitation 2023. - URL: <https://www.unwater.org/publications/sdg-6-synthesis-report-2023> (Retrieved: 20.04.2024).
15. Utepov A. et al. The economic evaluation of water ecosystem services in urban planning in Nur Sultan, Kazakhstan. – 2021. – С. 205-219

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ВОДНЫМИ РЕСУРСАМИ В КАЗАХСТАНЕ ПОСРЕДСТВОМ ЭКОСИСТЕМНОГО ПОДХОДА

Гульфариза СЫЗДЫКОВА*, докторант по специальности государственное и местное управление, Международный казахско-турецкий университет имени Х. А. Ясауи, Туркестан, Казахстан, gulfariza7007@gmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0003-3344-8151>.

Серікбай ҮДЫРЫС, доктор экономических наук, профессор, Международный университет туризма и гостеприимства, Туркестан, Казахстан, serikbay.ydyrys@ayu.edu.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0593-1990>.

Bayram COŞKUN, профессор, заведующий кафедрой управленческих наук, факультет экономики и административных наук, отдел государственного управления, Университет Муғла Сытқи Кочман, Муғла, Турция, bcoskun@mu.edu.tr, ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-6803-7534>

PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF PUBLIC WATER RESOURCES MANAGEMENT IN KAZAKHSTAN THROUGH AN ECOSYSTEM APPROACH

Gulfariza SYZDYKOVA*, doctoral student in Public Administration and local, H. A. Yasavi International Kazakh-Turkish University, Turkestan, Republic of Kazakhstan, gulfariza7007@gmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0003-3344-8151>

Serikbai YDYRIS, Doctor of Economic Sciences, Professor, International University of Tourism and Hospitality, Turkestan, Republic of Kazakhstan, serikbay.ydyrys@ayu.edu.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0593-1990>

Bayram COŞKUN, Professor, Head of the Division of Management Sciences, Faculty of Economics and Administrative Sciences, Department of Public Administration, Mugla Sytka Kochman University, Mugla, Turkey, bcoskun@mu.edu.tr, ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-6803-7534>

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДЕКОМПОЗИЦИИ ЦЕЛЕВЫХ ИНДИКАТОРОВ В ДОКУМЕНТАХ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЛАНИРОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Нурлыгуль ТЛЕБАЛДИНА *	магистр по специальности «Государственное и местное управление», ассистент, Институт Управления Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, Казахстан, Астана, n.tlebaldina@apa.kz , ORCID ID: https://orcid.org/0009-0005-9780-9926
Азия МУКУШЕВА	PhD по специальности «Финансы и бизнес», доцент Института Управления Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, Казахстан, a.mukusheva@apa.kz , ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1952-5301 , Author ID в Scopus: 57355737600, Researcher ID Web of Science: KHY-9558-2024
Saulius NEFAS	доктор социальных наук, профессор Института государственного управления Университета Миколаса Ромериса, Вильнюс, Литва, saunef@mruni.eu , ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-3740-1169

Дата поступления рукописи в редакцию: 21/05/2024

Доработано: 21/10/2025

Принято: 15/01/2025

DOI: 10.52123/1994-2370-2025-1254

УДК 338.2

МРНТИ 82.33.13

Аннотация. В данной статье исследуются системные проблемы в сфере государственного стратегического планирования в Республике Казахстан. Несмотря на внесенные изменения в систему государственного планирования, остаются ряд проблем по декомпозиции целей, целевых индикаторов, проблемы системной увязки финансового обеспечения реализации стратегических документов системы государственного планирования, сложности архитектуры стратегического планирования. Изучены вопросы системы государственного планирования, действовавшей до 29 апреля 2024 г.

Для проведения исследования была рассмотрена декомпозиция целевых индикаторов в нижестоящие документы системы планирования, а именно, в качестве примера, второго Общенационального приоритета «Доступная и эффективная система здравоохранения». В ходе исследования выявлено, что при планировании целевых индикаторов не была соблюдена иерархия стратегических документов и ее декомпозиция в стратегическом плане Министерства здравоохранения РК.

Результаты данного исследования могут быть использованы при разработке планов развития государственных органов, вместе с тем, при разработке документов системы государственного планирования, а также для проведения углубленных научных исследований в сфере стратегического планирования.

Ключевые слова: стратегическое планирование, декомпозиция целевых индикаторов, дублирование целевых показателей, система государственного планирования.

Аңдатпа Осы мақалада Қазақстан Республикасындағы мемлекеттік стратегиялық жоспарлау саласындағы жүйелі проблемалар зерделенеді. Мемлекеттік жоспарлау жүйесіне енгізілген өзгерістерге қарамастан, мақсаттардың, нысаналы индикаторлардың ыдырауына, мемлекеттік жоспарлау жүйесінің стратегиялық құжаттарын іске асыруды қаржылық қамтамасыз етуді жүйелі түрде үйлестіру проблемаларына, стратегиялық жоспарлау архитектурасының күрделілігіне байланысты бірқатар проблемалар бар. 2024 жылдың 29 сәуіріне дейін қолданыста болған мемлекеттік жоспарлау жүйесінің мәселелері зерттелді.

Зерттеу жүргізу үшін нысаналы индикаторларды жоспарлау жүйесінің ведомстволық бағыныстағы құжаттарына ыдырату мәселесі қаралды, атап айтқанда мысал ретінде «Қолжетімді және тиімді денсаулық сақтау жүйесі» екінші Ұлттық басымдығы қарастырылды. Зерттеу барысында нысаналы индикаторларды жоспарлау кезінде стратегиялық құжаттардың иерархиясы және оның Қазақстан Республикасы Денсаулық сақтау министрлігінің стратегиялық жоспарында ыдырауы байқалмағаны анықталды.

Осы зерттеудің нәтижелері мемлекеттік органдардың даму жоспарларын әзірлеу кезінде, сонымен бірге мемлекеттік жоспарлау жүйесінің құжаттарын әзірлеу кезінде, сондай-ақ стратегиялық жоспарлау саласында тереңдетіп ғылыми зерттеулер жүргізу кезінде пайдаланылуы мүмкін.

Түйін сөздер: стратегиялық жоспарлау, нысаналы индикаторлардың декомпозициясы, нысаналы индикаторлардың қайталануы, мемлекеттік жоспарлау жүйесі.

* Автор для корреспонденции: Н. Тлебалдина, n.tlebaldina@apa.kz

Abstract. This article examines systemic problems in the field of state strategic planning in the Republic of Kazakhstan. Despite the changes made to the state planning system, a number of problems remain regarding the decomposition of goals, target indicators, the problem of systemically linking financial support for the implementation of strategic documents of the state planning system, and the complexity of the strategic planning architecture. The issues of the state planning system that was in effect until April 29, 2024 were studied.

To conduct the study, the decomposition of target indicators into lower-level documents of the planning system was considered, namely, as an example, the second National priority "Affordable and effective healthcare system". The study revealed that when planning target indicators, the hierarchy of strategic documents and its decomposition in the strategic plan of the Ministry of Health of the Republic of Kazakhstan were not observed.

The results of this study can be used in developing development plans for government agencies, at the same time, in developing documents for the state planning system, as well as for conducting in-depth scientific research in the field of strategic planning.

Keywords: strategic planning, decomposition of target indicators, duplication of target indicators, state planning system.

Введение

В Казахстане на сегодняшний день система государственного планирования (далее-СГП) претерпевает изменения в соответствии с проводимыми социально-экономическими реформами. Система государственного планирования является основой социально-экономического развития государства. До апреля 2024 года действовала следующая система планирования в Республике Казахстан, где разрабатывались документы, обеспечивающие развитие страны в долгосрочным и среднесрочном периодах, в следующей иерархической значимости:

1. Стратегия развития Казахстана до 2050 года (7 долгосрочных приоритетов);

2. Общенациональные приоритеты (3 направления 10 приоритетов, 18 целевых показателей);

3. Национальный план развития Республики Казахстан (Карта стратегических показателей до 2025 года (45 стратегических показателей);

4. Стратегия национальной безопасности Республики Казахстан (ДСП);

5. План территориального развития страны (10 прогнозных параметров (показателей) развития регионов страны до 2025 года);

6. Концепция развития отрасли/сферы, национальные проекты (более 25 действующих концепций, 10 Национальных проектов);

7. Планы развития государственных органов, планы развития области, города республиканского значения, столицы, планы развития национальных управляющих холдингов, национальных холдингов и национальных компаний (ЦГО – 430 показателей, МИО – более 2373

показателя, Квазигоссектор – более 140 показателя) [1, 6].

Анализ целей и целевых индикаторов документов предыдущей системы государственного планирования показал, что несмотря на преобразование и оптимизацию ряда стратегических документов, все еще сохраняется сложность архитектуры стратегического планирования, а также перегруженность целевыми показателями.

Также в 2024 году были внесены изменения в систему государственного планирования, в результате чего к документам целеполагания стали относиться: Видение "Казахстан – 2050" и Стратегия достижения углеродной нейтральности Республики Казахстан до 2060 года, а документами действующей системы государственного планирования остались - Национальный план развития Республики Казахстан, Стратегия национальной безопасности Республики Казахстан и планы развития государственных органов, планы развития области, города республиканского значения, столицы, планы развития национальных управляющих холдингов, национальных холдингов и национальных компаний, которые основываются на документах целеполагания, определяющих глобальное видение, долгосрочные направления и приоритеты устойчивого развития страны [1].

Целью данного исследования является изучение и оценка декомпозиции целевых индикаторов предыдущей системы государственного планирования в планы развития государственных органов, на примере второго Общенационального приоритета «Доступная и эффективная система здравоохранения». Вместе с тем, стоит задача - рассмотрение и сравнение плановых значений целевых индикаторов

СГП по данному направлению, а также плановых значений показателей плана развития Министерства здравоохранения Республики Казахстан, исследование сохранности иерархии целевых индикаторов и их плановых значений в нижестоящих документах СГП.

Литературный обзор

Различные аспекты системы государственного планирования в Республике Казахстан исследовались в трудах Н.Н. Батталова, Я.А. Ералиевой, Д.М. Кангалакова [2], И.Н. Дауранова, А. С. Кожумова [3], Г. А. Джунусбековой, А.С. Кожумова [4] и ряда других авторов. Зарубежными авторами Кузьминой Н.М., Байриковым И.М., Шуховым Ю.А., была рассмотрена декомпозиция стратегических целей и задач стоматологической службы Самарской области РФ, и предложена четырехуровневая иерархия стратегических целей и задач: мегауровень (здравоохранение ОФ); макроуровень (здравоохранение регионов); мезоуровень (стоматологическая служба); микроуровень (специализированные структурные подразделения и сотрудники стоматологических медицинских организаций (далее - СМО), с применением концепции BSC (Balanced Scorecard) – сбалансированной системы показателей, которая охватывает горизонтальную декомпозицию задач стоматологической службы по основным направлениям деятельности в контексте BSC до 2024 г.

Как отмечено авторами, декомпозиция BSC отчасти совпадает с содержательным и функциональным аспектами стратегического планирования и предлагает следующую градацию основных значимых аспектов организационной деятельности: внутренние процессы, обучение и развитие персонала, отношение к потребителям/клиентам. Внутренние процессы СМО – это медицинская (профилактическая, лечебно-диагностическая, реабилитационная) и финансово-хозяйственная деятельность (финансовое и материально-техническое обеспечение, структурные преобразования). Вместе с тем, авторами проведена оценка отраслевых системных взаимодействий, специфики разделения труда в отрасли, сети медицинских

организаций и СМО, предложены преобразования с определением зон ответственности конкретных руководителей (вертикальная и горизонтальная декомпозиция). Эффективность базовых преобразований обеспечивается мониторингом качества оказания медицинской помощи, исполнения KPI, аудитом персонала и организационного документооборота (организационно-распорядительной и нормативной документации) и своевременными управленческими воздействиями по коррекции отклонений в контексте тотального управления качеством и цикла PDCA «Plan-Do-Check-Act» — планирование-действие-проверка-корректировка) Э. Деминга [5].

В Великобритании, Австрии, и Новой Зеландии для оценки деятельности государственных органов используется трехзвенная система «Министерство-Комитет-Подведомственная организация». При этом проводится декомпозиция показателей подведомственных организаций с показателями и критериями плана развития комитетов министерства. На основе такой декомпозиции оценивается влияние подведомственных организаций на выполнение цели и целевых индикаторов государственных органов.

Новизна темы исследования состоит в теоретическом и практическом обосновании роли декомпозиции целей, целевых индикаторов в системе государственного планирования.

На сегодняшний день, система государственного планирования, вновь претерпевает изменения и модернизируется по требованию времени, однако несмотря на вносимые изменения остаются нерешенные проблемы, такие как отсутствие или нечеткость понимания декомпозиции целей и целевых индикаторов, качество принимаемых индикаторов и адекватность их значений, где зачастую по отдельным показателям источниками информации являются сами государственные органы, которые заинтересованы в высокоэффективной оценке деятельности. Важно отметить, отдельные проблемы стратегического планирования, и его системная увязка с бюджетным планированием. Тем самым, имеющиеся проблемы СГП остаются

актуальными для проведения дальнейших научных исследований в этой области.

Вместе с тем, результаты данного исследования могут быть применимы в практике государственного стратегического планирования, также по результатам исследования предложены конкретные рекомендации по декомпозиции целей и целевых индикаторов и их системная увязка с финансовым обеспечением.

Материалы и методы

В данном исследовании были использованы системный и сравнительный анализ документов Системы государственного планирования. Были изучены документы системы государственного планирования, а также стратегические целевые индикаторы и их плановые значения. Были рассмотрены декомпозиция и соблюдение иерархии целевых индикаторов, вместе с тем, достижение целей целевыми индикаторами плана развития Министерства здравоохранения Республики Казахстан. Также проведен сравнительный анализ плановых значений по двум стратегическим показателям «Младенческая смертность» и «Материнская смертность» запланированных в Национальном плане развития РК до 2025 года, в Государственной программе развития здравоохранения РК на 2020 – 2025 годы, и в Плате развития МЗ РК на 2020-2024 гг. В ходе исследования выявлены не соблюдение иерархии стратегических документов для плановых значений целевых индикаторов плана развития государственного органа, дублирование целевых индикаторов в документах стратегического планирования.

Результаты

Как было означено выше Стратегией развития Казахстана предусмотрено реализация семи долгосрочных приоритетов, разработанные в 2021 году на среднесрочный период до 2025 года, с учетом задач, определенных «Стратегией-2050», где в рамках 3 направлений установлены 18 целевых показателей.

Национальным планом развития Республики Казахстан предусмотрена Карта стратегических показателей до 2025 года, где предусмотрены 45 стратегических

показателей в рамках 10 Общенациональных приоритетов (*Карта стратегических показателей*).

Платом территориального развития страны (до 2025 года) определены основные параметры развития страны, где для регионов спрогнозированы значения по 10 стратегическим показателям, которые планируется достигнуть в 2025 году.

В 2021 году утверждены 10 национальных проектов, в 2022 году были утверждены концепции развития сфер/отраслей. Наряду с этим отраслевыми концепциями и национальными проектами по каждой из сфер утверждены целевые индикаторы. К примеру, в Концепции развития здравоохранения Республики Казахстан до 2026 года содержатся, в том числе целевые показатели, предусмотренные Картой стратегических показателей Национального плана развития РК. Согласно проведенной оценки эффективности деятельности госорганов, в 2022 году по критерию «Достижение целей» стратегических планов ЦГО, оценке подлежало 430 целевых индикаторов, в 2021 году – 373 целевых индикатора. Для оценки планов развития территорий местных исполнительных органов в 2021 году взято – 317 целевых индикатора, однако в 2022 году – 2373 целевых индикатора планов развития областей, городов республиканского значения, столицы.

Вместе с тем, говоря об исполнителях вышеуказанных стратегических показателей, то при составлении планов развития государственные органы, учитывают Национальный план развития, территориальный план развития, Национальные проекты и Концепции, что усложняет и нагромождает планы развития центральных и местных исполнительных органов.

Согласно СГП, целевые индикаторы и показатели результатов должны декомпонироваться и определяться исходя из их иерархии. В действующей методике по разработке национальных проектов, утвержденной в 2021 году, используется следующее определение: декомпозиция – процесс, при котором цели, целевые индикаторы и показатели результатов вышестоящих документов СГП путем разделения или последовательного

перехода отражаются в соответствующих целях, целевых индикаторах и показателях результатов нижестоящих документов СГП [6]. Согласно вышеуказанному приоритету установлен один целевой индикатор «Повышение ожидаемой продолжительности жизни до 75 лет».

В нижестоящем документе «Национальный план развития РК до 2025 года» в рамках второго приоритета «Доступная и эффективная система здравоохранения» также установлен показатель «Ожидаемая продолжительность жизни при рождении». Вместе с тем установлены еще 3 показателя:

1) «Младенческая смертность, количество случаев на 1000 родившихся живыми»;

2) «Материнская смертность, количество случаев на 100 тыс. родившихся живыми»;

3) «Уровень удовлетворенности населения качеством и доступностью медицинских услуг, предоставляемых медицинскими учреждениями».

Далее тот же показатель «Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, число лет» дублируется в Плате территориального развития страны, где установлено 10 прогнозных параметров (показателей) развития регионов страны до 2025 года.

Рассмотрим Концепцию развития здравоохранения РК до 2026 года, утвержденной ППРК от 24 ноября 2022 года №945, предусмотрена реализация 13 целевых индикаторов, а также план действий по ее реализации. В данной концепции с вышестоящими документами СГП дублируются 2 показателя «Ожидаемая продолжительность жизни при рождении» и «Уровень удовлетворенности населения качеством и доступностью медицинских услуг,

предоставляемых медицинскими учреждениями». Согласно отчетной информации Министерства здравоохранения о реализации концепции до 2026 года, за 2022 год из 13 целевых индикаторов достигнуто 6 индикаторов.

Национальный проект «Качественное и доступное здравоохранение для каждого гражданина «Здоровая нация»», утвержденный Постановлением Правительства Республики Казахстан от 12 октября 2021 года № 725 предусматривает декомпозицию 5 Стратегических показателей:

1. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении до 75 лет в 2025 году;

2. Младенческая смертность до 7,2 на 1000 родившихся живыми в 2025 году;

3. Материнская смертность до 10,0 на 100 тыс. родившихся живыми в 2025 году;

4. Уровень удовлетворенности населения качеством и доступностью медицинских услуг, предоставляемых медицинскими учреждениями, до 80 % в 2025 году;

5. Инвестиции в основной капитал в здравоохранение до 372,2 % в 2025 году реального роста к уровню 2019 года.

Однако, с 1 января 2024 года он утрачивает силу постановлением Правительства РК от 22.09.2023 № 828.

Показатели и мероприятия Нацпроекта министерством планируется перенести в Концепцию развития здравоохранения Республики Казахстан до 2026 года.

По итогам реализации Нацпроекта за 2022 год согласно отчетной информации Министерства здравоохранения из 5 стратегических показателей, 1 показатель достигнут, по 3 показателям наблюдается недостижение, по 1 показателю данные не сформированы таб. 1 [7].

Таблица 1. Исполнение стратегических показателей Нацпроекта за 2022 год

Стратегические показатели	Ед. измерения	План	Факт
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении до 75 лет	лет	73,7	74,44
Младенческая смертность до 7,2 на 1000 родившихся живыми	на 1 000 родившихся живыми	7,5	7,97
Материнская смертность до 10 на 100 тыс. родившихся живыми	на 100 тыс. родившихся живыми	11	17
Уровень удовлетворенности населения качеством и доступностью медицинских услуг,	%	69,6	58,8

предоставляемых медицинскими учреждениями, до 80 %			
Инвестиции в основной капитал в здравоохранение до 372,2 % в 2025 году реального роста к уровню 2019 года	%	219,4	225,57 (прогнозные данные МЗ)

Источник: Отчет МЗ по реализации Нацпроекта [7], БНС

По стратегическому показателю 2 «Младенческая смертность до 7,2 на 1000 родившихся живыми» (в 2022 году план - 7,5 на 1000 родившихся живыми, факт - 7,97 на 1000 родившихся живыми) наблюдается хроническое недостижение на протяжении 5 лет, за исключением 2020 года (в 2020 году план - 10,1, факт - 7,77 на 1000 живорожденных, в 2021 году план - 7,6, факт - 8,44). По стратегическому показателю 3 «Материнская смертность до 10 на 100 тыс. родившихся живыми» также отмечено хроническое недостижение его плановых значений: план - 11 на 100 тыс. родившихся живыми, факт - 17 на 100 тыс. родившихся живыми (в 2020 году план - 17,1, факт - 36,5, в 2021 году план - 35, факт - 44,71) [8].

Высшей аудиторской Палатой была проведена интегральная оценка Национального проекта с применением экономико-математической модели, согласно которой низкую оценку получили социально-экономический эффект реализации Нацпроекта и результативность реализации задач и мероприятий таб.2, несмотря на то что, с принятием Нацпроекта «Здоровая нация» наблюдается уменьшение плановых показателей результатов (с 39 до 22) и мероприятий (со 181 до 71) при одновременном увеличении объемов финансирования с 945 млрд тенге до 3 636,5 млрд тенге по сравнению с ранее действующей госпрограммой «Денсаулық» на 2016-2019 годы» [8].

Таблица 2. Результаты оценки Национального проекта

№ п/п	Наименование критерия оценки	Обозначение	Наименование критерия	Оценка
1	Оценка освоения финансовых средств при реализации Нацпроекта	K1	Освоение финансовых средств	Высокая
2	Оценка полноты реализации достижения цели Нацпроекта	K2	Полнота реализации мероприятий, показателей и задач Нацпроекта	Средняя
3	Оценка социально-экономического эффекта использования финансовых (в т.ч. государственных) средств при реализации Нацпроекта	K3	Социально-экономический эффект реализации Нацпроекта	Низкая
4	Оценка результативности реализации задач и мероприятий Нацпроекта	K4	Результативность достижения цели	Низкая
Интегральная оценка долгосрочного социально-экономического эффекта – СРЕДНИЙ ЭФФЕКТ				

Источник: ВАП [8]

Высшая аудиторская Палата в своем отчете по промежуточным итогам реализации данного Нацпроекта отметила о наличии риска недостижения цели по обеспечению качественного и доступного здравоохранения для каждого гражданина.

Рассмотрим декомпозицию стратегических целевых индикаторов в План развития Министерства здравоохранения РК на 2020 - 2024 годы, утвержденный приказом Министра здравоохранения РК от 10 января 2020 года, № 5. В разделе 4. Архитектура

взаимосвязи стратегического и бюджетного планирования выстроены приоритеты вышестоящих программных документов «Стратегия-2050», «Стратегический план развития Республики Казахстан до 2025 года» (в настоящее время Национальный план развития Республики Казахстан до 2025 года), и «Государственная программа развития здравоохранения Республики Казахстан на 2020 – 2025 годы», утвержденная ППРК от 26 декабря 2019 года № 982 (постановление утратило силу от 12 октября 2021 года).

Однако несмотря на то, что Национальный план развития Казахстана до 2025 года, утвержденный 15 февраля 2018 года, где предусмотрена Карта стратегических показателей до 2025 года являлся вышестоящим документом СГП, в План развития министерства

здравоохранения были внесены плановые значения отдельных стратегических показателей из Госпрограммы развития здравоохранения РК 2020 – 2025 годы, в которой плановые значения были значительно занижены таб.3.

Таблица 3. Сравнение плановых значений стратегических показателей

№ п/п	Наименование показателя	Плановые значения показателей		
		Национальный план развития РК до 2025 года (утв. 15.02.2018 г.)	Государственная программа развития здравоохранения РК на 2020 – 2025 годы (утв. 26.12.2019 г.)	План развития МЗ РК на 2020-2024 гг. (утв.10.01.2020г.)
1	Младенческая смертность, (количество на 1000 родившихся живыми)	2019 г. – 8,4; 2020 г. – 8,4; 2021 г. – 7,6; 2022 г. – 7,5; 2023 г. – 7,4; 2024 г. – 7,3; 2025 г. – 7,2. (Факт.значение 2018 г. – 8,0)	2019 г. – 10,3*; 2020 г. – 10,1; 2021 г. – 9,9; 2022 г. – 9,6; 2023 г. – 9,3; 2024 г. – 8,8; 2025 г. – 8,3. (Факт.значение 2018 г. – 10,3*)	2019 г. – 10,3*; 2020 г. – 10,1; 2021 г. – 9,9; 2022 г. – 9,6; 2023 г. – 9,3; 2024 г. – 8,8.
2	Материнская смертность (на 100 тыс. родившихся живыми)	2019 г. – 13,2; 2020 г. – 46,1; 2021 г. – 35,0; 2022 г. – 11,0; 2023 г. – 10,8; 2024 г. – 10,4; 2025 г. – 10. (Факт.значение 2018 г. – 14,0)	2019 г. – 17,4*; 2020 г. – 17,1; 2021 г. – 16,8; 2022 г. – 16,3; 2023 г. – 15,6; 2024 г. – 15; 2025 г. – 14,5. (Факт.значение 2018 г. – 17,5*)	2020 г. – 17,1; 2021 г. – 16,8; 2022 г. – 16,3; 2023 г. – 15,6; 2024 г. – 15.

составлено авторами, Источник: [11, 21-22] (* по данным конфиденциального аудита)

Возникает закономерный вопрос почему плановые значения стратегических показателей госпрограммы, были в приоритете перед утвержденными значениями Национальным планом развития РК до 2025 года.

Следовательно, иерархия стратегических документов и ее декомпозиция не была соблюдена в полной мере в стратегическом плане Министерства здравоохранения РК.

Вышеуказанные факты еще раз свидетельствуют о том, что отсутствует системная увязка целевых индикаторов документов системы государственного планирования.

В стратегическом плане Министерства здравоохранения на 2020-

2024 гг. было утверждено 23 целевых индикатора. Вместе с тем, на протяжении трех лет в план вносились изменения: в 2020 году – 4 раза; в 2021 году – 3 раза, где приказом Министра здравоохранения РК от 22 июля 2021 года, № 436 были внесены изменения в плановые значения показателей младенческой и материнской смертности, также изменился показатель «Повышение удовлетворенности пациентов качеством медицинской помощи» на показатель «Уровень удовлетворенности населения качеством и доступностью медицинских услуг, предоставляемых медицинскими учреждениями» с изменениями плановых значений. Также важно отметить, что по данному показателю источником информации до февраля 2022 года, являлось само министерство

здравоохранения, возникает вопрос о объективности данных сведений. 24 февраля 2022 года было внесено изменение в приказ Министра здравоохранения РК от 10 января 2020 года № 5 «Об утверждении Плана развития Министерства здравоохранения Республики Казахстан на 2020-2024 годы», где источник информации был заменен на Социологический опрос Счетного комитета по контролю за исполнением республиканского бюджета [11-20].

Вместе с тем, в плане министерства 8 показателей также дублируются с Концепцией: «Ожидаемая продолжительность жизни населения при рождении», «Уровень удовлетворенности населения качеством и доступностью медицинских услуг, предоставляемых медицинскими учреждениями», «Материнская смертность», «Младенческая смертность», «Снижение стандартизованного коэффициента смертности от болезней системы кровообращения», «Снижение стандартизованного коэффициента смертности от злокачественных заболеваний», «Инвестиции в основной капитал в здравоохранении», «Средний индекс Хирша персонала организаций медицинского образования и науки».

Однако несмотря на хроническое недостижение отдельных стратегических показателей и низкую оценку социально-экономического эффекта реализации Нацпроекта - деятельность Министерства по достижению целей (94,30 балла) оценивается как высокоэффективная, по результатам оценки эффективности деятельности за 2022 г. Так, Министерство оценено - по организационному развитию (74,86 балла) соответствует средней степени эффективности, по взаимодействию с населением (63,60 балла) – низкой [10]. Можно сделать вывод о том, что государственными органами при стратегическом планировании устанавливаются заведомо «достижимые» целевые индикаторы и задачи, для высокой оценки их деятельности.

Обсуждение и выводы

В государственном секторе достижение согласованности целей, преемственности усилий и эффективности, связанной с результатами, являются важными причинами для осуществления

государственного стратегического планирования.

Обоснование цели и ее декомпозиция в государственном управлении – весьма актуальная и сложная задача, и ее обоснованная, качественная декомпозиция на подцели и задачи, имеют важное значение в динамичном мире для обеспечения устойчивого развития государства.

Таким образом, анализ декомпозиции целевых индикаторов в документах системы государственного планирования позволяет сделать отдельные выводы и предложения.

При планировании, во-первых, необходимо обратить внимание на конфликт целей по сферам и их плановых значений.

Во-вторых, стратегические цели необходимо выстраивать с учетом их декомпозиции на подцели и задачи от деятельности государственного органа до целей конкретного служащего, имеющих отношение к реализации стратегической цели или задачи, с применением современных методик, технологий, принципов менеджмента.

В-третьих, должен быть проведен анализ заинтересованных сторон и их потребностей, ввиду отсутствия соответствия между целями и ценностью, создаваемой для заинтересованных сторон. Так, например, согласно методике разработки Национального плана развития, планов развития государственных органов цели должны быть измеримыми, конкретными, качественными [23], однако, как мы видим на практике есть показатели, которые носят только количественные характеристики, к примеру: Министерство труда и социальной защиты показатель «Удельный вес предприятий, охваченных системой коллективно-договорных отношений (среди крупных и средних предприятий)», в 2023 году исполнен на 98,39% при плане 98,2%. Данный показатель несет в себе только количественные характеристики, он практически исполнен на 100%. Для формирования показателя с качественной стороны, отражающего положительные изменения в соответствующей отрасли, нужно поставить соответствующие вопросы к примеру, какой эффект дало увеличение количества трудовых договоров? какой процент работников,

права которых были защищены профсоюзами от числа обратившихся в них? и т.д.

Также необходимо внести изменения в методики оценки Системы ежегодной оценки эффективности деятельности центральных государственных и местных исполнительных органов областей, городов республиканского значения, столицы, так как строгие критерии оценки [24], заставляют госорганы разрабатывать «заведомо» достижимые, с количественными характеристиками показатели, так как денежное поощрение в том числе зависит от рейтинга государственных органов.

Одним из актуальных вопросов является оценка взаимосвязи целевых индикаторов в документах системы государственного планирования. В республике системная оценка не проводится. В 2017 году Счетным комитетом была проведена оценка взаимодействия целевых индикаторов и их финансовое обеспечение. В результате выявлены отдельные проблемы стратегического планирования, и его системная увязка с бюджетным планированием и были обоснованы отдельные рекомендации.

Однако, эти рекомендации не были учтены при разработке новых документов системы государственного планирования.

В республике недостаточно используются результаты аудита эффективности ВАП, а также оценки эффективности реализации государственных программ и национальных проектов в оценке деятельности центральных государственных и местных исполнительных органов.

Одним из нерешенных вопросов является системная увязка финансового обеспечения реализации стратегических

документов системы государственного планирования. Для этого необходимо проводить анализ и оценку достижения прямых и конечных результатов бюджетных программ и их влияние на целевые индикаторы и показатели плана развития ЦГО и МИО. Далее целесообразно осуществлять анализ и оценку влияния финансовых ресурсов на цели и целевые индикаторы плана развития отрасли/сферы, а также на развитие территории. При этом, должны учитываться влияние бюджетных ресурсов, финансовых ресурсов внебюджетных фондов и субъектов квазигосударственного сектора на развитие отрасли/сферы и территории. На следующем этапе следует проводить анализ и оценку влияния плана развития отрасли/сферы и территории на достижение целевых индикаторов Национального плана развития РК на длительный период и его финансового обеспечения.

Для реализации вышеуказанного подхода в республике проведена определенная работа, в республике формируется консолидированный бюджет, который включает в себя государственный бюджет, поступления и расходы Национального фонда РК, а также поступления и расходы только двух внебюджетных фондов. Однако, не включены финансовые ресурсы других внебюджетных фондов и субъектов квазигосударственного сектора республики.

В современных условиях на основе системного управления государством финансовыми ресурсами можно реализовать новую экономическую политику государства.

Список литературы

1. Постановление Правительства РК «Об утверждении Системы государственного планирования в Республике Казахстан» от 29 ноября 2017 года № 790.; ИПС «Әділет», Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000790>, дата обращения: 10.06.2024 г.
2. Батталов Н.Н., Ералиева Я.А., Кангалакова Д.М., Новая система государственного планирования в Казахстане: анализ и проблемы // Государство и бизнес: теория и практика управления. – 2023. – № 2. – С. 6-19.
3. Дауранов И.Н., Кожумов А.С. Методология формирования эффективной модели государственного стратегического планирования и управления // Экономика: стратегия и практика. – 2021. – № 2(16). – С. 21-31.

4. Джунусбекова Г.А., Кожумов А.С. Анализ и оценка достижения целей стратегического планирования в государственном секторе // The Journal of Economic Research & Business Administration. – 2021. - №3 (137). – С.125-138.

5. Kuzmina NM, Bairikov IM, Shukhorova YuA. Decomposition of strategic goals and objectives of dental service in the Samara region. Science and Innovations in Medicine. 2024;9(X):XX-XX. <https://doi.org/10.35693/SIM595897>.

6. «О некоторых вопросах национальных проектов», приложение 1 «Методика по разработке национальных проектов». Совместный приказ Министра национальной экономики Республики Казахстан от 11 августа 2021 года № 79 и Председателя Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан от 12 августа 2021 года № 1. Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 12 августа 2021 года № 23968; ИПС «Әділет», Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2100023968#z20/>, дата обращения: 20.05.2024 г.

7. ҚР Денсаулық сақтау министрлігінің «Дені сау ұлт» Әрбір азамат үшін сапалы және қолжетімді денсаулық сақтау ұлттық жобасын іске асыру жөніндегі 2022 жылға арналған жылдық есеп, Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/dsm/documents/details/511176?lang=ru/>, дата обращения: 10.06.2024 г.

8. Заключение к отчету Правительства Республики Казахстан об исполнении Республиканского бюджета за 2022 год. Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/esep/search/1?contentType=news%2Carticle%2Cdocuments%2Ccurators&lang=ru&searchText=%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BB%D1%8E%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20&slug=esep/>, дата обращения: 13.07.2024 г.

9. Отчет о реализации Плана развития Министерства здравоохранения Республики Казахстан на 2020-2024 годы за 2022 год, URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/dsm/documents/2?lang=ru&title=%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82%20>, дата обращения: 15.07.2024 г.

10. Результаты оценки эффективности деятельности, Официальный сайт ТОО «Центр исследований, анализа и оценки эффективности» Высшей аудиторской палаты РК, URL: <https://www.bagalau.kz/results/indicators>, дата обращения: 20.07.2024 г.

11. Приказ Министра здравоохранения РК от 10 января 2020 года № 5 «Об утверждении Стратегического плана Министерства здравоохранения Республики Казахстан на 2020-2024 годы», <https://www.gov.kz/memleket/entities/dsm/documents/details/12980?lang=ru>; дата обращения: 21.07.2024 г.

12. О внесении изменений в приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан от 10 января 2020 года № 5 «Об утверждении Плана развития Министерства здравоохранения Республики Казахстан на 2020-2024 годы» от 24 февраля 2024 года. <https://www.gov.kz/memleket/entities/dsm/documents/details/277627?lang=ru>, дата обращения: 21.07.2024 г.

13. Приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан от 26 июля 2022 года № 611 "О внесении изменений и дополнений в приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан от 10 января 2020 года № 5 «Об утверждении Плана развития Министерства здравоохранения Республики Казахстан на 2020-2024 годы», <https://www.gov.kz/memleket/entities/dsm/documents/details/353664?lang=ru>; дата обращения: 22.07.2024 г.

14. Приказ и.о. Министра здравоохранения РК от 15 мая 2020 года № 307 «О внесении изменений и дополнений в приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан от 10 января 2020 года № 5 «Об утверждении Стратегического плана Министерства здравоохранения Республики Казахстан на 2020-2024 годы», <https://www.gov.kz/memleket/entities/dsm/documents/details/79662?lang=ru>; дата обращения: 25.07.2024 г.

15. Приказ Министра здравоохранения РК от 25 сентября 2020 года № 612 «О внесении изменений в приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан от 10 января 2020 года № 5 «Об утверждении Стратегического плана Министерства здравоохранения Республики Казахстан на 2020-2024 годы», <https://www.gov.kz/memleket/entities/dsm/documents/details/103847?lang=ru>; дата обращения: 25.07.2024 г.

16. Приказ Министра здравоохранения РК от 6 октября 2020 года № 640 «О внесении изменений в приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан от 10 января 2020 года № 5 «Об утверждении Стратегического плана Министерства здравоохранения Республики Казахстан на 2020-2024 годы», <https://www.gov.kz/memleket/entities/dsm/documents/details/103871?lang=ru>; дата обращения: 27.07.2024 г.

17. Приказ Министра здравоохранения РК от 9 декабря 2020 года № 824 "О внесении изменений и дополнений в приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан от 10 января 2020 года № 5 «Об утверждении Стратегического плана Министерства здравоохранения Республики Казахстан на 2020-2024 годы»,

<https://www.gov.kz/memleket/entities/dsm/documents/details/135546?lang=ru>; дата обращения: 27.07.2024 г.

18. Приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан от 12 января 2021 года № 14 «О внесении изменений и дополнений в приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан от 10 января 2020 года № 5 «Об утверждении Стратегического плана Министерства здравоохранения Республики Казахстан на 2020-2024 годы» актуализированный вариант, <https://www.gov.kz/memleket/entities/dsm/documents/details/119667?lang=ru>; дата обращения: 28.07.2024 г.

19. Приказ Министра здравоохранения РК от 22 июля 2021 года № 436 "О внесении изменений в приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан от 10 января 2020 года № 5 «Об утверждении Стратегического плана Министерства здравоохранения Республики Казахстан на 2020-2024 годы», <https://www.gov.kz/memleket/entities/dsm/documents/details/205122?lang=ru>; дата обращения: 27.07.2024 г.

20. О внесении изменений и дополнений в приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан от 27 января 2023 года № 64 «Об утверждении Плана развития Министерства здравоохранения Республики Казахстан на 2023-2027 годы», <https://www.gov.kz/memleket/entities/dsm/documents/details/488166?lang=ru>, дата обращения: 29.07.2024 г.

21. Об утверждении Государственной программы развития здравоохранения Республики Казахстан на 2020 – 2025 годы. Постановление Правительства Республики Казахстан от 26 декабря 2019 года № 982. Утратило силу постановлением Правительства Республики Казахстан от 12 октября 2021 года № 725, <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000982/info>., дата обращения: 02.08.2024 г.

22. Об утверждении Национального плана развития Республики Казахстан до 2025 года и признании утратившими силу некоторых указов Президента Республики Казахстан, Указ Президента Республики Казахстан от 15 февраля 2018 года № 636, <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1800000636>, дата обращения: 05.08.2024 г.

23. Об утверждении Методики разработки, реализации, проведения мониторинга и корректировки Национального плана развития Республики Казахстан, планов развития государственных органов, планов развития областей, городов республиканского значения, столицы, Приказ Министра национальной экономики Республики Казахстан от 25 октября 2021 года № 93. Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 26 октября 2021 года № 24908, дата обращения: 05.08.2024 г.

24. О Системе ежегодной оценки эффективности деятельности центральных государственных и местных исполнительных органов областей, городов республиканского значения, столицы. Указ Президента Республики Казахстан от 19 марта 2010 года № 954, ИПС «Әділет»., Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U100000954_, дата обращения: 07.08.2024 г

References

1. Postanovlenie Pravitel'stva RK «Ob utverzhdenii Sistemy gosudarstvennogo planirovaniya v Respublike Kazahstan» ot 29 nojabrja 2017 goda № 790.; IPS «Әділет», Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000790>, data obrashheniya: 10.06.2024 g.

2. Battalov N.N., Eralieva Ja.A., Kangalakova D.M., Novaja sistema gosudarstvennogo planirovaniya v Kazahstane: analiz i problemy // Gosudarstvo i biznes: teorija i praktika upravleniya. – 2023. - № 2. – S. 6-19.

3. Dauranov I.N., Kozhumov A.S. Metodologija formirovaniya jeffektivnoj modeli gosudarstvennogo strategicheskogo planirovaniya i upravleniya // Jekonomika: strategija i praktika. – 2021. – № 2(16). – S. 21-31.

4. Dzhunusbekova G.A., Kozhumov A.S. Analiz i ocenka dostizheniya celej strategicheskogo planirovaniya v gosudarstvennom sektore // The Journal of Economic Research & Business Administration. – 2021. - №3 (137). – S.125-138.

5. Kuzmina NM, Bairikov IM, Shukhorova YuA. Decomposition of strategic goals and objectives of dental service in the Samara region. Science and Innovations in Medicine. 2024;9(H):HH-HH. <https://doi.org/10.35693/SIM595897>.

6. «О некоторых вопросах национальных проектов», приложение 1 «Методика по разработке национальных проектов». Совместный приказ Министра национальной экономики Республики Казахстан от 11 августа 2021 года № 79 и Председателя Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан от 12 августа 2021 года № 1. Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 12 августа 2021 года № 23968; IPS «Әділет», Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2100023968#z20/>, data obrashheniya: 20.05.2024 g.

7. ҚР Денсаулық сақтау министрлігінің «Дені сау ұлт» Әрбір азамат үшін сапалы және қолжетімді денсаулық сақтау ұлттық жобасын іске асыру жөніндегі 2022 жылға арналған жылдық есеп, Режим доступа:

- <https://www.gov.kz/memleket/entities/dsm/documents/details/511176?lang=ru/>, data obrashheniya: 10.06.2024 g.
8. Zakljuchenie k otchetu Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ob ispolnenii Respublikanskogo bjudzheta za 2022 god. Rezhim dostupa: <https://www.gov.kz/memleket/entities/esep/search/1?contentType=news%2Carticle%2Cdocuments%2Ccurators&lang=ru&searchText=%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BB%D1%8E%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20&slug=esep/>, data obrashheniya: 13.07.2024 g.
9. Otchet o realizacii Plana razvitija Ministerstva zdravooohranenija Respubliki Kazahstan na 2020-2024 gody za 2022 god, URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/dsm/documents/2?lang=ru&title=%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82%20>, data obrashheniya: 15.07.2024 g.
10. Rezul'taty ocenki jeffektivnosti dejatel'nosti, Oficial'nyj sayt TOO «Centr issledovanij, analiza i ocenki jeffektivnosti» Vysshej auditorskoj palaty RK, URL: <https://www.bagalau.kz/results/indicators>, data obrashheniya: 20.07.2024 g.
11. Prikaz Ministra zdravooohranenija RK ot 10 janvarja 2020 goda № 5 «Ob utverzhdenii Strategicheskogo plana Ministerstva zdravooohranenija Respubliki Kazahstan na 2020-2024 gody», <https://www.gov.kz/memleket/entities/dsm/documents/details/12980?lang=ru>; data obrashheniya: 21.07.2024 g.
12. O vnesenii izmenenij v prikaz Ministra zdravooohranenija Respubliki Kazahstan ot 10 janvarja 2020 goda № 5 «Ob utverzhdenii Plana razvitija Ministerstva zdravooohranenija Respubliki Kazahstan na 2020-2024 gody» ot 24 fevralja 2024 goda. <https://www.gov.kz/memleket/entities/dsm/documents/details/277627?lang=ru>, data obrashheniya: 21.07.2024 .
13. Prikaz Ministra zdravooohranenija Respubliki Kazahstan ot 26 ijulja 2022 goda № 611 "O vnesenii izmenenij i dopolnenij v prikaz Ministra zdravooohranenija Respubliki Kazahstan ot 10 janvarja 2020 goda № 5 «Ob utverzhdenii Plana razvitija Ministerstva zdravooohranenija Respubliki Kazahstan na 2020-2024 gody», <https://www.gov.kz/memleket/entities/dsm/documents/details/353664?lang=ru>; data obrashheniya: 22.07.2024 g.
14. Prikaz i.o. Ministra zdravooohranenija RK ot 15 maja 2020 goda № 307 «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v prikaz Ministra zdravooohranenija Respubliki Kazahstan ot 10 janvarja 2020 goda № 5 «Ob utverzhdenii Strategicheskogo plana Ministerstva zdravooohranenija Respubliki Kazahstan na 2020-2024 gody», <https://www.gov.kz/memleket/entities/dsm/documents/details/79662?lang=ru>; data obrashheniya: 25.07.2024 g.
15. Prikaz Ministra zdravooohranenija RK ot 25 sentjabrja 2020 goda № 612 «O vnesenii izmenenij v prikaz Ministra zdravooohranenija Respubliki Kazahstan ot 10 janvarja 2020 goda № 5 «Ob utverzhdenii Strategicheskogo plana Ministerstva zdravooohranenija Respubliki Kazahstan na 2020-2024 gody», <https://www.gov.kz/memleket/entities/dsm/documents/details/103847?lang=ru>; data obrashheniya: 25.07.2024 g.
16. Prikaz Ministra zdravooohranenija RK ot 6 oktjabrja 2020 goda № 640 «O vnesenii izmenenij v prikaz Ministra zdravooohranenija Respubliki Kazahstan ot 10 janvarja 2020 goda № 5 «Ob utverzhdenii Strategicheskogo plana Ministerstva zdravooohranenija Respubliki Kazahstan na 2020-2024 gody», <https://www.gov.kz/memleket/entities/dsm/documents/details/103871?lang=ru>; data obrashheniya: 27.07.2024 g.
17. Prikaz Ministra zdravooohranenija RK ot 9 dekabrja 2020 goda № 824 "O vnesenii izmenenij i dopolnenij v prikaz Ministra zdravooohranenija Respubliki Kazahstan ot 10 janvarja 2020 goda № 5 «Ob utverzhdenii Strategicheskogo plana Ministerstva zdravooohranenija Respubliki Kazahstan na 2020-2024 gody», <https://www.gov.kz/memleket/entities/dsm/documents/details/135546?lang=ru>; data obrashheniya: 27.07.2024 g.
18. Prikaz Ministra zdravooohranenija Respubliki Kazahstan ot 12 janvarja 2021 goda № 14 «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v prikaz Ministra zdravooohranenija Respubliki Kazahstan ot 10 janvarja 2020 goda № 5 «Ob utverzhdenii Strategicheskogo plana Ministerstva zdravooohranenija Respubliki Kazahstan na 2020-2024 gody» aktualizirovannyj variant, <https://www.gov.kz/memleket/entities/dsm/documents/details/119667?lang=ru>; data obrashheniya: 28.07.2024 g.
19. Prikaz Ministra zdravooohranenija RK ot 22 ijulja 2021 goda № 436 "O vnesenii izmenenij v prikaz Ministra zdravooohranenija Respubliki Kazahstan ot 10 janvarja 2020 goda № 5 «Ob utverzhdenii Strategicheskogo plana Ministerstva zdravooohranenija Respubliki Kazahstan na 2020-2024 gody», <https://www.gov.kz/memleket/entities/dsm/documents/details/205122?lang=ru>; data obrashheniya: 27.07.2024 g.
20. O vnesenii izmenenij i dopolnenij v prikaz Ministra zdravooohranenija Respubliki Kazahstan ot 27 janvarja 2023 goda № 64 «Ob utverzhdenii Plana razvitija Ministerstva zdravooohranenija Respubliki Kazahstan na 2023-2027 gody»,

<https://www.gov.kz/memleket/entities/dsm/documents/details/488166?lang=ru>, data obrashhenija: 29.07.2024 g.

21. Ob utverzhdenii Gosudarstvennoj programmy razvitija zdavoohranenija Respubliki Kazakhstan na 2020 – 2025 gody. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazakhstan ot 26 dekabrya 2019 goda № 982. Utratilo silu postanovleniem Pravitel'stva Respubliki Kazakhstan ot 12 oktjabrya 2021 goda № 725, <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000982/info>., data obrashhenija: 02.08.2024 g.

22. Ob utverzhdenii Nacional'nogo plana razvitija Respubliki Kazakhstan do 2025 goda i priznanii utrativshimi silu nekotoryh ukazov Prezidenta Respubliki Kazakhstan, Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 15 fevralja 2018 goda № 636, <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1800000636>, data obrashhenija: 05.08.2024 g.

23. Ob utverzhdenii Metodiki razrabotki, realizacii, provedenija monitoringa i korrektirovki Nacional'nogo plana razvitija Respubliki Kazakhstan, planov razvitija gosudarstvennyh organov, planov razvitija oblastej, gorodov respublikanskogo znachenija, stolicy, Prikaz Ministra nacional'noj jekonomiki Respubliki Kazakhstan ot 25 oktjabrya 2021 goda № 93. Zaregistrirovan v Ministerstve justicii Respubliki Kazakhstan 26 oktjabrya 2021 goda № 24908, data obrashhenija: 05.08.2024 g.

24. O Sisteme ezhegodnoj ocenki jeffektivnosti dejatel'nosti central'nyh gosudarstvennyh i mestnyh ispolnitel'nyh organov oblastej, gorodov respublikanskogo znachenija, stolicy. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 19 marta 2010 goda № 954, IPS «Әdilet»., Rezhim dostupa: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U100000954>_, data obrashhenija: 07.08.2024 g.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ МЕМЛЕКЕТТІК ЖОСПАРЛАУ ЖҮЙЕСІНІҢ ҚҰЖАТТАРЫНДАҒЫ НЫСАНАЛЫ ИНДИКАТОРЛАРДЫҢ ДЕКОМПОЗИЦИЯСЫ ТУРАЛЫ ЖЕКЕ СҰРАҚТАР

Нұрлыгүл ТЛЕБАЛДИНА*, мемлекеттік және жергілікті басқару магистрі, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы мемлекеттік басқару академиясының асистенті, Астана, Қазақстан, n.tlebalдина@apa.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0005-9780-9926>.

Азия МУКУШЕВА, қаржы және бизнес мамандығы бойынша PhD, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы мемлекеттік басқару академиясының Басқару институтының доценті, Астана, Қазақстан, a.mukusheva@apa.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1952-5301>, Author ID в Scopus 57355737600, Researcher ID Web of Science: KHY-9558-2024.

Saulius NEFAS, әлеуметтік ғылымдарының докторы, Миколас Ромерис университетінің Мемлекеттік басқару институтының профессоры, Вильнюс, Литва, saunef@mruni.eu, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3740-1169>

SOME ISSUES OF DECOMPOSITION OF TARGET INDICATORS IN THE DOCUMENTS OF THE STATE PLANNING SYSTEM OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Nurlygul TLEBALDINA*, Master of Public and Local Administration, Assistant the Institute of Management Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan, n.tlebalдина@apa.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0005-9780-9926>.

Aziya MUKUSHEVA, PhD by specialty Finance and business, Associate Professor of the Institute of Management, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan, a.mukusheva@apa.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1952-5301>, Author ID в Scopus 57355737600, Researcher ID Web of Science: KHY-9558-2024.

Saulius NEFAS, Doctor of Social Sciences, Professor in Institute of Public Administration at Mykolas Romeris Universty, Vilnius, Lithuania, saunef@mruni.eu, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3740-1169>

МЕДИАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ЭФФЕКТИВНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

**Инара
РАҒИМЗАДЕ***

консультант Секретариата Ассамблеи народа Казахстана Администрации Президента РК, Астана, Республика Казахстан, i.rahimzade@akorda.kz,
ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0000-3618-4284>

Дата поступления рукописи в редакцию: 20/01/2025

Доработано: 04/02/2025

Принято: 28/02/2025

DOI: 10.52123/1994-2370-2025-1416

УДК 346.9

МРНТИ 15.81.57

Аннотация. Предлагаемое исследование представляет собой глубокий анализ эволюции медиации в Казахстане, прослеживая ее путь от древних традиций степной дипломатии до современного института разрешения конфликтов. Работа основана на тщательном изучении исторических источников, законодательной базы и практических примеров применения медиации в различных сферах общественной жизни.

Исследование демонстрирует, что традиции мирного урегулирования споров и конфликтов имеют глубокие исторические корни в казахском обществе. Институт биев, совет старейшин, играл ключевую роль в разрешении споров и поддержании социальной гармонии. Степная дипломатия, основанная на принципах взаимного уважения, диалога и поиска компромиссов, также оказала существенное влияние на формирование медиативных традиций. В исследовании подробно анализируется законодательная база, регулирующая медиацию в Казахстане. Особое внимание уделяется роли государства в поддержке и развитии этого института. Целью исследования является потребность профессионального внедрения медиации как в различные сферы общественной жизни, так и в систему государственного управления.

Ключевые слова: медиация, история, межэтнические отношения, государственное управление, право, Казахстан, международный опыт.

Аңдатпа. Ұсынылып отырған зерттеу Қазақстандағы медиация эволюциясын терең талдау болып табылады, оның дала дипломатиясының ежелгі дәстүрлерінен қазіргі қақтығыстарды шешу институтына дейінгі жолын қамтиды. Жұмыс тарихи дереккөздерді, заңнамалық базаны және медиацияны қоғамдық өмірдің әртүрлі салаларында қолданудың практикалық мысалдарын мұқият зерттеуге негізделген.

Зерттеу даулар мен қақтығыстарды бейбіт жолмен реттеу дәстүрлерінің қазақ қоғамында терең тарихи тамыры бар екенін көрсетеді. Би институты, ақсақалдар кеңесі дауларды шешуде және әлеуметтік келісімді сақтауда шешуші рөл атқарды. Өзара сыйластық, диалог және поискқаға келу қағидаттарына негізделген дала дипломатиясы да медиативтік дәстүрлердің қалыптасуына айтарлықтай әсер етті.

Зерттеуде Қазақстандағы медиацияны реттейтін заңнамалық база егжей-тегжейлі талданады. Бұл институтты қолдау мен дамытудағы мемлекеттің рөліне ерекше назар аударылады. Зерттеудің мақсаты-медиацияны қоғамдық өмірдің әртүрлі салаларына да, мемлекеттік басқару жүйесіне де кәсіби енгізу қажеттілігі.

Түйін сөздер: медиация, тарих, этносаралық қатынастар, мемлекеттік басқару, құқық, Қазақстан, халықаралық тәжірибе.

Abstract. The proposed study provides an in-depth analysis of the evolution of mediation in Kazakhstan, tracing its path from the ancient traditions of steppe diplomacy to the modern institution of conflict resolution. The work is based on a thorough study of historical sources, the legislative framework and practical examples of the use of mediation in various spheres of public life.

The study demonstrates that the traditions of peaceful settlement of disputes and conflicts have deep historical roots in Kazakh society. The Biy Institute, the Council of Elders, played a key role in resolving disputes and maintaining social harmony. Steppe diplomacy, based on the principles of mutual respect, dialogue and the search for compromises, has also had a significant impact on the formation of mediation traditions.

The study analyzes in detail the legislative framework governing mediation in Kazakhstan. Special attention is paid to the role of the State in supporting and developing this institution. The purpose of the study is the need for professional implementation of mediation both in various spheres of public life and in the system of public administration.

Keywords: mediation, history, interethnic relations, public administration, law, Kazakhstan, international experie

* Автор для корреспонденции: И. Рахимзаде, i.rahimzade@akorda.kz

Введение

В условиях глобализации и стремительного развития общества, сопровождающегося усилением социальной и экономической конкуренции, возрастает роль эффективных механизмов разрешения конфликтов. Одним из таких механизмов является медиация, которая представляет собой структурированный процесс переговоров между сторонами конфликта с привлечением нейтрального третьего лица – медиатора. В последние десятилетия медиация приобрела широкое распространение во многих странах мира, в том числе и в Казахстане.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, медиация в Казахстане – это относительно новое явление, требующее глубокого изучения и анализа. Во-вторых, возрастает интерес к альтернативным способам разрешения споров, которые позволяют сторонам конфликта найти взаимовыгодное решение и сохранить отношения. В-третьих, развитие медиации в Казахстане связано с процессом модернизации правовой системы и укрепления гражданского общества.

Цель данного исследования заключается в проведении комплексного анализа эволюции института медиации в Казахстане, охватывающего как исторические аспекты, так и современное состояние. В рамках исследования предполагается провести параллель с исторической ретроспективой, которая поможет выявить, что идея посредничества была развита в казахском обществе и успешно имплементирована в казахстанском обществе, детально изучить законодательную базу, регулиющую медиацию в стране, проанализировать практику ее применения в различных сферах общественной жизни, оценить эффективность медиации как механизма разрешения конфликтов, выявить основные тенденции ее развития и, на основе полученных результатов, сформулировать рекомендации по дальнейшему совершенствованию института медиации в Казахстане.

Объектом исследования выступает институт медиации в Казахстане в целом, а предметом являются исторические предпосылки возникновения медиации, ее нормативно-правовое регулирование, особенности практической реализации и

перспективы развития в контексте укрепления правовой культуры и гражданского общества.

Материалы и методы

Для достижения поставленных целей исследования был применен комплекс методов, включающий исторический анализ, позволяющий проследить эволюцию медиации в Казахстане на основе изучения исторических источников; сравнительный анализ, направленный на сопоставление казахстанского опыта медиации с опытом других стран; анализ законодательства, предполагающий изучение нормативно-правовых актов, регулирующих медиацию в Казахстане; анализ судебной практики, основанный на изучении судебных решений по делам, в которых применялась медиация; и анализ социологических исследований, включающий изучение результатов социологических опросов, посвященных медиации. Совокупность этих методов позволила получить всестороннее представление о состоянии и перспективах развития института медиации в Казахстане.

Литературный обзор

История Казахстана убедительно демонстрирует, как миротворчество и дипломатия способствовали сохранению территории, стабильности и культурной идентичности казахского народа. Исторический опыт дипломатии Казахского ханства, отраженный в монографии учёного-востоковеда, доктора исторических наук - Хафизовой К.Ш., посвященной истории дипломатии XVIII-XIX вв., служит основой для современных стратегий. Жизнеописание трех поколений казахских правителей, их неустанные усилия по сохранению государственности, территориальной целостности и национального единства, а также роль батыров и других старшин в дипломатической деятельности, демонстрируют глубокие корни традиций [1].

Историк, востоковед Абусеитова М.Х. также акцентирует внимание на значении степной дипломатии. Она отмечает, что развивавшаяся в условиях постоянной кочевки и военных конфликтов степная дипломатия имела свои особенности и уникальные практики [2].

Исторический экскурс позволяет увидеть истинную картину. Казахское ханство, образовавшееся в XV веке, прошло через несколько ключевых этапов становления:

1. Образование и консолидация: В 1465 году ханы Жанибек и Керей объединили различные казахские племена, образовав единое ханство. Это позволило сформировать общую идентичность и укрепить внутренние связи.

2. Расширение и укрепление: Казахское ханство активно расширяло свои территории, противостояло внешним угрозам и формировало союзные отношения с соседними государствами, такими как Сибирское ханство и Ногайская Орда.

3. Социально-экономическое развитие: Развитие торговли и ремесел способствовало укреплению экономической базы ханства, что создавало предпосылки для стабильности и процветания.

На каждом из этих этапов степная дипломатия играла ключевую роль, что позволило ханству сохранить большую территорию и укрепить свою независимость, избегая многочисленных войн. Важными исторически обусловленными идентификаторами успешного существования казахов можно назвать: традиции и обычаи – казахский народ сохраняет множество традиций и обычаев, которые определяют повседневную жизнь и социальные отношения. Гостеприимство, уважение к старшим, взаимопомощь и коллективизм являются важными составляющими казахской культуры.

Результаты

Кочевой образ жизни – исторически казахи вели кочевой образ жизни, что способствовало развитию таких качеств, как мобильность, адаптивность и умение вести переговоры с другими племенами и народами. Эти качества нашли отражение в современной дипломатии и политике Казахстана. Мужество и стойкость – казахский народ, живущий в суровых условиях степей, выработал качества мужественности и стойкости, которые проявляются в готовности защищать свою независимость и территориальную целостность. Степная дипломатия развивалась в условиях кочевого образа

жизни и включала в себя такие уникальные элементы, как: посольские миссии – активное использование посольских миссий для установления и поддержания дипломатических отношений. Это включало обмен подарками, переговоры и заключение мирных договоров. Казахское ханство активно вело дипломатическую деятельность, налаживая отношения с соседними государствами, такими как Хорезм, Бухара и Ташкент. Мирные соглашения и браки – заключение мирных соглашений часто сопровождалось браками между представителями правящих династий, что укрепляло союзные связи и мирное сосуществование. Совет биев – принятие решений на основе консенсуса и уважения к мнению старейшин способствовало поддержанию внутренней стабильности и мирного урегулирования конфликтов. Институт Совета биев сформировал фундамент справедливого и правового суда, основанный на вековых обычаях и традициях, народной мудрости и опыте воспитания.

В начале XVIII века Тауке-хан завершил кодификацию традиционных законов, создав свод законов «Жеты Жаргы», что стало важным шагом в укреплении правопорядка и справедливости в Казахском ханстве. Тауке-хан стремился поддерживать мир и стабильность как внутри ханства, так и в отношениях с соседними государствами. Он активно вел переговоры и заключал союзы, что способствовало предотвращению внешних угроз и укреплению внутренней стабильности.

Последующий этап развития Казахстана был продиктован прагматизмом политиков, стремившихся сохранить территориальную целостность страны. В 1757–1760 годах Абылай-хан установил дипломатические отношения с Китаем и в 1762 году подтвердил союз с Екатериной II России. Политика интересов своего народа, дипломатия взаимоотношений между Россией и Китаем позволила сохранить независимость казахских земель и поддерживать мирные отношения, способствуя укреплению внутренней стабильности.

Активная миротворческая деятельность казахских лидеров способствовала укреплению стабильности в регионе, что имело положительное

влияние на экономическое развитие и социальное благополучие казахского народа. История становления Казахского ханства как площадки мира и согласия демонстрирует важность объединения различных племен и народов для достижения политической и культурной стабильности. Благодаря усилиям своих правителей казахское ханство смогло стать убедительным примером того, как стремление к миру и согласию способствовало всестороннему развитию Центральной Азии, сыграв значительную роль в истории региона. Степная дипломатия в истории Казахского ханства была неотъемлемой частью политического процесса и играла значительную роль в поддержании и укреплении государственности.

Образование Казахской АССР в 1920 году было результатом дипломатических усилий и мирного урегулирования сложных политических и социальных процессов того времени. Этот шаг способствовал мирной интеграции Казахстана в состав Советского Союза, обеспечив защиту его территориальной целостности и национальной идентичности. История формирования Казахской АССР и последующий советский период демонстрируют, как дипломатия и миротворчество играли ключевую роль не только в интеграции Казахстана в Советское государство, но и помогли сохранить территориальную целостность и национальную идентичность казахского народа в советскую эпоху, заложив основу для дальнейшего экономического роста и формирования независимого Казахстана.

В целом, каждый этап развития Казахстана характеризуется активной внутригосударственной и внутриобщественной миротворческой деятельностью. Политика и дипломатия казахских лидеров заложили основу для традиции миротворчества, которая продолжает играть важную роль в современной внешней политике Казахстана. Как отметил Президент РК К.К. Токаев: *«Отличительными чертами нашего национального характера всегда были открытость и толерантность. Во многом именно эти качества лежат в основе единства и согласия – главных ценностей нашего народа»* [3].

С обретением независимости в 1991 году Казахстан приступил к комплексному

формированию и укреплению системы государственного управления, адаптируя её к новым политическим и экономическим реалиям. Одним из ключевых направлений этого процесса стало выстраивание эффективной внешнеполитической стратегии, основанной на принципах многовекторности, добрососедства и открытости к международному сотрудничеству. Государство активно развивало дипломатические отношения, стремясь интегрироваться в мировое сообщество, участвовать в глобальных и региональных инициативах, а также занять достойное место в системе международных отношений. Такой подход способствовал не только укреплению суверенитета страны, но и обеспечению её устойчивого развития в условиях динамично меняющейся геополитической обстановки.

Сегодня Казахстан участвует в международных организациях, что способствует укреплению его международного авторитета и роли как миротворческой державы. Основными примерами можно назвать следующие:

1. Организация Объединённых Наций (ООН) – Казахстан стал членом ООН в 1992 году. В 2017-2018 годах Казахстан был непостоянным членом Совета Безопасности ООН, где он продвигал вопросы нераспространения ядерного оружия и региональной безопасности.

2. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) – в 2010 году Казахстан председательствовал в ОБСЕ, став первой страной Центральной Азии, занявшей эту должность. В этот период Казахстан организовал саммит ОБСЕ в Астане, который стал важным событием для организации.

3. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) – Казахстан является одним из основателей ШОС и активно участвует в её деятельности, направленной на укрепление безопасности и сотрудничества в регионе. В июле 2024 года в Астане прошёл саммит ШОС, на котором была принята декларация «О мировом единстве за справедливый мир, согласие и развитие».

4. Евразийский экономический союз (ЕАЭС) – Казахстан является ключевым членом ЕАЭС, способствуя экономической

интеграции и сотрудничеству между государствами-членами.

5. Сотрудничество в рамках исламского мира – Казахстан активно участвует в деятельности Организации исламского сотрудничества (ОИС) и других исламских организаций, продвигая мир и сотрудничество среди мусульманских стран. В 2011 году по инициативе Казахстана организация была переименована на Организацию исламского сотрудничества.

6. Организация тюркских государств (ОТГ) – выступает в качестве моста между государствами-членами в углублении международного сотрудничества в регионе. Председательство Казахстана в 2024 году прошло под девизом «Тюркская эпоха!», или «TURKTIME!». Эта формула обозначает восемь приоритетов: традиции (Traditions), унификация (Unification), реформы (Reforms), знания (Knowledge), доверие (Trust), инвестиции (Investments), медиация (Mediation) и энергия (Energy). Указанные приоритеты рассчитаны на перспективы, охватывающие десятилетний период вплоть до 20-го саммита Организации и восприняты всеми участниками положительно.

7. Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) – ноябрь 2024 года ознаменовался проведением саммита ОДКБ под председательством Казахстана. Данное мероприятие стало важным этапом в развитии системы коллективной безопасности, которое еще раз подтвердило приверженность стран-участниц к укреплению безопасности и стабильности в регионе.

8. Миротворческие инициативы – Казахстан активно продвигает миротворческие инициативы, включая предложение о создании зоны, свободной от ядерного оружия в Центральной Азии, а также инициативы по продвижению диалога и взаимопонимания между различными культурами и религиями и др.

Все примеры свидетельствуют о значимой роли Казахстана на международной арене и его стремлении к укреплению мира и безопасности. Международные позиции Казахстана содействия глобальному миру и развитию, определяют его внешнеполитическую стратегию, что в том числе обеспечивает

экономическое развитие нашей страны. В свою очередь, регулятором внутренней дипломатии можно назвать институт медиации, принципами которого пронизана вся история становления и развития казахского народа. Медиация способствует снижению уровня конфликтности в обществе, укреплению социальных связей и созданию условий для устойчивого развития страны.

Следует отметить, что создание и развитие Института медиации, как механизма разрешения конфликтов внутри общества, проходит индивидуально в каждой стране с учетом уникальных особенностей её правовой, политической, культурной системы и формирования национальной идентичности, стремясь соответствовать основным принципам устройства государства и обеспечивать эффективное разрешение конфликтов в обществе.

Рассмотрим историю формирования института медиации в Казахстане, истоки, становление и текущую ситуацию. Истоки медиации в Казахстане можно проследить в традиционных формах урегулирования споров, существовавших в казахском обществе. Выше указаны периоды истории казахского народа, где важную роль в разрешении конфликтов играли аксакалы (старейшины), которые выступали в качестве посредников в спорах между различными социальными группами и семьями (совет биев). Эти традиционные формы урегулирования споров были основаны на принципах справедливости, уважения и компромисса. Важным фактором является преемственность дипломатических традиций и их интеграцию в современное законодательство и международные инициативы.

Развитие института медиации в США и Европе. Развитие института медиации в США и Европе прошло в несколько этапов, обусловленных социальными и экономическими изменениями в этих регионах.

В США медиация как социальный процесс существовала еще в культурах коренных американцев, где конфликты часто решались мирными переговорами, а медиаторами выступали старейшины и шаманы. Формальные попытки внедрения медиации связаны с колониальным периодом, когда европейские поселенцы

создали «мировые суды» — учреждения, предоставляющие услуги примирения для местного населения.

С 1920-х годов на фоне индустриализации и роста трудовых конфликтов медиация получила широкое распространение в трудовых спорах. Ключевым моментом стало создание Федеральной службы медиации и примирения (Federal Mediation and Conciliation Service, FMCS) в 1947 году, которая до сих пор регулирует трудовые конфликты и предотвращает забастовки [4].

В 1960 годах, в период гражданских прав, в США появились общественные центры медиации, способствующие разрешению конфликтов в местных сообществах. В это время медиация стала методом урегулирования расовых, жилищных и межличностных споров.

С 1980-х годов приобрела юридическую поддержку: в ряде штатов были введены обязательные процедуры медиации в семейных и гражданских делах перед началом судебных разбирательств.

В 1981 году профессора Гарвардской школы права **Роджер Фишер и Уильям Юри** представили концепцию переговоров «Getting to Yes», основанную на разграничении позиций и интересов сторон. Согласно Гарвардскому методу, юридические позиции в переговорах часто противоположны, что делает компромисс невозможным. Однако за этими позициями стоят реальные интересы, которые не всегда конфликтуют. Задача медиатора — выявить и сместить фокус с позиций на интересы, что позволяет найти взаимовыгодное решение по принципу «win-win», исключая победителей и проигравших.

В 1990 году был принят Закон о разрешении альтернативных споров (Alternative Dispute Resolution Act, ADRA), который официально признал медиацию на федеральном уровне [5].

В отличие от США, где медиация развивалась более интенсивно, в Европе её активное внедрение началось только с конца XX века. Основным толчком для развития медиации стал нормативный документ Европейского Союза — Директива

№ 2008/52/ЕС, принятая в 2008 году, которая установила минимальные стандарты для процедур медиации в

гражданских и коммерческих спорах. Она задала рамки для использования в странах ЕС, хотя каждая страна самостоятельно определяет форму и объем внедрения медиации в правовую систему.

Например, в **Германии** медиация получила развитие благодаря Закону о содействии медиации, принятому в 2012 году, который сделал медиацию доступной в коммерческих и семейных делах [6]. Во **Франции** в 2016 году был принят закон, обязывающий стороны проходить медиацию по определённым семейным вопросам перед обращением в суд, а также активно развиваются программы онлайн-медиации [7].

В **Великобритании**, несмотря на выход из ЕС, медиация продолжает активно использоваться, особенно в коммерческих и трудовых спорах, и поддерживается правительственными программами [8].

Сегодня в Европе медиация активно используется в различных сферах: трудовые и семейные споры, коммерческие и гражданские дела, международные арбитражные споры и даже киберспоры. В обоих регионах наблюдается тенденция к распространению онлайн-медиации, что стало особенно актуальным после пандемии COVID-19, открывшей возможности для дистанционного урегулирования конфликтов. Европейская практика постепенно унифицируется под влиянием норм ЕС, в США регулирование остается децентрализованным и сильно зависит от конкретного штата.

Исторические пути развития медиации в США, Европе и Казахстане имеют как сходства, так и различия, обусловленные культурными и социальными особенностями регионов.

Во всех трех регионах медиация рассматривается как эффективная альтернатива судебному разбирательству, направленная на снижение нагрузки на суды и сохранение отношений между сторонами конфликта. Законодательные основы медиации имеют общие черты, такие как поддержка государственных органов и регулирование в ключевых сферах, включая семейные, трудовые и коммерческие споры.

Однако, существуют и различия. США отличаются децентрализованной системой регулирования, более ранним

началом развития медиации и активным внедрением онлайн-платформ. Европейская медиация строится на основе директив ЕС, обеспечивающих общие стандарты, но с учетом национальных особенностей. Казахстан, сохраняя культурные традиции мирного урегулирования споров, активно развивает медиацию на законодательном уровне и реализует государственные программы по ее популяризации. Несмотря на различия, все три региона демонстрируют растущую роль медиации в современном обществе и стремятся к дальнейшему совершенствованию этого института.

Анализ законодательной базы и практики применения медиации в Казахстане. Процесс становления института медиации в Казахстане начался в 1990-х годах, когда Казахстан столкнулся с многочисленными социальными и экономическими вызовами, что потребовало разработки новых механизмов разрешения конфликтов.

Общественные устои казахского народа позволяли максимально избегать конфликтных ситуаций, либо, как и в былые времена за решением вопроса идут к старшим. Однако Казахстан – это правовое государство и требуется правовой регулятор разрешения вопроса, что явилось основанием разработки, определенной нормативной правовой базы.

Во исполнение Указа Президента Республики Казахстан «О мерах по повышению эффективности правоохранительной деятельности и судебной системы в Республике Казахстан» (17.08.2010 г. № 1039) Правительству поручено принять законодательные меры, предусматривающие обеспечение расширения примирительных процедур в уголовном судопроизводстве, в том числе развитие института медиации [9]. Уже в 2011 году был принят Закон РК «О медиации» (5.08.2011 вступил в законную силу), который стал основой для развития медиации в стране. Закон регулирует общественные отношения в сфере организации медиации в Республике Казахстан, определяет ее принципы и процедуру проведения, а также статус медиатора [10].

Параллельно с законом в июле 2011 года Правительством были утверждены

Правила прохождения обучения по программе подготовки медиаторов (в новой редакции утверждены Приказом Министра информации и общественного развития РК от 14.06.2023 года № 244-НҚ) [11].

В последующие годы также были приняты дополнительные нормативные акты, регулирующие деятельность медиаторов и процедуры медиации. Более того, в апреле 2022 года Казахстан ратифицировал Конвенцию Организации Объединенных Наций о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации [12].

Кандидат исторических наук, доцент Казахстанско-Немецкого университета, профессиональный тренер-медиатор и руководитель Центра медиации и права «Парасат» - Г.А. Урозбаева, акцентируя внимание на важности формирования правовой культуры и доверия к институту медиации, детально описала этапы его развития. Это позволяет увидеть полную картину эволюции медиации в Казахстане, подчеркнув значимость её интеграции в общественную и правовую систему страны [13].

С развитием института медиации в Казахстане увеличивается количество экспертов, которые делятся своим опытом и стратегическим видением. Профессиональный медиатор, магистр права и уполномоченный по правам ребенка Восточно-Казахстанской области Каленова А.А. [14], а также профессиональный тренер-медиатор Представительства РОО «Национальная Палата Медиаторов» Дячук М.И. представляют общую позицию, направленную на дальнейшее развитие медиации в стране [15]. Их подходы включают повышение квалификации специалистов, информирование общественности и правовую поддержку, что способствует укреплению медиации как важного элемента социальной и правовой системы Казахстана.

Формируя тезисную хронологию развития института медиации, можно отметить периодичность через практику применения.

В первые годы (2011-2016гг.) происходила институционализация и популяризация института. Были созданы организации медиации, началась систематическая работа по внедрению

медиации в судебную систему и другие сферы общественной жизни.

Важную роль сыграли образовательные учреждения, которые начали активно готовить специалистов в области медиации. Следует отметить, что законодательство закрепило два типа медиаторов: профессиональный и общественный (ранее – не профессиональный), каждый из которых имеет соответствующие требования. И если профессиональный медиатор определяется необходимостью обучения и получения соответствующего подтверждения сертификатом, общественным медиатором является авторитетная личность, достигшая сорокалетнего возраста.

Образование медиаторов проводится как на профессиональной основе: общий курс медиации и специализированный курс с выдачей сертификата, подтверждающего право функционировать как профессиональный медиатор, так и форматом тренингов и курсов повышения квалификации по определенным навыкам.

С 2017 года по н.в. институт медиации находится в развитии и укреплении позиций. Медиация становится все более распространенной и востребованной практикой в Казахстане. В частности, расширяется сфера применения медиации: от гражданских и семейных споров до трудовых конфликтов и конфликтов в сфере образования. Активно развивается медиация в сфере бизнеса и корпоративного права.

Наибольшее внедрение институт профессиональной медиации получил в судебной системе. Верховный Суд инициировал и поддержал несколько пилотных проектов по внедрению медиации в судебные процессы. Эти проекты направлены на испытание и адаптацию медиативных процедур в судах. В рамках этих проектов были созданы кабинеты медиации при судах, где профессиональные медиаторы помогают сторонам разрешать споры до или в ходе судебного разбирательства.

Верховный Суд проводит мониторинг и анализ результатов применения медиации в судах, что позволяет выявлять успешные практики и области для улучшения. Сбор и анализ статистических данных о количестве дел,

разрешенных с помощью медиации, помогает оценить её эффективность и влияние на судебную систему. Деятельность Верховного Суда Республики Казахстан в развитии института медиации охватывает широкий спектр направлений, от законодательной поддержки и создания инфраструктуры до обучения судей, и информирования граждан. Эти усилия способствуют интеграции медиации в судебную систему и повышению её эффективности как метода разрешения споров.

Основным институтом в развитии общественной медиации можно назвать Ассамблею народа Казахстана, которая под своим ШАНЫПАКОМ объединила всех общественных медиаторов и координировала их работу как институт единства и согласия общества. Количество общественных медиаторов в период 2017 – 2020гг. варьировалось в порядке от 1200 до 3000 медиаторов. В домах Дружбы каждого региона функционировали кабинеты медиации АНК, на площадках которых ежегодно разрешалось порядка 10 тысяч обращений граждан. Ассамблея участвовала в реализации пилотных проектов по внедрению медиации в различных сферах общественной жизни, включая образование, семейные отношения и трудовые споры. Эти проекты позволяют тестировать и адаптировать медиативные методы в конкретных контекстах.

С 2018 года за Ассамблеей законодательно закреплено межэтническое направление медиации, что определило ее последующий функционал деятельности. Председатель Ассамблеи народа Казахстана, Президент Республики Казахстан – Токаев К.К. определил четкие ориентиры по развитию этномедиации [16]. Так, в 2022 году была разработана учебная программа по обучению этномедиации и проведены пилотные курсы обучения в регионах Казахстана. В 2023 году на базе Института прикладных этнополитических исследования Министерства культуры и информации был создан Центр этномедиации [17]. В течении 2024 года кабинеты медиации АНК регионов преобразованы в центры этномедиации. В основе своей институт этномедиации призван сформировать отечественную школу медиации в межэтнической сфере [18].

Следует отметить в развитии института медиации и образовательный компонент. Так в средних школах общеобразовательная программа содержит компонент медиации. Согласно информации Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, в 40 ВУЗах страны функционируют порядка 37 образовательных программ с модулем «медиация».

Необходимо отметить, что впервые в Казахстане и Центральной Азии Евразийский национальный университет активно реализует образовательную программу по подготовке магистрантов и докторантов этнополитологии, что является значимым в образовательной системе [19].

Наличие образовательных программ, увеличение спецкурсов по различным сферам отношений определяют актуальность медиации в реалиях текущего времени.

Правоприменительная практика применения медиации имеет место в следующих направлениях:

- судебная медиация - разрешение споров до или в ходе судебного разбирательства. Гражданские дела, семейные споры, административные дела, трудовые конфликты;

- семейная медиация - разрешение семейных конфликтов. Разводы, вопросы опеки над детьми, раздел имущества, алименты и иные семейные споры;

- трудовая медиация - разрешение трудовых споров между работодателями и работниками. Конфликты по поводу увольнений, трудовых договоров, условий труда, коллективные трудовые споры;

- коммерческая медиация - разрешение споров в сфере бизнеса и коммерческой деятельности. Конфликты между партнерами, споры по контрактам, коммерческие споры, вопросы корпоративного управления;

- школьная медиация - разрешение конфликтов среди учащихся и между учащимися и преподавателями. Буллинг, конфликты между учащимися, споры между учениками и учителями;

- межэтническая медиация (этномедиация) - разрешение межэтнических конфликтов. Споры между представителями различных этнических групп;

- медиация в сфере здравоохранения - разрешение конфликтов между пациентами и медицинским персоналом. Жалобы на качество медицинских услуг, споры по поводу лечения и диагностики, конфликты между медицинскими работниками;

- медиация в сфере недвижимости (земельные споры) - решение споров, связанных с недвижимостью. Конфликты по поводу аренды и купли-продажи недвижимости, вопросы собственности, споры между соседями по поводу границ участков и т.д.

Разнообразие направлений медиации в Казахстане позволяет адаптировать этот инструмент под конкретные потребности различных сфер и контекстов. Это способствует более эффективному разрешению конфликтов и укреплению культуры мирного урегулирования споров в обществе.

Обсуждение и выводы

В современном Казахстане медиация становится важной частью правовой системы и общественной практики. Она институционализирована через создание специализированных организации медиации, обучение и сертификацию медиаторов, а также интеграцию в различные сферы общественной жизни.

Между тем именно расширение применения медиации, актуальность правоприменительной практики требует всеобщей координации всего института, мониторинга нормативных правовых актов и создания профессионально качественной площадки деятельности.

Уполномоченным органом данного направления деятельности в Казахстане является Министерство культуры и информации. И если министерство уполномочено быть разработчиком правового регламентирования, то именно действующие практики-медиаторы определяют потребность качества предоставляемых медиативных услуг. Профессиональная медиация требует от медиатора высокой экспертности и специализированных навыков [20].

Дальнейшее развитие медиации, как способа сохранения уникального наследия народа требуют учета нескольких ключевых мер и направлений:

1. Образование и подготовка медиаторов:

- разработка и стандартизация образовательных программ для медиаторов;

- обеспечение высокого профессионального уровня медиаторов через систематическое обучение, сертификацию и продолжающееся профессиональное образование;

- внедрение специализированных программ обучения для различных типов медиации (семейная, коммерческая, межэтническая и т.д.).

2. Стандартизация и регулирование:

- разработка и внедрение единых стандартов и этических кодексов для медиаторов;

- создание надлежащей правовой базы для регулирования медиативной деятельности, включая процедуры сертификации, лицензирования и надзора за деятельностью медиаторов.

3. Институциональная поддержка:

- поддержка со стороны государственных органов в развитии медиации как важного инструмента разрешения конфликтов и укрепления общественного согласия.

4. Информационно-просветительская работа:

- проведение информационных кампаний о роли и преимуществах медиации в разрешении конфликтов;

- образование общественности о правах и возможностях использования медиации.

5. Исследования и разработка:

- проведение исследований и анализа эффективности медиации в различных сферах жизни общества;

- разработка инновационных методов и подходов к медиации, адаптированных под конкретные социокультурные и экономические условия.

6. Международное сотрудничество:

- участие в международных проектах и обмен опытом с другими странами в области медиации;

- популяризация опыта Казахстана в развитии института медиации.

7. Интеграция медиации в государственные и общественные структуры:

- внедрение медиации, в том числе через регламентацию в законодательстве в

различные сферы общественной жизни (судебная система, образование, здравоохранение, социальные службы и др.).

- сотрудничество с государственными органами для разработки и реализации медиативных программ и проектов.

Основным с перспективами на процветание успешного общества можно определить потребность обучения медиативным навыкам детей.

Внедрение медиативных практик в образовательные программы детских садов представляет собой стратегически важный шаг для формирования у подрастающего поколения навыков мирных коммуникаций и конструктивного взаимодействия.

Ранний возраст является наиболее благоприятным периодом для формирования у индивида базовых социальных навыков, включая умение разрешать конфликты мирным путем. Детские сады, выступая первыми социальными институтами вне семьи, обладают уникальной возможностью заложить фундамент для развития медиативной культуры в обществе. Дети учатся эффективно общаться, выражая свои мысли и чувства, внимательно слушая собеседников и находя компромиссные решения. Развивается эмпатия, то есть способность понимать и разделять чувства других людей, что способствует формированию толерантности и уважения к разнообразию, снижается уровень агрессии, а сотрудничество и взаимопомощь становятся нормой.

Медиация в дошкольном возрасте – это не просто способ разрешения конфликтов, но и закладка фундамента для формирования гражданского общества. Дети, освоившие основы медиации, вырастают более законопослушными, ответственными и активными гражданами, способными к конструктивному диалогу и сотрудничеству.

Таким образом, инвестируя в развитие медиативной культуры у дошкольников, мы вкладываем в будущее нашего общества, основанного на принципах мира, согласия и взаимопонимания.

Эти и многие другие меры помогут укрепить институт медиации в Казахстане и

способствовать мирному урегулированию споров и поддержке единства и согласия.

Развитие медиации должно идти параллельно с укреплением гражданского общества и демократических институтов в Казахстане. Успешное развитие медиации требует систематических усилий и сотрудничества всех сторон.

На сегодняшний день правоприменительная практика свидетельствует о новых подходах последующего развития, о потребности экспертизы по отдельным направлениям медиации, о критериях оценки (сертификации) профессионализма медиатора, качества предоставления услуги организациями медиации.

Рассматривая масштабы и горизонты влияния медиации, невозможно обойти стороной актуальный и стратегически важный вопрос интеграции медиативных навыков в системы государственного управления. Несмотря на то, что медиация в ее классическом виде не находит применение в данной сфере, медиативные компетенции становятся ключевым элементом эффективной коммуникации. Исторический анализ убедительно демонстрирует, что принципы медиации были глубоко укоренены в казахской степной дипломатии, где выдающиеся лидеры прошлого с искусством и тонкостью решали важнейшие политические и экономические вопросы, обеспечивая устойчивое развитие страны через мастерство переговоров.

В современных реалиях эта необходимость не только сохраняет свою актуальность, но и усиливается: государственные служащие обязаны обладать высокими навыками коммуникации и умением достигать консенсуса. Их способность вести диалог и находить компромиссы напрямую влияет на восприятие власти институтами гражданского общества, формируя общественное мнение о государстве как о позитивном или негативном субъекте международных и внутренних отношений. Медиативные навыки сотрудников государственных органов становятся неотъемлемым фактором укрепления доверия и формирования положительного имиджа государства [21].

Актуальность данных выводов также определена Концепцией развития

государственной службы Республики Казахстан на 2024 - 2029 годы [22], которая предлагает институциональный пересмотр текущей системы государственной службы, внедрение новых институтов, которые позволят обеспечить стабильность государственного аппарата, более четко и целенаправленно управлять ресурсами и процессами, что, в свою очередь, повысит качество услуг, предоставляемых гражданам.

В свою очередь, Концепция правовой политики Республики Казахстан до 2030 года отмечает, что правоприменительная практика обозначила ряд недостатков в правовом регулировании медиации, в связи с чем с учетом международного опыта необходимо дальнейшее развитие данного института [23]. Интеграция медиативного подхода в систему государственного управления, а также создание условий для всестороннего развития института медиации является актуальным вопросом уполномоченного органа в лице Министерства культуры и информации, определяющего стратегию развития института медиации в целом. Активное участие экспертов-практиков в формировании концепции развития медиации также позволит создать эффективную систему, отвечающую современным вызовам.

Современная система государственного управления требует от государственных служащих не только высокого уровня профессиональной подготовки, но и развитых навыков ведения переговоров, умения управлять конфликтами и эффективно взаимодействовать с различными группами населения. В условиях динамичного общественно-политического развития, роста гражданской активности и возрастания требований к транспарентности власти, медиативные компетенции становятся ключевым элементом профессионального арсенала госслужащих.

Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан осознает значимость данных навыков и в 2024–2025 учебном году внедрила программу обучения государственных служащих «Конфликт-менеджмент», реализуемую на базе Национальной школы государственной политики. Данный курс основан на

принципах медиативного подхода и направлен на развитие у государственных служащих способностей к конструктивному диалогу, критическому мышлению и поиску компромиссов.

Участниками курса стали 25 государственных служащих различного уровня – от районных звеньев местных исполнительных органов до сотрудников центральных государственных органов, включая представителей Администрации Президента. Данная межведомственная структура слушателей позволила создать уникальную образовательную среду, способствующую обмену опытом и обсуждению наиболее актуальных вопросов, связанных с конфликтами в системе госуправления.

Программа обучения «Конфликт-менеджмент» включает ключевые темы, охватывающие медиативные технологии и их применение в государственной службе. Слушатели изучили такие важные вопросы, как: медиация как инструмент управления конфликтами, специфика применения медиативных компетенций в госуправлении, взаимодействие с гражданами и общественными организациями, а также природа межведомственных и внутриведомственных конфликтов. Особое внимание уделялось инструментам и технологиям медиативного подхода, позволяющим минимизировать риски и находить конструктивные решения в сложных ситуациях.

Одной из ключевых особенностей курса стала его практическая направленность. Слушатели не только изучали теоретические основы конфликтологии и медиации, но и принимали активное участие в анализе различных кейсов, разрабатывали стратегии медиативного урегулирования гипотетических ситуаций в госслужбе, а также осваивали алгоритмы координации действий в условиях кризиса. Особую ценность представляли ролевая отработка сценариев взаимодействия госслужащих, разбор успешных практик разрешения конфликтов и анализ реальных кейсов из опыта государственных органов Казахстана. Дополнительно были организованы гостевые лекции с ведущими экспертами в области социологии, межэтнических отношений, психологии и конфликтологии, что позволило участникам

ознакомиться с разными подходами к урегулированию конфликтов и расширить инструментарий, применяемый в профессиональной деятельности.

По итогам курса слушатели представили свой анализ на тему: «Интеграция медиации в процесс государственного управления». В своих отзывах они отметили, что медиативный подход способствует снижению социальной напряженности, укреплению доверия граждан к государственным институтам, а также повышению эффективности госслужащих в переговорах, предотвращении эскалации конфликтов и принятии сбалансированных решений. Особенно полезными элементами обучения были признаны выездные лекции, практические кейсы и моделирование переговорных ситуаций, что подтвердило актуальность курса и его важность для системы государственного управления.

Курс «Конфликт-менеджмент» получил высокую оценку слушателей и был признан необходимым элементом подготовки государственных служащих. Обучение позволило участникам не только получить новые знания, но и развить практические навыки управления конфликтами, что является важнейшей компетенцией современного госслужащего.

С учетом актуальности темы и положительных результатов обучения представляется целесообразным продолжить внедрение медиативных технологий в систему государственного управления. В частности, это может быть реализовано через расширение образовательных программ Академии и рассмотрение вопроса о включении медиации в обязательные модули подготовки государственных служащих, включая уполномоченных по этике. Такой подход будет способствовать повышению качества государственного управления и укреплению эффективного взаимодействия между властью и обществом.

Заключение

История становления медиации в Казахстане отражает эволюцию этого института от традиционных методов разрешения споров к современной

правовой практике. Принятие закона о медиации, формирование институциональной базы и ее внедрение в судебную систему стали важными шагами на пути к развитию конструктивного диалога между гражданами и государственными структурами. Однако для полноценного раскрытия потенциала медиации необходимо расширить ее применение не только в судебных разбирательствах, но и в различных сферах государственного управления, экономики и общественных отношений. Современное государственное управление сталкивается с новыми вызовами, среди которых возрастающая гражданская активность, необходимость прозрачности и подотчетности власти, а также повышение требований к качеству предоставляемых услуг. В этих условиях медиация становится стратегическим инструментом эффективной коммуникации между обществом и государственными органами. Ее внедрение позволит не только оперативно разрешать возникающие конфликты, но и снижать социальную напряженность, укреплять доверие к власти и способствовать формированию устойчивых механизмов гражданского диалога.

Развитие медиативных компетенций у государственных служащих играет ключевую роль в совершенствовании системы управления. Способность к конструктивным переговорам, анализу конфликтных ситуаций и поиску компромиссных решений способствует не только повышению профессионализма чиновников, но и укреплению принципов открытого и сервисного государства. Включение медиации в управленческие процессы позволит госслужащим

эффективнее взаимодействовать с населением, находить сбалансированные решения и минимизировать конфликты, возникающие в процессе исполнения государственных функций.

Кроме того, медиация может стать важным инструментом в обеспечении общественного согласия, особенно в полиэтническом и многоконфессиональном Казахстане. Поддержание диалога, взаимного уважения и толерантности требует создания эффективных механизмов предотвращения и урегулирования межэтнических и социальных конфликтов. Медиация, основанная на принципах справедливости, уважения и поиска компромиссов, способствует сохранению стабильности, единства и политической культуры в обществе.

Культурные и исторические особенности Казахстана делают медиацию естественным элементом социального взаимодействия. Она глубоко укоренена в традициях мирного сосуществования и коллективного принятия решений. В этом контексте развитие медиативных технологий в системе госуправления является не просто административной реформой, а важным шагом к созданию более сбалансированного, инклюзивного и адаптивного управления, основанного на диалоге и сотрудничестве. Внедрение медиации на всех уровнях государственного управления станет катализатором устойчивого развития страны, повышая эффективность управленческих решений, снижая уровень бюрократизации и способствуя формированию открытого, справедливого и доверительного взаимодействия между государством и гражданами.

Список литературы

1. Хафизова К. Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Монография. – Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. – 476 с.
2. Абусеитова М.Х., Казахстан и Центральная Азия в XV–XVII вв.: история, политика, дипломатия. Алматы: 1998. 257с
3. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Справедливый Казахстан: закон и порядок, экономический рост, общественный оптимизм» от 02.09.2024г. // URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-spravedlivyy-kazahstan-zakon-i-poryadok-ekonomicheskii-rost-obshchestvennyy-optimizm-285014> (дата обращения: 10.11.2024).
4. Federal Mediation and Conciliation Service. FMCS History. FMCS Website // URL: <https://www.fmcs.gov/> (Retrieved: 11.11.2024).

5. Alternative Dispute Resolution Act of 1990, Public Law 101-650, 1990. // URL: <https://www.congress.gov/101/statute/STATUTE-104/STATUTE-104-Pg2736.pdf> (Retrieved:11.11.2024).
6. Mediation Act (as amended by the Tenth Regulation of August 31, 2015, on Competence Adjustment), Germany // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/17670> (Retrieved:11.11.2024).
7. History of the Judicial System in France chrome-extension: // URL: <https://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.legal-tools.org/doc/4d17d5/pdf/> (Retrieved: 12.11.2024).
8. Conciliation and Arbitration Service has a separate website // URL: <https://www.gov.uk/government/organisations/acas> (Retrieved: 12.11.2024).
9. Указ Президента Республики Казахстан «О мерах по повышению эффективности правоохранительной деятельности и судебной системы в Республике Казахстан» // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U100001039> (дата обращения: 12.11.2024).
10. Закон РК «О медиации» // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/T1100000401> (Retrieved: 12.11.2024).
11. Об утверждении Правил прохождения обучения по программе подготовки медиаторов. Приказ Министра информации и общественного развития Республики Казахстан от 14 июня 2023 года № 244-НҚ. // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300032854> (дата обращения: 13.11.2024).
12. Закон РК «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации от 25 апреля 2022 года № 116-VII ЗРК. // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000116> (дата обращения: 13.11.2024).
13. Исмуханова Г.Г., Урозбаева, Г.А., Развитие института этномедиации в Казахстане: проблемы и перспективы. // *Вестник КазНУ. Серия философии, культурологии и политологии*, 2023, №85 (3). С.70-80
14. Каленова А., Медиация в Казахстане. Перспективы развития, октябрь 2023 года. Выступление на заседании совета медиации АНК.
15. Дячук М. Развитие института медиации в Республике Казахстан», // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-instituta-mediatsii-v-respublike-kazahstan> (дата обращения: 13.11.2024).
16. Решение Совета АНК (под председательством К.К.Токаева) № 21-01-10.2 от 21.10.2021 года.
17. Решение XXXI сессии АНК (под председательством К.К.Токаева) № 22-35-2.2 от 29 апреля 2022 года.
18. Решение XXXIII сессии АНК (под председательством К.К.Токаева) № 24-35-1.1 от 25 апреля 2024 года.
19. «ЕНУ подготовил первых этнополитологов-магистрантов в Казахстане», 03.07.2023 Официальный сайт ЕНУ, // URL: <https://www.enu.kz/ru/news/453> (дата обращения: 13.11.2024).
20. Рахимзаде И., «Медиация – сфера тонкая» // *Казахстанская правда* // URL: <https://kazpravda.kz/n/mediatsiya-sfera-tonkaya/> (дата обращения: 13.11.2024).
21. Рахимзаде И., «Медиация: от компромисса – к соглашению» // *Казахстанская правда* №1287 от 5.08.2018
22. Об утверждении Концепции развития государственной службы Республики Казахстан на 2024 - 2029 годы. Указ Президента Республики Казахстан от 17 июля 2024 года № 602.
23. Указ Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года № 674 «Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 годы».

References

1. Khafizova K. Steppe rulers and their diplomacy in the XVIII–XIX centuries. Monograph. – Nur Sultan: KazISS under the President of the Republic of Kazakhstan, 2019. – 476 p.
2. Abuseitova M.H., Kazakhstan and Central Asia in the XV-XVII centuries: history, politics, diplomacy. Almaty: 1998. 257 p.
3. The message of the Head of State Kassym-Jomart Tokayev to the people of Kazakhstan "Fair Kazakhstan: law and order, economic growth, public optimism" dated 02.09.2024 // URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-spravedlivyy-kazahstan-zakon-i-poryadok-ekonomicheskiiy-rost-obshchestvennyy-optimizm-285014> (date of application: 10.11.2024).
4. Federal Mediation and Conciliation Service. FMCS History. FMCS Website // URL: <https://www.fmcs.gov/> (Retrieved: 11.11.2024).
5. Alternative Dispute Resolution Act of 1990, Public Law 101-650, 1990. // URL: <https://www.congress.gov/101/statute/STATUTE-104/STATUTE-104-Pg2736.pdf> (Retrieved:11.11.2024).

6. Mediation Act (as amended by the Tenth Regulation of August 31, 2015, on Competence Adjustment), Germany // URL: [https:// www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/17670](https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/17670) (Retrieved: 11.11.2024).
7. History of the Judicial System in France chrome-extension: // URL: <https://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.legal-tools.org/doc/4d17d5/pdf/> (Retrieved: 12.11.2024).
8. Conciliation and Arbitration Service has a separate website // URL: [https:// www.gov.uk/](https://www.gov.uk/)
9. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan "On measures to improve the effectiveness of law enforcement and the judicial system in the Republic of Kazakhstan" / / URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U100001039> (Retrieved: 12.11.2024).
10. The Law of the Republic of Kazakhstan "On mediation" / / URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/T1100000401> (Retrieved: 11.12.2024).
11. On the utilization of the Rules for the passage of the arrangement according to the training program for mediators. Order of the Minister of Information and Public Development of the Republic of Kazakhstan dated June 14, 2023 No. 244-NK // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300032854> (Retrieved: 11.13.2024).
12. The Law of the Republic of Kazakhstan "On Ratification of the United Nations Convention on International Agreements Reached in the Mediation Decision No. 116-VII ZRK dated April 25, 2022 // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000116> (Retrieved: 11/13/2024).
13. Ismukhanova G.G., Urazbaeva G.A., and Development of the Institute of ethno mediation in Kazakhstan: problems and prospects // Development of the Institute of Ethnomediation in Kazakhstan: problems and prospects. // Bulletin of the Treasury. Philosophy, Cultural Studies and Political Science Series, 2023, No.85 (3). P.70-80
14. Kalenova A., Mediation in Kazakhstan. Development prospects, October 2023. Speech at the meeting of the APK Mediation Council.
15. Dyachuk M. Development of the Institute of mediation in the Republic of Kazakhstan", // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-instituta-mediatsii-v-respublike-kazahstan> (Retrieved: 11.13.2024).
16. Decision of the APK Council (chaired by K.K.Tokayev) No. 21-01-10.2 dated 10/21/2021.
17. Decision of the XXXI session of the APK (chaired by K.K.Tokayev) No. 22-35-2.2 dated April 29, 2022.
18. Decision of the XXXIII session of the APK (chaired by K.K.Tokayev) No. 24-35-1.1 dated April 25, 2024
19. "ENU prepared the first ethnopolitologists-undergraduates in Kazakhstan", 07/03/2023 ENU official website, // URL: <https://www.enu.kz/ru/news/453> (Retrieved: 11.13.2024).
20. Rahimzade I., "Mediation is a subtle sphere" // Kazakhstanskaya pravda // URL: <https://kazpravda.kz/n/mediatsiya-sfera-tonkaya/> (date of appeal: 11/13/2024).
21. Rahimzade I., "Mediation: from compromise to agreement" // Kazakhstanskaya Pravda No.1287 dated 08/5/2018
22. On approval of the Concept of development of the civil, service of the Republic of Kazakhstan for 2024-2029. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated July 17, 2024 No. 602.
23. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated October 15, 2021, No. 674 "On approval of the Concept of Legal Policy of the Republic of Kazakhstan until 2030".

МЕДИАЦИЯ ТИІМДІ МЕМЛЕКЕТТІК БАСҚАРУДЫҢ ҚҰРАЛЫ РЕТІНДЕ: ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ТӘЖІРИБЕ
Инара РАХИМЗАДЕ, ҚР Президенті Әкімшілігі Қазақстан халқы Ассамблеясы Хатшылығының консультанты, Астана, Қазақстан Республикасы, i.rahimzade@akorda.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0000-3618-4284>.

MEDIATION AS A TOOL FOR EFFECTIVE PUBLIC ADMINISTRATION: INTERNATIONAL EXPERIENCE
Inara RAHIMZADE, Consultant of the Secretariat of the Assembly of People of Kazakhstan of the Presidential Administration of the Republic of Kazakhstan, Astana, Republic of Kazakhstan, i.rahimzade@akorda.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0000-3618-4284>.

ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ ГОСПОЛИТИКА: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ КАЗАХСТАНА

**Салтанат
ДЖАНОНОВА ***

PhD по социальной политике, лектор Школы политических исследований, Бристольский университет, Великобритания, научный советник Корпоративного Фонда «Национальный Аналитический Центр», Назарбаев Университет, г.Астана, Казахстан, saltanat.janenova@bristol.ac.uk, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8129-3543>

Дата поступления рукописи в редакцию: 13/01/2025

Доработано: 11/03/2025

Принято: 12/03/2025

DOI: 10.52123/1994-2370-2025-1408

УДК 351/354

МРНТИ 11.01.11

Аннотация. В данной статье представлен анализ международного опыта в сфере поведенческой госполитики и анализ потенциала применения поведенческих подходов в госсекторе Казахстана. Поведенческая госполитика – это относительно новая мультидисциплинарная наука, основанная на стыке нейropsychологии, поведенческой экономики, социологии, государственного управления, и активно применяется в различных сферах государственного управления в странах Европы и Азии. В исследовании использован литературный обзор, проведён анализ нормативных документов и отчетов международных организаций. Были изучены разные аспекты применения поведенческой госполитики, включая методологию, этику, вызовы и барьеры для поведенческого анализа, и новые возможности для формирования госполитики на основе научных доказательств. Автор предлагает рекомендации по потенциальному применению поведенческой госполитики в Казахстане. Данное исследование будет представлять интерес для практиков и госслужащих, а также преподавателей и студентов, изучающих инновации в сфере государственного управления.

Ключевые слова: поведенческая госполитика, поведенческая экономика, благополучие граждан.

Аңдатпа. Мінез-құлық құралдарын Қазақстанның мемлекеттік секторында пайдалану мүмкіндігін анықтау мақсатымен бұл мақалада мінез-құлық мемлекеттік саясат саласындағы халықаралық тәжірибеге талдау жасалған. Мінез-құлық мемлекеттік саясаты - бұл нейropsychология, мінез-құлық экономикасы, әлеуметтану мен мемлекеттік басқаруға негізделген жаңа көпсалалы ғылым және ол Еуропа мен Азия елдерінің мемлекеттік басқару салаларында кеңінен қолданылады. Зерттеуде әдебиетке шолу, нормативтік құжаттарға және халықаралық ұйымдардың есептеріне талдау жасалады. Мінез-құлық мемлекеттік саясатын қолданудың әртүрлі аспектілері зерттеледі, соның ішінде әдіснама, этика, мінез-құлық талдауын жүргізудегі қиындықтар мен кедергілер, дәлелді саясатты құрудың жаңа мүмкіндіктері қарастырылады. Автор Қазақстанда мінез-құлық мемлекеттік саясатын қолдану бойынша ұсыныстар жасайды. Бұл зерттеу практиктер мен мемлекеттік қызметшілерге, сондай-ақ мемлекеттік басқарудағы инновацияны үйренетін оқытушылар мен студенттерге қызықты болады.

Түйінді сөздер: мінез-құлық мемлекеттік саясаты, мінез-құлық экономикасы, азаматтардың әл-ауқаты.

Abstract. This article presents an analysis of international experience in the field of behavioural public policy and analysis of the potential of using behavioural tools in the public sector of Kazakhstan. Behavioural public policy is a relatively new multidisciplinary science based on neuropsychology, behavioural economics, sociology, and public administration, and is actively used in various areas of public administration around the world. The study is based on literature review, an analysis of regulatory documents and reports of international organisations. Various aspects of the application of behavioural public policy were examined including methodology, ethics, challenges and barriers to behavioural analysis, and new opportunities for formulating evidence-based policy decisions. The author offers some recommendations for the potential application of behavioural public policy in Kazakhstan. This study will be of interest to practitioners and civil servants, as well as university teachers and students studying innovations in public administration.

Keywords: behavioural public policy, behavioural economics, citizen well-being.

* Автор для корреспонденции: Салтанат Джаненова, saltanat.janenova@bristol.ac.uk

Введение

За последнее десятилетие наблюдается высокий рост интереса к науке о поведенческой госполитике со стороны правительств по всему миру. Мультидисциплинарная наука, основанная на стыке когнитивной психологии, поведенческой экономики, социологии, и госуправления изменила традиционные подходы государственной политики в сфере здравоохранения, социального обеспечения, сбора налогов, экологии, транспорта и других областях. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что Казахстан стремится повысить качество разработки государственных программ и опираться на научные доказательства для принятия решений в разных сферах госуправления.

В своем выступлении на заседании Совета по науке и технологиям при Президенте РК 12 апреля 2024 года, Глава государства Касым-Жомарт Токаев призвал университеты более активно взаимодействовать с госсектором: *«Университеты и научно-исследовательские организации должны стать стратегическим центром, вносящим значительный вклад в социально-экономическое развитие страны»* [1]. В свою очередь, Премьер-Министр РК Олжас Бектенов, отметил во время заседания Высшей научно-технической комиссии 20 ноября 2024 года: *«Глава государства неоднократно отмечал важность развития прикладной науки и тесной работы научно-исследовательских институтов и вузов с реальным сектором экономики. [...] Мы должны видеть практические результаты применения научных исследований»* [2].

На сегодняшний день Казахстан значительно отстает от стран-членов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в области применения научных доказательств для формирования и реализации госполитики. Взаимодействие между наукой и госаппаратом в стране остается недостаточно развитым, что подтверждает политическое руководство страны [1], [2]. В большинстве случаев государственные органы в Казахстане, как и в соседних странах Центральной Азии, формулируют и внедряют новые

политические решения без критического анализа научных данных, проведения пилотных проектов, и корректировки политики по результатам экспериментов. Политические госслужащие в странах региона Евразия продолжают опираться на мнения ближайшего круга подчиненных, чья личная преданность руководителю ценится больше, чем профессионализм и компетенции сотрудников [3], [4]. В результате «командного подхода» политические решения часто основываются на субъективных и предвзятых мнениях узкой группы, без учета научных доказательств и мнений независимых экспертов. Госаппарат в Казахстане часто прибегает к использованию классических инструментов госполитики таких, как повышение размера штрафов и налогов, усиление административной ответственности. В контексте социально-экономической напряженности применение «жестких методов» госполитики вместе с неэффективной коммуникацией между госорганами и гражданами, приводит к кризису доверия общества [5]. В свою очередь, поведенческая госполитика предлагает более «мягкие методы» для повышения доверия общества к госаппарату. Эта междисциплинарная наука помогает провести анализ моделей поведения граждан и бизнес организаций в разных сферах и предлагает «легкие толчки» («nudging»), направленные на изменение поведения общества для повышения его благополучия. Многие ученые (например, Strömer; Tammes; Thaler и Sunstein) призывают правительства во всем мире серьезно отнестись к идее «архитектуры выбора» и формулировать госполитику таким образом, чтобы «подталкивать» людей к более рациональным решениям для повышения благополучия всего общества [6], [7], [8]. «Легкие толчки» являются наиболее популярным методом поведенческих изменений, например:

- 1) перестановка фруктов и овощей в школах и супермаркетах, чтобы привлечь внимание детей и взрослых к выбору здоровых продуктов;
- 2) графические предупреждения на пачках сигарет;
- 3) сообщения, чтобы люди не использовали слишком много бумажных полотенец или электроэнергии – эти и

другие «легкие толчки» давно стали частью повседневной жизни граждан во многих странах [8].

Первый поведенческий центр в мире, *Behavioural Insights Team* (BIT), был создан в 2010 году при правительстве Дэвида Кэмерона в Кабинете министров Великобритании. Позже BIT стал квази-государственной, и потом независимой компанией со 150 сотрудниками, которая консультирует и тестирует поведенческие подходы для правительств многих стран. BIT служит моделью для создания центров поведенческого анализа по всему миру. За последние десять лет стремительно выросло количество аналитических и исследовательских центров, возглавляемых учеными для поддержки госорганов в применении поведенческого анализа. Последовав за примером Великобритании, поведенческие центры были созданы в Австралии, Франции, Германии, Японии, Нидерландах, Сингапуре, и США [9]. Аналогичные центры поведенческого анализа действуют во Всемирном банке, Организации Объединенных Наций (ООН), ОЭСР, и Европейской Комиссии.

Приведем несколько примеров практического применения «легких толчков»: Автоматическое включение сотрудников в пенсионные системы более эффективно влияет на увеличение пенсионных сбережений, чем налоговые льготы.

Поощрение физической активности пожилых людей. Сокращение количества необоснованных назначений антибиотиков. Повышение оплаты налогов с использованием SMS-сообщений для стимулирования налоговой дисциплины. Введение гибкого рабочего графика на госслужбе значительно повышает количество заявок о приеме на работу, особенно от женщин [9].

На сегодняшний день многие страны уделяют все больше внимания

поведенческим моделям для принятия *научно-обоснованных решений* в различных сферах госуправления. Использование поведенческих моделей помогает госслужащим выявлять глубинные причины, влияющие на поведение граждан и бизнеса. Рост популярности поведенческих инструментов среди правительств, стремящихся (например) улучшить качество здравоохранения, или ускорить сбор налогов с предпринимателей, привел к увеличению количества и видов центров, призванных помочь политическим управленцам применять поведенческий анализ в формировании и совершенствовании госполитики [10]. Поведенческая госполитика может предложить Казахстану новые возможности для усовершенствования процесса формирования и корректировки политики в разных сферах. Как отметил председатель управляющего комитета Астанинского Хаба государственной службы Алихан Байменов: «*Очень актуальным является уровень доверия. Доверие выступает не только социальным, но и важным административным капиталом. В связи с этим среди инструментов выработки и проведения политики уместно было бы обратить внимание на так называемый behavioural policy making*» [11].

Целью данной статьи является анализ международного опыта в области поведенческой госполитики, и определение новых возможностей для Казахстана. В статье предлагаются рекомендации по потенциальному применению поведенческого анализа в стране. Данная статья представляет интерес для практиков и госслужащих, заинтересованных в изучении международного опыта в сфере поведенческой госполитики, а также ученых, преподавателей, и студентов.

Материалы и методы

В данном исследовании мы задаем следующие исследовательские вопросы:

Какую роль играет поведенческая госполитика в международной практике госуправления?

Какие потенциальные возможности и вызовы несет поведенческая госполитика для Казахстана?

В ходе исследования применены методы сравнительного анализа, обзора зарубежной научной и практической литературы. Для сбора первичной информации были проанализированы теоретическая база, отчёты международных организаций и государственных органов стран ОЭСР в сфере поведенческой госполитики. Был

изучен онлайн портал Обсерватории ОЭСР по инновациям в госсекторе, содержащий кейсы разных стран по применению поведенческого анализа и глобальную цифровую карту поведенческих центров в мире.

Результаты и обсуждение

Поведенческая госполитика: обзор международного опыта

В этом разделе основное внимание уделяется обзору международного опыта поведенческой госполитики, которая вдохновила правительства во многих странах Европы и Азии. Ученые Sanders и со-авторы, Straßheim, Whitehead и соавторы изучили рост и распространение поведенческой госполитики по всему миру на основе глобального обзора международной практики [12], [6], [13]. Многие государственные органы и международные организации создали поведенческие команды и научно-прикладные центры для проведения экспериментов и изучения влияния поведенческих подходов на изменение социальных норм и моделей поведения [12], [13].

Vaggio и соавторы анализируют применение поведенческих идей в разработке политики Европейской комиссии и призывают к строгому методологическому подходу и более активному сотрудничеству с бизнес-сектором и академическими кругами [14]. В обзоре поведенческой политики в Соединенных Штатах Америки, Gopalan и Pirog предлагают новую организационную структуру для дальнейшей интеграции поведенческих идей на различных этапах анализа и разработки политики [15]. Mukherjee и Giest дают определение поведенческим центрам как «*уникальным посредникам знаний*», адаптирующих поведенческие идеи для разработки политики, которые влияют на уровень политической поддержки и их структурное разнообразие в различных госорганах [16]. Кроме того, Howlett and Leong предлагают общие уроки для поведенческой госполитики путем смещения фокуса с индивидуального поведения на коллективные действия и институциональную культуру [17].

На основе репрезентативных опросов в восьми выбранных странах,

Sunstein и Reisch провели исследование, которое изучает мнения общественности людей о поведенческих методах [18]. Исследование охватывает Австралию, Бразилию, Канаду, Китай, Японию, Россию, Южную Африку, и Южную Корею. Главный вывод данного исследования заключается в том, что хотя большинство граждан одобряют «легкие подталкивания» в области здравоохранения и общественной безопасности, разные страны делятся на три основных категории: группа стран, в основном либеральные демократии, где подавляющее большинство одобряет «легкие толчки», если они соответствуют интересам и ценностям граждан и не имеют противозаконных целей; группа стран, где подавляющее большинство одобряет почти все «легкие толчки»; и группа стран, которые обычно демонстрируют одобрение большинства, но сниженные показатели одобрения [18]. Помимо преимуществ в части применения поведенческих методов для разработки госполитики, ученые и практики высказывают критические взгляды по данному вопросу. Straßheim утверждает, что побочные эффекты поведенческих стратегий являются результатом методологических и концептуальных ошибок, которые могут привести к коллективным неудачам [6]. В исследовании о применении поведенческих идей в оценке влияния предложений по политике Европейского Союза, Dunlop и Radaelli выделяют различные типы предвзятости в процессе принятия политических решений [19]. Недавний отчет ВІТ предполагает, что политические должностные лица сами подвержены влиянию тех же предубеждений, с которыми они пытаются бороться [20].

Несколько ученых (Bovens и Hard; Sheffer и соавторы) разделяют мнение о множественности предубеждений в принятии решений следующим образом: Политики и госслужащие выбирают рискованную политику, в зависимости от того, как формулируются проблемы («эффекты фрейминга»);

Независимо от важности проблемы, некоторые вопросы привлекают больше внимания со стороны политиков, чем другие вопросы, что приводит к игнорированию менее заметных, но потенциально более сложных проблем

(внимание и заметность). Политические госслужащие склонны воспринимать и интерпретировать доказательства в соответствии с их личными взглядами (предвзятость убеждения). В группах люди склонны к самоцензуре и соответствию мнению большинства, в то время как аргументы других групп отвергаются (групповое подкрепление и межгрупповое противодействие).

Чем больше людей поддерживают политику, тем больше они предполагают, что у других людей

схожие взгляды («иллюзия схождения»);

Лица, принимающие решения, могут переоценивать вероятность будущего успеха и свою способность контролировать результаты

(оптимистическая предвзятость и «иллюзия контроля») [21],

[22]. Hallsworth и соавторы предлагают

такие стратегии преодоления этих предубеждений, как прозрачность в отношении доказательной базы; создание профессиональных сетей для доступа к экспертным советам и знаниям; когнитивное

разнообразие междисциплинарных команд; и учет результатов пилотных экспериментов при формировании и корректировке политики [20]. Sunstein и Reisch выделяют следующие причины низкой эффективности некоторых «легких толчков»:

1) глубокие сильные предпочтения людей;

2) успешные «контр-подталкивания»,

которые убеждают людей выбирать не то, что ожидалось;

3) некоторые подталкивания вызывают замешательство у целевой аудитории;

4) некоторые подталкивания имеют краткосрочный эффект;

5) некоторые подталкивания основаны на неточном понимании того, какие типы архитектуры выбора будут двигать людей в определенных контекстах;

6) некоторые подталкивания вызывают компенсирующее поведение, что приводит к нулевому эффекту [18].

Основываясь на своем опыте работы в BIT, Sanders, Snijders, и Hallsworth выделяют два кластера проблем, связанных как с вызовами, так и возможностями поведенческой госполитики [12]. Первый кластер касается текущих вызовов: долгосрочные эффекты «легких толчков»; эффекты повторного воздействия; побочные эффекты и непреднамеренные

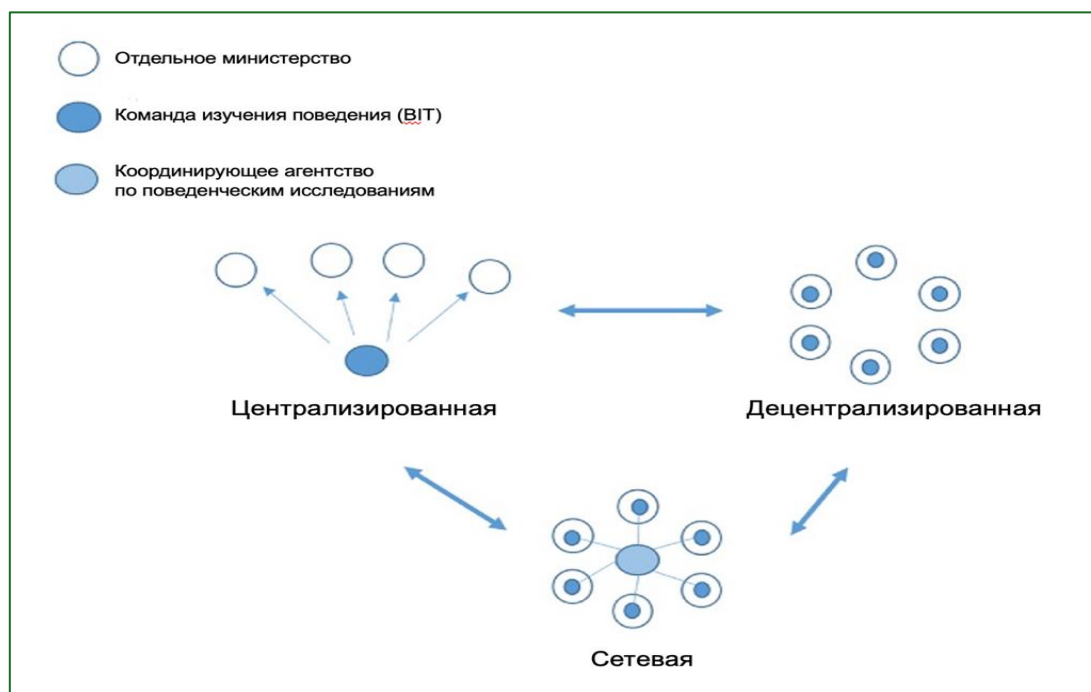
последствия; культурные различия; «обратное воздействие»; и кризис трансфера политики. Второй кластер касается возможностей поведенческой госполитики: влияние на поведение самого госаппарата; масштабирование «легких подталкиваний» на национальном уровне; социальная диффузия; и стратегия подталкивания разных организаций. Многие международные организации активно применяют поведенческий анализ в своей работе. Приведем несколько примеров из опыта международных организаций. Группа поведенческих наук Всемирного банка «Мышление, поведение и развитие» (eMBED) участвовала в более 100 проектах в более 70 странах. eMBED тесно сотрудничает с департаментами Всемирного банка и политическими госслужащими со всего мира, выявляя препятствия на пути к успеху политики и программ, а также разрабатывая и оценивая поведенческие инструменты [9]. Обсерватория ОЭСР по инновациям в государственном секторе (OPSI) была основана в 2011 году и сотрудничает с правительствами, университетами, промышленностью, глобальными НПО, и гражданским обществом в странах ОЭСР для поддержки госорганов в разработке, реализации и оценке влияния поведенческих методов [10]. OPSI разработала интерактивную карту, на которой представлены поведенческие команды по всему миру, а также онлайн портал, позволяющий экспертам делиться результатами анализа экспериментов и тестирования политики. Группа ООН по поведенческим наукам содействует применению поведенческих методов путем предоставления возможностей для обучения и обмена опытом между коллегами из разных организаций ООН [9]. Лаборатория действий по борьбе с бедностью Абдула Латифа Джамиля (J-PAL) — это глобальный исследовательский центр на базе Массачусетского технологического института, работающий над сокращением бедности и продвигающий госполитику, в том числе поведенческий анализ в странах Африки, Европы, Латинской Америки, Ближнего Востока, Северной Америки, и Юго-Восточной Азии. [10].

Поведенческие команды

Mukherjee и Giest описывают три основных модели институциональной организации поведенческих команд: централизованная, децентрализованная, и сетевая [16]. В некоторых странах поведенческие отделы находятся в структуре Кабинета Премьер-Министра или центральных госорганов; в других странах поведенческие команды находятся вне правительства; и есть много примеров, когда поведенческие группы расположены на базе университетов и исследовательских центров, которые тесно сотрудничают с госаппаратом. Одним из примеров поведенческой команды вне правительства, которая объединяет государственный сектор, бизнес, и научное

сообщество является Европейская сеть подталкивания (TEN) под управлением Инициативы по науке, обществу, и политике в сотрудничестве с ОЭСР, созданная в 2014 году для распространения поведенческих идей в странах Европы. Другим примером является некоммерческая организация Ideas42, основанная в США в 2018 году, которая стала первой в мире лабораторией поведенческого дизайна. Ideas42 объединяет экспертов и практиков для совместной работы над сложными проблемами в области здравоохранения, образования, и международного развития.

Рисунок 1: Модели поведенческих команд

Источник: на основе Mukherjee и Giest [16].

Таким образом, правительства многих стран Европы и Азии, и международные организации активно применяют разные инструменты поведенческой госполитики по широкому спектру вопросов госуправления.

Вызовы для поведенческой госполитики

Правительство Казахстана проявляет возрастающий интерес к поведенческому анализу. Однако, следует отметить, что продвижение поведенческой госполитики в контексте стран с переходной экономикой может сильно отличаться от западных развитых стран. Некоторые ученые и практики поднимают вопрос о

потенциальных рисках неэтичного использования поведенческого анализа, включая чрезмерный патернализм и скрытую манипуляцию [6], [7], [23]. Ключевым аргументом критики является утверждение, что «легкие толчки» работают путем манипулирования выбором людей [23]. Еще одна критика заключается в том, что инструмент «легких толчков» может стимулировать злоупотребление властью со стороны политических госслужащих, и что подталкивание ослабляет независимость граждан и способность людей делать самостоятельный выбор [6].

В исследовании, проведенном на основе репрезентативных опросов в пяти странах (Бельгия, Дания, Германия, Южная Корея, и США), Sunstein и Reisch изучили, одобряют ли граждане этих стран список из 15 «легких толчков», касающихся вопросов здоровья, окружающей среды, и безопасности [18]. Это исследование подтверждает корреляцию между доверием к государственным институтам и одобрением инструмента «легких толчков». Howlett и Leong утверждают, что политики и ученые должны быть готовы к неправильным ответам в поведенческом анализе или к тому, что правильных ответов не существует, и научиться встраивать в политику методы для изучения и коррекции госполитики путем пилотных экспериментов [17]. Таким образом, для успешного применения поведенческой госполитики организационная культура госсектора должна быть открытой к инновациям, экспериментам, и новым взглядам.

Выводы

На основе обзора международного опыта, и анализа потенциального применения поведенческого анализа в Казахстане, предлагаем следующие ключевые выводы: Поведенческая госполитика предлагает для Казахстана новые возможности для повышения эффективности формирования и реализации политических решений в разных сферах госуправления.

«Легкие толчки» смогут предоставить выбор гражданам и бизнес организациям для принятия более рациональных решений путем использования различных стимулов. Свобода выбора особенно важна в Казахстане, где граждане сталкиваются с различными административными штрафами, поэтому общество может с большей вероятностью принять «мягкие методы». Не существует «идеальной» институциональной модели

Перенос поведенческих инструментов из западного демократического контекста в Казахстан требует глубокого понимания социально-экономического и политического контекста страны, организационной культуры госсектора, формальных и неформальных этических норм госслужащих. Поведенческая госполитика является англо-американским

для создания поведенческих центров. Различные виды поведенческих центров могут сосуществовать в системе одного правительства. В странах, где поведенческая команда находится на центральном уровне, она может работать параллельно с различными отделами поведенческого анализа в других госорганах и университетах. Поведенческая госполитика стимулирует междисциплинарное сотрудничество между университетами, аналитическими центрами, и госорганами. Для проведения пилотных экспериментов необходимо развивать потенциал местных научных кадров и компетенции госслужащих; налаживать взаимодействие, преодолевая организационные барьеры. Такие партнерские отношения помогут определить потенциальные сферы для применения поведенческих методов; привлечь необходимую экспертизу и компетенции за пределами госаппарата; проводить пилотные эксперименты; оценивать результаты и разрабатывать госполитику на основе научных доказательств. Важно обеспечивать прозрачность и открытость диалога с независимыми экспертами и учеными для обмена разными (и противоположными) мнениями, что будет способствовать повышению доверия общества. Потенциальные вызовы применения поведенческой госполитики в контексте Казахстана взаимосвязаны с глубинными проблемами системы госслужбы и госуправления. Казахстанские ученые отмечают различные проблемы, с которыми сталкивается современная госслужба, включая специфику организационной культуры, низкий уровень мотивации персонала, слабую подотчетность госорганов, коррупционные риски, чрезмерную централизацию госаппарата, политизированность принятия решений, бюрократию [24] [25] [26] [27] [28].

феноменом, и наш обзор литературы показал, что существует зависимость от предшествующего пути развития («*path dependency*») в распространении «легких толчков» в контексте англо-американских демократий [29].

Как было отмечено выше, политическое руководство страны призвало госорганы и университеты к

налаживанию взаимодействия для формирования госполитики на основе научных доказательств [1], [2]. Поведенческая госполитика предлагает новые возможности для развития такого взаимодействия в части совместной разработки поведенческих подходов по решению широкого спектра социально-экономических вопросов; проведению пилотных экспериментов; и корректировке вариантов политики. Кроме того,

поведенческая госполитика несет международную привлекательность для страны, которая стремится присоединиться к ОЭСР. В заключение, отметим, что для применения поведенческой науки в сфере госуправления, важна сильная политическая, организационная, и финансовая поддержка со стороны правительства Казахстана на первоначальном этапе.

Источник финансирования исследования

Данное исследование было проведено при финансовой поддержке Астанинского Хаба в сфере государственной службы.

Список литературы

1. Администрация Президента РК. Выступление Касым-Жомарта Токаева на заседании Совета по науке и технологиям при Президенте Республики Казахстан от 12 апреля 2024 года. 2024. URL: <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-kasym-zhomarta-tokaeva-na-zasedanii-nacionalnogo-soveta-po-nauke-i-tehnologiyam-pri-prezidente-respubliki-kazahstan-123423> (дата обращения: 20.12.2024).
2. Аппарат Правительства РК. Олжас Бектенов провел заседание Высшей научно-технической комиссии: «Мы должны видеть практические результаты применения научных исследований», 20 ноября 2024 года. 2024. URL: <https://primeminister.kz/ru/news/olzhas-bektenov-provel-zasedanie-vysshey-nauchno-tehnicheskoy-komissii-my-dolzhny-videt-prakticheskie-rezultaty-primeneniya-nauchnykh-issledovaniy-29360> (дата обращения: 20.12.2024).
3. Knox C., Janenova S. Party Patronage in Kazakhstan. In: Political Patronage in Asian Bureaucracies. Cambridge University Press, 2023. (pp. 260-287). URL: <https://doi.org/10.1017/9781009208055.014>
4. O'Connor, K., Knox, C., Janenova, S. Bureaucrats, authoritarianism, and role conceptions. //Review of Public Personnel Administration, 2021. No 41(2), p. 358-383. URL: <https://doi.org/10.1177/0734371X19888009>
5. Nair, B., Janenova, S., Serikbayeva, B. A Primer on Policy Communication in Kazakhstan, Springer Nature, 2019. URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-981-15-0610-9>
6. Straßheim, H. The rise and spread of behavioural public policy: an opportunity for critical research and self-reflection. // International Review of Public Policy, 2020. No 2(1), p. 115-128. URL: <https://doi.org/10.4000/irpp.897>
7. Tammers, L. Behavioural Public Administration. // Oxford Research Encyclopaedia of Politics, Oxford University Press, 2020.
8. Thaler, R., Sunstein, C. Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness, New Haven, Yale University Press, 2008.
9. OECD. Delivering Better Policies Through Behavioural Insights: New Approaches, OECD Publishing, Paris, 2019. URL: <https://doi.org/10.1787/6c9291e2-en> (дата обращения: 20.12.2024).
10. Astana Civil Service Hub. Behavioural Public Policy: New Opportunities and Challenges for Kazakhstan and the Eurasia region, UNDP, Astana, 2023. URL: https://www.astanacivilservicehub.org/uploads/journal_archives/20230808_BPP.pdf (дата обращения: 20.12.2024).
11. Казахстанская правда. О трендах, кадрах и науке госуправления, Марина Демченко, 11 декабря 2024 года. URL: <https://kazpravda.kz/n/o-trendah-kadrah-i-nauke-gosupravleniya/> (дата обращения: 20.12.2024).
12. Sanders, M., Snijders, V., Hallsworth, M. Behavioural science and policy: where are we now and where are we going? //Behavioural Public Policy, 2018, No 2(2), p. 144-167. <https://doi.org/10.1017/bpp.2018.17>.
13. Whitehead, M., Jones, R., Howell, R., Lilley, R., Pykett, J. Nudging all over the world. // ESRC Report, Economic and Social Research Council, Swindon and Edinburgh, 2014.
1. Baggio, M., Ciriolo, E., Marandola, G., René van Bavel. The evolution of behaviourally informed policy-making in the EU. // Journal of European Public Policy, 2021, No 28(5), p. 658-676. <https://doi.org/10.1080/13501763.2021.1912145>.

2. Gopalan, M., Pirog, M. Applying behavioral insights in policy analysis: Recent trends in the United States. // Policy Studies Journal, 2017, No 45(1), p.82-114.
3. Mukherjee, I., Giest, S. Behavioural Insights Teams (BITs) and policy change: An exploration of impact, location, and temporality of policy advice. // Administration & Society, 2020, No 52(10), p. 1538-1561. <https://doi.org/10.1177/0095399720918315>.
4. Howlett, M., Leong, C. What is behavioral in policy studies?: how far has the discipline moved beyond traditional utilitarianism? // Journal of Behavioral Public Administration, 2022, No 5(1). <https://doi.org/10.30636/jbpa.51.292>.
5. Sunstein, C., Reisch, L. Trusting Nudges: Toward a Bill of Rights for Nudging, Abingdon: Routledge, 2019.
6. Dunlop, C., Radaelli, C. Overcoming illusions of control: How to nudge and teach regulatory humility. Bloomsbury. 2015.
7. Hallsworth, M., Egan, M., Rutter, J., McCrae, J. Behavioural government: Using behavioural science to improve how governments make decisions. // The Behavioural Insights Team, 2018. URL: <https://wiki.gccollab.ca/images/3/3e/BIT-Behavioural-Government-Report-2018.pdf> (дата обращения: 20.12.2024).
8. Bovens, L., Hard, P. Revisiting the study of policy failures. // Journal of European Public Policy, 2016, No 23(5), p. 653–666. <https://doi.org/10.1080/13501763.2015.1127273>.
9. Sheffer, L., Loewen, P., Soroka, S., Walgrave, S., Shaefer, T. Nonrepresentative representatives: An experimental study of the decision making of elected politicians. // American Political Science Review, 2018, No 112(2), p.302-321. <https://doi.org/10.1017/S0003055417000569>.
10. Sunstein, C. Nudges that fail. // Behavioural Public Policy, 2017, No 1(1), p. 4-25. <https://doi.org/10.1017/bpp.2016.3>.
11. Zharkeshova, A., Junusbekova, G., & Abilmazhinov, T. Organizational culture in the civil service of Kazakhstan: a pilot study results. // Public Policy and Administration, 2017, No 16(2), p. 311-324. <https://doi.org/10.13165/VPA-17-16-2-10>
12. Issenova, G., Bokayev, B., Nauryzbek, M., Torebekova, Z., Kosherbayeva, A., & Amirova, A. An examination of civil servants' assessment of the new civil service reforms in Kazakhstan. //Central European Journal of Public Policy, 2024, No 18(2), p. 2-16. <https://doi.org/10.2478/cejpp-2024-0006>.
13. Ayubayeva, S., Tynyshbayeva, A., & Kussainova, L. Public service efficiency: an innovative method for assessing public sector reputation. //The Innovation Journal, 2022, No 27(3), p. 1-20.
14. Sadykova, K., Abilmazhinov, T., & Zharkeshova, A. The institutional basis for effective civil service personnel management: evidence from the Republic of Kazakhstan. // Journal of Economic & Management Perspectives, 2018, No 12(1), p. 286-289.
15. Bokayev, B., Nauryzbek, M., Davletbayeva, Z., Dussipov, Y., Rysbekova, Z., & Torebekova, Z. Factors driving individual perceptions of quotidian corruption: Evidence from Kazakhstan. //Public Integrity, 2023, No 25(4), p. 380-398. <https://doi.org/10.1080/10999922.2022.2054569>.
16. John, P. The international appeal of behavioural public policy: is nudge an Anglo-American phenomenon? // Journal of Chinese Governance, 2019, No 4(2), p. 144-162. <https://doi.org/10.1080/23812346.2019.1576264>.

References

1. Administratsiya Prezidenta RK. Vystuplenie Kasym-Zhomarta Tokaeva na zasedanii nacionalnogo soveta po nauke i tehnologiyam pri Prezidente RK, 2024. URL: <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-kasym-zhomarta-tokaeva-na-zasedanii-nacionalnogo-soveta-po-nauke-i-tehnologiyam-pri-prezidente-respubliki-kazahstan-123423> (date of access: 20.12.2024).
2. Apparat Pravitelstva RK. Olzhas Bektenov provel zasedanie vysshey nauchno-technicheskoy komissii: “My dolzhny videt prakticheskie rezultaty primeneniya nauchnykh issledovaniy”, 2024. URL: <https://primeminister.kz/ru/news/olzhas-bektenov-provel-zasedanie-vysshey-nauchno-tekhicheskoy-komissii-my-dolzhny-videt-prakticheskie-rezultaty-primeneniya-nauchnykh-issledovaniy-29360> (date of access: 20.12.2024).
3. Knox C., Janenova S. Party Patronage in Kazakhstan. In: Political Patronage in Asian Bureaucracies. Cambridge University Press, 2023. (p. 260-287). URL: <https://doi.org/10.1017/9781009208055.014>.
4. O'Connor, K., Knox, C., Janenova, S. Bureaucrats, authoritarianism, and role Conceptions. //Review of Public Personnel Administration, 2021. No 41(2), p. 358-383. URL: <https://doi.org/10.1177/0734371X19888009>.
5. Nair, B., Janenova, S., Serikbayeva, B. A Primer on Policy Communication in Kazakhstan, Springer Nature, 2019. URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-981-15-0610-9>.
6. Straßheim, H. The rise and spread of behavioural public policy: an opportunity for critical research and self-reflection. // International Review of Public Policy, 2020. No 2(1), p. 115-128. URL: <https://doi.org/10.4000/irpp.897>.

7. Tammers, L. Behavioural Public Administration. // Oxford Research Encyclopaedia of Politics, Oxford University Press, 2020.
8. Thaler, R., Sunstein, C. Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness, New Haven, Yale University Press, 2008.
9. OECD. Delivering Better Policies Through Behavioural Insights: New Approaches, OECD Publishing, Paris, 2019. URL: <https://doi.org/10.1787/6c9291e2-en> (date of access: 20.12.2024).
10. Astana Civil Service Hub. Behavioural Public Policy: New Opportunities and Challenges for Kazakhstan and the Eurasia region, UNDP, Astana, 2023. URL: https://www.astanacivilservicehub.org/uploads/journal_archives/20230808_BPP.pdf (date of access: 20.12.2024).
11. Kazakhstanskaya Pravda. O trendakh, kadrakh, i nauke gosupravleniya, 2024. URL: <https://kazpravda.kz/n/o-trendah-kadrah-i-nauke-gosupravleniya/> (date of access: 20.12.2024).
12. Sanders, M., Snijders, V., Hallsworth, M. Behavioural science and policy: where are we now and where are we going? // Behavioural Public Policy, 2018, No 2(2), p. 144-167. <https://doi.org/10.1017/bpp.2018.17>.
13. Whitehead, M., Jones, R., Howell, R., Lilley, R., Pykett, J. Nudging all over the world. // ESRC Report, Economic and Social Research Council, Swindon and Edinburgh, 2014.
14. Baggio, M., Ciriolo, E., Marandola, G., René van Bavel. The evolution of behaviourally informed policy-making in the EU. // Journal of European Public Policy, 2021, No 28(5), p. 658-676. <https://doi.org/10.1080/13501763.2021.1912145>.
15. Gopalan, M., Pirog, M. Applying behavioral insights in policy analysis: Recent trends in the United States. // Policy Studies Journal, 2017, No 45(1), p.82-114.
16. Mukherjee, I., Giest, S. Behavioural Insights Teams (BITs) and policy change: An exploration of impact, location, and temporality of policy advice. // Administration & Society, 2020, No 52(10), p. 1538-1561. <https://doi.org/10.1177/0095399720918315>.
17. Howlett, M., Leong, C. What is behavioral in policy studies?: how far has the discipline moved beyond traditional utilitarianism? // Journal of Behavioral Public Administration, 2022, No 5(1). <https://doi.org/10.30636/jbpa.51.292>
18. Sunstein, C., Reisch, L. Trusting Nudges: Toward a Bill of Rights for Nudging, Abingdon: Routledge, 2019.
19. Dunlop, C., Radaelli, C. Overcoming illusions of control: How to nudge and teach regulatory humility. Bloomsbury. 2015.
20. Hallsworth, M., Egan, M., Rutter, J., McCrae, J. Behavioural government: Using behavioural science to improve how governments make decisions. // The Behavioural Insights Team, 2018. URL: <https://wiki.gccollab.ca/images/3/3e/BIT-Behavioural-Government-Report-2018.pdf> (дата обращения: 20.12.2024).
21. Bovens, L., Hard, P. Revisiting the study of policy failures. // Journal of European Public Policy, 2016, No 23(5), p. 653–666. <https://doi.org/10.1080/13501763.2015.1127273>.
22. Sheffer, L., Loewen, P., Soroka, S., Walgrave, S., Shaefer, T. Nonrepresentative representatives: An experimental study of the decision making of elected politicians. // American Political Science Review, 2018, No 112(2), p.302-321. <https://doi.org/10.1017/S0003055417000569>.
23. Sunstein, C. Nudges that fail. // Behavioural Public Policy, 2017, No 1(1), p. 4-25. <https://doi.org/10.1017/bpp.2016.3>.
24. Zharkeshova, A., Junusbekova, G., & Abilmazhinov, T. Organizational culture in the civil service of Kazakhstan: a pilot study results. // Public policy and Administration, 2017, No 16(2), p. 311-324. <https://doi.org/10.13165/VPA-17-16-2-10>
25. Issenova, G., Bokayev, B., Nauryzbek, M., Torebekova, Z., Kosherbayeva, A., & Amirova, A. An examination of civil servants' assessment of the new civil service reforms in Kazakhstan. //Central European Journal of Public Policy, 2024, No 18(2), p. 2-16. DOI: 10.2478/cejpp-2024-0006
26. Ayubayeva, S., Tynyshbayeva, A., & Kussainova, L. Public service efficiency: an innovative method for assessing public sector reputation. //The Innovation Journal, 2022, No 27(3), p. 1-20.
27. Sadykova, K., Abilmazhinov, T., & Zharkeshova, A. The institutional basis for effective civil service personnel management: evidence from the Republic of Kazakhstan. // Journal of Economic & Management Perspectives, 2018, No 12(1), p. 286-289.
28. Bokayev, B., Nauryzbek, M., Davletbayeva, Z., Dussipov, Y., Rysbekova, Z., & Torebekova, Z. Factors driving individual perceptions of quotidian corruption: Evidence from Kazakhstan. //Public Integrity, 2023, No 25(4), p. 380-398. <https://doi.org/10.1080/10999922.2022.2054569>.
29. John, P. The international appeal of behavioural public policy: is nudge an Anglo-American phenomenon? // Journal of Chinese Governance, 2019, No 4(2), p. 144-162. <https://doi.org/10.1080/23812346.2019.1576264>.

МІНЕЗ-ҚҰЛЫҚ МЕМЛЕКЕТТІК САЯСАТЫ: ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ТӘЖІРИБЕ ЖӘНЕ ҚАЗАҚСТАННЫҢ ЖАҢА МҮМКІНДІКТЕРІ

САЛТАНАТ ЖАНЕНОВА*, әлеуметтік саясат саласында PhD, Бристоль университеті Саясаттану мектебінің оқытушысы, Ұлыбритания, Назарбаев Университеті «Ұлттық талдау орталығы» корпоративтік қорының ғылыми кеңесшісі, Астана қ., Қазақстан, saltanat.janenova@bristol.ac.uk, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8129-3543>

BEHAVIOURAL PUBLIC POLICY: INTERNATIONAL EXPERIENCE AND NEW OPPORTUNITIES FOR KAZAKHSTAN

SALTANAT JANENOVA*, PhD in Social Policy, lecturer, School for Policy Studies, University of Bristol, United Kingdom, research advisor, Corporate Fund «National Analytical Center», Nazarbayev University, Astana, Kazakhstan, saltanat.janenova@bristol.ac.uk, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8129-3543>

ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПУБЛИЧНОМ МЕНЕДЖМЕНТЕ В КАЗАХСТАНЕ

Нұрлан
КҮНТУОВ *

Магистр бизнеса и управления Докторант государственного управления, Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан, Казахстан, Астана, nurlan.kuntuov@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-6980-2746>

Tadas
SUDNICKAS

Профессор, доктор наук, факультет публичного управления и бизнеса Институт Управления и политических наук, Mykolas Romeris University, Вильнюс, Литва, tsudnick@mruni.eu, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3851-9647>

Дата поступления рукописи в редакцию: 08/10/2024

Доработано: 29/01/2025

Принято: 18/03/2025

DOI: 10.52123/1994-2370-2025-1339

УДК 338.242.4

МРНТИ 82.13.01

Аннотация. Проблема исследования связана с тем, что для Республики Казахстан требуется улучшение применения проектного управления в решении разного типа задач публичного менеджмента, включая стратегическое планирование и управление. Особенно актуальна данная проблема с учетом неудачного опыта реализации первого списка национальных проектов, принятых в 2021 году и досрочно поставленных на утрату в конце 2023 года. Целью исследования является выявление проблем и направлений применения проектного управления в публичном менеджменте в Республике Казахстан. Материалы и методы: В статье исследованы нормативные акты, теоретические источники, в том числе, анализ зарубежного опыта, а также опубликованные показатели реализации национальных проектов. Результаты и обсуждение: При попытке реализации проектного подхода в Казахстане в 2021-2023 году были приняты национальные проекты по ключевым направлениям развития, которые заменили государственные программы. Но ошибки и проблемы планирования, реализации, контроля, формировании системы проектного менеджмента не дали реализовать данные проекты, в результате чего первые, наиболее громоздкие проекты, были отменены. Сейчас ведется работа по совершенствованию системы проектного менеджмента, предлагаются пути развития и улучшения данной системы. Автором статьи предложена реализация проектной системы на трехуровневой основе с действенной системой отбора, мониторинга и аудита, публичной отчетности.

Ключевые слова: проектный подход, проектное управление, проектная деятельность, национальные проекты, управление проектами

Аңдатпа. Зерттеу мәселесі Қазақстан Республикасы мемлекеттік басқару мәселелерінің әртүрлі түрлерін, соның ішінде стратегиялық жоспарлау мен басқаруды шешуде жобалық менеджментті қолдануды жетілдіруді талап ететіндігімен байланысты. Бұл мәселе 2021 жылы қабылданған және 2023 жылдың соңына дейін мерзімінен бұрын жоғалуы мүмкін ұлттық жобалардың бірінші тізбесін іске асырудың сәтсіз тәжірибесін ескере отырып өзекті болып отыр. Зерттеудің мақсаты – Қазақстан Республикасындағы мемлекеттік басқаруда жобалық менеджментті қолданудың мәселелері мен бағыттарын анықтау. Материалдар мен әдістер: Мақалада нормативтік-құқықтық актілер, теориялық дереккөздер, соның ішінде шетелдік тәжірибені талдау, сондай-ақ ұлттық жобаларды іске асырудың жарияланған көрсеткіштері қарастырылған. Нәтижелер мен талқылау: 2021-2023 жылдары Қазақстанда жобалық тәсілді енгізу әрекеті барысында мемлекеттік бағдарламаларды алмастырған дамудың негізгі бағыттары бойынша ұлттық жобалар қабылданды. Бірақ жоспарлаудағы, жүзеге асырудағы, бақылаудағы және жобаларды басқару жүйесін қалыптастырудағы қателер мен проблемалар бұл жобаларды жүзеге асыруға мүмкіндік бермеді, нәтижесінде бірінші, ең ауыр жобалар жойылды. Қазіргі уақытта жобаларды басқару жүйесін жетілдіру жұмыстары жүргізілуде және бұл жүйені дамыту және жетілдіру жолдары ұсынылуда. Мақала авторы іріктеудің, мониторингтің және аудиттің және көпшілік алдында есеп берудің тиімді жүйесі бар үш деңгейлі негізде жобалау жүйесін енгізуді ұсынды.

Түйін сөздер: жобалық тәсіл, жобаны басқару, жобалық қызмет, ұлттық жобалар, жобаны басқару

Abstract. The problem of the research is related to the fact that the Republic of Kazakhstan needs to improve the application of project management in solving various types of public management problems, including strategic planning and management. This problem is especially relevant given the unsuccessful experience of implementing the first list of national projects adopted in 2021 and prematurely put on hold at the end of 2023. The purpose of the study is to identify problems and areas of application of project management in public management in the Republic of Kazakhstan. Materials and methods: The article examines regulatory acts, theoretical sources, including an analysis of foreign experience, as well as published indicators of the implementation of national projects. Results and discussion: In an attempt to implement the project approach in Kazakhstan in 2021-2023, national projects were adopted in key development areas, which

* Автор для корреспонденции: Н. Кунтуов, nurlan.kuntuov@mail.ru

replaced state programs. But errors and problems in planning, implementation, control, and formation of a project management system did not allow these projects to be implemented, as a result of which the first, most cumbersome projects were canceled. Work is currently underway to improve the project management system, and ways to develop and improve this system are proposed. The author of the article proposed the implementation of a project system on a three-level basis with an effective system of selection, monitoring and audit, and public reporting.

Keywords: project approach, project management, project activities, national projects.

Введение

Актуальность темы исследования заключается в следующем. Проектный подход к управлению – современный подход, позволяющий достигать поставленной цели при наличии временных и ресурсных ограничений. Он предусматривает определение приоритетных целей, задач в их рамках, и формирование планов, направленных на их достижения с учетом ограниченности ресурсов и времени, при наличии ответственных лиц и подразделений за каждую задачу и за достижение генеральной цели. Проектный подход в публичном менеджменте комплексно применялся в таких государствах как Япония, Канада, Великобритания, относительно недавно – в России. В Казахстане до 2021 года реализация проектов в большей мере была связана с выполнением определенных государственных заказов, либо с реализацией проектов государственно-частного партнерства (далее – ГЧП) на концессионной или иной основе. В 2020 Президента РК К.-Ж. Токаев указал, что необходимо отказаться от программно-целевого подхода в стратегическом планировании, перейти к проектному, разрабатывать более лаконичные и понятные общественности проекты с конкретными целями и не столь существенными сроками [1]. В 2021 г. сформирована база планирования и реализации национальных проектов, утвержден первоначальный перечень национальных проектов, принят Совместный приказ Министра национальной экономики РК и Председателя АСПиР РК «О некоторых вопросах национальных проектов» [2], утвержден перечень из 10 проектов проектов [3]. В 2023 году большинство ранее утвержденных проектов первого списка было отменено, что было связано с невыполнением финансирования, мероприятий и целевых показателей. Сейчас действуют только несколько детальных проектов, утвержденных в 2022-

2023 гг. [4; 5; 6]. Важным вопросом является совершенствование механизма применения проектного подхода в стратегическом управлении.

Цель исследования – выявление проблем и направлений развития применения проектного управления в публичном менеджменте в Республике Казахстан. Временными рамками исследования являются 2021-2023гг. и 1 половина 2024 года, с учетом того, что исследование проведено в сентябре 2024 года.

Материалы и методы

При проведении исследования определен его характер, который определяет исследование как смешанное, с теоретическим и эмпирическим характером. Данные для проведения исследования:

1) Публикации в научных журналах, монографиях и диссертациях по проектному подходу в публичном менеджменте;

2) Монографии и исследования по реализации проектного подхода в том числе Ә. Ахметова, А. Евниева, Е. Әбіла, М. Жұмағали [7], И.Шварцкопфа [8];

3) НПА в сфере государственного стратегического планирования;

4) Данные Бюро национальной статистики РК <https://stat.gov.kz/>, отчеты по реализации национальных проектов МНЭ РК

Качественные методы исследования: теоретический анализ и синтез, анализ и синтез. Количественные методы: анализ количественных показателей (абсолютных, относительных), темпов роста и показателей структуры по реализации проектов.

Результаты

Проект в научной литературе рассматривается либо как временная структура, либо как временная деятельность. А.В. Алешин рассматривает проект как временную деятельность, «нацеленную на формирование каких-либо продуктов, услуг или результатов» [9; 70]. А.Т. Зуб – как совокупность связанных между собою операций, которые реализуются в определенные сроки, направлены на достижение поставленных целей, имеющие бюджет [10; 124]. Г. А. Компанейцева выделяет три основных подхода к определению проекта:

1) временная структура управления для достижения поставленной цели за срок (организационный подход);

2) целенаправленный комплекс взаимосвязанных действий со сроком и целью (функциональный подход);

3) совокупность мероприятий и одновременно структура, для реализации мероприятий (комплексный подход) [11; 366].

Поэтому проект – и комплекс целенаправленных действий, и структура управления этими действиями.

Составляющие проекта приедены в таблице 1:

Таблица 1. Основные элементы проекта

Элемент	Характеристика
Цель	Четко поставленная и имеющая количественное выражение цель, обладающая признаками значимости, достижимости
Сроки реализации	Четко поставленный срок, реализации (достижения цели)
Бюджет (ресурсы)	Четко обозначенный размер ресурсов на реализацию
Команда (ответственные)	Руководитель проекта, назначаемый заказчиком проекта, им подобранные и управляемые члены команды, отвечающие за определенные работы проекта

Источник: составлено автором на основе [9], [10]

Успешность реализации проекта зависит от достижения цели при завершении проекта, при соблюдении установленных ограничений [12; 48]. Проект ограничен по срокам и бюджету. Их можно пересматривать в ходе исполнения

проекта, но утверждает изменение сроков и бюджета заказчик проекта, и далеко не всегда изменения идут на пользу достижения целей [12; 49]. Этапы (жизненный цикл) проекта представлены в таблице 2:

Таблица 2. Основные этапы (жизненный цикл) проекта

Этап	Характеристика
Инициирование	Заказчик формулирует цели проекта, определяет в общих чертах ресурсы и сроки, назначает руководителя проекта, формируется команда
Планирование	Производится планирование: декомпозиция работ, распределение ответственности и функций, объем ресурсов; формируется общий план реализации проекта, который должен утвердить заказчик.
Реализация	Производится выполнение работ по проекту, под контролем руководителя проекта. Если реализация отличается от плана – здесь возможен возврат к планированию и корректировка проекта по бюджету и/или срокам, даже изменение цели.
Завершение	После выполнения всех работ оценивает то, достигнута ли цель, подцели, какие есть отклонения от плана, определяется степень успешности проекта

Источник: составлено автором на основе [9], [10], [12]

В публичном управлении применение проектного подхода является альтернативной функциональному, процессному и программно-целевому подходу, как и в бизнесе:

1) функциональный подход с делегирование полномочий и ответственности в рамках функциональной структуры управления;

2) процессный подход с выделением бизнес-процессов и описанием их параметров и ответственности;

3) программно-целевой подход с определением перечня целей, сроков, ресурсов на долгий срок;

4) проектный подход, описанный выше [12; 17-18].

Эти подходы используются одновременно и параллельно. В компаниях и государственных органах формируются

функциональные структуры, но могут быть выделены и идентифицированы бизнес-процессы, формироваться программы и проектные структуры для реализации проектов [12; 17]. Проектный подход, а отчасти и программно-целевой, не предполагают повторяющейся циклической деятельности, в то время как

функциональный и процессный ее имеют [13].

В деятельности органов публичного управления – то есть, в публичном менеджменте, проектная деятельность достаточно важна, поскольку проекты могут быть реализованы в следующих направлениях (рис. 1):

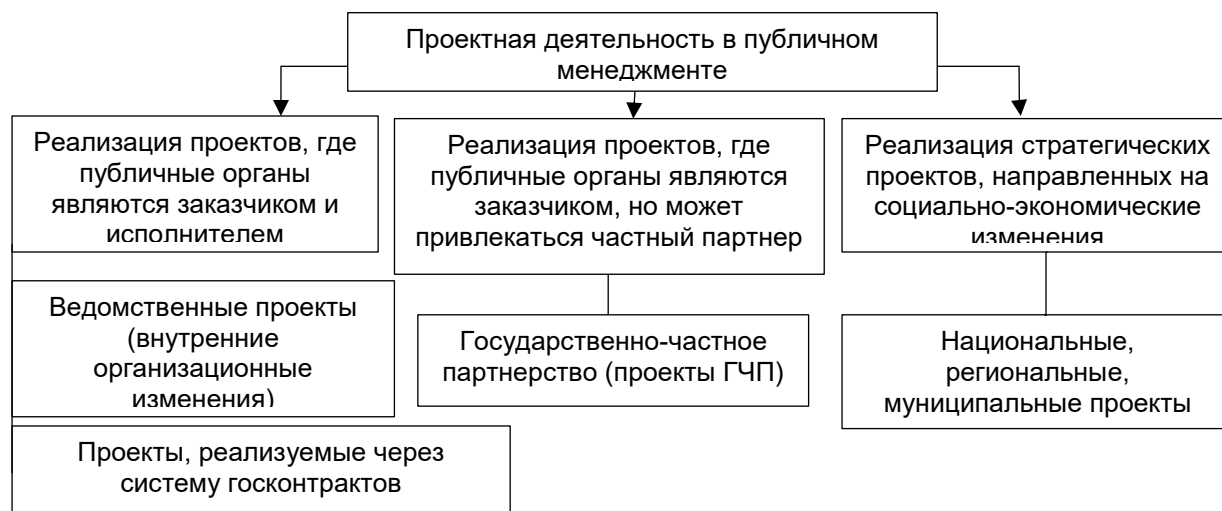

Рисунок 1. Направления проектной деятельности в публичном менеджменте
Источник: составлено автором на основе [14], [15], [16]

В зарубежной практике проектное управление активно внедряется и в странах Европы, и в иных развитых странах. Так, в Великобритании уже более чем 10 лет реализуется The Government Major Projects Portfolio (GMPP) – портфель национальных проектов, который основывается на созданной системе проектного менеджмента – национальной системе проектного управления (НСПУ). В него включают только значимые проекты по 4 направлениям: инфраструктура и строительство, услуги и трансформация, оборонный потенциал, ИКТ. Для управления GMPP создан проектный орган (проектный офис) – The Infrastructure and Projects Authority (IPA), подчиненный Министерству финансов (HM Treasury) и Аппарату правительства (Cabinet Office) [17]. В его задачи включается: совершенствование НСПУ; отбор проектов в GMPP; контроль за реализацией проектов в GMPP [17].

В НСПУ принят ряд критериев отбора проектов в GMPP для проекта:

1) выходит за рамки полномочий одного функционального государственного органа;

2) возможны дополнительные

бюджетные расходы;

3) возможны дополнительные договорные обязательства и расходы по ним;

4) возможно нежелательное увеличение затрат;

5) является уникальным, противоречивым, сложным, может привести росту;

6) необходимо применение первичного законодательства, либо одобрение Минфином [17].

При санкционировании со стороны Казначейства начинается разработка проектной документации в государственном органе, далее документация должна быть рассмотрена Комиссией по утверждению состава Портфеля национальных проектов, а по ее рекомендации проект может быть включен в портфель GMPP, утвержден Главным секретарем Казначейства. В GMPP отбираются проекты с достаточно высокой сложностью и рисками, но имеющие высокий инновационный потенциал, а простые проекты, повторяющиеся проекты, проекты с низкими рисками в GMPP не включаются. К реализации проектов в

рамках GMPP в Великобритании привлечены 21 государственный орган и подведомственные государственным органам учреждения. При высокой доле проектов в сфере GMPP в госорганах и учреждениях создается единица в штате – Руководитель проекта (Chief Project Delivery Officer, CDPO). Данный руководитель вместе с руководителем органа формирует Совет руководителей проекта. Создание подобной НСПУ в Великобритании позволило увеличить количество реализуемых проектов и программ в стране со 125 до 244 за 3 года (2020-2023), а из почти половины из них (115 из 244, бюджет 345 млрд. фунтов) потенциально извлечена будет выгода в 758 млрд. фунтов. Также за последние годы рейтинг (DCA) и состояние портфеля (projects health) значительно улучшились [18]. IPA оценивает эффективность реализации проектов в GMPP. При этом, сами органы, реализующие такие проекты, ежеквартально представляют отчеты в IPA. Но сам IPA сравнивает отчеты с более широкой статистикой и данными, проверяет общий прогресс реализации проектов, направляет в Аппарат правительства результаты оценки прогресса. IPA также проводит аудит проектов на предмет практики осуществления проектной деятельности в государственных органах, а также по целевым индикаторам, которые связаны с реализацией конкретных проектов. При успешном результате аудита проект продолжает финансирование, а при негативных результатах аудита Министерство финансов с подачи IPA могут решить перераспределить средства по поддержке проектов в пользу других, более эффективных, проектов, для обеспечения более успешной реализации всего портфеля [17]. Также в задачи IPA включается обучение и повышение квалификации проектных менеджеров. Для улучшения методологии проектной работы IPA создан Свод знаний по проектному управлению в государственном секторе (Government Body of Knowledge). Его основой стал созданный ранее Хаб по реализации проектов (Projects Delivery Hub). В стандартах содержатся инструменты и руководства для проектного менеджмента в публичной сфере. Также в Своде имеется и онлайн-платформа, которая доступна для всех

государственных служащих, участвующих в проектной деятельности [17]. В Японии в период экономической стагнации 2000-х годов вопросы разработки национальных проектов, которые существенно бы увеличили развитие экономики и усилили бы ее международную конкурентоспособность, стали актуальными. Был создан перечень национальных проектов «Новая Волна», а также с подачи Министерства промышленности и торговли Японии – методика управления проектами (модель P2M – Project and Program management). Данная модель изначально применялась только в сфере публичного менеджмента при реализации инфраструктурных проектов, либо для взаимодействия с крупным бизнесом, поддержка которого со стороны государства могла бы обеспечивать рост национальной конкурентоспособности. Но далее она стала применяться и в частном секторе как достаточно качественная методика проектного менеджмента, включающая в себя модель взаимодействия участников проектных групп, обучение работы участников в едином информационном поле, развитие системы мотивации в проектном менеджменте. В Японии в тот период также были созданы проектные офисы, информационная система поддержки проектного менеджмента, выработаны и приняты те национальные проекты, которые необходимо было реализовать [16; 100].

Российская Федерация начала внедрять систему проектного менеджмента в публичной сфере несколько раньше, чем Казахстан. Принятие нормативных документов по проектному управлению в России началось еще с 2014-2016 года. Наиболее важными НПА в этой сфере тогда стали Распоряжение Министерства экономического развития РФ «Об утверждении Методических рекомендаций по внедрению проектного управления в органах исполнительной власти» [19] и Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении плана первоочередных мероприятий по организации проектной деятельности в Правительстве РФ на 2016 и 2017 гг.» [20], Постановление Правительства РФ «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» [21]. На основе

этих документов приняты положения о проектном управлении были и в субъектах федерации. Проект, реализуемый органами государственной власти в данных документах, определялся как «комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленных на получение уникальных результатов в условиях временных и ресурсных ограничений» [21], а проектная деятельность – «деятельность, связанная с инициированием, подготовкой, реализацией и завершением проектов» [21]. Виды проектов, реализуемых в целях государственного стратегического управления:

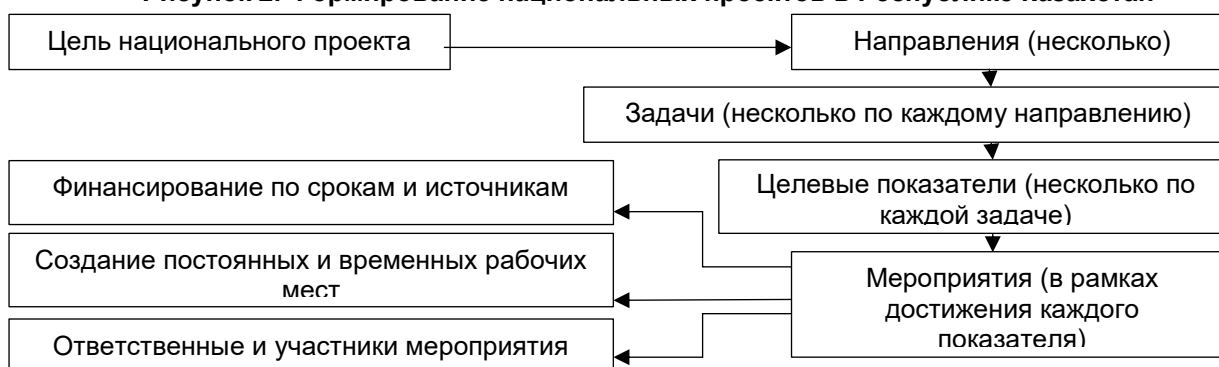
- 1) национальный проект – направленный на достижение национальных целей и целевых показателей (определяет Президент РФ);
- 2) федеральный проект, входящий в состав национального проекта – включенный более узкий проект в состав национального проекта;
- 3) федеральный проект, не входящий в состав национального проекта;
- 4) региональный проект – аналогично федеральному, реализуется на уровне субъектов РФ (может быть включен или не включен в национальный);
- 5) ведомственный проект – для решения вопросов отдельного органа власти [21];

Были созданы и проектные офисы для

поддержки проектной деятельности: Департамент проектной деятельности Правительства Российской Федерации (с 2016 года), проектные офисы в субъектах федерации с разными названиями.

Республика Казахстан в начале проектной деятельности учла опыт разных стран, как передовых западных стран и Японии, чей опыт рассмотрен выше, так и опыт России, но идеей стал полный отказ от государственных программ и замена их национальными проектами. Вместо государственных программ в 2021 году были утверждены 10 национальных проектов на 5 лет реализации [3]. Далее перечень проектов был дополнен, приняты более детальные три новых проекта в 2022–2023 годы: «Модернизация сельского здравоохранения» [4], «Комфортная школа» [5], «Доступный Интернет» [6]. Именно последние три проекта и действуют в настоящее время. Национальные проекты стали тем самым элементом в системе государственного стратегического планирования, который связал стратегию «Казахстан 2050» [24], Общенациональные приоритеты до 2025 года, Национальный план развития Казахстана до 2025 года [25], План территориального развития Казахстана [26] и ряд иных планов. Каждый национальный проект РК должен был быть реализован по следующей схеме (рис. 2):

Рисунок 2. Формирование национальных проектов в Республике Казахстан

Примечание: составлено автором на основе [3]

Цель проекта определяла направления, а они – задачи проекта, по которым приняты целевые показатели. Каждый показатель предполагает наличие мероприятий. За мероприятием закреплены ответственный, участники,

финансирование, проводилась оценка и мониторинг [2]. Но при реализации национальных проектов за 2021–2022 годы, то есть, в самом начале их реализации, имели место значительные отклонения по показателям (рис. 3):

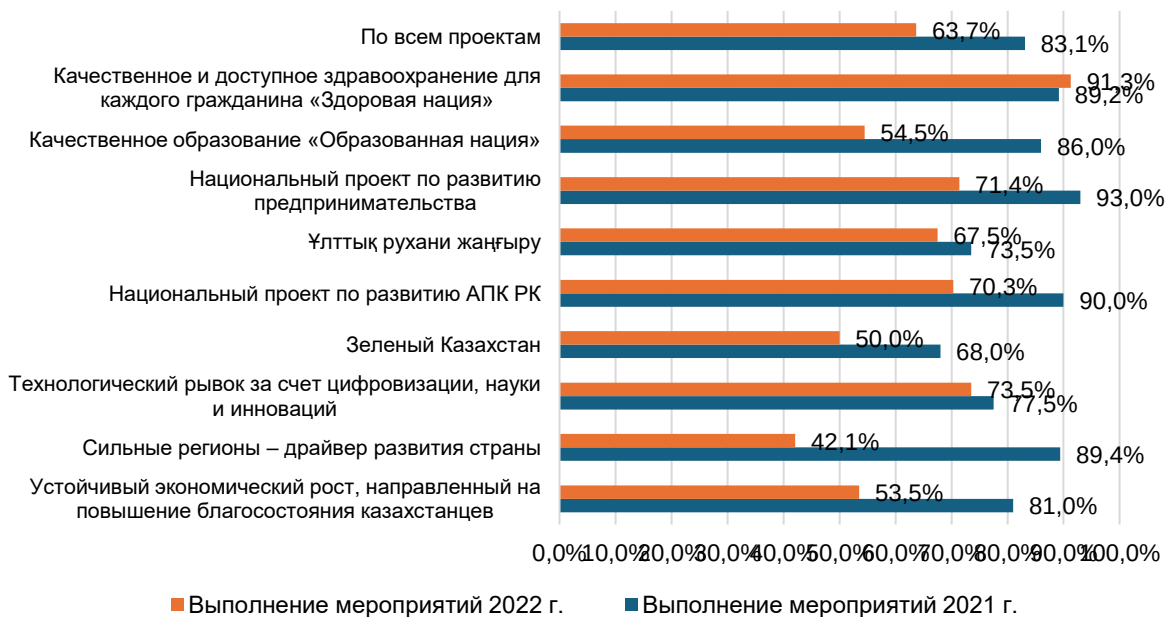
Рисунок 3. Достижение целевых показателей национальных проектов РК (принятых в 2021 г.) в 2021 и 2022 гг.

В 2022 году по большинству проектов достижение целевых показателей оказалось даже хуже, чем в 2021 году. И на 100% ни по одному из проектов показатели достигнуты не были. Налицо снижение эффективности реализации национальных проектов в 2022 году по сравнению с 2021

Примечание – составлено автором на основе [27], [28] годом (кроме проекта «Зелёный Казахстан») и в целом низкие показатели эффективности их реализации. А степень выполнения мероприятий по национальным проектам показана на рисунке 4:

Рисунок 4. Выполнение мероприятий в рамках национальных проектов РК (принятых в 2021 г.) в 2021 и 2022 гг.

Как видно, имеет место ухудшения, и вместо в среднем 83,1% в 2021 году, в 2022 году выполнение составляет только 63,7%.

Примечание – составлено автором на основе [27], [28] Отчасти это связано с недофинансированием проектов (хотя финансирование за 2021 год составило

90,8%, а за 2022 год 94,5%, но не учтено влияние инфляции), а отчасти с медленным принятием государственных решений, связанных с данными мероприятиями. Только в 2022 году по 9 рассмотренным проектам было внесено 189 корректировок по объемам финансирования, включая и сокращением объемов финансирования (195,2 млрд. тенге) и увеличение финансирования в 82 случаях (на 653,1 млрд. тенге) [33]. Учитывая все эти недостатки, в сентябре 2023 года вышло

Постановление Правительства РК «О признании утратившими силу некоторых решений Правительства Республики

Казахстан» от 22 сентября 2023 года № 828 [34], которым 9 проектов было поставлены на утрату. И в настоящее время официально реализуются только 3 принятых в 2022–2023 году проектов, как было указано ранее.

Обсуждение и выводы

В целом, можно выделить те недостатки, которые имели место в проектной деятельности в 2021–2023 году, сделавшие полный переход к проектному менеджменту в стратегическом управлении в органах публичной власти Казахстана невозможным. [7], что представлено на рисунке

Рисунок 5. Проблемы внедрения проектного подхода в систему стратегического планирования в Республике Казахстан в 2021-2023 гг.

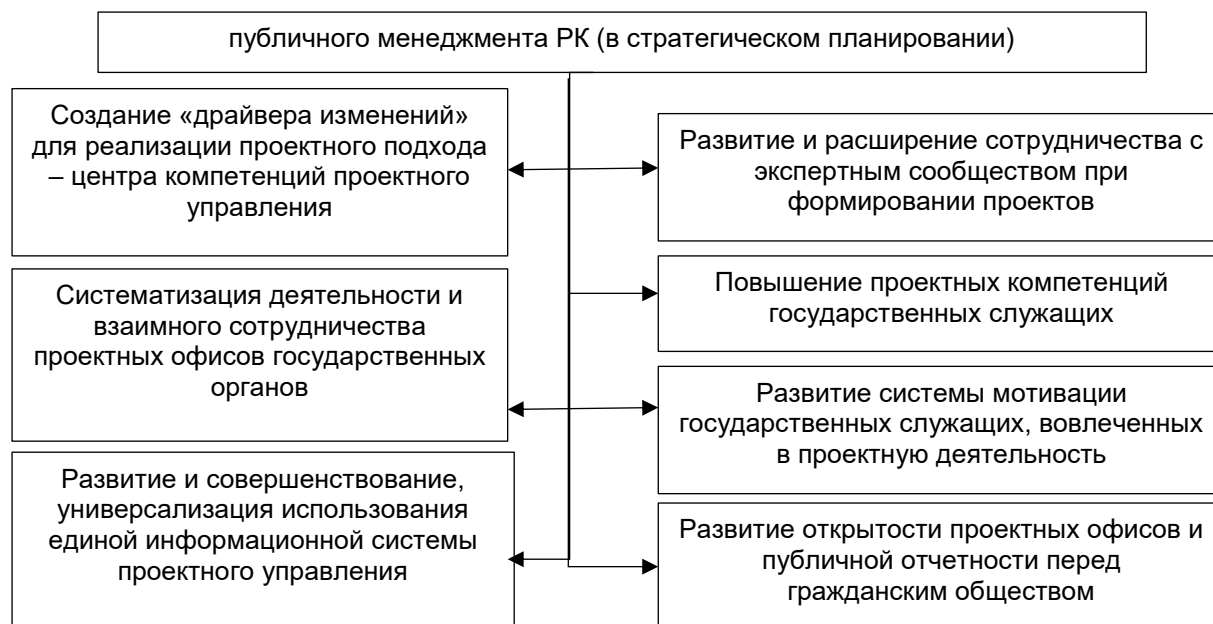
Примечание – составлено автором на основе [7]

Основной проблемой стало то, что сами национальные проекты 2021 года были достаточно громоздки по целям, направлениям и задачам, не столь конкретны, от чего мало отличались от ранее действовавших государственных программ. Определенные сбои в периодичности реализации мероприятий или их финансирования вызвали значительное недостижение целевых показателей, в целом плохие оценки реализации проектов [30]. В результате проектный Направления

совершенствования применения проектного подхода в системе менеджмент в данной сфере стал сосредоточен на 3 проектах, имеющих более узкую направленность.

Что касается перспектив совершенствования проектного подхода, до здесь следует учитывать передовой зарубежный опыт, прежде всего, британский, а также учесть те ошибки, которые были допущены при внедрение проектного подхода в стратегическое управление в 2021 году (рис. 6).

Рисунок 6. Предложения по совершенствованию применения проектного подхода в публичном менеджменте РК

Примечание – составлено автором

Также на основе рекомендации по созданию трехуровневой системы проектного менеджмента и НПО РК (разработаны в 2032 году) предполагается выстраивание трехуровневой системы следующим образом:

- 1) на высшем уровне – управление портфелями через реализацию Общенациональных приоритетов и на уровне Аппарата Правительства РК;
- 2) на среднем уровне – управление программами, на уровне госорганов при реализации документов Системы государственного планирования;
- 3) на низшем уровне – управление проектами, которые должны реализовывать проектные команды [8].

НПО РК в этом случае должна обеспечивать единство системы и методологии государственного стратегического планирования, а также информационных систем планирования и анализа, обеспечивать:

- 1) отбор проектов (с учетом критериев аналогичных британской системе проектного менеджмента);
- 2) помощь в формировании проектов органам публичного управления;
- 3) мониторинг и анализ реализации проектов;
- 4) аудит проектов, на основе которого будут приниматься определенные решения [8].

Поэтому предлагается такая система управления проектами и их мониторинга:

Рисунок 7. Предлагаемая схема проектного менеджмента в системе стратегического управления в Республике Казахстан

Примечание: составлено автором

Таким образом, актуальные проблемы, которые связаны с реализацией проектного подхода в публичном менеджменте, а именно в системе государственного стратегического планирования и управления в настоящее время: громоздкость многих проектов, низкий уровень компетенций и навыков госслужащих в части проектного управления, отсутствие централизованной системы внедрения IT-решений в проектный менеджмент, проблема достоверности и актуальности данных в ИСПУ РК, слабое межотраслевое и межведомственное взаимодействие, в т.ч. руководителей госорганов при планировании и реализации проектов, закрытость проектных офисов госорганов от общественности, слабое развитие публичной отчетности по проектам, отсутствие взаимодействия проектных офисов госорганов с экспертным сообществом. Для совершенствования проектного менеджмента в данной сфере предлагается: создание «драйвера

изменений» для реализации проектного подхода – центра компетенций проектного управления, систематизация деятельности и взаимного сотрудничества проектных офисов государственных органов, развитие и совершенствование, универсализация использования единой информационной системы проектного управления, развитие и расширение сотрудничества с экспертным сообществом при формировании проектов, повышение проектных компетенций государственных служащих, развитие системы мотивации государственных служащих, вовлеченных в проектную деятельность, развитие открытости проектных офисов и публичной отчетности перед гражданским обществом. Также предлагается создание трехуровневой системы проектного управления (портфели - программы - проекты) под контролем НПО РК, с ключевой ролью НПО в управлении данной системой, отбором, контролем, анализом и аудитом проектов

Список литературы

1. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Казахстан в новой реальности: время действий» (г. Нур-Султан, 1 сентября 2020 года). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37768784 (дата обращения: 29.01.2025)
2. Совместный приказ Министра национальной экономики Республики Казахстан и Председателя Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан «О некоторых вопросах национальных проектов» от 11 августа 2021 года № 79 от 12 августа 2021 года №1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V21000239681> (дата обращения: 29.01.2025)
3. Указ Президента Республики Казахстан «Об утверждении перечня национальных проектов» от 7 октября 2021 года № 670 (утратил силу) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38213624 (дата обращения: 29.01.2025)
4. Постановление Правительства Республики Казахстан «Об утверждении пилотного национального проекта «Модернизация сельского здравоохранения» от 30 ноября 2022 года № 962 (в ред. от 25.03.2024) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000962> (дата обращения: 29.01.2025)
5. Постановление Правительства Республики Казахстан «Об утверждении пилотного национального проекта в области образования «Комфортная школа» от 30 ноября 2022 года № 963 (в ред. от 18.03.2024) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000963> (дата обращения: 29.01.2025)
6. Постановление Правительства Республики Казахстан «Об утверждении национального проекта в области связи «Доступный Интернет» от 27 октября 2023 года № 949 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000949> (дата обращения: 29.01.2025)
7. Ахметов Ә. Улучшая благосостояние граждан и эффективность государственного аппарата: казахстанский опыт внедрения проектного менеджмента / Ә. Ахметов, А. Евниев, Е. Әбіл, М. Жұмағали. – Астана: IPMA, 2023. – 38 с.
8. Шварцкопф И. Адаптация и комплексное внедрение проектного управления в систему стратегического планирования, государственные органы и организации / И. Шварцкопф. – Астана: Министерство цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности РК, 2023. – 30 с.
9. Алешин А.В. Управление проектами: фундаментальный курс: учебник / А.В. Алешин, В.М. Аньшин, К.А. Багратиони. – М.: ИД ВШЭ, 2023. – 800 с.
10. Зуб А.Т. Управление проектами: учебник / А.Т. Зуб. – М.: Юрайт, 2023. – 397 с.
11. Компанейцева Г.А. Проектный подход: понятие, принципы, факторы эффективности / Г.А. Компанейцева // Концепт. – 2016. – Т.17. – С. 363–368.
12. Сулимов Н.Ю. Ключевые современные подходы к управлению компанией / Н.Ю. Сулимов // Экономика строительства. – 2023. – №7. – С.15-18.
13. Сидорова Н.П. Применение проектного подхода в системе управления / Н.П. Сидорова, С.Н. Басова, Т.А. Торопова // Власть и управление на Востоке России. – 2019. – №4 (89). – С.91-100.
14. Казаков А.В. Опыт и современное применение программно-целевого (проектного) управления в Российской Федерации / А.В. Казаков, А.Н. Приходько // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2021. – №3. – С.62-67.
15. Мирошниченко И. В. Проектное управление в государственном секторе: зарубежный опыт и российская практика / И.В. Мирошниченко, Л.А. Шпиро // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2019. – №3. – С.360-368.
16. Атамась Е.В. Проектное управление в органах власти: зарубежный опыт / Е.В. Атамась // РППЭ. – 2020. – №12 (122). – С.97-103.
17. Герасимова Е.А. Методология проектного управления в госорганах Великобритании / Е.А. Герасимова, В.В. Ивченко. – Москва: ФУПР, 2019. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://en.ppt-online.org/676148>
18. Annual Report on Major Projects 2021-22 // Reporting to Cabinet Office and HM Treasury. – 2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1092181/PA_AR2022.pdf (дата обращения: 29.01.2025)
19. Распоряжение Министерства экономического развития РФ «Об утверждении Методических рекомендаций по внедрению проектного управления в органах исполнительной власти» от 14 апреля 2014 г. № 26Р-АУ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.garant.ru (дата обращения: 29.01.2025)
20. Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении плана первоочередных мероприятий по организации проектной деятельности в Правительстве РФ на 2016 и 2017 гг.» от 15 октября 2016 г. № 2165-р (утратило силу). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.garant.ru (дата обращения: 29.01.2025)

21. Постановление Правительства РФ «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» от 31 октября 2018 года № 1288 (в ред. от 28.06.2022). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.garant.ru
22. Национальные проекты: Высший совет при Президенте Республики Казахстан по реформам. – Нур-Султан, 2021. – 22 с.
23. Послание Президента Республики Казахстан «Стратегия «Казахстан-2050»: Новый политический курс состоявшегося государства» (Астана, 14 декабря 2012 года). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31305418 (дата обращения: 29.01.2025)
24. Указ Президента Республики Казахстан «Об Общенациональных приоритетах Республики Казахстан до 2025 года» от 26 февраля 2021 года № 520. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000520> (дата обращения: 29.01.2025)
25. Указ Президента Республики Казахстан «Об утверждении Национального плана развития Республики Казахстан до 2025 года и признании утратившими силу некоторых указов Президента Республики Казахстан» от 15 февраля 2018 года № 636 (с изм. на 26.11.2022 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38490966.
26. Постановление Правительства Республики Казахстан «О проекте Указа Президента Республики Казахстан «Об утверждении Плана территориального развития Республики Казахстан до 2025 года» от 13 сентября 2021 года № 634. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2100000634> (дата обращения: 29.01.2025)
27. Общие итоги мониторинга реализации национальных проектов за 2021 г. – Астана: АСПР РК, 2022.
28. Общие итоги мониторинга реализации 9 национальных проектов за 2022 г. – Астана: АСПР РК, 2023.
29. Постановление Правительства РК «О признании утратившими силу некоторых решений Правительства Республики Казахстан» от 22 сентября 2023 года № 828 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000828> (дата обращения: 29.01.2025)
30. Аскаров А. В Казахстане поставлены на утрату 10 нацпроектов и две госпрограммы / А. Аскаров // Капитал КЗ. – 2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kapital.kz/economic/126998/v-kazakhstane-postavleny-na-utratu-10-natsproyektov-i-dve-gosprogrammy.html> (дата обращения: 29.01.2025)

References

1. Poslanie Glavy gosudarstva Kasym-Zhomarta Tokaeva narodu Kazakhstana «Kazakhstan v novoi realnosti: vremia deistvii» [Message of the Head of State Kassym-Jomart Tokayev to the people of Kazakhstan “Kazakhstan in a new reality: time for action” (Nur-Sultan, September 1, 2020)]. Retrieved from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37768784 (date accessed: 29.01.2025) [In Russian].
2. Sovmestnyi prikaz Ministra natsionalnoi ekonomiki Respubliki Kazakhstan i Predsedatelia Agentstva po strategicheskomu planirovaniu i reformam Respubliki Kazakhstan «O nekotorykh voprosakh natsionalnykh proektov» ot 11 avgusta 2021 goda № 79 ot 12 avgusta 2021 goda №1 [Joint Order of the Minister of National Economy of the Republic of Kazakhstan and the Chairman of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan “On Some Issues of National Projects” dated August 11, 2021 No. 79 dated August 12, 2021 No. 1]. Retrieved from: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V21000239681> (date accessed: 29.01.2025) [In Russian].
3. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan «Ob utverzhdenii perechnia natsionalnykh proektov» ot 7 oktiabria 2021 goda № 670 [Decree of the President of the Republic of Kazakhstan “On approval of the list of national projects” dated October 7, 2021 No. 670]. Retrieved from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38213624 (date accessed: 29.01.2025) [In Russian].
4. Postanovlenie Pravitelstva Respubliki Kazakhstan «Ob utverzhdenii pilotnogo natsionalnogo proekta «Modernizatsiia selskogo zdravookhraneniia» ot 30 noiabria 2022 goda № 962 [Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan “On approval of the pilot national project “Modernization of rural healthcare” dated November 30, 2022 No. 962]. Retrieved from: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000962> (date accessed: 29.01.2025) [In Russian].
5. Postanovlenie Pravitelstva Respubliki Kazakhstan «Ob utverzhdenii pilotnogo natsionalnogo proekta v oblasti obrazovaniia «Komfortnaia shkola» ot 30 noiabria 2022 goda № 963 [Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan “On approval of the pilot national project in the field of education “Comfortable School” dated November 30, 2022 No. 963]. Retrieved from: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000963> (date accessed: 29.01.2025) [In Russian].
6. Postanovlenie Pravitelstva Respubliki Kazakhstan «Ob utverzhdenii natsionalnogo proekta v oblasti sviazi «Dostupnyi Internet» ot 27 oktiabria 2023 goda № 949 [Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan “On approval of the national project in the field of communications “Accessible Internet” dated

October 27, 2023 No. 949]. Retrieved from: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000949> (date accessed: 29.01.2025) [In Russian].

7. Akhmetov, A.; Evniev, A.; Abil, E. & Zhumagali, M. (2023). Uluchshaia blagosostoianie grazhdan i ehffektivnost gosudarstvennogo apparata: kazakhstanskii opyt vnedreniia proektnogo menedzhmenta [Improving the welfare of citizens and the efficiency of the state apparatus: Kazakhstan's experience in implementing project management]. Astana: IPMA, 38 p. [In Russian].

8. Shvartskopf, I. (2023). Adaptatsiia i kompleksnoe vnedrenie proektnogo upravleniia v sistemu strategicheskogo planirovaniia, gosudarstvennye organy i organizatsii [Adaptation and comprehensive implementation of project management in the strategic planning system, government agencies and organizations]. Astana: Ministerstvo tsifrovogo razvitiia, innovatsii i aehrokosmicheskoi promyshlennosti RK, 30 p. [In Russian].

9. Aleshin, A.V.; Anshin, V.M. & Bagrationi, K.A. (2023). Upravlenie proektami: fundamentalnyi kurs: uchebnik [Project Management: Fundamental Course: Textbook]. Moscow: ID VSHEH, 800 p. [In Russian].

10. Zub, A.T. (2023). Upravlenie proektami: uchebnik [Project Management: Textbook], Moscow: Iurait, 397 p. [In Russian].

11. Kompaneitseva, G.A. (2016). Proektnyi podkhod: poniatie, printsipy, faktory effektivnosti [Project approach: concept, principles, efficiency factors], Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal «Kontsept», 17, 363–368. [In Russian].

12. Sulimov, N.Iu. (2023). Kliuchevye sovremennye podkhody k upravleniiu kompaniei [Key modern approaches to company management]. Ehkonomika stroitelstva, 7, 15-18. [In Russian].

13. Sidorova, N.P.; Basova, S.N. & Toropova, T.A. (2019). Primenenie proektnogo podkhoda v sisteme upravleniia [Application of the project approach in the management system]. Vlast i upravlenie na Vostoke Rossii, 4 (89), 91-100. [In Russian].

14. Kazakov, A.V. & Prikhodko, A.N. (2021). Opyt i sovremennoe primeneniie programmno-tselevogo (proektnogo) upravleniia v Rossiiskoi Federatsii [Experience and modern application of program-target (project) management in the Russian Federation]. Vestnik Altaiskoi akademii ehkonomiki i prava, 3, 62-67. [In Russian].

15. Miroshnichenko, I.V. & Shpiro, L.A. (2019). Proektnoe upravlenie v gosudarstvennom sektore: zarubezhnyi opyt i rossiiskaia praktika [Project management in the public sector: foreign experience and Russian practice], Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniia, 3, 360-368. [In Russian].

16. Atamas, E.V. (2020). Proyektnoye upravleniye v organakh vlasti: zarubezhnyy opyt [Project management in authorities: foreign experience], RPPE, 12 (122), 97-103. [In Russian].

17. Gerasimova, E.A. & Ivchenko, V.V. (2019). Metodologiya proektnogo upravleniia v gosorganakh Velikobritanii [Project Management Methodology in UK Government Agencies]. Moscow: FUPR, Retrieved from: <https://en.ppt-online.org/676148> (date accessed: 29.01.2025) [In Russian].

18. Annual Report on Major Projects 2021-22 (2023). Reporting to Cabinet Office and HM Treasury, Retrieved from: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1092181/PA_AR2022.pdf (date accessed: 29.01.2025) [In English].

19. Rasporiazhenie Ministerstva ekonomicheskogo razvitiia RF «Ob utverzhdenii Metodicheskikh rekomendatsii po vnedreniiu proektnogo upravleniia v organakh ispolnitelnoi vlasti» ot 14 apreliia 2014 g. № 26R-AU [Decree of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation "On Approval of Methodological Recommendations for the Implementation of Project Management in Executive Authorities" dated April 14, 2014 No. 26R-AU]. Retrieved from: www.garant.ru (date accessed: 29.01.2025) [In Russian].

20. Rasporiazhenie Pravitelstva RF «Ob utverzhdenii plana pervoocherednykh meropriatii po organizatsii proektnoi deiatelnosti v Pravitelstve RF na 2016 i 2017 gg.» ot 15 oktiabria 2016 g. № 2165-r (utratilo silu) [Decree of the Government of the Russian Federation "On approval of the plan of priority measures for the organization of project activities in the Government of the Russian Federation for 2016 and 2017." dated October 15, 2016 No. 2165-r (repealed)]. Retrieved from: www.garant.ru (date accessed: 29.01.2025) [In Russian].

21. Postanovlenie Pravitelstva RF «Ob organizatsii proektnoi deiatelnosti v Pravitelstve Rossiiskoi Federatsii» ot 31 oktiabria 2018 goda № 1288 (v red. ot 28.06.2022) [Decree of the Government of the Russian Federation "On the organization of project activities in the Government of the Russian Federation" dated October 31, 2018 No. 1288 (as amended on June 28, 2022)]. Retrieved from: www.garant.ru (date accessed: 29.01.2025) [In Russian].

22. Natsionalnye proekty: Vysshii soviet pri Prezidente Respubliki Kazakhstan po reformam [National projects: Supreme Council under the President of the Republic of Kazakhstan for reforms] (2021), Nur-Sultan, 2021, 22. [In Russian].

23. Poslanie Prezidenta Respubliki Kazakhstan «Strategiia «Kazakhstan-2050»: Novyi politicheskii kurs sostoiavshegosia gosudarstva» (Astana, 14 dekabria 2012 goda) [Message of the President of the Republic of Kazakhstan "Strategy "Kazakhstan-2050": New political course of an established state" (Astana, December

14, 2012)]. Retrieved from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31305418 (date accessed: 29.01.2025) [In Russian].

24. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan «Ob Obshchenatsionalnykh prioritakh Respubliki Kazakhstan do 2025 goda» ot 26 fevralia 2021 goda № 520 [Decree of the President of the Republic of Kazakhstan "On the National Priorities of the Republic of Kazakhstan until 2025" dated February 26, 2021 No. 520]. Retrieved from: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000520> (date accessed: 29.01.2025) [In Russian].

25. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan «Ob utverzhdenii Natsionalnogo plana razvitiia Respubliki Kazakhstan do 2025 goda i priznanii utrativshimi silu nekotorykh ukazov Prezidenta Respubliki Kazakhstan» ot 15 fevralia 2018 goda № 636 (s izm. na 26.11.2022 g.) [Decree of the President of the Republic of Kazakhstan "On approval of the National Development Plan of the Republic of Kazakhstan until 2025 and invalidation of some decrees of the President of the Republic of Kazakhstan" dated February 15, 2018 No. 636 (as amended on November 26, 2022)]. Retrieved from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38490966 (date accessed: 29.01.2025) [In Russian].

26. Postanovlenie Pravitelstva Respubliki Kazakhstan «O proekte Ukaza Prezidenta Respubliki Kazakhstan «Ob utverzhdenii Plana territorialnogo razvitiia Respubliki Kazakhstan do 2025 goda» ot 13 sentiabria 2021 goda № 634. [Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan "On the draft Decree of the President of the Republic of Kazakhstan "On approval of the Plan for the territorial development of the Republic of Kazakhstan until 2025" dated September 13, 2021 No. 634.]. Retrieved from: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2100000634> (date accessed: 29.01.2025) [In Russian].

27. Obshchie itogi monitoringa realizatsii natsionalnykh proektov za 2021 g. [General results of monitoring the implementation of national projects for 2021] (2022). Astana: ASPR RK. [In Russian].

28. Obshchie itogi monitoringa realizatsii 9 natsionalnykh proektov za 2022 g. [General results of monitoring the implementation of 9 national projects for 2022] (2023). Astana: ASPR RK. [In Russian].

29. Postanovlenie Pravitelstva RK «O priznanii utrativshimi silu nekotorykh reshenii Pravitelstva Respubliki Kazakhstan» ot 22 sentiabria 2023 goda № 828 [Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan "On the recognition of certain decisions of the Government of the Republic of Kazakhstan as invalid" dated September 22, 2023 No. 828]. Retrieved from: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000828> (date accessed: 29.01.2025) [In Russian].

30. Askarov, A. (2023). V Kazakhstane postavleny na utratu 10 natsproektov i dve gosprogrammy [Kazakhstan puts 10 national projects and two state programs at risk of being lost]. Kapital KZ. Retrieved from: <https://kapital.kz/economic/126998/v-kazakhstane-postavleny-na-utratu-10-natsproektov-i-dve-gosprogrammy.html> (date accessed: 29.01.2025) [In Russian].

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ МЕМЛЕКЕТТІК БАСҚАРУДАҒЫ ЖОБАЛЫҚ МЕНЕДЖМЕНТТІ ЕНГІЗУ ТӘЖІРИБЕСІ МЕН БОЛАШАҒЫ

Нұрлан КҮНТУОВ*, Мемлекеттік басқару докторанты, Бизнес пен басқару магистранты, Қазақстан Республикасы Президенті жанындағы Мемлекеттік басқару Академиясы, Қазақстан, Астана, nurlan.kuntuov@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-6980-2746>

Тадас СУДНИЦКАС, Профессор, ғылым докторы, Мемлекеттік басқару және бизнес факультеті, Басқару және саясаттану институты, Миколас Ромерис университеті, Вильнюс, Литва, tsudnick@mruni.eu, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3851-9647>

EXPERIENCE AND PROSPECTS FOR THE IMPLEMENTATION OF PROJECT MANAGEMENT IN PUBLIC MANAGEMENT IN KAZAKHSTAN

Nurlan KUNTUOV*, Doctoral student at the Public Administration Master of Business and Management Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Astana, nurlan.kuntuov@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-6980-2746>.

Tadas SUDNICKAS, Professor, Doctor of science, Faculty of Public Governance and Business, Institute of Management and Political Science, Mykolas Romeris University, Vilnius, Lithuania, tsudnick@mruni.eu, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3851-9647>.

ЭКОНОМИКА

ECONOMY

ЭКОНОМИКА

ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ИНВЕСТИРОВАНИЯ В РАЗВИТИЕ ВОДНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОГО РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН)

**Арман
НҰРМАҒАНБЕТОВ***

PhD по экономике, кандидат технических наук, ассоциированный профессор, профессор Института управления Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, Астана, Казахстан, a.nurmaganbetov@apa.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-2520-7781>

**Сурия
ТУРАЕВА**

PhD по химии, ассоциированный профессор кафедры охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов Университета мировой экономики и дипломатии, Ташкент, Узбекистан, sturayeva@uwed.uz, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7110-7911>

**Надежда
ШАПОШНИКОВА**

докторант Института управления Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, Астана, Казахстан, n.shaposhnikova@apa.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0003-5464-272X>

Дата поступления рукописи в редакцию: 25/11/2024

Доработано: 23/01/2024

Принято: 27/01/2025

DOI: 10.52123/1994-2370-2025-1377

УДК 330.322.21

МРНТИ 06.58.45

Аннотация. Работа посвящена проблемам отсутствия частного инвестирования в развитие водно-энергетического комплекса Центральной Азии. Проанализированы результаты экономического развития стран Центральной Азии в период с 2000 по 2021 год. Изучены проблемы, существующие в данной отрасли, причины, которые могут оказать негативное воздействие на экономическое развитие центральноазиатского региона, а также определены точки роста экономики данных стран. Рассмотрено воздействие Афганистана на обеспечение водой стран, находящихся в низовьях реки Амударьи. Установлено, что в странах Центральной Азии инвестиции в развитие водно-энергетического сектора происходят в основном за счет государственных источников. В заключении авторами работы даны практические рекомендации, направленные на изменение ситуации по устранению проблем в водно-энергетическом секторе Центральной Азии в соответствии с темой работы посредством стимулирования привлечения средств частных инвесторов и повышения инвестиционной привлекательности сектора водного хозяйства стран центральноазиатского региона.

Ключевые слова: водная безопасность, управление водными ресурсами, инвестиции, Центральная Азия, Казахстан, водная инфраструктура.

Аңдатпа. Жұмыс Орталық Азияның су-энергетикалық кешенін дамытуға жеке инвестициялардың болмауы проблемаларына арналған. 2000-2021 жылдар аралығындағы Орталық Азия елдерінің экономикалық даму нәтижелері талданды. Осы саладағы проблемалар, Орталық Азия аймағының экономикалық дамуына теріс әсер етуі мүмкін себептер зерттелді, сондай-ақ осы елдердің экономикасының өсу нүктелері анықталды. Ауғанстанның Амудария өзенінің төменгі ағысындағы елдерді сумен қамтамасыз етуге әсері қаралды. Орталық Азия елдерінде су-энергетика секторын дамытуға инвестициялар негізінен мемлекеттік көздер есебінен жүргізілетіні анықталды. Қорытындылай келе, жұмыс авторлары жеке инвесторлардың қаражатын тартуды ынталандыру және Орталық Азия өңірі елдерінің су шаруашылығы секторының инвестициялық тартымдылығын арттыру арқылы жұмыс

* Автор для корреспонденции: А. Нурмаганбетов, a.nurmaganbetov@apa.kz.

тақырыбына сәйкес Орталық Азияның су-энергетикалық секторындағы проблемаларды жою жөніндегі жағдайды өзгертуге бағытталған практикалық ұсынымдар берді.

Түйін сөздер: су қауіпсіздігі, су ресурстарын басқару, инвестициялар, Орталық Азия, Қазақстан, су инфрақұрылымы.

Abstract. The work is devoted to the problems of the lack of private investment in the development of the water and energy complex in Central Asia. The results of the economic development of the Central Asian countries in the period from 2000 to 2021 are analyzed. The problems existing in this industry, the reasons that may have a negative impact on the economic development of the Central Asian region, and the points of economic growth of these countries are identified. The impact of Afghanistan on the provision of water to the countries located in the lower reaches of the Amu Darya River is considered. It has been established that in the countries of Central Asia, investments in the development of the water and energy sector are mainly at the expense of public sources. In conclusion, the authors of the work give practical recommendations aimed at changing the situation to eliminate problems in the water and energy sector of Central Asia in accordance with the topic of the work by stimulating the attraction of funds from private investors and increasing the investment attractiveness of the water sector of the countries of the Central Asian region.

Keywords: water security, water governance, investments, Central Asia, Kazakhstan, water infrastructure.

Введение

Центральная Азия – пять республик бывшего Союза Советских Социалистических Республик (СССР) – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Эти пять республик связывает не только советское прошлое, на протяжении долгого исторического периода времени эти страны объединяли торговые, логистические, экономические и культурные связи, например Великий Шелковый Путь.

За 2000 – 2021 гг. по данным аналитиков Евразийского Банка Развития (ЕАБР) население в центральноазиатском регионе выросло в 1,4 раза, совокупный Внутренний Валовой Продукт (ВВП) увеличился в 7,5 раз, доля в мировом ВВП возросла в 1,8 раз, внешнеторговый оборот товаров увеличился в 6 раз, накопленный объем прямых иностранных инвестиций вырос в 17,2 раза. Эти цифры свидетельствуют о развитии экономики рассматриваемых стран. Современное сближение России и Китая, а также тенденции многополярного развития мира создают условия для дальнейшего развития центральноазиатского региона, в первую очередь благодаря географическому расположению и транзитному потенциалу. Вместе с этим рост ВВП в регионе влечет увеличение потребления водных ресурсов, в Кыргызстане на 5-7%, Таджикистане на 8-10%, Туркменистане на 2.5%- 6%, Узбекистане на 5.7% [1].

Одновременно Центральная Азия уязвима к изменению климата, в том числе

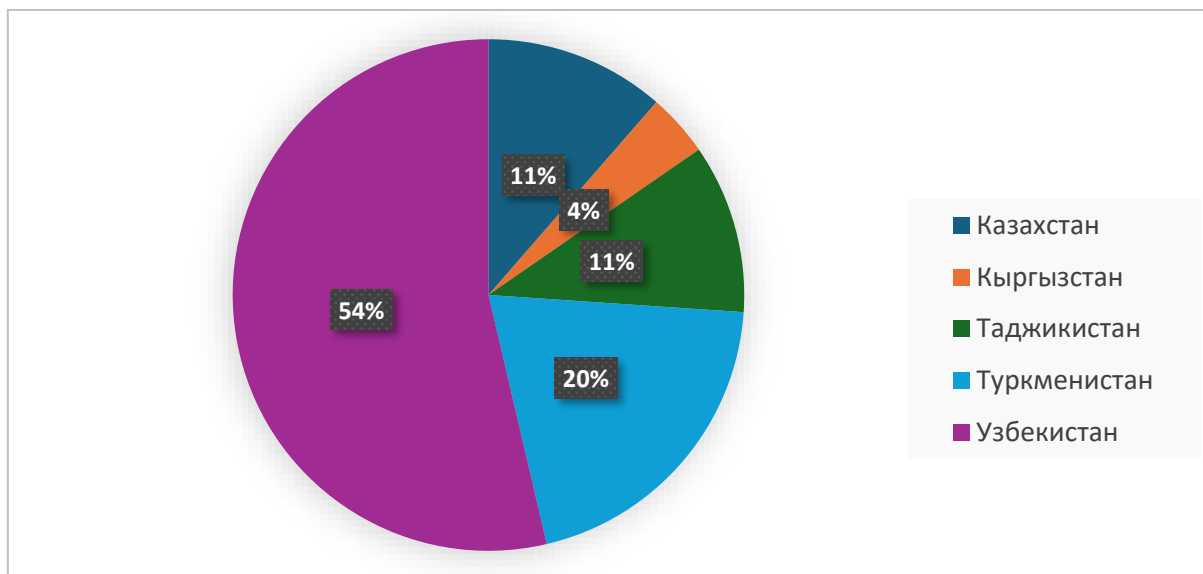
повышению температуры, сокращению ледников, изменению стока рек, опустыниванию. Данные причины создают препятствия для экономического развития, оказывают воздействие на развитие сельского хозяйства и могут привести даже к социальному и экологическому неравенству.

Актуальность исследования заключается в поиске путей восстановления и модернизации водной инфраструктуры стран Центральной Азии, поскольку по информации литературных источников, в этих странах около 60-80% пресной воды расходуется в отрасли сельского хозяйства, 20% - в промышленности, 10% - для бытового водопотребления [2,3].

Как правило в Центральной Азии водные ресурсы используются на основании технико-экономических обоснований, которые были сформулированы еще в советский период и далее заложили основу Нукусской декларации, подписанной странами в 1995 году. По согласованию в данном документе указываются объемы водных ресурсов, которые складываются из поверхностных, подземных и повторно используемых сбросных и коллекторно-дренажных вод (всего их объем составляет около 133,64 км³) в процентном отношении распределены следующим образом: Казахстан - 11,4% (15,29 км³), Кыргызстан - 3,97% (5,3 км³), Таджикистан - 10,69% (14,29 км³), Туркменистан - 20,26% (27,07 км³), Узбекистан - 53,64% (71,69 км³)

(Рисунок 1).

Рисунок 1 - Распределение водных ресурсов в регионе Центральной Азии.

Источник: <https://ecifas-tj.org/en/main/>

Кыргызстан - единственная страна, водные ресурсы которой формируются на собственной территории, все остальные страны региона в той или иной мере зависят от поступления воды с территории сопредельных государств. В Узбекистан и Туркменистан почти 90% водных ресурсов поступает извне.

В целом по Узбекистану формируется чуть более 10% от общего стока рек бассейна Аральского моря. Узбекистан является одним из основных экспортеров сельскохозяйственной продукции в соседние страны. Таким образом, Узбекистан наиболее зависим от водных ресурсов. Для эффективного управления водными ресурсами в стране первостепенной задачей является бетонирование каналов и арыков. Работы планируется провести на 447 самых важных водных сооружениях, что даст возможность снизить потери на 30 %, или на 4 миллиарда кубометров.

В целом странам Центральной Азии для ремонта и модернизации водной инфраструктуры требуется более 12 миллиардов долларов финансирования на период с 2025 по 2030 год, или порядка двух миллиардов долларов ежегодно. Узбекистану не хватает 826 миллионов долларов в год для покрытия расходов на водоснабжение, что ставит республику на первое место в антирейтинге региона по этому показателю. В стране без адекватных инвестиций износ инфраструктуры и высокие потери воды в

распределительных сетях (до 55 %) будут только нарастать.

Водно-энергетический комплекс республик Центральной Азии имеет огромный потенциал, составляющий 430–460 млрд кВт/ч в год, но распределён он крайне неравномерно. Почти 85% водных ресурсов региона сосредоточено в Таджикистане и Киргизии. Эти две республики расположены в зоне формирования стока Амударьи и Сырдарьи и заинтересованы, прежде всего, в энергетическом использовании ресурсов горных рек (Вахша, Пянджа, Зеравшана, Нарына), притоков Амударьи и Сырдарьи. Ирригация для них второстепенна. Все эти реки – реки бассейна Аральского моря.

Практика свидетельствует, что водные ресурсы бассейна Аральского моря почти полностью используются. Водообеспечение отраслей экономики осуществляется на 85% за счет поверхностных вод, остальная часть - за счет подземных, и сточных. На нужды сельского хозяйства используется до 80-90% всей потребляемой воды. Это означает, что для увеличения объемов сельского хозяйства потребуется больше воды. Учитывая постоянно растущее население и спрос на сельскохозяйственную продукцию, это действительно может быть тревожной причиной высыхания рек. Однозначно можно сказать, что засухи и нехватка воды влияют как на производство энергии вверх

по течению, так и на орошение вниз по течению. Нерешёнными остаются также вопросы, связанные с совместным использованием коллекторно-дренажных вод (КДВ) в нижнем течении, р. Амударья [4].

Изношенность водной инфраструктуры в регионе Центральной Азии достигла критических пределов, от 40% до 80% воды теряется за счет фильтрации воды в почву и испарения при транспортировке воды от водных резервуаров до объектов водопотребления [5]. Вместе с тем объемы требуемых инвестиций настолько велики, что их невозможно покрыть только за счет средств государственного бюджета. Необходимо искать пути привлечения в данный сектор средств частных инвесторов, чему и посвящена данная работа.

В связи с этим, **целью данного исследования** является выработка рекомендаций для привлечения в водный

Обзор литературы

Управление водными ресурсами имеет первостепенное значение в истории Центральной Азии, учитывая ее континентальный климат и изначально ограниченные запасы воды. Эффективное управление водными ресурсами было важнейшей предпосылкой возникновения древних цивилизаций в этом регионе. Определение Центральной Азии с точки зрения водоразделов, а не политических границ, согласуется с глубокой важностью водных ресурсов для социального и экономического развития региона [6].

Центральная Азия отличается крайней континентальностью, что приводит к значительным внутригодовым колебаниям температуры и естественному ограничению водных ресурсов. Это приводит к редкой растительности и повышенной чувствительности степей и полупустынь к аномалиям осадков. Реки часто ассоциируются со специфическими прибрежными экосистемами, такими как тугайная растительность вокруг реки Тарим.

В Центральной Азии на 1-1,5°C повысилась максимальная температура воздуха, так же возросло на 10-12 число дней с температурой около +40°C. Произошло исчезновение естественного барьера - Аральское море было защитой от

сектор средств частных инвесторов и повышения эффективности и качества водной инфраструктуры.

Объектом исследования является водная инфраструктура стран Центральной Азии.

Предметом исследования выступает взаимоотношения, возникающие в водном секторе стран Центральной Азии между субъектами государственной власти, исследовательских, проектных организаций, частного бизнеса, институтов развития.

В результате исследования даются рекомендации для повышения эффективности объектов водной инфраструктуры и привлечения частных инвестиций на данные объекты.

Для раскрытия исследуемых вопросов использован традиционный метод анализа и синтеза, логического мышления, систематизации и обобщения накопленного материала.

распространения опасных бактерий; из-за повышения солености воды количество фауны уменьшилось до 90%. Наблюдается динамика постоянного роста пустыни Аралкум площадью до 38 тыс. км² [7].

Несмотря на ключевую роль водных ресурсов, экологические данные в Центральной Азии часто ограничены, в первую очередь по конкретным субрегионам, особенно столицам или сельскохозяйственным и промышленным центрам. Распад Советского Союза усугубил эту ситуацию, прекратив работу метеорологических и гидрологических станций и программ мониторинга, особенно в отдаленных районах, где сбор данных является сложной и дорогостоящей задачей [8]. Политика ограничительного предоставления данных, особенно в международных речных бассейнах, еще больше усугубляет эту проблему.

Система управления водными ресурсами Центральной Азии работает в экстремальных условиях, с чрезмерно загруженными речными системами в районах с интенсивным сельским хозяйством и несколькими бассейнами, охватывающими национальные столицы.

Современные проблемы в Центральной Азии в основном обусловлены сочетанием искусственного дефицита воды и загрязнения окружающей среды, что создает угрозы как окружающей

среде, так и будущему социально-экономическому развитию [9]. Обилие трансграничных рек увеличивает вероятность конфликтов, связанных с водой, при этом ожидается, что Центральная Азия станет "горячей точкой" изменения климата, что повысит уязвимость водных ресурсов в ближайшем будущем.

В последнее время начал развиваться дефицит воды в условиях засушливого климата. Более 60% засушливых земель Центральной Азии подвержены опустыниванию. В связи с экологическим кризисом Аральского моря за последние 30 лет в корне изменилась система циркуляции воздуха и влаги на территории Средней Азии. За последние 20 лет наблюдается уменьшение количества и зимних и летних осадков и усиление процесса аридизации и ситуация усугубляется с нарастающим изменением климата. За последние 50 лет объем ледников в регионе сократился в среднем на 30% и эта тенденция продолжается. Глобальное потепление приведет к падению уровня рек в Центральной Азии на 40%. Таяние ледников отрицательно повлияет на формирование водных ресурсов. Повышение температуры воздуха приведет к увеличению оросительных норм, увеличению засушливых лет и аридизации региона.

Все пять государств Центральной Азии пережили распад Советского Союза в 1991 году, последующий крах экономической системы и последующие социально-экономические потрясения [10]. Переход от государственной-плановой к рыночной экономике означал изменение шаблонов предоставления базовых услуг, таких как водоснабжение и санитария. В настоящее время в Центральной Азии проживает население примерно 80,8 миллионов человек (Казахстан 20,0 миллиона, Киргизия 7,1 миллиона, Таджикистан 10,0 миллиона, Туркменистан 7,0 миллиона и Узбекистан 36,7 миллиона) [11]. Согласно прогнозам ООН, к 2050 г. население Центральной Азии (ЦА) увеличится с 79,8 млн человек в 2023 г. до 94,4 млн человек в 2050 г. Численность городского населения достигнет 57 млн человек, что приведет к увеличению уровня урбанизации с 49% до 61%. Однако этот процесс не сопровождается соответствующим развитием устойчивой

инженерной и социальной инфраструктуры в городах ЦА. Планирование и инвестиции не успевают за темпами урбанизации. Урбанизация, к примеру, создает дополнительный спрос на воду в городах ЦА. Это усиливает давление на существующую инфраструктуру водоснабжения и водоотведения, и повышает уязвимость региона перед стихийными бедствиями и экологическими рисками в условиях высокой водной нагрузки. Инвестиции в этот сектор становятся стратегическим приоритетом и являются важным условием надежного обеспечения безопасности питьевой воды и, соответственно, здоровья населения в ЦА. Требуются не только крупные инвестиции в обновление инфраструктуры водоснабжения и водоотведения, но и дальнейшее улучшение системы управления водными ресурсами. В частности, для урбанизированных территорий необходима выработка четких принципов регулирования запасов воды для бытовых и промышленных нужд, утилизации сточных вод, предотвращения загрязнения водных источников и др. [12].

Это вместе с миграцией из сельских районов в городские зоны создаст огромное напряжение на водоснабжение и инфраструктуру.

Доступность водоснабжения в Центральной Азии осложнена тем, что две основные реки региона, Сырдарья и Амударья, являются трансграничными.

Экономики Центральной Азии развиваются при увеличивающемся дефиците воды. Согласно И.В. Северскому [13], 70% проблем развития в регионе обусловлены нехваткой пресной воды. Основными последствиями этого являются усиление политического напряжения и ухудшение экологических и социально-экономических условий. Эксперты считают, что в некоторых районах региона нагрузка на водные ресурсы увеличится к 2040 году в три раза. Из-за дефицита и неэффективного использования водных ресурсов страны региона ежегодно теряют до двух миллиардов долларов. А в обозримом будущем экономический ущерб, вызванный ухудшением водно-экологической обстановки в Центральной Азии, может достичь 11% от общерегионального валового продукта [14].

Таким образом, постоянные конфликты вокруг водных ресурсов региона характеризуют государства Центральной Азии с момента распада Советского Союза.

Управление водными ресурсами в Центральной Азии представляет собой сложную задачу из-за конфликтов интересов между странами, ограниченных ресурсов и отсутствия доверия между лидерами региона. Проблемы трансграничного водопользования становятся более значимыми в условиях глобального изменения климата и усиливающейся конкуренции за водные ресурсы.

Существует нехватка данных и исследований, особенно в отдаленных регионах, где прекратились метеорологические и гидрологические мониторинги после распада Советского Союза. Это затрудняет разработку эффективных стратегий управления водными ресурсами. В регионе существует дисбаланс между перегруженными реками, такими как бассейн Аральского моря, и неприкосновенными реками, включая Байкал.

Что касается Казахстана. В области обеспечения водой и орошения в стране давно накапливались серьезные трудности. Казахстан имеет одну из самых больших нехваток водных ресурсов в Евразии, что затрудняет развитие сельского хозяйства, потребляющего 60% всего водопотребления. Высокий процент износа основных фондов водного хозяйства (70-80%) и низкий технический уровень ирригационной инфраструктуры приводят к огромным потерям воды при орошении (65% в 2022 году) и колебаниям в выпуске сельскохозяйственной продукции, зависящим от осадков и погоды. В Казахстане, как и в других странах, наблюдается увеличение средних температур, что приведет к усугублению проблем с водной безопасностью в будущем. Более того, качество водных ресурсов находится ниже необходимого уровня, что в сочетании с проблемами орошения требует принятия решительных мер.

В этом контексте комплексный план Министерства водных ресурсов и ирригации Республики Казахстан направлен на увеличение площади орошаемых земель, объема имеющихся водных ресурсов и улучшение состояния

гидротехнических сооружений для водоснабжения отраслей экономики. Этот план также включает в себя внедрение водосберегающих технологий среди фермеров, автоматизацию учета воды и общее улучшение информационных систем, необходимых для управления водными ресурсами. Исполнение всестороннего плана по восстановлению всех водных ресурсов страны потребует, согласно оценкам экспертов Министерства, 2 трлн. тенге.

По мнению ведомства, проблема финансирования будет решена не за счет государственных средств, а путем привлечения частных инвестиций, и эту работу уже начали в Министерстве. Однако здесь имеются препятствия, которые вызывают серьезные опасения и могут повлечь финансирование проектов из государственного бюджета. Благодаря строгому регулированию и контролю за ценами на коммунальные услуги, их цены остаются неизменными даже при увеличении инфляции. Много лет государство поддерживает потребителей, устанавливая чрезмерно низкие тарифы в отраслях базовой инфраструктуры, таких как водоснабжение. В Казахстане имеется один из наименьших в мире тарифов на воду. Дешевая цена воды не только затрудняет инвестиции в отрасль, но и не мотивирует потребителей ценить этот драгоценный ресурс. Эта ситуация приводит к дефициту средств на капитальный ремонт, нанося ущерб частным инвестициям в водоснабжение из-за низкой доходности инвестиций и операций, вызывая социальное напряжение при возможных протестах населения против повышения цен. На данный момент не был запущен ни один проект государственно-частного партнерства, все проекты финансируются из государственного бюджета. Из-за этого снова можем столкнуться с ситуацией, когда средства из бюджета будут использованы для обновления и реконструкции базовой инфраструктуры. Кроме того, план может быть профинансирован за счет активов пенсионного фонда или Национального Фонда, который инвестирует в ценные бумаги крупных компаний для поддержки экономических проектов.

Перед тем, как привлекать частные инвестиции в сферу водоснабжения,

необходимо провести рыночные реформы, как и в других базовых секторах инфраструктуры. Следует переходить от установления тарифов командным методом к использованию рыночных механизмов, чтобы цены отражали разрыв между спросом и предложением и обеспечивали привлечение частных инвестиций. Инвесторы также заинтересованы в обеспечении стабильной и честной бизнес-среды через установление равных правил для всех участников рынка в рамках прозрачного законодательства. При этом нужно, чтобы правительство направило часть неэффективных государственных субсидий, выделенных сельхозпроизводителям, на улучшение ирригационной инфраструктуры. Принимая во внимание экологические и социальные факторы в процессе модернизации системы водоснабжения, правительству необходимо исследовать возможность привлечения инвестиций от международных институтов развития. [15].

Результаты исследования

К сожалению, после распада Советского Союза и потери рычагов централизованного управления в центральноазиатском регионе начали появляться проблемы, связанные с рассогласованностью в водно-энергетической сфере. Эти факторы по расчетам экономистов уже привели к экономическим потерям и росту дефицита воды. Нереализованные выгоды оцениваются в 0,6% совокупного ВВП региона в сельском хозяйстве и 0,9% ВВП — в энергетическом комплексе ежегодно [1].

Как было отмечено ранее инфраструктура водного хозяйства достигла предельного срока эксплуатации, требует обновления и модернизации (около 40% ирригационной воды достигает с/х угодий). Совокупные инвестиционные предложения в водно-энергетический комплекс (ВЭК) Центральной Азии (ЦА) оцениваются в 52,8 млрд. долл. С преобладанием инвестиций в сегменте генерации электрической энергии.

Все вышеперечисленное усугубляет существующие проблемы, не говоря о невовлеченности Афганистана в

сотрудничество пяти стран центральноазиатского региона. По информации афганских средств массовой информации (СМИ), в настоящее время усиленными темпами идет строительство канала Куш-Тепа на территории Афганистана. Протяженность первого участка канала (запущен в октябре 2023 года) составляет 108 км — он берет начало от реки Амударьи и достигает Давлатабадского района Балха. Его строительство длилось 1,5 года. На втором этапе планируется построить участок канала длиной 177 км, проходящий через провинции Джаузджан и Фарьяб. Третий этап будет включать в себя распределение подканалов по сельскохозяйственным угодьям. Общая протяженность канала составит 285 км. Полное завершение проекта запланировано на 2028 год, его стоимость оценивается в 600 млн. долларов. На объекте задействовано около 5500 рабочих, 4000 экскаваторов и грузовых машин. Поливная площадь из данного канала включит в себя 22% существующих поливных площадей и добавит 78%. Выращиваемые культуры — это пшеница, дыня, кукуруза и т.д. По оценкам экспертов после полного запуска канала сток реки Амударьи сократится на 25%, что повлечет для стран ниже по течению снижение качества воды и объемов воды, благосостояние населения и миграцию, ухудшение социальной стабильности в регионе [16].

Несмотря на истощение водных ресурсов, все страны ЦА в своих национальных стратегиях и программах предусматривают дальнейший рост водопотребления для целей орошения и гидроэнергетики. Планируемые и прогнозные потребности в инвестициях в водное хозяйство региона составляют порядка 9,7 млрд долл. С 2021 по 2030 г. основные объемы планируемых инвестиций в водный сегмент приходятся на две страны, расположенные в низовьях трансграничных рек Аральского бассейна, — Казахстан (49,3%) и Узбекистан (26,2%). Они в большей степени испытывают проблему водообеспеченности. Реализуемые проекты чаще всего являются частью государственных программ и финансируются за счет государственных средств [17, 18].

Страна	Общий объем субсидирования	Энергоснабжение	Орошение
 Афганистан	9,6	5,6	4,0
 Казахстан	150	70	80
 Кыргызстан	30	25	5
 Таджикистан	32	20	12
 Туркменистан	45	20	25
 Узбекистан	50	40	10

Источник: Водный сектор ЦА и Афганистана. Анализ текущей ситуации и путей дальнейшего развития, Отчет Регионального экологического центра Центральной Азии (РЭЦЦА) [19]

Рисунок 2 – Субсидирование водного сектора в странах ЦА (млн.долл. США)

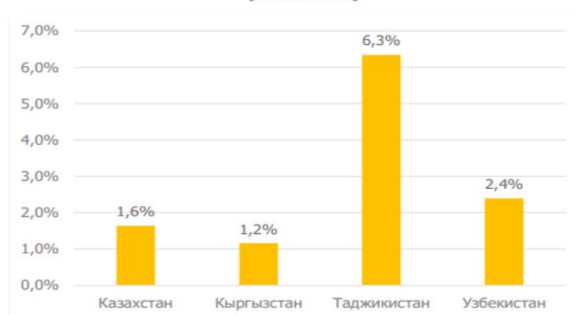
Согласно существующей информации в 2020 году лидерами по объемам инвестиций в ВЭК являлись Казахстан

(2,78 млрд.долл., или 1,6% ВВП страны) и Узбекистан (1,38 млрд.долл., или 2,4% ВВП страны).

Динамика инвестиций в капитал ВЭК в отдельных странах ЦА в 2015-2020 гг. (млрд.долл.) в ЦА

Значение инвестиций в ВЭК в странах ЦА в 2020 г. (в % ВВП)

Источник: Доклад ЕАБР: <https://eabr.org/analytics/special-23-reports> [20]

Рисунок 3 – Государственные инвестиции стран ЦА в водный сектор

Однако анализ инвестиционных трендов свидетельствует, что на протяжении прошедших 30 лет в основном инвестиции были вложены в развитие энергетической инфраструктуры ВЭК. Основным препятствием, мешающим притоку частных инвестиций в развитие водной инфраструктуры, эксперты называют высокий уровень нормативно-правового регулирования и нечеткое определение прав собственности на объекты водной инфраструктуры, а также недостаточную инвестиционную привлекательность отрасли водного хозяйства.

Таким образом, для изменения ситуации и избежания замедления

экономического роста в ЦА необходимо создать условия для стимулирования вложения частных инвестиций в водную инфраструктуру.

Обсуждение и выводы

Ниже авторами даются рекомендации на примере Республики Казахстан по повышению инвестиционной привлекательности водного сектора для частных инвестиций, которые можно далее распространить на другие страны ЦА. Например, необходимо восстановить неиспользуемые орошаемые земли, ввести новые орошаемые земли в центральных и восточных областях Республики Казахстан.

На них можно выращивать кормовые и овощные культуры с применением современной дождевальной техники, и указанные районы должны стать мощной кормовой базой для животноводства и крупным производителем овощной продукции (картофель, капуста, морковь и т.д.). Следует отметить, что крупнотоварное производство кормов (сено из люцерны и других трав) на индустриальной основе может стать экспортной статьей Казахстана для рынка стран ЦА. Участие в формировании регионального рынка сена может стать перспективным направлением в развитии лиманного орошения центральных и восточных областей Казахстана. Поэтому необходимо приступить к безотлагательному восстановлению земель лиманного орошения, как важнейшей кормовой базы животноводства. До недавнего времени в Казахстане насчитывалось свыше 900 тысяч земель лиманного орошения, большая часть из которых практически выведена из хозяйственного оборота. Земли лиманного орошения не только надежная кормовая база животноводства, но и во многом забытый способ борьбы с паводками и наводнениями. Вода в паводковый период направляется на сельскохозяйственные земли (лиманы, сенокосы, пастбища) и тем самым снижаются риски подтопления населенных пунктов [21]. Посредством государственных финансовых инструментов поддержки возможно привлечь частных предпринимателей в данные проекты поскольку проекты имеют значительный экспортный потенциал, а значит высокорентабельные.

Второе, необходимо восстановить потенциал научно-исследовательских институтов, которые могли бы обеспечить качественное и эффективное строительство новых и реконструкцию существующих объектов водной инфраструктуры. Ведь исторически известно, что в 1966 году в Казахстане имелось всего два института по водохозяйственному проектированию: институт Казгипроводэлектро и Союзгипрорис. К 1975 году в водном хозяйстве насчитывалось уже семь специализированных проектно-изыскательских институтов республиканского и союзного подчинения с

объемом работ в 22,1 млн.руб, или 33,3 млрд.тенге в ценах 2024 года. Таким образом, водное хозяйство Казахстана имело мощное проектно-инженерное обеспечение, что позволяло успешно решать сложные задачи по строительству новых, реконструкции и эксплуатации действующих объектов и сооружений. Непродуманное реформирование проектного дела в отрасли – одна из главных причин слабого обоснования и недостаточной проработки национальных и отраслевых программ водного хозяйства и их невыполнения, низкого качества и удорожания стоимости проектов строительства объектов отраслевой инфраструктуры и роста коррупционных нарушений в этой сфере. При этом прекратился приток молодых специалистов и не произошло обновления кадров проектировщиков, что привело к утрате преемственности в проектной отрасли и критическому ее отставанию в освоении современных технологий проектирования и строительства, новых стандартов и правил. Известно, что для подготовки квалифицированного инженера-проектировщика требуется не менее 10-15 лет при условии непрерывной профессиональной деятельности и постоянного обновления знаний и практических навыков. Допуск к проектированию должны получать только юридические лица, способные профессионально и качественно осуществлять проектную деятельность, включая сложные и уникальные объекты (крупные объекты водоснабжения и водоотведения – водозаборы, очистные сооружения, групповые и локальные водоводы и т. д.). Такие организации должны располагать научно-технической и производственной базой, квалифицированными кадрами. Разрешение на проектную деятельность таким организациям должен выдавать уполномоченный орган, то есть необходимо исключить практику предоставления разрешения на проектирование местными органами по месту нахождения заявителя на получение лицензии. В данной области есть возможности по организации учебных заведений, подготовки научных и специализированных кадров в области водного хозяйства. При этом потенциал роста оказания услуг не ограничивается

только Казахстаном. Услуги можно оказывать на всей территории ЦА и Российской Федерации, стран СНГ.

Третье, в водном хозяйстве необходимо провести рыночные реформы. Необходим переход от командно-административного установления тарифов на рыночные механизмы, что позволит привлечь частный капитал. При этом правительству рекомендовано перенаправить часть неэффективных государственных субсидий сельхозтоваропроизводителям на развитие ирригационной инфраструктуры, то есть использовать инструменты косвенного субсидирования, не напрямую крестьянам, а организациям, оказывающим услуги по строительству и содержанию объектов поливной системы и водохранилищ.

Четвертое, создание многосторонних страновых платформ (МСП). Данная инициатива в настоящее время уже активно инициируется Группой по водным ресурсам 2030 Всемирного Банка (ГВР 2030) на территории Республики Казахстан. ГВР 2030 – это многосторонний донорский трастовый фонд, который собирается на высшем уровне правительств стран-партнеров и частного сектора. Основное предназначение ГВР 2030 – это повышение роли и вклада частного сектора в развитие водной инфраструктуры. МСП позволяет создать и поддерживать партнерские отношения между правительством, гражданским обществом и частным сектором. Ценность

создания МСП с участием таких институтов развития как Всемирный Банк позволяет, во-первых, получить доказательства для принятия решений за счет доступа к данным и аналитическим отчетам мирового класса, провести глубокий гидроэкономический анализ. Во-вторых, получить административное содействие в процессе функционирования страновых платформ за счет силы созыва стейкхолдеров всех уровней власти, гражданского общества и бизнеса и преобразования приоритетов в управляющее воздействие. В-третьих, институциональная поддержка посредством разработки масштабируемых решений на стыке технологий, рынков и финансирования. Данные мероприятия МСП позволяют создать благоприятные условия для участия частного сектора (бизнеса), инноваций и финансирования путем принятия мер в отношении политики и нормативно-правовой базы, рынков и стимулов. Содействуют доступу к финансированию (в том числе путем разработки инновационных финансовых инструментов) и мобилизации финансовых ресурсов. Участие Всемирного Банка, гражданского общества и правительства создают прозрачность и подотчетность, которые направлены на укрепление доверия, принятия решений, которые могли бы не состояться.

Вместе с тем, для эффективной работы МСП существует несколько условий, которые обязательны к исполнению (рисунок 4).

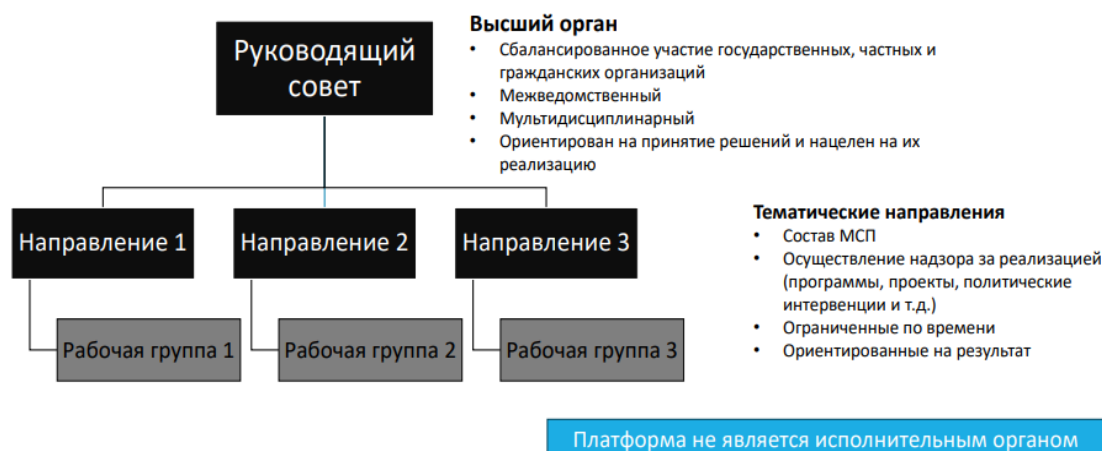
Рисунок 4 – Требования к МСП

Источник: информация Всемирного Банка

МСП уже доказали свою эффективность в странах Азии, Латинской Америки и Африке. Имеет более 1000 государственных, частных и общественных партнеров по всему миру. Привлечено

более 1 млрд. долл. частных инвестиций на меры по обеспечению безопасности водных ресурсов. Сэкономлено более 1 млрд. кубометров воды за счет сокращения водозаборов и повторного использования.

Источник: информация Всемирного Банка

Рисунок 5 – МСП (Типовая структура)

В Казахстане МСП направлена на поддержку воспроизводимой модели государственно-частного партнерства (ГЧП) для очистки и повторного использования сточных вод в Казахстане, начиная с трех пилотных ГЧП, которые позволят оценить доступность и банковскую устойчивость, включая необходимость финансирования разрыва в жизнеспособности, и предоставить информацию для разработки стратегии повторного использования очищенных сточных вод и остаточного осадка в масштабах всей страны.

Заключение

Таким образом, проблемы, связанные с изменением климата, засухи и подтоплений, вопросов использования трансграничных водных ресурсов требуют изменить подходы к управлению водными ресурсами. Вышеперечисленные проблемы предлагается решать за счет повышения эффективности и качества существующих объектов водной инфраструктуры.

В связи с этим, для повышения эффективности использования водных ресурсов и экономической эффективности регионе Центральной Азии предлагаются общие идеи для инфраструктуры:

- наладить эффективную систему управления и финансирования в водно-энергетическом секторе;

- разработать сеть мониторинга и базу данных речных бассейнов;
- расчета социально экономических и экологических выгод от водно-энергетической кооперации;
- диверсификация и локализация производства и потребления электроэнергии (масштабной диверсификации решений этой проблемы);
- работа с населением по экономии воды и энергосбережению;
- создание локальных мини-сетей (по-английски mini-grids) [22];
- создание совместных региональных проектов и т.д.;
- поддержка всех инициатив по организации интегрированного управления водными ресурсами на уровне национального или трансграничного речного бассейна, озера и водоносного горизонта.

Анализ показал, что такие масштабные преобразования невозможно проводить только за счет использования бюджетных средств. Необходимо привлекать фермеров, предпринимателей-производителей сельскохозяйственной продукции. Модернизация и восстановление объектов водной инфраструктуры невозможна без восстановления потенциала научных организаций, которые с учетом научных изысканий и лучших результатов

международной практики могли бы предложить проекты с мощным инженерным обеспечением. Следует уделить внимание и вопросам подготовки кадров и привлечения специалистов в указанные проектные институты. Необходимо строго лицензировать деятельность проектных институтов, учитывая кадровую и техническую оснащенность, наличие испытательных лабораторий, опыта строительства и эксплуатации объектов водной инфраструктуры (дамб, шлюзов, водопропускных каналов, водных резервуаров и др.).

Следующим важным моментом является институциональное обеспечение проводимых реформ – подготовки нормативно-правовых актов с участием всех стейкхолдеров водного сектора и производства сельскохозяйственной продукции, их утверждение законодательными органами государства.

Необходимо учесть эффективность использования бюджетных средств, выделяемых на поддержку сельхозтоваропроизводителей, возможно использовать другие инструменты, которые позволят модернизировать водные объекты.

Привлечение международных институтов развития также вносит значительный вклад – это и привлечение экспертов, финансовых ресурсов, лучших практик, административный ресурс, формирование образовательных программ по водной дипломатии, управлению водными ресурсами и т.д.

Вышеперечисленные рекомендации, основанные на мнениях экспертов-практиков и международном опыте реализации проектов мировыми институтами развития способны повысить эффективность работы объектов водной инфраструктуры за счет привлечения частных инвестиций.

Список литературы

1. Центральная Азия — крупный, динамично растущий и перспективный экономический регион, <https://eabr.org/press/releases/tsentralnaya-aziya-kрупnyy-dinamichno-rastushchiy-i-perspektivnyy-ekonomicheskii-region/>
2. Mannig B, Müller M, Starke E, Merckenschlager C, Mao W, Zhi X, Podzun R, Jacob D, Paeth H (2013): Dynamical downscaling of climate change in Central Asia. *Glob Planet Chang* 110(A):26-39. doi: 10.1016/j.gloplacha.2013.05.008
3. Malsy M, aus der Beek T, Flörke M (2014) Evaluation of large-scale precipitation data sets for water resources modelling in Central Asia. *Environ Earth Sci*. doi:10.1007/s12665-014-3107-y
4. Международная сеть водохозяйственных организаций http://www.cawater-info.net/int_org/inbo/activity.htm
5. UN initiatives on water management in Central Asia and potential entry points. Issue-Based Coalition on Environment and Climate Change, November 2024, <https://uneuropecentralasia.org/en/ibc-environmental-coalition>
6. Cretaux JF, Letolle R, Bergé-Nguyen M (2013) History of Aral Sea level variability and current scientific debates. *Glob Planet Chang* 110(A):99–113. doi:10.1016/j.gloplacha.2013.05.006
7. Chalov S, Kasimov N, Lychagin M, Belozeroва E, Shinkareva G, Theuring P, Romanchenko A, Alexeevsky N, Garmaev E (2013) Water resources assessment of the Selenga–Baikal river system. *GeoŌko* 34(1–2):77–102
8. Roll G, Alexeeva N, Aladin N, Plotnikov I, Sokolov V, Sarsembekov T, Micklin P (2005): Aral Sea: experience and lessons learnt brief. Report of the Lake Basin Management Initiative. http://www.iwlearn.net/iw-projects/1665/experience-notes-and-lessons-learned/aralsea_2005.pdf/view, accessed 24.04.2024
9. Gafurov A, Duethmann D, Mandychhev A, Merz B (2013a): What do we know about past changes in the water cycle of Central Asian headwaters? A review. *Glob*
10. Siegfried, T.; Bernauer, T.; Guennet, R.; Sellars, S.; Robertson, A.W.; Mankin, J.; Bauer-Gottwein, P.; Yakovlev, A. Will climate change exacerbate stress in Central Asia? *Clim. Chang.* 2012, 112, 881–899 *Planet Chang* 110(A):4-25. doi: 10.1016/j.gloplacha.2013.02.004
11. <https://www.newscentralasia.net/2024/04/09/naseleniye-tsentralnoy-azii-sostavlyayet-pochti-81-million-chelovek-k-2050-godu-ono-dostignet-100-millionov-chelovek/>
12. Евразийский банк развития (ЕБР). Устойчивая городская инфраструктура – инвестиционный приоритет в Центральной Азии
13. Severskiy, I.V. Water-related problems of Central Asia: Some results of the (GIWA) international water assessment program. *Ambio* 2004, 33, 52–62.

14. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на 5-ой Консультативной встрече президентов стран Центральной Азии, Душанбе
15. Восстановление системы водных ресурсов – кто будет финансировать? https://halykfinance.kz/download/files/analytics/ac_water.pdf
16. Влияние канала Куш-Тепа на аграрный сектор Узбекистана, 2023 года
17. Малахов, А., Забоев, А., Омаров, А., Хайбрахманов, Т., Алданазаров, М. (2024) Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР — 2024. Евразийский регион. Доклады 24/10. Алматы: Евразийский банк развития. НИЦ МКВК
18. Доклад Евразийского банка развития: <https://eabr.org/analytics/special-reports>
19. Водный сектор ЦА и Афганистана. Анализ текущей ситуации и путей дальнейшего развития, Отчет РЭЦЦА
20. Доклад Евразийского банка развития: <https://eabr.org/analytics/special-23-reports>
21. Журнал «Водное хозяйство Казахстана, №1, 2024 г., с.15-17
22. <https://cabar.asia/ru/energobezopasnost-i-zelyonaya-energetika-v-tsentralnoj-azii-intervyu-s-romanom-vakulchukom>

References

1. Sentrālnaia Azia — krupnyi, dinamichno rastuši i perspektivnyi ekonomicheski region, <https://eabr.org/press/releases/tsentralnaya-aziya-krupnyy-dinamichno-rastushchii-i-perspektivnyy-ekonomicheskii-region/>
2. Mannig B, Müller M, Starke E, Merckenschlager C, Mao W, Zhi X, Podzun R, Jacob D, Paeth H (2013): Dynamical downscaling of climate change in Central Asia. *Glob Planet Chang* 110(A):26-39. doi: 10.1016/j.gloplacha.2013.05.008
3. Malsy M, aus der Beek T, Flörke M (2014) Evaluation of large-scale precipitation data sets for water resources modelling in Central Asia. *Environ Earth Sci*. doi:10.1007/s12665-014-3107-y
4. Mejdunarodnaia set vodohozäistvennyh organizasi http://www.cawater-info.net/int_org/inbo/activity.htm
5. UN initiatives on water management in Central Asia and potential entry points. Issue-Based Coalition on Environment and Climate Change, November 2024, <https://uneuropecentralasia.org/en/ibc-environmental-coalition>
6. Cretaux JF, Letolle R, Bergé-Nguyen M (2013) History of Aral Sea level variability and current scientific debates. *Glob Planet Chang* 110(A):99–113. doi:10.1016/j.gloplacha.2013.05.006
7. Chalov S, Kasimov N, Lychagin M, Belozeroва E, Shinkareva G, Theuring P, Romanchenko A, Alexeevsky N, Garmaev E (2013) Water resources assessment of the Selenga–Baikal river system. *GeoÖko* 34(1–2):77–102
8. Roll G, Alexeeva N, Aladin N, Plotnikov I, Sokolov V, Sarsembekov T, Micklin P (2005): Aral Sea: experience and lessons learnt brief. Report of the Lake Basin Management Initiative. http://www.iwlearn.net/iw-projects/1665/experience-notes-and-lessons-learned/aralsea_2005.pdf/view, accessed 24.04.2024
9. Gafurov A, Duethmann D, Mandychhev A, Merz B (2013a): What do we know about past changes in the water cycle of Central Asian headwaters? A review. *Glob*
10. Siegfried, T.; Bernauer, T.; Guennet, R.; Sellars, S.; Robertson, A.W.; Mankin, J.; Bauer-Gottwein, P.; Yakovlev, A. Will climate change exacerbate stress in Central Asia? *Clim. Chang.* 2012, 112, 881–899 *Planet Chang* 110(A):4-25. doi: 10.1016/j.gloplacha.2013.02.004
11. <https://www.newscentralasia.net/2024/04/09/naseleniye-tsentralnoy-azii-sostavlyayet-pochti-81-million-chelovek-k-2050-godu-ono-dostignet-100-millionov-chelovek/>
12. Evraziski bank razvitia (EBR). Ustoichivaia gorodskaa infrastruktura – investisionnyi prioritet v Sentrālnoi Azii
13. Severskiy, I.V. Water-related problems of Central Asia: Some results of the (GIWA) international water assessment program. *Ambio* 2004, 33, 52–62.
14. Vystuplenie Prezidenta Respubliki Uzbekistan Şavkata Mirziöeva na 5-oi Konsültativnoi vstreche prezidentov stran Sentrālnoi Azii, Duşanbe
15. Vosstanovlenie sistemy vodnyh resursov – kto budet finansirovät? https://halykfinance.kz/download/files/analytics/ac_water.pdf
16. Vlianie kanala Kuş-Tepa na agrarnyi sektor Uzbekistana, 2023 goda
17. Malahov, A., Zaboev, A., Omarov, A., Haibrahmanov, T., Aldanazarov, M. (2024) Monitoriñ vzaimnyh investisi EABR — 2024. Evraziski region. Doklady 24/10. Almaty: Evraziski bank razvitia. NIS MKVK
18. Doklad Evraziskogo banka razvitia: <https://eabr.org/analytics/special-reports>
19. Vodnyi sektor SA i Afganistana. Analiz tekuşei situasii i putei dälnejšego razvitia, Ochet RESSA
20. Doklad Evraziskogo banka razvitia: <https://eabr.org/analytics/special-23-reports>
21. Jurnal «Vodnoe hozäistvo Kazahstana, №1, 2024 g., s.15-17

22. <https://cabar.asia/ru/energobezopasnost-i-zelyonaya-energetika-v-tsentralnoj-azii-intervyu-s-romanom-vakulchukom>

ОРТАЛЫҚ АЗИЯ ӨҢІРІНІҢ СУ ИНФРАҚҰРЫЛЫМЫН ДАМУҒА ЖЕКЕ ИНВЕСТИЦИЯЛАУ МӘСЕЛЕЛЕРІ (ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ МЫСАЛЫНДА)

Арман НҰРМАҒАНБЕТОВ*, экономика бойынша PhD, техника ғылымдарының кандидаты, доцент, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы мемлекеттік басқару академиясының басқару институтының профессоры, Астана, Қазақстан, a.nurmaganbetov@apa.kz, ORCID: 0009-0009-2520-7781.

Сурия ТУРАЕВА, химия бойынша PhD, Әлемдік экономика және дипломатия Университетінің қоршаған ортаны қорғау және табиғи ресурстарды ұтымды пайдалану кафедрасының қауымдастырылған профессоры, Ташкент, Өзбекстан, sturayeva@uwed.uz, ORCID: [0000-0001-7110-7911](https://orcid.org/0000-0001-7110-7911).

Надежда ШАПОШНИКОВА, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы мемлекеттік басқару академиясының басқару институтының докторанты, Астана, Қазақстан, n.shaposhnikova@apa.kz, ORCID: 009-0003-5464-272X.

PROBLEMS OF PRIVATE INVESTMENT IN THE DEVELOPMENT OF WATER INFRASTRUCTURE IN THE CENTRAL ASIAN REGION (USING THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN)

Arman NURMAGANBETOV*, PhD in Economics, candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Professor of the Institute of management of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan, a.nurmaganbetov@apa.kz, ORCID: 0009-0009-2520-7781.

Suriya TURAEVA, PhD in Chemistry, Associate Professor at the Environmental Protection and Rational Use of Natural Resources Department of The University of World Economy and Diplomacy, Tashkent, Uzbekistan, sturayeva@uwed.uz, ORCID: [0000-0001-7110-7911](https://orcid.org/0000-0001-7110-7911).

Nadezhda SHAPOSHNIKOVA, doctoral student at the Institute of management of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan, n.shaposhnikova@apa.kz, ORCID: 009-0003-5464-272X.

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА КАЗАХСТАНА

Назигуль ЖАНАКОВА	кандидат экономических наук, ассоциированный профессор, Институт экономических исследований, Астана, Казахстан, nazikzhan291178@gmail.com, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4593-1197 , Scopus ID: 56127561600
Асем КАБИЕВА *	PhD, Казахский университет технологии и бизнеса им. К.Кулажанова, Астана, Казахстан, asem_kt_1985@mail.ru, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-8465-6984 ¹
Алтынай МАУКЕНОВА	кандидат экономических наук, доцент, Казахский национальный медицинский университет им. С.Д. Асфендиярова, Алматы, Казахстан, maukenova.a@kaznmu.kz, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7725-2845
Гульбагда БОДАУХАН	кандидат экономических наук, и.о. ассоциированного профессора, Yessenov University, Актау, Казахстан, gulya_b_06@mail.ru, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-0955-5187
Айнур КАРИПОВА	кандидат экономических наук, ассоциированный профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан, karipovaainur@mail.ru, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4376-9074

Дата поступления рукописи в редакцию: 31/07/2024

Доработано: 13/01/2025

Принято: 15/01/2025

DOI: 10.52123/1994-2370-2025-1300

УДК 338.1

МРНТИ 06.52.13

Аннотация. В статье проводится анализ динамики экономического роста Казахстана за десятилетний период, позволивший выявить основные драйверы и определить барьеры, влияющие на его динамику. Проведен анализ структуры ВВП РК, в результате которого выявлена преобладающая доля торговли в сфере услуг; и доля обрабатывающего сектора в сфере производства, но не вносящего значительного вклада в ВВП страны в силу структурных особенностей экономики, связанных с преобладанием высокодоходных секторов, зависимых от добычи ресурсов.

Выявлено, что рост ВВП страны, поддерживаемый высокими ценами на нефть и трансфертами из Национального фонда РК, на фоне роста инфляции не оказал ощутимого влияния на рост уровня жизни населения. Преобладающая доля расходов домохозяйств на продукты питания в структуре потребительских расходов показывает существующую в казахстанском обществе нерациональную модель потребления.

В результате отмечается прямая зависимость экономики Казахстана от экспорта природных ресурсов и мировых цен на нефть, и характерная для экономики Казахстана проциклическая бюджетная политика со значительной долей государственных расходов, финансируемых из Национального фонда РК. В связи с чем вопрос структурной диверсификации экономики страны приобретает новое значение, требующего роста эффективной деятельности фискальной и монетарной политики.

В представленной статье применяются методы кабинетного исследования, статистического анализа, индукции и дедукции, а также контент-анализа документов и научно-исследовательской публикации.

Ключевые слова: номинальный рост экономики, реальный рост экономики, структура экономики, сырьевой экспорт, реальные доходы населения, диверсификация экономики, инфляция.

Аңдатпа. Мақалада Қазақстанның экономикалық өсу динамикасының он жылдық кезеңіне талдау жүргізілген, ол негізгі драйверлерді анықтап, оның динамикасына әсер ететін кедергілерді айқындауға мүмкіндік берді. ҚР ЖІӨ құрылымына талдау жүргізіліп, нәтижесінде қызмет көрсету саласындағы сауданың басым үлесі анықталды; және өндіріс саласындағы өңдеу секторының үлесі анықталды, бірақ ол ресурстарды өндіруге тәуелді жоғары табысты секторлардың басым болуына байланысты елдің ЖІӨ-ге елеулі үлес қоспайды.

Елдің ЖІӨ өсуі жоғары мұнай бағасымен және ҚР Ұлттық қорынан аударымдармен қолдау көрсетілгені және инфляцияның өсуі аясында халықтың өмір сүру деңгейінің өсуіне айтарлықтай әсер етпегені анықталды. Тұрғын үй шаруашылықтарының азық-түлікке жұмсалатын шығындарының басым үлесі Қазақстан қоғамында қолданыстағы тұтынудың тиімсіз моделін көрсетеді, нәтижесінде ол бизнесті күрделі өндірісті дамытуға ынталандырмайды,

*Автор для корреспонденции: А.Кабиева, asem_kt_1985@mail.ru

инновациялық ашылуларды тоқтатады және экономиканың сапалы өсуін төмендетеді.

Нәтижесінде Қазақстан экономикасының табиғи ресурстар экспортынан және әлемдік мұнай бағасынан тікелей тәуелділігі және Қазақстан экономикасы үшін тән процикликалық бюджеттік саясат, мемлекеттік шығыстардың едәуір үлесі ҚР Ұлттық қорынан қаржыландырылады. Осыған байланысты ел экономикасының құрылымдық әртараптандыру мәселесі фискалдық және монетарлық саясаттың тиімді қызметін арттыруды талап ететін жаңа маңызға ие болады.

Мақалада кабинет зерттеуі, статистикалық талдау, индукция және дедукция әдістері, сондай-ақ құжаттар мен ғылыми-зерттеу жарияланымдарының контент-талдауы қолданылады.

Түйін сөздер: экономиканың номиналды өсуі, экономиканың нақты өсуі, экономика құрылымы, шикізат экспорты, халықтың нақты кірісі, экономиканы әртараптандыру, инфляция.

Abstract. The article analyzes the dynamics of Kazakhstan's economic growth over a ten-year period, which has allowed for the identification of the main drivers and the determination of the barriers affecting its dynamics. An analysis of the structure of Kazakhstan's GDP was conducted, revealing the predominant share of trade in the services sector and the share of the manufacturing sector in production. However, this sector does not make a significant contribution to the country's GDP due to the structural characteristics of the economy, which is dominated by high-income sectors dependent on resource extraction.

It was found that the country's GDP growth, supported by high oil prices and transfers from the National Fund of Kazakhstan. The predominant share of household expenditures on food in the structure of consumer spending indicates an existing irrational consumption model in society.

As a result, there is a noted direct dependence of Kazakhstan's economy on the export of natural resources and global oil prices, and a characteristic pro-cyclical budget policy for Kazakhstan's economy with a significant share of government spending financed from the National Fund of Kazakhstan.

The presented article employs methods of desk research, statistical analysis, induction and deduction, content analysis of documents and research publications.

Keywords: nominal economic growth, real economic growth, economic structure, commodity exports, real incomes of the population, economic diversification, inflation.

Введение

Экономический рост является ключевым фактором, определяющим благосостояние нации и ее положение на мировой арене. Казахстан, являясь одной из крупнейших экономик региона Центральной Азии с характерной сырьевой направленностью, демонстрирует особенности и динамику роста, поддерживаемого, прежде всего, высокими мировыми ценами на нефть и трансфертами из Национального фонда РК. Но такой рост на фоне увеличения уровня инфляции и инфляционных ожиданий не обеспечивает роста уровня и качества жизни населения, выраженного в сокращении реальных доходов населения, темпы которых ежегодно уступают темпам роста инфляции.

Более того, такие факторы как производительность труда и стоимость рабочей силы имеют ограниченный эффект вклада в рост экономики страны. Слабая трансмиссия экономического роста на заработные платы и доходы населения в условиях ресурсно-ориентированной экономики делает такой рост крайне неустойчивым и уязвимым к значительным рискам при возникновении внешних негативных шоков. В связи с чем, экономике Казахстана, однозначно, требуются структурные реформы,

выраженные в перестройке и совершенствовании социально-экономической и налогово-бюджетной системы страны.

Поставленная в текущем году Президентом РК амбициозная задача по росту экономики до 6% [1] при нынешних высоких ценах на нефть и зависимости бюджета от нефтедолларов Национального фонда как раз и направлена на пересмотр и совершенствование налогово-бюджетной системы, отходя от «репрессивного» характера к сервисной модели администрирования, выраженной в новом проекте налогового кодекса страны [2].

В этой связи, основной целью статьи является определение основных драйверов и барьеров, влияющих на динамику экономического роста Казахстана. Исходя из поставленной цели, ставится задача исследования особенностей структуры ВВП страны, определения факторов, влияющих на его динамику, а также разработка рекомендаций по росту экономики страны с учетом его структурных особенностей.

Проведенный анализ и разработанные рекомендации послужат основой для теоретического осмысления и практического применения в области макроэкономики, бюджетной и монетарной политик, особенно в контексте

развивающихся экономик с высокой зависимостью от природных ресурсов. Результаты исследования могут быть использованы для разработки и корректировки государственной социально-экономической политики, направленной на структурную диверсификацию экономики, снижение зависимости от экспорта природных ресурсов, и улучшения благосостояния общества.

Исследование взаимосвязей экономического роста и доходов населения в странах с переходной экономикой, основанного на гипотезе перевернутого U Кузнеця, выдвигает показатель ВВП в качестве основного, который влияет на рост или сокращение уровня доходов населения через рост или снижение объемов внешней торговли, полагая, что рост торговли способствует обогащению определенной группы лиц, создавая поляризацию в обществе. В связи с чем, по мнению авторов данного исследования, выдвигаемая гипотеза о необходимости преобладания рационального ведения политики распределения доходов более целесообразнее политики простого экономического роста [3].

Благоприятное влияние экономического роста в сочетании с технологическими инновациями выявило увеличение производительности экономических предприятий и повышение благосостояния населения. По мнению авторов, государственная политика, поддержка бизнес-капитала и укрепление потенциала человеческих ресурсов в совокупности оказывают положительное влияние на развитие бизнеса с повышенным коэффициентом детерминации [4].

Другая группа авторов посвятила свои исследования вопросам влияния таких факторов на экономический рост, как уровень образования в стране, влияющий, в свою очередь, на рост доходов населения [5], увеличение инвестиций [6], совершенствование налоговой политики [7].

Исследование влияния безработицы и инфляции на экономический рост показало незначительное воздействие этих показателей на ВВП, при этом развитие трудоемких отраслей и стимулирование производительности труда, в том числе в сельском хозяйстве, оказало более

значительное влияние на рост экономики [8].

В отраслевом разрезе влияние на экономический рост такой сферы как транспорт, позволило выявить необходимость развития транспортной инфраструктуры на долгосрочную перспективу [9].

Развитие цифровой индустрии, предполагающей стремительный рост цифровой финансовой грамотности, так же показало благоприятное влияние на рост экономики и благосостояние граждан [10].

Стабильный экономический рост предполагает структурные трансформации в обществе, для которых требуется реализация стратегических задач, направленных на повышение конкурентоспособности экономики и улучшение качества жизни населения. Напротив, отсутствие преобразований в экономике и ее ключевых отраслях и неадаптация к современным вызовам усугубляют этот вопрос.

Перераспределение экономических выгод в пользу проигравших от структурных реформ стран находит свое решение через реализацию политики налогообложения, рассматриваемой через признания оптимума Парето. По мнению автора исследования, всегда существуют реформы, улучшающие ситуацию по Парето, включающие ужесточение регулирования в отношении некоторых товаров. Если эластичность спроса по отношению к цене не слишком велика и реформа не слишком несбалансирована, то дерегулирование снова может быть реализовано с улучшением по Парето [11].

Основываясь на результатах проведенных научных исследований, данное исследование, как продолжение взглядов предыдущих, направлено на изучение экономического роста Казахстана и характерных свойств, присущих для страны с экономикой с сырьевой направленностью.

Материалы и методы. В проведенном исследовании на основе статистического и аналитического метода проведен анализ динамики экономического роста РК в номинальном и относительном выражениях за последние десять лет, исследована структура ВВП, в том числе в корреляции с темпами инфляции и уровня жизни населения.

На основе наблюдательного подхода, методов индукции и дедукции, а также контент-анализа научно-исследовательской литературы и официальных стратегических документов определены ключевые факторы, влияющие на экономический рост страны, к числу которых, прежде всего, относятся высокие мировые цены на нефть и рост государственных расходов, погашаемых за счет трансфертов Национального фонда РК.

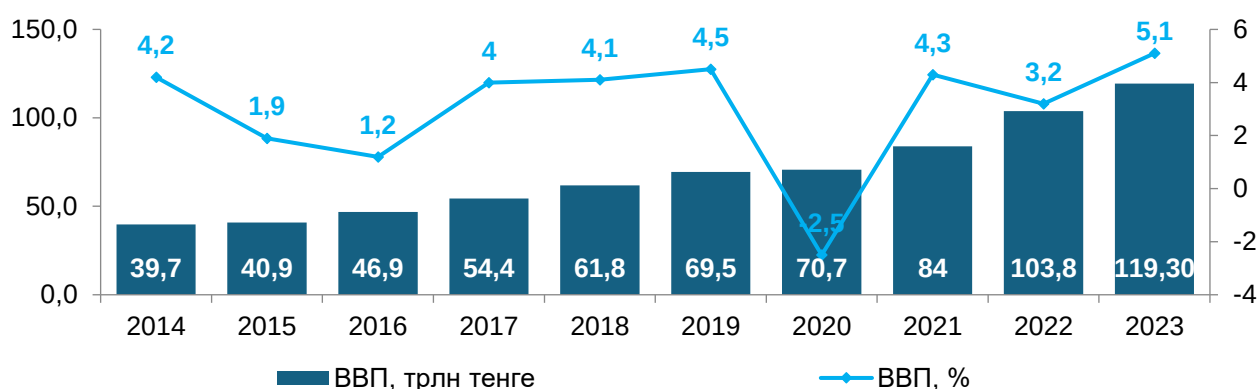
На основе полученных результатов и формулирования выводов разработаны соответствующие предложения, направленные на рост экономики страны.

Результаты.

ВВП РК за последние десять лет в период 2014-2023 гг. показывает

ежегодный рост в номинальном выражении в три раза, в то время как реальный рост ВВП РК за тот же период вырос на 0,9 п.п. Исключение составляют кризисные 2015-2016 годы, когда в результате резкого падения цен на сырье темпы роста замедлились до 1,2% в 2016 году. С 2017 года темпы роста восстановились до 4% в связи с ростом цен на нефть и увеличением объемов его экспорта. В кризисном пандемийном 2020 году темпы роста упали до 2,5% на фоне снижения сферы услуг на 5,3%. С постпандемийного 2021 года к 2023 году темпы роста ВВП возросли на 1,2 п.п. В целом, за анализируемый период среднегодовой реальный рост ВВП составил 3% (рисунок 1).

Рисунок 1 - Динамика номинального и реального ВВП РК в 2014-2023 годы, трлн тенге/%

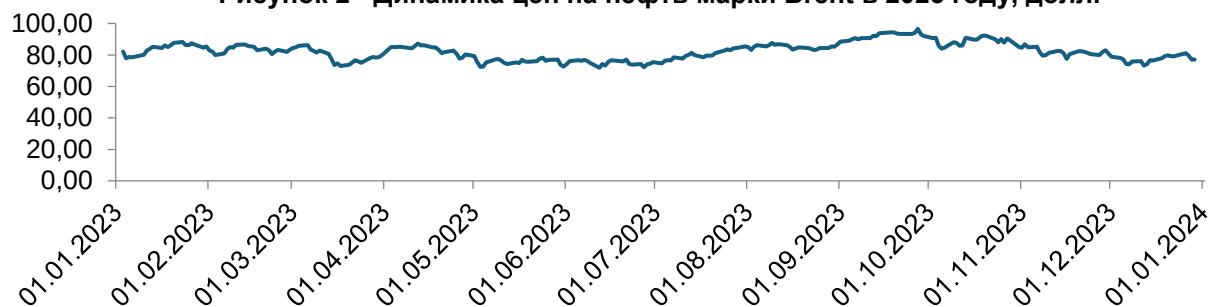

Примечание – Составлено по источнику [12].

Как видно из рисунка 1, 2023 год характеризуется высокими темпами экономического роста в 5,1%, которого не наблюдалось за последние десять лет. Нужно признать, что такой рост достигнут исключительно благоприятной

конъюнктурой на внешних рынках, крепким курсом национальной валюты и стабильно высокими ценами на нефть, которые не снижались ниже 80 долларов за баррель (рисунок 2).

Рисунок 2 - Динамика цен на нефть марки Brent в 2023 году, долл.

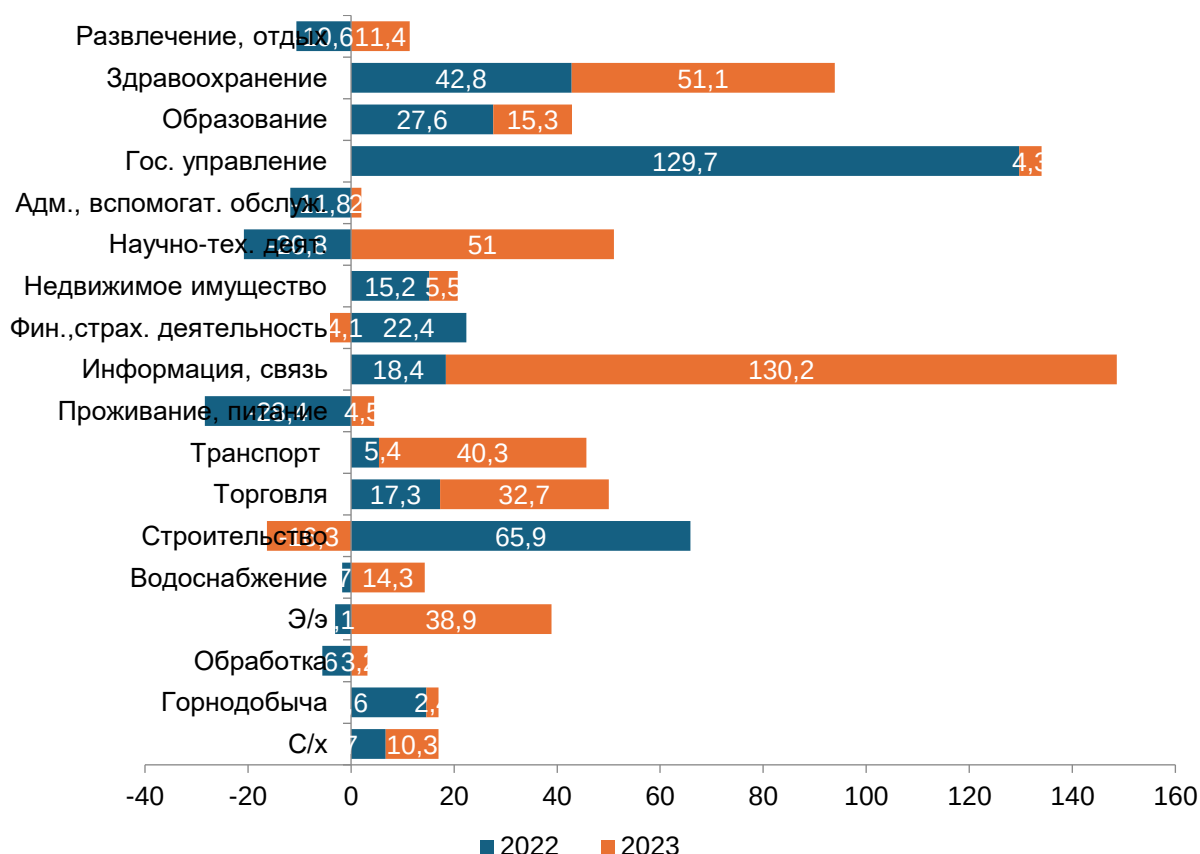
Примечание – Составлено по источнику [13].

Бюджетная политика Казахстана отличается фискальной экспансией и направлена на поддержку экономики и внутреннего спроса. Использование средств из Национального фонда РК обеспечивает стабильность социальных расходов и стимулирует потребление, минимизируя таким образом негативные последствия экономических вызовов, сохраняя макроэкономическую стабильность и поддерживая деловую активность в обществе. Так, использование в 2023 году трансфертов из Национального фонда РК позволило нарастить инвестиции в основной капитал, которые стали рекордными за последние пять лет. При этом, инвестиции в 2023 году наблюдаются не в нефтяном секторе, а, прежде всего, в тех секторах, которые многие годы деградировали из-за низких тарифов,

устанавливаемых государством. К таким секторам, прежде всего, относятся «Транспорт» (рост в 2023 году на 34,9 п.п. по сравнению с 2022 годом) и «Электроснабжение» (рост на 42 п.п.).

Стоит отметить большой объем инвестиций в 2023 году в сектор услуг, а именно, в сферу информации и связи - рост составил 7 раз, научно-техническую деятельность – 2,5 раза. При этом, инвестиции в основной капитал горнодобывающей отрасли сократились в 2023 году в 6,1 раза по сравнению с предыдущим годом (рисунок 3).

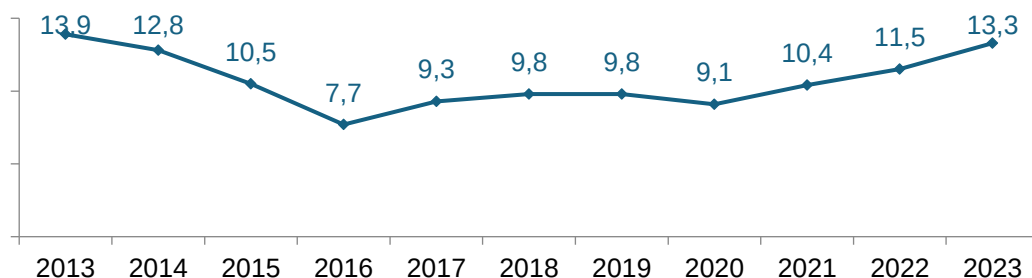
Рисунок 3 – Инвестиции в основной капитал РК в 2021-2023 годах, %

Примечание – Составлено по источнику [14].

При этом, благодаря высокому росту ВВП и укреплению тенге увеличился размер ВВП на душу населения до 13,3

тыс. долларов, приблизившись к значению 2013 года в 13,9 тыс. долларов (рисунок 4).

Рисунок 4 – ВВП на душу населения РК в 2013-2023 годы, тыс. долл.

Примечание – Составлено по источнику [12].

В структуре ВВП наибольшая доля за десять лет приходится на сферу услуг, доля которой в среднем ежегодно составляет 56%. При этом сектор торговли

занимает преобладающую долю (17%), сектор недвижимости – 8%, транспорта – 7% (рисунок 5).

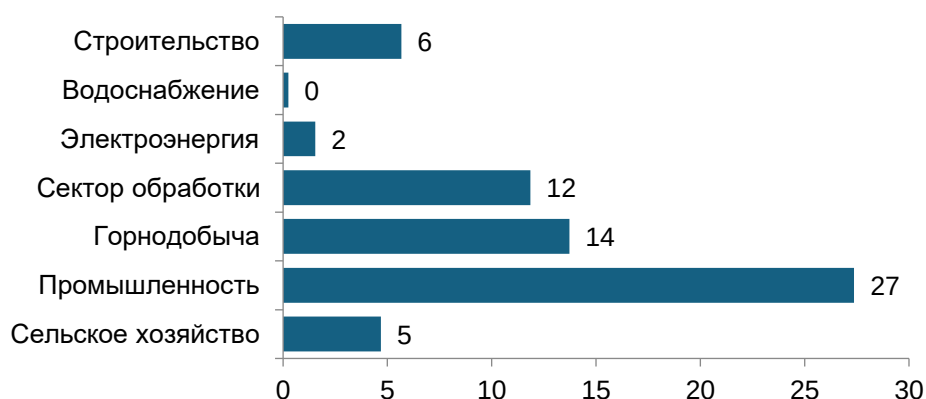
Примечание – Рассчитано авторами по источнику [8].

Рисунок 5 - Структура сферы услуг в ВВП в среднем за десять лет, % от ВВП

В сфере производства товаров в структуре ВВП за десять лет основная доля принадлежит сектору промышленности, составляющей 27%, где доля горнодобывающей промышленности и разработке карьеров составляет 14%, обрабатывающей – 12%, электроэнергетики –

2% (рисунок 7). При этом, доля сектора обрабатывающей промышленности занимает в 2023 году 4,1%, увеличившись с 1,6% в 2014 году. В целом, сфера производства товаров занимает 38% в структуре ВВП (рисунок 6).

Рисунок 6 - Структура сферы производства в ВВП в среднем за десять лет, % от ВВП

Примечание – Рассчитано авторами по источнику [12].

Благоприятная ценовая конъюнктура на сырьевых рынках, рост объемов добычи нефти, рекордные госрасходы на поддержание экономического роста, в том числе привлечение значительного объема средств из Национального фонда РК, а также устойчивый курс тенге нивелировали негативные тенденции в экономике, таким образом, обеспечивая рост ВВП страны. Однако такой рост не значительно влияет на уровень жизни населения страны. Инфляция, несмотря на снижение в 2023

году до 9,8%, оставалась высокой, значительно ухудшив динамику реальных доходов населения (до 1,1% в 2023 года с 4,5% в 2022 году). Исключение составляет 2019 год, когда реальные доходы населения превысили инфляцию на 1 п.п. При этом, рост реальных доходов населения в коронакризисном 2020 году (4,3%) произошел за счет оказанных государством мер поддержки (рисунок 7).

Рисунок 7 - Динамика реальных денежных доходов населения, ВВП и инфляции за 2014-2023 годы, %

Примечание – Составлено по источнику [12]; [14];[15].

Негативные тренды в динамике реальных доходов и инфляции отражаются в потреблении населения – доля продовольственных расходов удерживается на уровне 51,3%, то есть на

продукты питания у домохозяйства уходят более половину своего дохода, что в несколько раз превышает значения развитых стран (ОЭСР – не более 10%, Россия – не более 30%) (рисунок 8).

Рисунок 8 – Структура денежных расходов населения РК за десятилетний период, %

Примечание – Составлено по источнику [15].

Из-за простой структуры потребления, в которой более половины расходов приходится на продукты питания, для предпринимателей и частного сектора нет стимула развивать сложное и разнообразное производство. В такой ситуации нет достаточного спроса на другие виды товаров и услуг, что не способствует развитию инноваций и качественному росту экономики.

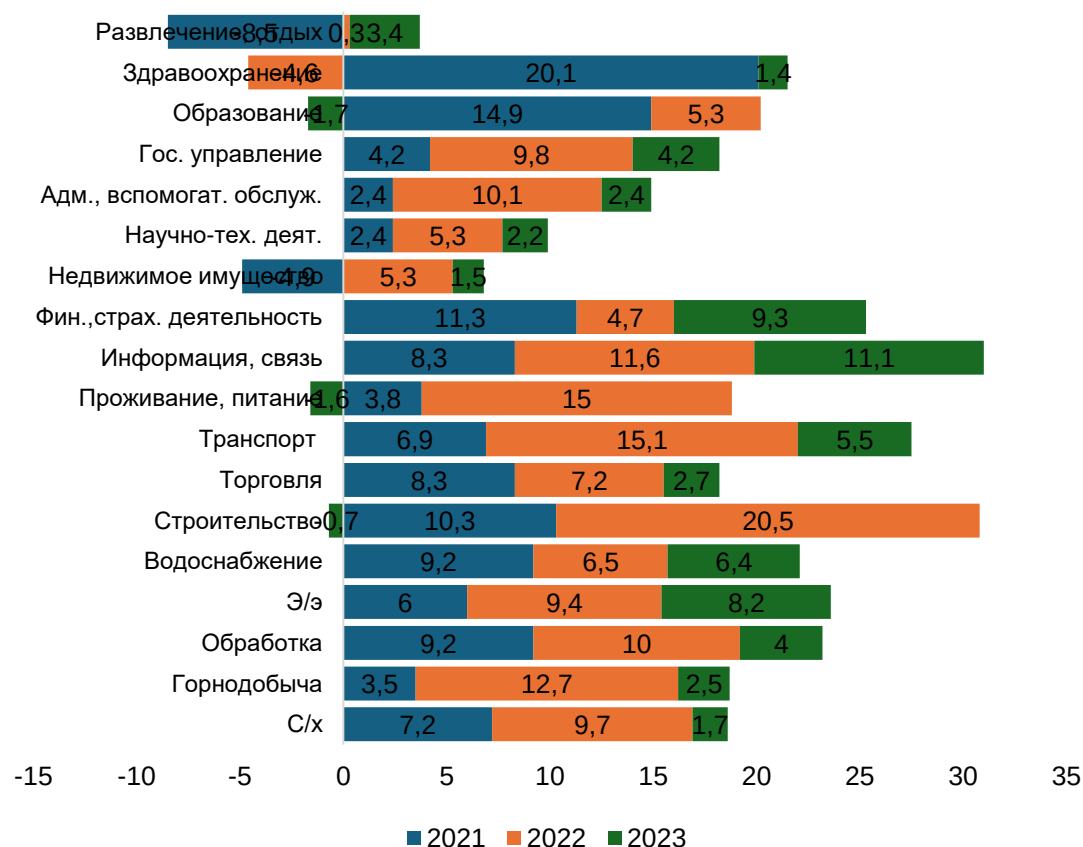
Экономический рост страны в течение многих лет обеспечивается ростом привлечения ПИИ, в основном, в сырьевые сектора экономики. Привлечение ПИИ в несырьевые сектора сопровождается ростом государственных субсидий и налоговых льгот. Однако в конкурентной борьбе за привлечение иностранных инвестиций большую роль должны играть факторы эффективности труда. Так, один из ключевых факторов для инвестора – баланс между стоимостью рабочей силы и производительностью труда. То есть, чем выше заработные платы в стране, тем больше должна быть производительность труда. К сожалению, экономика Казахстана уже попала в «ловушку среднего дохода».

Благодаря высоким зарплатам в сырьевом секторе, уровень зарплат в целом по стране не соответствует производительности труда, что делает нашу экономику непривлекательной для ПИИ. Такая картина в целом наблюдалась до 2022 года.

В 2023 году ситуация с заработными платами изменилась. Реальные заработные платы сократились в сырьевых отраслях. Так, в обрабатывающей промышленности темпы роста реальной заработной платы сократились на 6 п.п.; горнодобывающей промышленности - в 5 раз; и зависимых от них - электроснабжения - на 1,2 п.п., которые в прошлые годы были в росте.

Рост реальной заработной платы в 2023 году наблюдается в финансовой и страховой деятельности (на 4,6 п.п.). Касательно остальных отраслей, в 2023 году темпы роста реальной заработной платы сократились у всех отраслей в результате инфляции и роста инфляционных рисков (рисунок 9).

Рисунок 9 - Темпы роста реальной заработной платы по отраслям в 2021-2023 годах, %

Примечание – Составлено по источнику [15].

Отсюда следует, что, наблюдаемая в течение многих лет слабая трансмиссия экономического роста в заработные платы и доходы населения на фоне ресурсной структуры экономики подвергали экономический рост неустойчивости и подверженности большим рискам при возникновении негативных внешних шоков, связанных с падением цен на энергоресурсы, усилением военных конфликтов, и др.

Тем не менее, важно отметить, что наблюдаемые изменения в структуре заработных плат в 2023 году (снижение заработных плат в сырьевых отраслях и рост в финансовой и страховой деятельности) можно растолковать как сдвиг в приоритетах государственной политики и стремление к диверсификации экономики. Снижение затрат в сырьевых секторах, наряду с ростом заработных плат в высокотехнологичных и финансовых отраслях, может стимулировать приток иностранных инвестиций и создать условия для диверсификации экономики. Это

открывает возможности для развития новых отраслей, повышения производительности труда и обеспечения устойчивого экономического роста в долгосрочной перспективе.

Закключение. Экономический рост Казахстана на протяжении многих лет был тесно связан с высокими ценами на сырье, что свидетельствует о сильной зависимости экспорта природных ресурсов. Несмотря на это, экономика демонстрирует устойчивые темпы развития, что позволяет рассматривать текущее положение как возможность для качественных изменений в структуре экономики.

Для перехода к стабильному развитию и снижению зависимости от сырьевых ресурсов, необходима не только временная поддержка экономики средствами Национального фонда, но и внедрение системных реформ, которые обеспечат диверсификацию и повышение конкурентоспособности. Именно сочетание стратегического использования ресурсов Национального фонда и реализации

структурных преобразований в экономике создаст основу для качественного роста и стабильности в долгосрочной перспективе.

Системный подход в реализации реформ требует координации, прозрачности и эффективного управления экономической системой усилиями государственных органов и служб, которые должны играть ключевую роль в реализации принятых стратегий и программ развития и их корректировке с сосредоточением на развитии несырьевых отраслей, таких как сельское хозяйство, обрабатывающая промышленность, высокие технологии и туризм. При этом важна реализация региональных программ развития, охватывающих специфические особенности каждой области, что делает меры более эффективными.

Приоритетом должна стать система образования и профессиональной подготовки и повышения квалификации кадров через реализацию специализированных программ обучения, направленных на подготовку специалистов для приоритетных отраслей экономики, устраняя, тем самым, дефицит кадров и

создавая стимулы для квалифицированных работников.

Государственная поддержка должна быть направлена на стимулирование развития технологий и внедрения научных разработок через создание технопарков и финансирование научных исследований в областях высоких технологий, биотехнологий и возобновляемой энергетики.

Немаловажным является тесная координация действий между государством, бизнесом и научным сообществом, а также прозрачность и эффективность их работы с применением цифровых платформ, упрощающих такое взаимодействие. При этом, работу с вовлечением малого бизнеса в обсуждение изменений, собирая их предложения через общественные советы и деловые форумы, важно усилить.

Важным представляется создание межведомственной рабочей группы, регулярно анализирующей выполнение программ диверсификации и проводящей мониторинг достигнутых результатов.

Список литературы

1. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Экономический курс Справедливого Казахстана» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-ekonomicheskii-kurs-spravedlivogo-kazahstana-18588> (дата обращения: 05.06.2024).
2. Проект Налогового кодекса-2025: публичное обсуждение [Электронный ресурс]. – URL: <https://uchet.kz/news/nalogovogo-kodeksa-respubliki-kazakhstan/> (дата обращения: 21.06.2024).
3. Şimşek T., Yılmaz V. Income Inequality and Economic Growth in Transition Economies: Testing the Validity of Kuznets Inverted U- shaped Curve. In book: Transition Process in Transition Economies. // I. Taşar. – 2021. – P.5-21. ISBN 978-973-752-853-7
4. Surya B., Menne F., Sabhan H., Suriani S., Abubakar H., Idris M. Economic growth, increasing productivity of SMEs, and open innovation // Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity. – 2021. – 7(1). – P.20-28. <https://doi.org/10.3390/joitmc7010020>
5. Lee H., Lee JW. Educational quality and disparities in income and growth across countries // Journal of Economic Growth. – 2024. – №29 (2). – P. 1-61. <https://doi.org/10.1007/s10887-023-09239-3>
6. Fazaaloh A.M. FDI and economic growth in Indonesia: a provincial and sectoral analysis // Journal of Economic Structures. – 2024. – №13:3. – P.1-22. <https://doi.org/10.1186/s40008-023-00323-w>
7. Neog Y., Gaur A.K. Tax structure and economic growth: a study of selected Indian states // Journal of Economic Structures. – 2020. – №38. – P. 1-12.
8. Niken K., Haile M.A., Berecha A. On the nexus of inflation, unemployment, and economic growth in Ethiopia // Heliyon. – 2023. – 9(4). – e15271. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e15271>
9. Zhang Y., Cheng L. The role of transport infrastructure in economic growth: Empirical evidence in the UK // Transport Policy. – 2023. – 133. – P.223-233. <https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2023.01.017>
10. Xi W., Wang Y. Digital financial inclusion and quality of economic growth // Heliyon. – 2023. – 9(9). – e19731. – P. 1-15. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e19731>
11. S.-Paul G. Pareto-improving structural reforms // Journal of Economic Theory. – 2021. – №194. – P.105262. <https://doi.org/10.1016/j.jet.2021.105262>
12. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Экономика. Национальные счета. Динамические ряды [Электронный ресурс].

- URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/economy/national-accounts/dynamic-tables/> (дата обращения: 10.07.2024).
13. UnvestFunds. Нефть Brent. - URL: <https://investfunds.ru/indexes/624/>
14. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Отраслевая статистика. Статистика инвестиций. Динамические ряды [Электронный ресурс]. - URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-invest/dynamic-tables/> (дата обращения: 12.07.2024).
15. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Труд и доходы. Динамические ряды [Электронный ресурс]. - URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-life/> (дата обращения: 12.07.2024).

References

1. Poslanie Glavy gosudarstva Kasym-Zhomarta Tokaeva narodu Kazahstana «Jekonomicheskij kurs Spravedlivogo Kazahstana» [The message of the Head of State Kassym-Jomart Tokayev to the people of Kazakhstan "The Economic course of a Just Kazakhstan"]. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-ekonomicheskij-kurs-spravedlivogo-kazahstana-18588> [in Russian] (date of access: 05.06.2024).
2. Proekt Nalogovogo kodeksa-2025: publichnoe obsuzhdenie [Draft Tax Code-2025: public discussion]. - URL: <https://uchet.kz/news/nalogovogo-kodeksa-respubliki-kazahstan/> [in Russian] (date of access: 21.06.2024).
3. Şimşek T., Yılmaz V. Income Inequality and Economic Growth in Transition Economies: Testing the Validity of Kuznets Inverted U- shaped Curve. In book: Transition Process in Transition Economies. // I. Taşar. – 2021. – P.5-21. ISBN 978-973-752-853-7
4. Surya B., Menne F., Sabhan H., Suriani S., Abubakar H., Idris M. Economic growth, increasing productivity of SMEs, and open innovation // Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity. – 2021. – 7(1). – P. 20-28. <https://doi.org/10.3390/joitmc7010020>
5. Lee H., Lee JW. Educational quality and disparities in income and growth across countries // Journal of Economic Growth. - 2024. - №29 (2). – P. 1-61. <https://doi.org/10.1007/s10887-023-09239-3>
6. Fazaaloh A.M. FDI and economic growth in Indonesia: a provincial and sectoral analysis //Journal of Economic Structures. – 2024. - №13:3. – P.1-22.
7. Neog Y., Gaur A.K. Tax structure and economic growth: a study of selected Indian states // Journal of Economic Structures. – 2020. - №38. – P. 1-12.
8. Niken K., Haile M.A., Berecha A. On the nexus of inflation, unemployment, and economic growth in Ethiopia // Heliyon. – 2023. - 9(4). - e15271. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e15271>
9. Zhang Y., Cheng L. The role of transport infrastructure in economic growth: Empirical evidence in the UK // Transport Policy. – 2023. - 133. – P.223-233. <https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2023.01.017>
10. Xi W., Wang Y. Digital financial inclusion and quality of economic growth // Heliyon. – 2023. - 9(9). - e19731. – P. 1-15. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e19731>
11. S.-Paul G. Pareto-improving structural reforms // Journal of Economic Theory. – 2021. - №194. - P.105262. <https://doi.org/10.1016/j.jet.2021.105262>
12. Bjuro nacional'noj statistiki Agentstva po strategicheskomu planirovaniju i reformam Respubliki Kazahstan. Jekonomika. Nacional'nye scheta. Dinamicheskie rjady [Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. Economy. National accounts. Dynamic series]. - URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/economy/national-accounts/dynamic-tables/> [in Russian] (date of access: 10.07.2024).
13. UnvestFunds. Neft' Brent [Brent Oil]. - URL: <https://investfunds.ru/indexes/624/> [in Russian].
14. Bjuro nacional'noj statistiki Agentstva po strategicheskomu planirovaniju i reformam Respubliki Kazahstan. Otraselevaja statistika. Statistika investicij. Dinamicheskie rjady [Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. Industry statistics. Investment statistics. Dynamic series]. - URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-invest/dynamic-tables/> [in Russian] (date of access: 12.07.2024).
15. Bjuro nacional'noj statistiki Agentstva po strategicheskomu planirovaniju i reformam Respubliki Kazahstan. Trud i dohody. Dinamicheskie rjady [Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. Labor and income. Dynamic series]. - URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-life/> [in Russian] (date of access: 12.07.2024).

ҚАЗАҚСТАННЫҢ ЭКОНОМИКАЛЫҚ ӨСУІНІҢ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ

Назигуль ЖАНАКОВА, экономика ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, Экономика зерттеулер институты, Астана, Қазақстан, nazikzhan291178@gmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4593-1197>, Scopus ID: 56127561600.

Асем КАБИЕВА*, PhD, Қ. Құлажанов атындағы Қазақ технология және бизнес университеті, Астана, Қазақстан, asem_kt_1985@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8465-6984>.

Алтынай МАУКЕНОВА, экономика ғылымдарының кандидаты, доцент, С.Ж.Асфендияров атындағы Қазақ Ұлттық медицина университеті, Алматы, Қазақстан, maukenova.a@kaznmu.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7725-2845>.

Гульбагда БОДАУХАН, экономика ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор міндетін атқарушы, Yessenov University, Ақтау, Қазақстан, gulya_b_06@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0955-5187>.

Айнур КАРИПОВА - экономика ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университет, Астана, Қазақстан Республикасы, karipovaaainur@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4376-9074>.

CHARACTERISTIC FEATURES OF KAZAKHSTAN'S ECONOMIC GROWTH

Nazigul ZHANAKOVA, Candidate of Economic Science, Association Professor, Economic Research Institute, Astana, Republic of Kazakhstan, nazikzhan291178@gmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4593-1197>, Scopus ID: 56127561600.

Asem KABIYEVA*, PhD, K. Kulazhanov Kazakh University of Technology and Business, Astana, Republic of Kazakhstan, asem_kt_1985@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8465-6984>.

Altynay MAUKENOVA, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, S.D. Asfendiyarov Kazakh National Medical University, , Almaty, Republic of Kazakhstan, maukenova.a@kaznmu.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7725-2845>.

Gulbagda BODAUHAN, Candidate of Economic Science, Acting Association Professor, Aktau, Republic of Kazakhstan, gulya_b_06@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0955-5187>.

Ainur KARIPOVA, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan, karipovaaainur@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4376-9074>.

ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО В ДОМАШНЕМ ТРУДЕ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА В КАЗАХСТАНЕ

**Айжан
МУХАМАДИЕВА ***

кандидат экономических наук, профессор, Казахстанско-Американский свободный университет, г. Усть-Каменогорск, Казахстан, ai-m77@mail.ru, ORCID ID: 0000-0003-3775-1863, Scopus Author ID:57189848799

**Эльмира
КЫДЫРБАЕВА**

PhD, ассоциированный профессор, Жетысуский университет им. И. Жансугурова, Талдыкорган, Казахстан, ekydyrbaeva@mail.ru, Orcid ID 0000-0003-4489-0896, Scopus Author ID:55467073800

**Жасулан
БАЙКЕНОВ**

PhD, первый вице-президент, Казахстанско-Американский свободный университет, Усть-Каменогорск, Казахстан, zhas86kz@mail.ru, ORCID ID: 0000-0001-9951-0454, Scopus Author ID:57194197829

**Hans-Christian
BRAUWEILER**

PhD, профессор, Западно-Саксонский университет Цвиккау, Факультет бизнеса и экономики Университета прикладных наук, Германия, christian.brauweiler@fh-zwickau.de, <https://orcid.org/0000-0003-0284-5667>

Дата поступления рукописи в редакцию: 20/09/2024

Доработано: 25/12/2024

Принято: 23/01/2025

DOI: 10.52123/1994-2370-2025-1324

УДК 331.5.024.54

МРНТИ 06.52.17

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема гендерного неравенства в распределении домашних обязанностей в Республике Казахстан. Современные оценки продукта, производимого внутри домашних хозяйств, показывают, что неоплачиваемые затраты времени составляют значимую часть ВВП многих стран, включая Республику Казахстан. Анализ проведен на основе данных выборочных обследований использования времени населением за 2015-2021 годы. Статистические данные были проанализированы с помощью следующих методов: описательная статистика, тест Манна-Уитни, корреляционный анализ. В статье подробно рассматриваются факторы, влияющие на степень неравенства в распределении домашних обязанностей между мужчинами и женщинами, такие как занятость, наличие детей, возраст, уровень образования и доход. В результате исследования выявлено, что женщины продолжают тратить значительно больше времени на выполнение домашних обязанностей, несмотря на их участие в оплачиваемом труде. Особое внимание уделяется «двойной нагрузке» на женщин, особенно в семьях с детьми. В статье предложены рекомендации по уменьшению гендерного неравенства, включая развитие общественных и образовательных инициатив, поддержку гибких условий труда и семейных программ.

Ключевые слова: гендерное неравенство, домашние обязанности, занятость женщин, распределение времени, бюджет времени, гендерный разрыв.

Аңдатпа. Бұл мақалада Қазақстан Республикасындағы тұрмыстық міндеттерді бөлудегі гендерлік теңсіздік мәселесі қарастырылады. Үй шаруашылығында өндірілетін өнімді қазіргі заманғы бағалау нәтижелері уақыттың ақысыз шығындары көптеген елдердің, соның ішінде Қазақстанның ЖІӨ-нің елеулі бөлігін құрайтынын көрсетеді. Талдау 2015-2021 жылдар аралығында халықтың уақытты пайдалануына жүргізілген іріктемелік зерттеулердің деректеріне негізделген. Статистикалық деректер келесі әдістерді қолдана отырып талданды: сипаттамалық статистика, Манн-Уитни тесті және корреляциялық талдау. Мақалада ерлер мен әйелдер арасындағы тұрмыстық міндеттерді бөлудегі теңсіздік дәрежесіне әсер ететін жұмысбастылық, балалардың болуы, жас мөлшері, білім деңгейі және табыс сияқты факторлар егжей-тегжейлі қарастырылады. Зерттеу нәтижесінде әйелдер төленетін жұмыспен айналысқанына қарамастан, тұрмыстық міндеттерді орындауға айтарлықтай көп уақыт жұмсайтыны анықталды. Әсіресе, балалары бар отбасыларда әйелдердің «қосарланған жүктемесіне» ерекше назар аударылады. Мақалада гендерлік теңсіздікті азайту бойынша ұсыныстар берілген, соның ішінде қоғамдық және білім беру бастамаларын дамыту, икемді жұмыс шарттарын қолдау және отбасылық бағдарламаларды жүзеге асыру.

Түйін сөздер: гендерлік теңсіздік, үй шаруашылығының міндеттері, әйелдердің жұмысы, уақытты бөлу, уақыт бюджеті, гендерлік алшақтық.

Abstract. This article examines the issue of gender inequality in the distribution of household responsibilities in the Republic of Kazakhstan. Contemporary assessments of the output generated within households indicate that unpaid time

* Автор для корреспонденции: А. Мухамедиева, ai-m77@mail.ru.

expenditures constitute a significant portion of the GDP in many countries, including Kazakhstan. The analysis is based on data from time-use surveys conducted between 2015 and 2021. Statistical data were analyzed using the following methods: descriptive statistics, the Mann-Whitney test, and correlation analysis. The article provides a detailed examination of the factors influencing the degree of inequality in the distribution of household responsibilities between men and women, such as employment status, presence of children, age, education level, and income. The study reveals that women continue to spend significantly more time on household duties despite their participation in paid labor. Particular attention is given to the "double burden" on women, especially in families with children. The article offers recommendations for reducing gender inequality, including the development of public and educational initiatives, support for flexible working conditions, and family programs.

Keywords: gender inequality, household responsibilities, women's employment, time allocation, time budget, gender gap.

Введение

Современные оценки продукта, производимого внутри домашних хозяйств, показывают, что неоплачиваемые затраты времени составляют значимую часть ВВП многих стран, включая Республику Казахстан. Согласно исследованию [1], рыночная стоимость неоплачиваемого труда в Казахстане может достигать до 30% ВВП страны. Это сопоставимо с показателями других государств и подчеркивает важность учета неоплачиваемой домашней работы в экономическом анализе.

Роль неоплачиваемого труда в рамках ведения домашнего хозяйства значима и подчеркивается в работах многих авторов. Например, Калабихина И.Е. [2] и Калабихина И.Е., Шайкенова Ж.К. [3] анализируют гендерные различия в распределении времени на домашние обязанности и показывают, что женщины несут основную нагрузку в домашнем хозяйстве, несмотря на их участие в экономической жизни. Согласно данным Бюро национальной статистики Республики Казахстан за 2021 год, женщины в среднем затрачивают на работу по дому на 2–3 часа больше времени по сравнению с мужчинами [4].

Помимо того, что казахстанские женщины в целом больше времени уделяют работе по дому, возрастные профили неоплачиваемых затрат времени мужчин и женщин имеют значительные различия. Женщины увеличивают затраты времени на ведение домашнего хозяйства в возрасте от 25 до 35 лет, что связано с рождением и воспитанием детей, а также в предпенсионном возрасте от 50 до 60 лет, когда возрастает необходимость ухода за пожилыми членами семьи. Мужчины же зачастую остаются менее вовлеченными в выполнение домашних обязанностей и являются потребителями услуг,

оказываемых женщинами в рамках семьи [5].

Исследования, проведенные зарубежными учеными Беккером Г., Гронау Р. [6,7], также подтверждают, что распределение домашнего труда между мужчинами и женщинами неравномерно во многих странах. В своих работах они указывают на влияние рыночной заработной платы и занятости на распределение времени в домашнем хозяйстве. Гендерные различия в домашнем труде усиливают неравенство, создавая дополнительные барьеры для женщин в профессиональной и общественной жизни.

Таким образом, в Казахстане наблюдаются значимые различия в распределении домашней работы между мужчинами и женщинами в рамках одного домашнего хозяйства. Это гендерное неравенство имеет социальные и экономические последствия, влияя на уровень занятости женщин, их профессиональное развитие и общее благосостояние семьи.

Целью данной работы является выявление факторов, влияющих на гендерное неравенство в распределении домашних обязанностей, а также определение способов его сокращения. В рамках исследования был проведен анализ данных выборочных обследований использования времени населением Республики Казахстан, охватывающих период с 2015 по 2021 годы.

Задачи работы включают:

- Оценку среднего времени, затрачиваемого мужчинами и женщинами на выполнение домашних обязанностей.
- Выявление ключевых факторов, влияющих на распределение времени: занятость, наличие детей, возраст, уровень образования и доход.
- Анализ динамики изменений в гендерном распределении домашних обязанностей в Казахстане.

Обзор литературы

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в разработке предложений по улучшению политики гендерного равенства, поддержке женщин в рамках семейной и профессиональной жизни. Работа опирается на результаты исследований таких авторитетных авторов, как Арригхи Б.А., Маум Д.Дж., Колтрейн С., Брайнс Дж. [8,9,10] и других ученых, которые анализировали гендерные различия в распределении времени в домашних хозяйствах и влияние занятости на домашний труд.

Актуальность исследования обусловлена продолжающейся тенденцией гендерного неравенства в распределении домашнего труда, которая сохраняется даже при значительном прогрессе в области равенства на рынке труда. Проблема требует глубокого анализа и разработки эффективных решений, направленных на поддержание баланса между профессиональной и семейной жизнью для обоих полов.

В данной статье проводится анализ теоретических подходов к гендерному неравенству в распределении домашних обязанностей. На основе данных выборочных обследований использования времени населением Республики Казахстан проводится статистический анализ факторов, влияющих на степень неравенства в распределении домашних обязанностей между партнерами. Исследование направлено на выявление ключевых факторов, способствующих сохранению гендерного дисбаланса, и разработку рекомендаций по его преодолению.

Материалы и методы

Для исследования гендерного неравенства в распределении домашних обязанностей в Республике Казахстан использованы данные выборочных обследований использования времени населением, проведенные Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан за 2015–2021 годы. Эти обследования предоставляют информацию о временных затратах на различные виды деятельности, включая ведение домашнего хозяйства,

уход за детьми, оплачиваемую работу и досуг. Данные были собраны с помощью анкетирования и дневников, в которых респонденты фиксировали свои ежедневные занятия в течение 24 часов. В выборку вошли домохозяйства из различных регионов Казахстана, представляющие как городское, так и сельское население. Анкеты включали вопросы о распределении времени на выполнение домашних обязанностей, занятости, доходах и других социально-демографических характеристиках. Собранные данные были обработаны с помощью статистического анализа, включая расчеты средних значений времени, затрачиваемого на ведение домашнего хозяйства мужчинами и женщинами. Особое внимание было уделено влиянию таких факторов, как занятость, наличие детей, возраст, уровень образования и доход. Исследование охватило 12 000 домохозяйств по всей стране. Данные были репрезентативны для всех регионов Казахстана, что позволило получить достоверные результаты для анализа гендерного распределения домашнего труда.

Статистические данные были проанализированы с помощью следующих методов:

- Описательная статистика использовалась для оценки общего распределения времени между мужчинами и женщинами в домашнем хозяйстве.

- Тест Манна-Уитни применялся для сравнения средних значений времени, затраченного мужчинами и женщинами, работающими и неработающими, в зависимости от наличия детей и других факторов.

- Корреляционный анализ использовался для изучения взаимосвязей между временными затратами на домашние обязанности и такими факторами, как возраст, уровень образования, занятость и количество детей.

Использование этих методов позволило выявить основные факторы, влияющие на гендерное неравенство в распределении домашних обязанностей, и предложить пути для его сокращения.

Результаты (классификация)

Гендерное неравенство в распределении домашних обязанностей

является существенной проблемой в Казахстане и отражается во многих исследованиях. Несмотря на растущую экономическую активность женщин и их значительный вклад в рынок труда, бремя домашней работы продолжает преимущественно ложиться на их плечи. Женщины достигают успехов в профессиональной сфере, но равенство в распределении домашних обязанностей остается недостижимым идеалом. Этот феномен указывает на незавершенность гендерного перехода в обществе.

Согласно исследованию ПРООН в Казахстане, женщины тратят в среднем в два-три раза больше времени на выполнение домашней работы по сравнению с мужчинами. Это согласуется с глобальными тенденциями и подтверждает сохраняющиеся традиционные гендерные роли в семье.

Существует несколько теоретических подходов, объясняющих различия в распределении домашних обязанностей между партнерами:

1. Подход свободного времени. В данном случае предполагается, что члены домохозяйства распределяют домашние обязанности в зависимости от наличия свободного времени. Однако исследования в Казахстане показывают, что даже работающие женщины выполняют больше домашней работы, чем мужчины с аналогичным графиком занятости.

2. Экономический подход. Он основан на идее, что домашняя работа является нежелательной, и индивиды с большими ресурсами (высоким доходом или заработной платой) могут избегать ее выполнения. Тем не менее, данные свидетельствуют о том, что женщины продолжают выполнять основную часть домашней работы, даже если они зарабатывают больше своих партнеров.

3. Теория относительной производительности. Распределение домашних обязанностей зависит от относительной производительности партнеров в рыночном и домашнем труде. Партнер с более высокой заработной платой имеет более высокую альтернативную стоимость времени и, следовательно, меньше вовлекается в домашние обязанности. Однако в Казахстане это не всегда подтверждается, так как женщины часто продолжают

выполнять большую часть домашней работы независимо от их дохода.

4. Гендерная идеология. Данный подход подчеркивает влияние культурных норм и убеждений на распределение домашних обязанностей. Традиционные представления о роли женщины как хранительницы очага по-прежнему сильны в казахстанском обществе, что влияет на неравномерное распределение домашнего труда.

Гендерное неравенство в распределении домашних обязанностей является сложным и многогранным явлением, обусловленным взаимодействием различных социальных, экономических и культурных факторов. Для глубокого понимания данного явления в контексте Республики Казахстан необходимо рассмотреть ряд теорий и моделей, объясняющих механизмы формирования и устойчивости гендерных различий в домашнем труде. В данном разделе представлены ключевые теоретические подходы, которые помогут связать эмпирические данные исследования с существующими научными концепциями.

1. Социальная ролевая теория (Social Role Theory).

Социальная ролевая теория, разработанная Айвенгом Эланом и Тиной А. Келлер [11] утверждает, что гендерные различия в поведении и распределении обязанностей обусловлены социальными ролями, предписанными мужчинам и женщинам в обществе. Согласно этой теории, традиционные ожидания относительно ролей мужчин как добытчиков и женщин как хранительниц домашнего очага приводят к неравномерному распределению домашних обязанностей. В контексте Казахстана, где исторически укоренены патриархальные ценности, данная теория объясняет, почему женщины продолжают нести основную ответственность за ведение домашнего хозяйства, несмотря на их активное участие в рынке труда.

2. Теория относительных ресурсов (Relative Resources Theory).

Теория относительных ресурсов, предложенная Кэри Кребс, основывается на экономическом подходе к анализу распределения домашних обязанностей [12]. Согласно этой теории, распределение труда внутри домохозяйства определяется

относительным уровнем ресурсов (например, дохода, образования) партнеров. Партнер с более высокими ресурсами имеет большее влияние на принятие решений, включая распределение домашних обязанностей. Однако в Казахстане эмпирические данные показывают, что даже женщины с более высокими доходами или уровнем образования продолжают выполнять большую часть домашнего труда, что свидетельствует о преобладании культурных факторов над экономическими.

3. Теория "двойной смены" (Double Shift Theory).

Теория "двойной смены", введенная Арьод Хохшильд и Амалией Лукман, описывает феномен, при котором работающие женщины вынуждены совмещать оплачиваемую работу с выполнением домашних обязанностей [13]. Эта теория подчеркивает психологическую и физическую нагрузку, связанная с двойной ролью, что часто приводит к выгоранию и снижению качества жизни. В Казахстане, где женщины активно участвуют в экономической жизни, данная теория объясняет, почему многие женщины испытывают стресс и недостаток времени для личного развития из-за необходимости балансировать между профессиональными и семейными обязанностями.

4. Теория переговоров внутри домохозяйства (Household Bargaining Theory).

Теория переговоров внутри домохозяйства предполагает, что распределение домашних обязанностей определяется динамикой переговоров и взаимных уступок между партнерами [14]. В этом подходе учитываются альтернативные издержки и относительные силы сторон в отношениях. В Казахстане, где традиционно доминируют патриархальные структуры, мужчины зачастую имеют большую переговорную силу, что приводит к сохранению неравномерного распределения домашних обязанностей в пользу женщин. Однако изменения в экономическом положении и рост уровня образования женщин могут постепенно влиять на эту динамику.

5. Теория культурных норм и стереотипов.

Данная теория акцентирует внимание на влиянии культурных норм, стереотипов и идеологии на поведение индивидов и распределение обязанностей в семье [15]. В Казахстане, как и в других постсоветских обществах, сильны традиционные гендерные стереотипы, которые предписывают женщинам роль хранительниц домашнего очага. Эти культурные нормы оказывают значительное влияние на восприятие ролей мужчин и женщин, способствуя сохранению гендерного неравенства в домашнем труде.

6. Интерсекциональная теория (Intersectionality).

Интерсекциональная теория, предложенная Кимберли Креншоу, рассматривает, как различные социальные категории, такие как гендер, класс, этническая принадлежность, возраст и другие, взаимодействуют и создают уникальные формы дискриминации и неравенства [16]. В контексте Казахстана, учитывая многонациональный состав населения и различия в уровне экономического развития регионов, интерсекциональный подход позволяет глубже понять, как пересекающиеся факторы влияют на распределение домашних обязанностей. Например, женщины из сельской местности могут сталкиваться с более выраженными формами гендерного неравенства из-за усиленного влияния традиционных культурных норм.

7. Теория символического взаимодействия (Symbolic Interactionism).

Теория символического взаимодействия фокусируется на том, как социальные взаимодействия и коммуникации внутри семьи формируют восприятие и выполнение домашних обязанностей [17]. В Казахстане, где семейные связи и межпоколенческие отношения играют важную роль, символическое взаимодействие может способствовать закреплению традиционных гендерных ролей через повседневные практики и ритуалы. Например, распределение обязанностей может быть неформально регламентировано через ожидания и негласные нормы, передаваемые от родителей к детям.

8. Теория времени (Time Use Theory).

Теория использования времени анализирует, как индивиды распределяют свое время между различными видами деятельности, включая работу, дом и досуг [18]. В контексте гендерного неравенства, эта теория помогает понять, почему женщины часто тратят больше времени на домашние обязанности. В Казахстане, несмотря на рост уровня занятости женщин, традиционные ожидания относительно их роли в семье продолжают оказывать влияние на их временные ресурсы, ограничивая возможности для профессионального и личного развития.

9. Теория символического капитала (Symbolic Capital Theory).

Пьер Бурдьё разработал концепцию символического капитала, которая включает престиж, признание и социальный статус, накопленные индивидами [19]. В контексте гендерного неравенства, символический капитал женщин часто связан с их ролью в семье, что может ограничивать их социальный и профессиональный рост. В Казахстане, где семейные ценности имеют высокое значение, символический капитал женщин, связанный с выполнением домашних обязанностей, может препятствовать их продвижению по карьерной лестнице и участию в общественной жизни.

10. Гендерная эгалитарная модель и Традиционная модель.

Эгалитарная модель предполагает равноправное распределение домашних обязанностей между партнерами, основанное на взаимном согласии и уважении [20]. Традиционная модель, напротив, основывается на четком разделении ролей по гендерному признаку. В Казахстане преобладает традиционная модель, однако наблюдаются признаки перехода к более эгалитарным отношениям, особенно в городской местности и среди образованных слоев населения. Анализируя эмпирические данные исследования, можно оценить степень преобладания той или иной модели в различных социальных группах и регионах страны.

Применение вышеуказанных теорий позволяет комплексно оценить гендерное неравенство в распределении домашних обязанностей в Казахстане. Социальная ролевая теория и Теория культурных норм и стереотипов объясняют устойчивость традиционных гендерных ролей и

сопротивление изменениям в распределении домашних обязанностей. Теория относительных ресурсов и Теория переговоров внутри домохозяйства помогают понять, как экономические факторы и динамика внутри семьи влияют на распределение труда. Интерсекциональная теория подчеркивает необходимость учета различных социальных категорий и их взаимодействия при анализе гендерного неравенства. Теория времени позволяет оценить реальные временные затраты женщин и мужчин на домашние обязанности, выявляя структурные причины неравенства.

В совокупности, эти теоретические подходы предоставляют многогранное понимание гендерного неравенства в домашнем труде, что способствует более глубокому анализу эмпирических данных и разработке эффективных рекомендаций для его сокращения.

Интеграция различных теорий и моделей в анализ гендерного неравенства в распределении домашних обязанностей позволяет выявить как структурные, так и культурные механизмы, поддерживающие существующее неравенство. В контексте Казахстана, где традиционные гендерные роли продолжают играть значительную роль, понимание этих теоретических основ является необходимым для разработки эффективных стратегий по продвижению гендерного равенства в семье и обществе в целом.

Факторами, влияющими на гендерное неравенство в домашнем труде являются:

1. Возраст. Исследования показывают, что возраст влияет на время, затрачиваемое на домашнюю работу. Молодые женщины (от 25 до 35 лет) в Казахстане тратят больше времени на домашние обязанности, особенно в связи с рождением и воспитанием детей.

2. Брачный статус. Замужние женщины в Казахстане тратят больше времени на домашние обязанности по сравнению с незамужними или состоящими в гражданском браке. Для мужчин ситуация обратная: женатые мужчины тратят меньше времени на домашнюю работу.

3. Состояние здоровья. Физическое состояние членов семьи может влиять на распределение домашних обязанностей. Если один из партнеров имеет ограничения

по здоровью, другой может взять на себя большую часть домашней работы.

4. Уровень образования. Более высокий уровень образования связан с более равномерным распределением домашних обязанностей. Образованные пары чаще придерживаются эгалитарных ценностей и стремятся к равенству в семье.

5. Занятость и условия работы. Работающие женщины испытывают двойную нагрузку, совмещая профессиональные обязанности с домашними. Мужчины, работающие полный день и имеющие занятых партнеров, не всегда увеличивают свое участие в домашней работе, что усиливает гендерное неравенство.

6. Соотношение доходов партнеров. В Казахстане мужчины, зарабатывающие больше своих партнеров, обычно меньше вовлечены в домашние обязанности. Однако, даже если женщина зарабатывает больше, это не всегда приводит к перераспределению домашней работы в ее пользу.

7. Наличие и возраст детей. Присутствие маленьких детей в семье увеличивает нагрузку на женщин. Мужчины редко компенсируют это увеличением своего участия в домашних обязанностях.

Распределение домашних обязанностей в Казахстане по-прежнему характеризуется значительным гендерным неравенством. Несмотря на изменения в экономической и социальной сферах, традиционные представления о ролях мужчин и женщин в семье остаются устойчивыми. Для преодоления этого неравенства необходимо учитывать различные факторы, влияющие на распределение домашнего труда, и разрабатывать стратегии, направленные на продвижение гендерного равенства в семье.

Гендерное неравенство в распределении домашних обязанностей характерно для казахстанских семей [21, 22]. В связи с этим актуальным становится вопрос определения факторов, влияющих на величину разницы в затратах времени на выполнение домашней работы, которые несут партнеры.

Анализ данных был проведен на основании следующих источников:

- данные выборочных обследований использования времени населением за 2015, 2018 и 2021 годы, проведенные Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан [23, 24, 4].

- Отчеты Программы развития ООН (ПРООН) о гендерном равенстве в Казахстане за соответствующие годы [25-29].

Результаты исследования:

Для статистического анализа различий был использован тест Манна-Уитни. Тест Манна-Уитни — это непараметрический статистический метод, используемый для сравнения двух независимых выборок, когда данные не соответствуют нормальному распределению. Его цель — проверить гипотезу о равенстве распределений двух групп.

Интерпретация значений:

1. **U-статистика:** Значение U показывает, насколько распределения двух групп перекрываются. Чем меньше U, тем больше различий между группами.

2. **p-значение:** Если p-значение меньше уровня значимости (обычно 0,05), это говорит о статистически значимых различиях между группами.

Для анализа среднего времени, затраченного мужчинами и женщинами на домашние обязанности представим данные в таблице 1.

Таблица 1 - Среднее время (в часах в день), затраченное на домашние обязанности мужчинами и женщинами в Казахстане [4, 23-29]

Год	Женщины (часы)	Мужчины (часы)	Разница (часы)
2015	5,1	2,4	2,7
2018	4,9	2,5	2,4
2021	4,7	2,6	2,1

Примечание: составлено авторами

Из данных представленных в таблице 1 видно, что наблюдается снижение среднего времени, затрачиваемого женщинами на домашние обязанности, с 5,1 часа в 2015 году до 4,7 часа в 2021 году.

Происходит незначительное увеличение среднего времени, затрачиваемого мужчинами на домашние обязанности, с 2,4 часа в 2015 году до 2,6 часа в 2021 году. Сокращается разница среднего времени, затрачиваемого женщинами и мужчинами

$U = 175\ 000$

$p\text{-значение} < 0,0001$

3. 2021 год:

$U = 170\ 000$

$p\text{-значение} < 0,0001$

Данные показывают, что все годы p -значение меньше 0,05, что свидетельствует о статистически значимых

на домашние обязанности с 2,7 часа до 2,1 часа за указанный период.

Тест Манна-Уитни предназначен для сравнения средних значений между мужчинами и женщинами за каждый год, в котором были проведены выборочные обследования использования времени населением:

1. 2015 год:

$U = 180\ 000$

$p\text{-значение} < 0,0001$

2. 2018 год:

различиях в затратах времени на домашние обязанности между мужчинами и женщинами.

Далее рассмотрим влияние занятости на распределение домашних обязанностей. Для этого представим данные в таблице

Таблица 2 - Среднее время (в часах в день), затраченное на домашние обязанности работающими и неработающими женщинами [4, 23-29]

Год	Статус занятости	Среднее время (часы)
2015	Работающие	4,8
	Неработающие	5,5
2018	Работающие	4,6
	Неработающие	5,2
2021	Работающие	4,4
	Неработающие	5,0

Примечание: составлено авторами

Тест Манна-Уитни для каждого года, в котором были проведены выборочные обследования использования времени населением составил:

1. 2015 год:

$U = 90\ 000$

$p\text{-значение} < 0,0001$

2. 2018 год:

$U = 88\ 000$

$p\text{-значение} < 0,0001$

3. 2021 год:

$U = 85\ 000$

$p\text{-значение} < 0,0001$

Анализ показал, что различия между работающими и неработающими женщинами статистически значимы во все годы. Работающие женщины тратят меньше времени на домашние обязанности, однако разница со временем неработающих женщин постепенно сокращается.

Проанализируем влияние наличия детей на распределение домашних обязанностей. Для этого представим данные в таблице 3.

Таблица 3 - Среднее время (в часах в день), затраченное на домашние обязанности женщинами в зависимости от наличия детей до 14 лет [4, 23-29]

Год	Наличие детей	Среднее время (часы)
2015	Нет детей	4,5
	Есть дети	5,6
2018	Нет детей	4,3
	Есть дети	5,3
2021	Нет детей	4,1
	Есть дети	5,1

Примечание: составлено авторами

Тест Манна-Уитни для каждого года, в котором были проведены выборочные обследования использования времени населением составил:

1. 2015 год:
U = 80 000
p-значение < 0,0001
2. 2018 год:
U = 78 000
p-значение < 0,0001
3. 2021 год:
U = 75 000
p-значение < 0,0001

Анализ свидетельствует о том, что наличие детей существенно

увеличивает время, затрачиваемое женщинами на домашние обязанности. Разница между женщинами с детьми и без детей остается статистически значимой на протяжении всего периода.

Для выявления зависимости между временем, затраченным на домашние обязанности, и социально-демографическими факторами проведем корреляционный анализ факторов. Для этого представим данные в таблице 4.

Таблица 4 - Коэффициенты корреляции между временем, затраченным на домашние обязанности женщинами, и различными факторами [4, 23-29]

Фактор	2015 год	2018 год	2021 год
Возраст женщины	0,30	0,32	0,34
Уровень образования женщины	-0,25	-0,27	-0,29
Доход семьи	-0,20	-0,22	-0,24
Количество детей	0,38	0,40	0,42

Примечание: составлено авторами

Анализ показал, что:

- Положительная корреляция между возрастом и временем на домашние обязанности усиливается с годами.

- Отрицательная корреляция с уровнем образования и доходом семьи также усиливается, что указывает на тенденцию к снижению времени на домашние обязанности среди более образованных и обеспеченных женщин.

- Положительная корреляция с количеством детей увеличивается, что свидетельствует о росте нагрузки на женщин с увеличением числа детей.

Таким образом, динамика изменений времени, затрачиваемого женщинами и мужчинами на домашние обязанности, свидетельствует о:

- сокращении времени, затрачиваемого женщинами на домашние обязанности, которые могут быть связаны с несколькими факторами: увеличением уровня занятости женщин; ростом доступности бытовой техники и услуг, облегчающих домашний труд; изменением социальных норм и стереотипов.

- незначительном увеличении времени у мужчин, затрачиваемом на выполнение домашних обязанностей, которые могут свидетельствовать о постепенном вовлечении их в домашние

обязанности, однако разница остается значительной.

Факторами влияния являются:

1. Занятость женщин. Работавшие женщины тратят меньше времени на домашние обязанности, что может быть связано с ограниченным временем и перераспределением обязанностей внутри семьи.

2. Наличие детей. Женщины с детьми продолжают нести большую нагрузку, несмотря на изменения в обществе.

3. Уровень образования и доход. Более высокий уровень образования и дохода способствует снижению времени на домашние обязанности, возможно, за счет найма помощников или использования технологий.

Обсуждение и выводы

Анализ данных за период с 2015 по 2021 годы демонстрирует, что в Республике Казахстан сохраняется значительное гендерное неравенство в распределении домашних обязанностей, хотя и наблюдаются положительные тенденции к его сокращению. Женщины по-прежнему тратят значительно больше времени на выполнение домашних дел по

сравнению с мужчинами, что свидетельствует о сохранении традиционных гендерных ролей в обществе.

Дадим характеристику динамике изменений:

- Сокращение разницы во времени. За анализируемый период разница в затратах времени между мужчинами и женщинами сократилась с 2,7 часа в 2015 году до 2,1 часа в 2021 году. Это может свидетельствовать о постепенном изменении общественных норм и более активном участии мужчин в домашних обязанностях. Однако темпы этого сокращения остаются низкими, и разница все еще значительна.

- Влияние занятости женщин. Несмотря на то, что работающие женщины тратят меньше времени на домашние обязанности по сравнению с неработающими, они все же несут основную нагрузку по ведению домашнего хозяйства. Это указывает на наличие "двойной нагрузки" у женщин, которые совмещают профессиональные обязанности с домашними.

Факторами, влияющими на гендерное неравенство являются:

- Наличие детей. Женщины с детьми тратят на 1–1,5 часа больше на домашние обязанности, чем женщины без детей. Это свидетельствует о том, что основная ответственность по уходу за детьми ложится на женщин, что ограничивает их возможности для профессионального развития и участия в общественной жизни.

- Уровень образования и доход. Более высокий уровень образования и дохода семьи связаны с уменьшением времени, которое женщины тратят на домашние обязанности. Это может быть обусловлено возможностью найма помощников по хозяйству или более равномерным распределением обязанностей в таких семьях.

- Социально-культурные стереотипы. Традиционные представления о роли женщины в семье продолжают оказывать влияние на распределение домашних обязанностей. В сельских районах и среди семей с более низким уровнем образования гендерное неравенство выражено сильнее.

Последствиями гендерного неравенства являются:

- Экономические. Ограничение возможностей женщин в сфере занятости и профессионального роста приводит к недоиспользованию человеческого капитала и потенциала экономики страны. Женщины с меньшей вероятностью занимают руководящие должности и получают более низкий доход.

- Социальные. Нагрузка на женщин в виде двойной смены (работа и домашние обязанности) может приводить к эмоциональному выгоранию, стрессу и ухудшению качества жизни. Это также может негативно сказываться на демографической ситуации, так как женщины откладывают рождение детей или ограничивают размер семьи.

- Гендерное неравенство. Неравномерное распределение домашних обязанностей препятствует достижению гендерного равенства и нарушает принципы социальной справедливости.

Гендерное неравенство в распределении домашних обязанностей — это многогранная проблема, затрагивающая различные аспекты жизни общества. Ее решение требует комплексного подхода, включающего изменения на индивидуальном, семейном, общественном и государственном уровнях. Важно осознать, что равномерное распределение домашних обязанностей не только способствует справедливости и равенству, но и приносит пользу всей семье и обществу в целом, повышая качество жизни, экономическую эффективность и социальную стабильность.

Преодоление сложившихся стереотипов и барьеров возможно через совместные усилия всех заинтересованных сторон. Это позволит создать условия, при которых каждый член общества, независимо от пола, сможет реализовать свой потенциал и внести вклад в развитие страны.

Анализ данных за период с 2015 по 2021 годы показывает, что в Казахстане сохраняется гендерное неравенство в распределении домашних обязанностей, хотя и наблюдаются положительные тенденции к его сокращению. Для достижения гендерного равенства необходимы комплексные меры, включающие изменение общественных стереотипов, государственную поддержку и инициативы со стороны работодателей.

Проанализировав сложившуюся ситуацию в области использования времени женщинами и мужчинами можно рекомендовать следующие пути для преодоления гендерного неравенства:

1. Изменение общественного сознания путем разработки и внедрения новых образовательных программ. Включение гендерных аспектов в учебные программы школ и вузов поможет формированию у молодежи понимания важности равноправия и совместного участия в домашних обязанностях.

2. Проведение государственных и общественных кампаний, направленных на изменение стереотипных представлений о гендерных ролях в семье и обществе.

3. Разработка и внедрение законов, стимулирующих равноправное распределение семейных обязанностей, включая поощрение гибких форм занятости.

4. Создание доступных и качественных услуг по уходу за детьми (детские сады, центры развития), что позволит женщинам активнее участвовать в экономической жизни.

5. Поощрение работодателей к предоставлению гибких графиков работы, удаленной работы и других форм занятости, способствующих балансировке работы и личной жизни. Дистанционная работа прошла апробацию в период пандемии COVID-19 и показала, что многие виды работ возможно эффективно выполнять не находясь в офисе. Налаженную дистанционную форму работы можно разрешить практиковать женщинам с детьми, что значительно облегчит выполнение ими своих функциональных обязанностей, сократит время, затрачиваемое на дорогу, и даст возможность совмещать домашние обязанности по уходу за детьми со служебными обязанностями. Программы по балансировке работы и личной жизни сотрудников.

6. Введение корпоративных программ, поддерживающих сотрудников с

семейными обязанностями, таких как предоставление дополнительного отпуска, организация детских комнат при офисах и т.д.

7. Создание программ и сообществ, поощряющих мужчин активнее участвовать в воспитании детей и ведении домашнего хозяйства.

8. Популяризация образов мужчин, активно участвующих в семейной жизни, через средства массовой информации и социальные сети.

9. Регулярное проведение исследований и опросов для мониторинга ситуации с гендерным неравенством в домашнем труде.

10. Анализ результатов внедренных программ и инициатив с целью корректировки и повышения их эффективности.

Таким образом, исследование показало, что, несмотря на определенные улучшения, гендерное неравенство в домашнем труде остается актуальной проблемой, требующей комплексного подхода и стратегических решений на уровне общества и государства.

В будущих исследованиях авторы планируют:

- Проведение сравнительного анализа гендерного неравенства в распределении домашних обязанностей между различными регионами Казахстана.

- Изучение влияния культурных и этнических особенностей на распределение домашнего труда.

Ссылка на источник финансирования.

Данное исследование финансируется Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № AP19680677 «Экономико-демографическое развитие Казахстана: гендерный аспект»).

Список литературы

1. Смагулова, А.Б. Оценка стоимости неоплачиваемого труда в Казахстане // Экономика и статистика. — 2019. — № 4. — С. 45–53.
2. Калабихина, И.Е. Гендерный фактор в экономическом развитии России. — М.: МАКС Пресс, 2009. — 240 с.

3. Калабихина, И.Е., Шайкенова, Ж.К. Оценка внутридомохозяйственных трансфертов времени // Демографическое обозрение. — 2018. — № 4. — С. 1–30.
4. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Выборочное наблюдение использования суточного фонда времени населением Республики Казахстан за 2021 год. — Нур-Султан, 2022.
5. Программа развития ООН (ПРООН). Отчет о гендерном равенстве в Казахстане. — 2020.
6. Becker, G.S. A Treatise on the Family. — Harvard University Press, 1991. — 441 p.
7. Gronau, R. Leisure, Home Production, and Work: The Theory of the Allocation of Time Revisited // Journal of Political Economy. — 1977. — Vol. 85. — P. 1099–1123.
8. Arrighi, B.A., Maume, D.J. Workplace Subordination and Men's Avoidance of Housework // Journal of Family Issues. — 2000. — Vol. 21. — P. 464–487.
9. Coltrane, S. Research on Household Labor: Modeling and Measuring the Social Embeddedness of Routine Family Work // Journal of Marriage and Family. — 2000. — Vol. 62. — P. 1208–1233.
10. Brines, J. Economic Dependency, Gender, and the Division of Labor at Home // American Journal of Sociology. — 1994. — Vol. 100. — P. 652–688.
11. Келлер, Тина А., и Элан, Айвен. (2009). Социальные роли и гендерные различия. Москва: Издательство «Питер».
12. Krebbs, C. (1980). "Economic Dependence and Housework: Implications for Marriage." Journal of Marriage and the Family, 42(1), 35–41.
13. Хохшильд, Арьод Р., и Лукман, Амалия. (1989). Вторая смена: работающие семьи и революция дома. Москва: Издательство «АСТ».
14. Becker, G. S. (1981). "A Treatise on the Family." Journal of Political Economy, 89(4), Part 2, S. 763–817.
15. Bem, S. L. (1993). The Lenses of Gender: Transforming the Debate on Sexual Inequality. Stanford, CA: Stanford University Press.
16. Crenshaw, K. (1989). "Demarginalizing the Intersection of Race and Sex: A Black Feminist Critique of Antidiscrimination Doctrine, Feminist Theory and Antiracist Politics." University of Chicago Legal Forum, 1989(1), Article 8.
17. Блумер, Герберт. (1969). Символический интеракционизм: перспектива и метод. Москва: Издательство «МГУ».
18. Кранц, Д. С., и Харт, Р. (1976). Время, работа и домашняя деятельность. Москва: Издательство «АСТ».
19. Бурдьё, Пьер. (1986). Формы капитала. В: Дж. Ричардсон (ред.), Справочник по теории и исследованиям социологии образования (с. 241–258). Москва: Издательство «Социология».
20. Льюис, Ричард. (2003). Мужчины, женщины и разделение труда. Москва: Издательство «АСТ».
21. Калабихина И.Е. Гендерный фактор в экономическом развитии Казахстана. — Астана: Экономическое издательство, 2020.
22. Бекмуханова А.К. Влияние экономического статуса на гендерные роли в казахстанских семьях // Экономика и статистика. — 2021. — № 5.
23. Комитет по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан. "Использование времени населением Республики Казахстан в 2015 году". Астана, 2016.
24. Комитет по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан. "Использование времени населением Республики Казахстан в 2018 году". Нур-Султан, 2019.
25. ПРООН. "Отчет о развитии человеческого потенциала в Казахстане", 2016.
26. Отчет ПРООН "Гендерное неравенство на рынке труда Казахстана", 2021.
27. ПРООН в Казахстане. "Гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин в Казахстане", 2020.
28. ПРООН. "Гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин в Казахстане", 2021.
29. ПРООН в Казахстане. Гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин в Казахстане. — 2022.

References

1. Smagulova, A.B. Ocenka stoimosti neoplachivaemogo truda v Kazahstane // Jekonomika i statistika. — 2019. — № 4. — S. 45–53.
2. Kalabihina, I.E. Gendernyj faktor v jekonomicheskom razvitii Rossii. — M.: MAKSS Press, 2009. — 240 s.
3. Kalabihina, I.E., Shajkenova, Zh.K. Ocenka vnutridomohozjajstvennyh transfertov vremeni // Demograficheskoe obozrenie. — 2018. — № 4. — S. 1–30.

4. Bjuro nacional'noj statistiki Agentstva po strategicheskemu planirovaniyu i reformam Respubliki Kazahstan. Vyborochnoe nabljudenie ispol'zovaniya sutochnogo fonda vremeni naseleniem Respubliki Kazahstan za 2021 god. — Nur-Sultan, 2022.
5. Programma razvitiya OON (PROON). Otchet o gendernom ravenstve v Kazahstane. — 2020.
6. Becker, G.S. A Treatise on the Family. — Harvard University Press, 1991. — 441 p.
7. Gronau, R. Leisure, Home Production, and Work: The Theory of the Allocation of Time Revisited // Journal of Political Economy. — 1977. — Vol. 85. — P. 1099–1123.
8. Arrighi, B.A., Maume, D.J. Workplace Subordination and Men's Avoidance of Housework // Journal of Family Issues. — 2000. — Vol. 21. — P. 464–487.
9. Coltrane, S. Research on Household Labor: Modeling and Measuring the Social Embeddedness of Routine Family Work // Journal of Marriage and Family. — 2000. — Vol. 62. — P. 1208–1233.
10. Brines, J. Economic Dependency, Gender, and the Division of Labor at Home // American Journal of Sociology. — 1994. — Vol. 100. — P. 652–688.
11. Keller, Tina A., i Jelani, Ajven. (2009). Social'nye roli i gendernye razlichija. Moskva: Izdatel'stvo «Piter».
12. Krebs, C. (1980). "Economic Dependence and Housework: Implications for Marriage." Journal of Marriage and the Family, 42(1), 35–41.
13. Hohshil'd, Ar'od R., i Lukman, Amaliya. (1989). Vtoraja smena: rabotajushhie sem'i i revoliucija doma. Moskva: Izdatel'stvo «AST».
14. Becker, G. S. (1981). "A Treatise on the Family." Journal of Political Economy, 89(4), Part 2, S. 763–817.
15. Bem, S. L. (1993). The Lenses of Gender: Transforming the Debate on Sexual Inequality. Stanford, CA: Stanford University Press.
16. Crenshaw, K. (1989). "Demarginalizing the Intersection of Race and Sex: A Black Feminist Critique of Antidiscrimination Doctrine, Feminist Theory and Antiracist Politics." University of Chicago Legal Forum, 1989(1), Article 8.
17. Blumer, Gerbert. (1969). Simvolicheskiy interakcionizm: perspektiva i metod. Moskva: Izdatel'stvo «MGU».
18. Kranc, D. S., i Hart, R. (1976). Vremja, rabota i domashnjaja dejatel'nost'. Moskva: Izdatel'stvo «AST».
19. Burd'jo, P'er. (1986). Formy kapitala. V: Dzh. Richardson (red.), Spravochnik po teorii i issledovanijam sociologii obrazovaniya (s. 241–258). Moskva: Izdatel'stvo «Sociologija».
20. L'juis, Richard. (2003). Muzhchiny, zhenshhiny i razdelenie truda. Moskva: Izdatel'stvo «AST».
21. Kalabihina I.E. Gendernyj faktor v jekonomicheskom razvitii Kazahstana. — Astana: Jekonomicheskoe izdatel'stvo, 2020.
22. Bekmuhanova A.K. Vlijanie jekonomicheskogo statusa na gendernye roli v kazahstanskih sem'jah // Jekonomika i statistika. — 2021. — № 5.
23. Komitet po statistike Ministerstva nacional'noj jekonomiki Respubliki Kazahstan. "Ispol'zovanie vremeni naseleniem Respubliki Kazahstan v 2015 godu". Astana, 2016.
24. Komitet po statistike Ministerstva nacional'noj jekonomiki Respubliki Kazahstan. "Ispol'zovanie vremeni naseleniem Respubliki Kazahstan v 2018 godu". Nur-Sultan, 2019.
25. PROON. "Otchet o razvitii chelovecheskogo potentsiala v Kazahstane", 2016.
26. Otchet PROON "Gendernoe neravenstvo na rynke truda Kazahstana", 2021.
27. PROON v Kazahstane. "Gendernoe ravenstvo i rasshirenie prav i vozmozhnostej zhenshhin v Kazahstane", 2020.
28. PROON. "Gendernoe ravenstvo i rasshirenie prav i vozmozhnostej zhenshhin v Kazahstane", 2021.
29. PROON v Kazahstane. Gendernoe ravenstvo i rasshirenie prav i vozmozhnostej zhenshhin v Kazahstane. — 2022.

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ҚОҒАМНЫҢ ТҰРАҚТЫ ДАМУ ФАКТОРЫ РЕТІНДЕГІ ҮЙ ЖҰМЫСЫНДАҒЫ ГЕНДЕРЛІК ТЕНДІК

Айжан МУХАМАДИЕВА* э.ғ.к., профессор, Қазақстан-Американдық еркін университеті, Өскемен қ., Қазақстан, ai-m77@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3775-1863>, Scopus Author ID:57189848799.

Эльмира КЫДЫРБАЕВА, Ph.D, қауымдастырылған профессор, I. Жансүгіров атындағы Жетісу университеті, Талдықорған, Қазақстан, ekudyrbaeva@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4489-0896>, Scopus Author ID:55467073800.

Жасулан БАЙКЕНОВ, PhD, Бірінші вице-президент, Қазақстан-Американдық еркін университеті, Өскемен, Қазақстан, zhas86kz@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9951-0454>, Scopus Author ID:57194197829.

Ганс-Кристиан БРАУВАЙЛЕР, PhD, профессор, Батыс Саксон университеті Цвикау, бизнес және экономика факультеті, қолданбалы ғылымдар университеті, Шеффелстрит 39, Германия, christian.brauweiler@fh-zwickau.de, <https://orcid.org/0000-0003-0284-5667>.

GENDER EQUALITY IN HOUSEHOLD WORK AS A FACTOR OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF SOCIETY IN KAZAKHSTAN

Aizhan MUKHAMADIYEVA*, c.e.s., professor, Kazakhstan-American Free University, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan, ai-m77@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3775-1863>, Scopus Author ID: 57189848799.

Elmira KYDYRBAYEVA, Ph.D, Professor, I. Zhansugurov Zhetysu University, Taldykorgan, Kazakhstan, ekydyrbaeva@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4489-0896>, Scopus Author ID: 55467073800

Zhassulan BAIKENOV, PhD, First Vice President, Kazakhstan-American Free University, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan, zhas86kz@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9951-0454>, Scopus Author ID: 57194197829.

Hans-Christian BRAUWEILER, PhD, Professor, WHZ Westsächsische Hochschule Zwickau, Faculty of Business and Economics, University of Applied Sciences; Scheffelstr. 39, Building 6, Germany, christian.brauweiler@fh-zwickau.de ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0284-5667>.

КӨРСЕТІЛЕТІН ҚЫЗМЕТТЕР САПАСЫН ЖАҚСARTУ НЕГІЗІНДЕ КАДР ЖҮЙЕСІН ЖЕТІЛДІРУ

Зулфухар ГАИПОВ	саяси ғылымдарының докторы, профессор, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясы Басқару институтының директоры, Астана, Қазақстан, zulfukhar.gaipov@apa.kz, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0001-8894-6719
Гүлім* УКІБАЕВА	PhD, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясы Басқару институтының доценті, Астана, Қазақстан, g.ukibayeva@apa.kz, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-6122-3932 , Scopus ID: 57205545277, Zertmeys ID Web of Science: AAB -8841-2021
Айбек СОЛТАНҒАЗИНОВ	PhD докторы, қауымдастырылған профессор, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясы мемлекеттік басқаруда персоналдың сәйкестігін тану орталығының персоналды сертификаттау секторының меңгерушісі, Астана, Қазақстан, aibek.soltangazinov@yandex.ru, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6917-3397
Айнұр ДОСМАҒАМБЕТОВА	педагогика ғылымдарының магистрі, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясы Басқару институтының ассистенті, Астана, Қазақстан, a.dosmagambetova@apa.kz, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0004-7672-6227

Қолжазбаның редакцияға түскен күні: 11/09/2024

Қайта өңделген күні: 04/12/2024

Қабылданған күні: 13/01/2025

DOI: 10.52123/1994-2370-2025-1323

ӨЖ 332.01

ГТАХТК 06.81.23

Аңдатпа. Бүгінгі таңда ғылыми-техникалық дамудың өсу қарқынының айтарлықтай жоғары болуына байланысты, білім беруді дамытудың өзектілігі жетекші қатарда. Себебі, жетістіктердің негізгі көзі - өзіндік интеллект пен ұмтылысы бар жан-жақты дамыған тұлғалар қатарының қалыптасуында. Расымен де қазіргі таңдағы технологиядағы және гуманитарлық ғылымдардағы прогресс әсерлі және біздерді ынталандырады.

Мақалада педагог қызметкерлердің техникалық және кәсіптік білім беру ұйымдарының (бұдан әрі- ТЖКБ) және білім беру сапасын қамтамасыз ету мәселелерін анықтау мақсатында жүргізілген зерттеу нәтижелері келтірілген. Осы бағыттарды іске асыру барысында туындайтын проблемалармен кедергілер анықталды. Оқытушылар мен өндірістік оқыту шеберлерінің сапалық және сандық құрамы және кәсіби-педагогикалық салада кездесетін кәсіби деңгеймен кәсіби мамандар тапшылығы айқындалады. Зерттеу нәтижелері негізінде, кадрлармен қамтамасыз ету процесін жетілдірудің және ТЖКБ ұйымдарында білім беру деңгейінің сапасын арттыруына мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: білім беру қызметі, қызметтерінің сапасы, педагогтардың кәсіби даярлығы, қамтамасыз етілуі, нәтижесі, сандық және сапалық құрамы, модель

Аннотация. Сегодня темпы роста научно-технического развития настолько высоки, что актуальность развития образования остается на ведущем уровне, так как основным источником достижений является человек со своим интеллектом и стремлением. Прогресс в области технологий, науки и гуманитарных наук действительно впечатляет и мотивирует.

В статье представлены результаты исследования, проведенного с целью раскрытия проблем обеспечения педагогическими работниками организаций технического и профессионального образования (далее ТипО) и качества образования. Выявлены проблемы, возникающие в ходе реализации этих направлений. Определены качественный и количественные составы преподавателей и мастеров производственного обучения и существующие в профессионально-педагогической сфере профессиональные дефициты. Результаты исследования позволяют выработать важнейшие направления совершенствования процесса обеспечения кадрами и повышения качества уровня образования в организациях ТипО.

Ключевые слова: образовательная деятельность, качество услуг, профессиональная подготовка педагогов, обеспеченность, результат, количественный и качественный состав, модель.

* Хат-хабарларға арналған автор: Ү. Үкібаева, g.ukibayeva@apa.kz

Abstract. Today, the growth rate of scientific and technological development is so high that the relevance of the development of education remains at the leading level, since the main source of achievements is a person with his own intellect and aspiration. The progress in technology, science and humanities is truly impressive and motivating.

The article presents the results of a study conducted with the aim of revealing the problems of providing technical and vocational education organizations (hereinafter referred to as TVET) with teaching staff and the quality of education. Problems that arise during the implementation of these directions are identified. The qualitative and quantitative composition of teachers and masters of industrial training and the existing professional deficits in the professional pedagogical sphere have been determined. The results of the study will allow us to develop the most important directions for improving the process of staffing and improving the quality of education in TVE organizations.

Keywords: educational activity, quality of services, professional training of teachers, security, result, quantitative and qualitative composition, model

Кіріспе

Адамзаттың жаһандық мәселелерін шешудің ең тиімді құралы мен механизмі қазіргі заманғы адамды трансформациялық және шығармашылық қызметтің субъектісі ретінде дамытуға бағытталған білім беру болуы керек. Осы жағдайларда қазіргі жағдайдың маңызды ерекшеліктерінің бірі білім берудің жалпы адамзаттық миссиясын түсіну болып табылады. Заманауи тенденцияларды ескере отырып, «білім беру – оқу» тәсілінен «тәрбие – тұлғаны қалыптастыру және дамыту» бағытына көшу қажет. Ал бұл ретте ұстаздардың алатын орны ерекше.

Мемлекетің мұғалімдер мәртебесін көтеру бойынша міндеттері орындалуда. Оқытудың жаңа әдістері мен тәсілдерін игеруге барлық жағдай қарастырылып отыр. Бәсекелестік орта білім беру саласындағы көптеген жаңа қатысушыларды тудырды, олар оқу материалдарын әзірлеуге, оқыту әдістемесіне, қаржыландыру модельдеріне және білім беру ортасын ұйымдастыруға көптеген жаңалықтар әкелді. Мұның бәрі терең және саналы дамуды күтетін кіріс шарттары, қызмет алушылар да, мұғалімдер де сезінетін сапалы нәтижелер.

Өткен ғасырдың 90-шы жылдарының басында біз өзгермелі, күтпеген әлемге кірдік, ондағы ақпараттың үлкен ағыны шешім қабылдауды қиындатып, белгісіздікке әкелдіргенің де білеміз. XXI ғасырдың 14 жылында адамзат бүкіл XX ғасырдың жетістіктерімен салыстыруға болатын прогреске қол жеткізді. Сарапшылардың пікірінше, XXI ғасырдағы прогресс алдыңғы ғасырдағы жетістіктерден мың есе асып түсуі мүмкін деген пікірге келіп отыр.

Технологиялардың, интернеттің және үлкен деректер көздерінің артуы, адамдардың және жалпы қоғамның өміріне біршама әсер ететінін түсінеміз.

Еңбек қызметі жан-жақты әрі стандартты және стереотиптік сипатқа ие болды, сәйкесінше аз жұмыс тапсырмалары және оларды «үлгіге сәйкес» шешуге мүмкіндік берді. «Үйрендім, мамандық алдым, біліктілігін арттырдым, мансап жасадым» деген үйреншікті парадигма өткеннің еншісінде.

Болашақ мамандықтар, дәлірек айтсақ, экономиканың және еңбек нарығындағы өзгерістердің әсерінен дағдылар мен білім құрылымының өзгеруі, таңдаған мамандықтың немесе кәсіптің атаулары түрінде іске асырудың нақты нысаны орын алды.

Технологияның дамуы жақын болашақта күнделікті ғана емес, сонымен қатар жоғары біліктілікті қажет ететін күрделі міндеттерді де автоматтандыруға әкелетіні белгілі болды. Қазіргі уақытта жасанды интеллект (ЖИ) көптеген дағдыларды жаңғыртуға қабілетті және келешекте қазіргі кезеңдегі қызметте жүрген мамандарды алмастыра алады немесе экономиканың барлық дерлік салаларында кадрларға деген қажеттілікті айтарлықтай азайтатыны анық. Технологиялық инновация әсер етпейтін мамандық жоқ.

Дүниежүзілік экономикалық форум (ДЭФ, 2023) сарапшыларының болжамы бойынша, алдағы 4 жылда барлық салалардағы жұмысшылардың жартысына жуығы жаңа дағдыларды меңгеруі қажет, ал болашақта жүйелі түрде қайта даярлау қалыпты жағдайға айналуы тиіс [1].

ТжКБ-ны дамытуға көңіл бөлудің артуына байланысты білім беру ұйымдарын берілген деңгейдегі және білім сапасының кәсіби кадрлармен қамтамасыз ету саласындағы проблемаларды анықтау қажеттілігі туындады. Ғылыми жұмыстың мақсаты – ТжКБ мекемелерінің кадрлық деңгейін және олардың көрсетілетін қызмет сапасына әсерін бағалау. Осы мақсатқа жету үшін келесі міндеттер тұжырымдалды:

ТжКБ қызметінің негізгі көрсеткіштерін талдау, колледж оқытушыларының сандық және сапалық көрсеткіштерін талдау, ТжКБ ұйымдарын кадрлық қамтамасыз етуді жақсарту және білім беру қызметінің сапасын арттыру бойынша шаралар әзірлеу.

Зерттеудің материалдары мен әдістері.

Зерттеудің мақсаттары мен міндеттерін іске асыру кезінде ақпараттық-аналитикалық әдіс, салыстырмалы және статистикалық талдау әдістері, графикалық-аналитикалық құралдар қолданылды. Ақпараттық-аналитикалық зерттеу әдісін қолдану ақпаратты іздеуге, олардың сапасын тексеруге және өңдеуге мүмкіндік берді. Салыстырмалы және статистикалық талдау әдістері мәліметтерді жинау мен өңдеудің ең тиімді әдістері болып табылады. Зерттеу барысында қолданылатын әртүрлі әдістер - талдау және синтез әдісі. Жұмыс барысында біз объектілерді құрамдас бөліктер ретінде зерттеп, оларды бөлек қарастыруға тырыстық.

Кәсіптік білім беруді дамытудың перспективалық бағыттарын, сондай-ақ қазіргі ТжКБ оқытушылары қолданатын түрлі құралдарды, әдістерді, технологияларды талқылау ғылыми және практикалық басылым беттерінде үнемі орын алып отырады. О.Н.Журавлева, С.В.Александрова және Т.П.Андреевскаяның еңбектерінде педагогикалық кадрлардың жетіспеушілігі мәселелері қарастырылады, олар мұғалімдердің өзгерістерге дайын еместігін және қоғамның білім сапасына қойылатын талаптарын атап өтті [2].

Қытай ғалымдары заманауи кәсіптік педагог әдістемелік қызметпен қатар, ұжымдық жұмыс, тәлімгерлік, зерттеушілік, білім беру ұйымдарын басқаруға қатысу және т.б. іс-әрекеттерді орындауда білікті болуы керектігін атап көрсетеді [3].

Орта кәсіптік білім беру мұғалімдерінің педагогикалық қызметін жаңа талаптар шеңберінде жүргізуге дайын еместігі Н.В.Гафурова, С.И.Осипова және

О.Ю.Шубкинаның еңбектерінде де атап өтілді [4].

Бөрібеков Қ.Қ., Құсайынов Ә.Қ. «Қазақстанда техникалық және кәсіптік білім беруді дамыту» жұмысында олар «Экономиканың тиісті салаларында тәжірибелік тәжірибесі бар жоғары білікті мамандарды даярлау процесіне тарту және ТжКБ түлектерінің кәсіби дайындығын бағалауға жұмыс берушілердің тікелей қатысуы болып табылады. Мамандарды даярлау сапасын қамтамасыз етудің және білім беру мекемелерінің білім сапасы үшін жауапкершілігін арттырудың шешуші факторлары» деп бірнеше факторларын атап өтті [5].

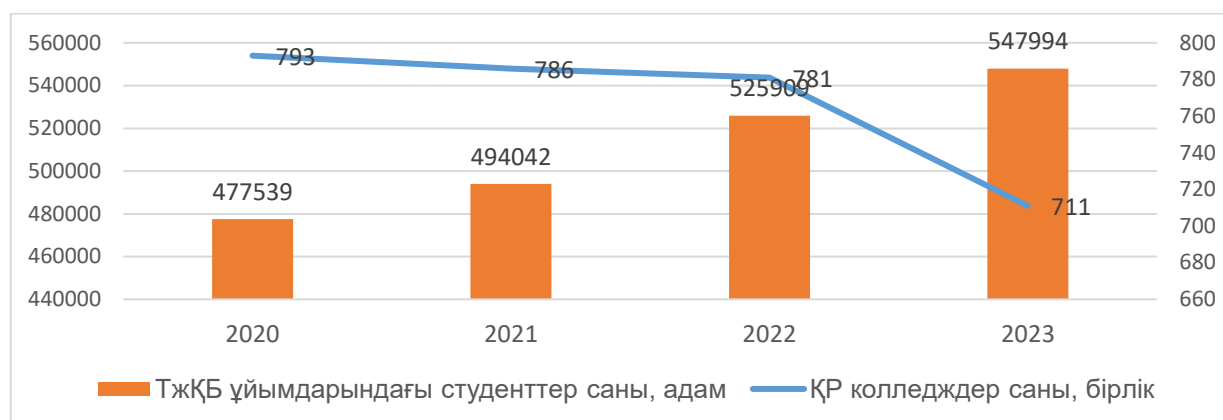
Беру беру мекемелеріндегі мұғалімдердің кәсіби дамуына ерекше назар аудара отырып, «ЮНЕСКО – ның жоғары білім беру саласындағы техникалық көмекке деген қажеттілігін бағалау-Қазақстан» жобасы шеңберінде ТжКБ білім берудегі құзыретті мұғалімдердің маңызды рөлі көрсетілген [14].

Көптеген елдер өздерінің кәсіби құзыреттілік стандарттарын жаңартты. Ақпараттық дәуірде мұғалімдердің құзыреттілігін яғни оқытушылар үздіксіз дамуды қолдауы керек. 2020 жылы Оңтүстік-Шығыс Азия мемлекеттерінің қауымдастығы (АСЕАН) позитивті ынталандыру үшін ТИПО оқытушыларына арналған аймақтық стандартына түзетулер енгізді [14].

Нәтижелер

Тұрақты дамудың негізгі міндеттерінің бірі – жоғары сапалы білім беру. Ал бұл жерде экономика салаларының орта деңгейін мамандармен және жұмысшылармен қамтамасыз ететін техникалық және кәсіптік білім беру басты орынға ие.

ТжКБ білім беру бағдарламалары бойынша жұмысшылар мен орта буын мамандарын даярлауды әртүрлі меншік нысанындағы және ведомстволық бағынысты колледждер ұсынады. 2023-2024 оқу жылында ТжКБ ұйымдарының желісіне 711 колледж кірді. Колледждер саны мен студенттер санының динамикасы 1-суретте көрсетілген.

Ескертпе: [6,7] дереккөздер негізінде құрастырған

1-сурет – ТЖҚБ колледждері мен студенттердің саны

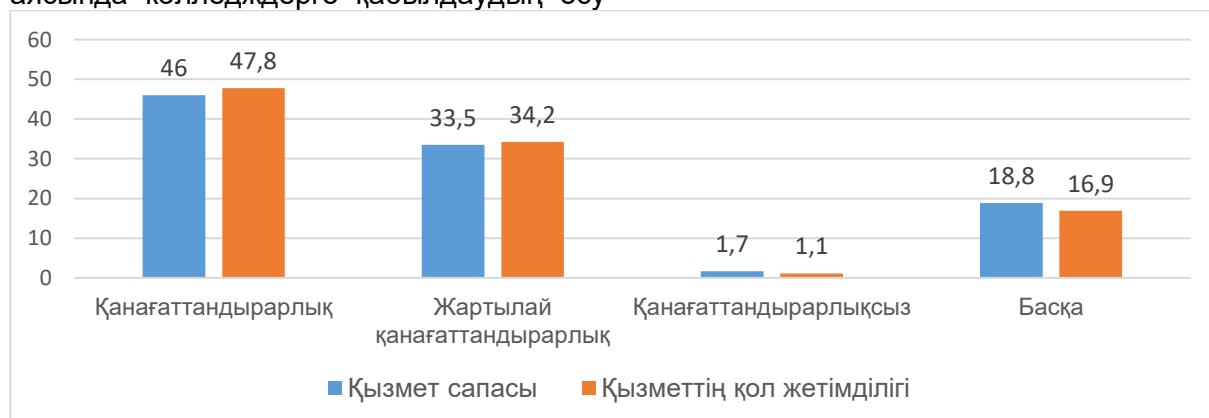
Суреттегі мәліметтерге сүйенсек, 2020 жылы колледждердің саны 793 бірлікті құраған, ал 2023 жылдың басында 711 бірлікке дейін төмендеген. Мұндай өзгертулердің себебі, колледждердің қысқаруы және профильдеу процесінің басталуында, сұранысқа ие және сабақтас мамандықтар бойынша типтік жүйенің қайта бағдарлануы, бірнеше колледждердің бірігуі және еңбек нарығының сұранысын ескере отырып, жеке колледждердің жабылуы әсерінен жоғары да көретілген сандық және сапалық өзгерістерге әкеліп соқтырды.

Контингент құрамының динамикасы соңғы төрт жылда өскені байқалады. Республиканың колледждерінде барлығы 547 994 студент білім алған. Колледж тұрғындарының саны қалалық жерлерде 91,0%-дан сәл астам, ауылдық жерлерде – 9,0%-ға жуық. «Баршаға арналған тегін кәсіптік-техникалық білім беру»

бағдарламасын жүзеге асыру аясында колледждерге қабылдаудың өсу

үрдісі жалғасуда. Осылайша, 2020 жылы оқушылар саны 477 539 адамды құраса, 2023-2024 оқу жылының басына қарай 70 455 адамға көбейген.

Соңғы жылдардағы білім алушылар саны туралы деректерге талдау жүргізу барысында, студенттер контингентінің алдыңғы кезеңдермен салыстырғанда едәуір өскенін және меншік нысандары бойынша өңірлердегі біркелкі емес көрсеткіштермен сипатталатынын көрсетеді. Сондықтан көрсетілетін қызметтердің сапасын қарастыру аса маңызды. Осыған байланысты 8-дереккөздің деректерін пайдалана отырып, біз респонденттердің орта кәсіптік білім беру қызметтерінің сапасы мен қолжетімділігі туралы пікірінің нәтижелері бойынша график құрдық (2-суретті қараңыз.).

Ескертпе: [8] дереккөз негізінде құрастырған

2-сурет - Респонденттердің орта-кәсіптік білім беру қызметтерінің сапасы мен қолжетімділігі туралы пікірлері

Бұл деректер қызмет көрсету сапасына қанағаттанушылық 46% құрайтынын, ал қызметтердің қолжетімділігі бойынша 47,8%, яғни көрсетілетін қызметтерге 47,8% қанағаттанған. Осыған байланысты ТжКБ білім сапасын талдауды қарастыру қажет.

Білім сапасын анықтау мақсатында ТжКБ ұйымдары WorldSkills стандарттарына сәйкес кәсіби шеберлік байқауын ұйымдастырды. Халықаралық WorldSkills қозғалысы мамандықтардың беделін арттыруға және танымал етуге, білікті кадрларды даярлауда жаңа тенденцияларды құруға бағытталған.

«WorldSkills халықаралық стандарттары (WSSS) техникалық және кәсіби өнімділікте халықаралық озық тәжірибені негізге алатын білімді, түсінуді және нақты дағдыларды анықтайды. WorldSkills стандарттарын ескере отырып оқыту мамандарды даярлауда жалпы және кәсіптік құзыреттерді дамыту үшін көбірек

мүмкіндіктер береді, сондықтан WorldSkills стандарттарын мамандықтардың білім беру бағдарламаларына енгізу үшін жұмыс берушілермен келісілген арнайы пәндер Қазақстан Республикасының заңнамасында белгіленген модульдерге енгізіледі. білім беру ұйымы» [9].

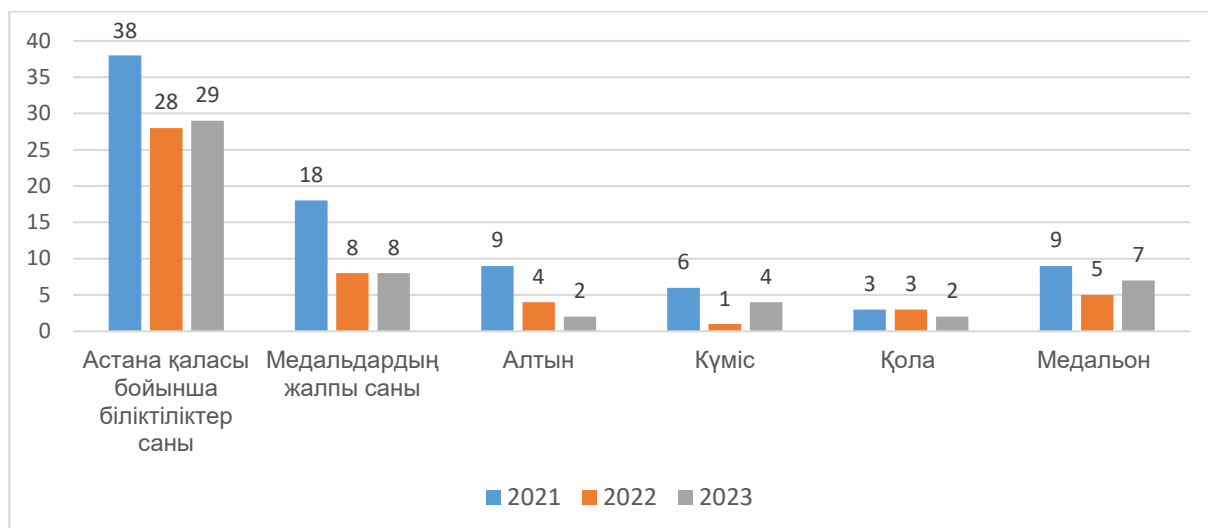
«Worldskills Kazakhstan» республикалық чемпионаты Қазақстанда жыл сайын өткізіледі; чемпионат әдетте «ЭКСПО» халықаралық көрме орталығында өтеді. 2023 жылы ол тағы екі колледждің алаңдарында ұйымдастырылды: СББ (сандық бағдарламамен басқару) станоктарын жұмыс істеу – Техникалық колледж, Нан пісіру шеберлігі – Технологиялық колледж. 2023 жылғы чемпионаттың нәтижелері 1-кестеде берілген. Чемпионаттың қорытындысы бойынша Астана командасы жалпы командалық есеппен 5-орынға ие болды.

1-кесте - Колледждер бойынша WS-2023 республикалық чемпионатының нәтижелері

Колледждер атауы	Медальдар саны	Құзыреттіліктер саны
"Astana Polytechnic "Жоғары колледжі"ШЖҚ МКК	1 алтын, 1 күміс, 1 қола, 3 медальон	11
Қоғамдық тамақтану және сервис колледжі " ШЖҚ МКК	1 алтын, 1 қола, 1 медальон	3
"Кәсіптік-техникалық колледж" КММ		3
Астана қаласы әкімдігінің "Құрылыс-техникалық колледжі" ШЖҚ МКК		3
ШЖҚ техникалық колледжі МКК	1 күміс	2
"Басқару Колледжі" ЖШС	1 күміс	1
"Менеджмент, бизнес және білім колледжі" ЖШС		1
"Көлік және коммуникация жоғары колледжі"ШЖҚ МКК	1 күміс	1
Колледж НА О " ЕҰУ. Л. Н. Гумилева"		1
Астана қаласы әкімдігінің" Технологиялық колледжі " МКҚК	1 медальон	1
Мағжан Жұмабаев атындағы Халықаралық колледжі " ЖШС	1 медальон	1
"Astana IT University"ЖШС колледжі	1 медальон	1

Ескертпе: [10] дереккөз негізінде құрастырған

Бұдан әрі 3-суретте Астана қаласы бойынша соңғы үш жылдағы ұйымдастырылған чемпионаттарға салыстырмалы талдау динамикасы көрсетілген.

Ескертпе: авторлар [10] дереккөз негізінде құрастырған

3-сурет - Өткен жылғы 2021, 2022, 2023 жж. чемпионаттарының салыстырмалы талдауы

2-суреттің мәліметтері бойынша, динамикада соңғы екі жылдағы құзыреттілік саны 38-ден 29-ға дейін төмендегені байқалады. Егер медальдардың жалпы санына назар аударатын болсақ, онда динамикада олар екі есе азайғанын көруге болады, сәйкесінше медальдардың барлық түрлерінде бірдей динамика байқалады.

WSK қатысушыларын оқыту сапасын арттыру және жоғары нәтижелерге қол жеткізу үшін жеке құзыреті бар сарапшылардың пікірлері мен ұсыныстары негізінде:

1. WSK стандарты мен кәсіптік стандартқа сәйкес кәсіптік модульдің білім беру бағдарламаларын, оқу-әдістемелік қамтамасыз етуді әзірлеу;

2. Колледждер мен Құзырет орталықтарының материалдық-техникалық базасын нығайту;

3. Сарапшыларды (оқытушыларды) біліктілік талаптары, Чемпионат ережелері, әдеп кодексі бойынша оқыту;

4. WS стандарттары бойынша оқытушылар мен өндірістік оқыту шеберлерінің біліктілігін арттыру курстарын және тағылымдамадан өтуін қамтамасыз ету;

5. Орталық Комитет базасында WSK чемпионатының қатысушылары мен сарапшылары үшін оқу-жаттығу жиындарын өткізу;

6. Чемпионатқа дайындық кезінде қатысушыларды психологиялық қолдау.

15 жастағы колледж студенттері арасында жүргізілген бағалау (PISA-2018) олардың мектептерде оқитын

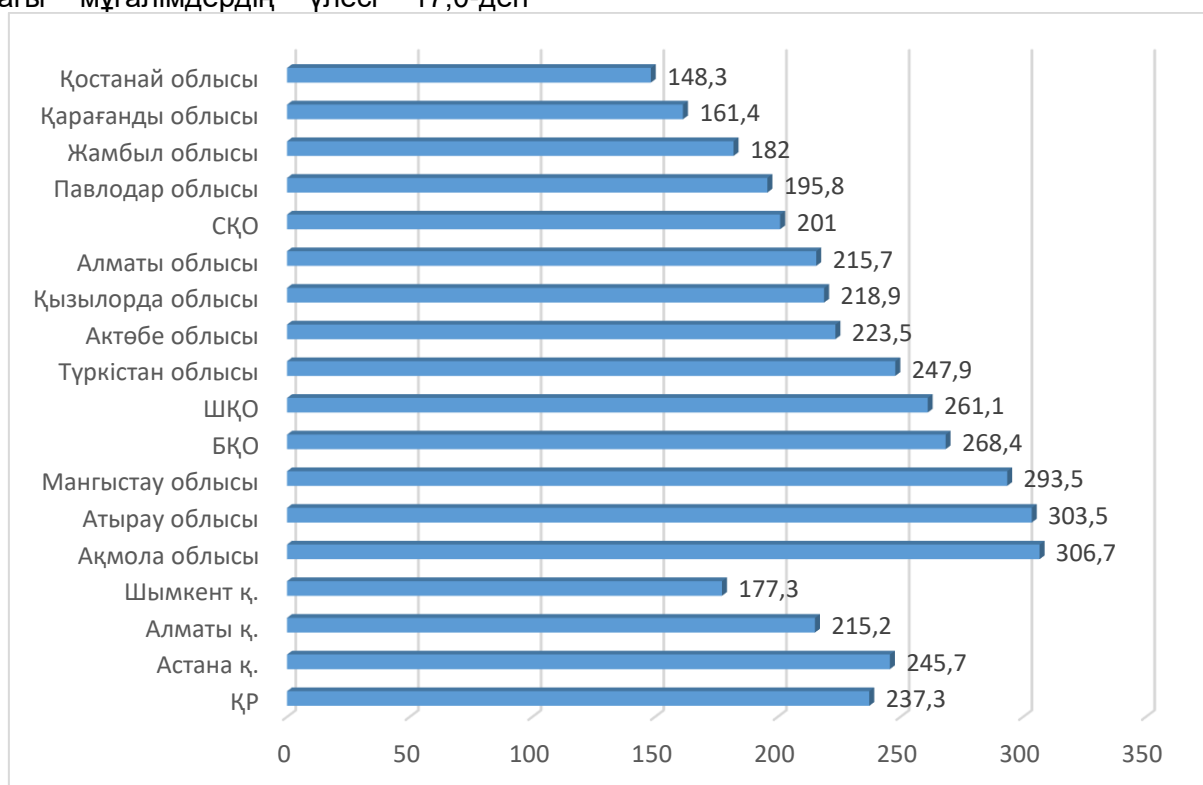
құрдастарынан (ЭЫДҰ) 27 ұпайға артта екенін көрсетті [11].

«Worldskills Kazakhstan» және PISA-2022 нәтижелерін талдау ТжКБ білім беру ұйымдарында білім сапасының төмендегенін растайды. PISA-2022 соңғы рейтингісінің қорытындысы бойынша 81 елдің арасында Қазақстан математикадан 46-орынға (2018 ж. 54-орынға), оқуға 61-орынға (2018 ж. 69-орынға), жаратылыстану бойынша 49-орынға (2018 ж. 69-орын) ие болған. Жалпы 33 мың оқушы сынақтан өтті. PISA бүгінгі күні білім беру жүйесінің объективті шараларының бірі болып табылады, ол 15 жастағы оқушылардың әртүрлі өмірлік мәселелерді және әлеуметтік қарым-қатынастарды шешуде қаншалықты білім мен дағдыларға ие екендігін, яғни стандартты емес мәселелерді шешу қабілетін анықтауға мүмкіндік береді. есептер, логикалық негіздеу және жауаптарын дәлелдеу. Иә, соңғы PISA деректері бойынша біршама өзгерістер, яғни алдыңғы көрсеткіштермен салыстырғанда көрсеткіштердің жақсаруы байқалады. Бірақ бұл білім сапасының жақсарғанын растамайтынын ескеру қажет. Биылғы жылы елдер саны өсті, кейбір елдердің нәтижелері нашарлады, мысалы, Нидерландының көрсеткіштері төмендеді және т.б. «Ресей, Беларусь және ішінара Украина 2022 жылғы зерттеуге қатыспайды, Өзбекстан және басқалар сияқты жаңа елдер қосылды» [12]; Сондықтан сапаны жақсарту туралы айту әлі ерте шығар, мәселені жан-жақты зерделеу керек; Өйткені нәтиже 450-ден

төмен болса, бұл тәуекелге ұшырағанымызды білдіреді. Минималды деңгейге жетпеген студенттердің үлесі жылдан жылға өсіп келеді, бұл болашақта тез өзгертін әлемде өмірге бейімделу проблемаларына әкеледі. Өйткені, оқу орнының, яғни кәсіптік білім беретін оқу орындарының басты мақсаты – кәсіби құзыреттілігі бар, өз бетінше шешім қабылдай алатын, алға қойылған міндеттерге қол жеткізе алатын болашақ мамандарды дайындау. Білікті кадрларды даярлауда басты рөл ұстаздарға жүктеледі. Келесі кезекте ТЖКБ педагогикалық әлеуетін талдауды қарастырамыз.

2022 жылға арналған НОБД деректеріне сәйкес, педагогикалық ұжымның негізгі бөлігін, атап айтқанда 70%-дан астамын 25 пен 55 жас аралығындағы мұғалімдер құрайды. Соңғы жылдары зейнеткерлік және зейнеткерлік алды жастағы мұғалімдердің үлесі 17,0-ден

21,0%-ға дейін өсті, бұл Қазақстан бойынша орташа көрсеткіш, ал аймақтарды алып қарасақ, 28%-ға жетеді. Мәселен, 21 пайыздан астамы Ақмола, Павлодар, Қарағанды, Ұлытау, Атырау облыстарында, Шығыс Қазақстан облысында, Солтүстік Қазақстан облысында және Астана қаласында. Жалпы колледж қызметкерлерінің қартаюы бар, бұл мамандықтың жеткілікті қызықшылығы мен мұғалімдердің жалақысының төмендігімен тікелей байланысты. 2022 жылға облыстар бойынша бір педагогикалық қызметкердің орташа айлық атаулы жалақысын 4-суретті қарастырайық. Бұл сандарға сәйкес, республика бойынша мұғалімдердің орташа айлық жалақы мөлшері 237,3 мың теңгені құрайды. Ең төменгі жалақы Қостанай облысында сақталады және шамамен 148,3 мың теңгені, ең жоғарғысы 306,7 мың теңгені құрайтыны анықталды.

Ескертпе: авторлар [13] дереккөз негізінде құрастырған

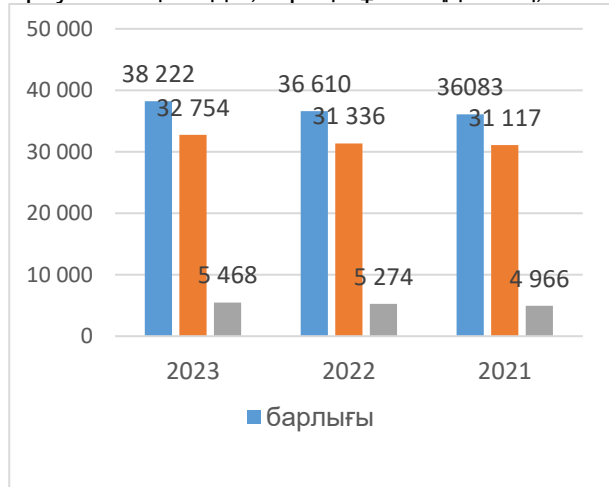
4 – сурет. Аймақтар бойынша бір педагог қызметкердің орташа айлық жалақы мөлшері, 2022 ж. (мың теңге)

Мұғалімдердің білім деңгейіне қатысты мәліметтер бойынша: ТЖКБ мұғалімдерінің 17,0%-дан астамы жоғары оқу орнынан кейінгі білімі бар, 76%-ы жоғары және 6,3%-ның орта кәсіптік білімі бар. Ғылыми және ғылыми дәрежесі бар

оқытушылардың құрылымы келесідей: 89,9% магистрлер, ғылым кандидаттары – 7,22% және ғылым докторлары, PhD докторлары – 2,78%. 2022 жылы санаты жоқ мұғалімдер саны 44%-ға дейін өсті.

ТЖКБ кадрларының құрылымы мен сапасының динамикасын қарастырайық. 5-суретте соңғы үш жылдағы кадрлар құрамының динамикасы көрсетілген, осы деректер бойынша мұғалімдер санының артуы байқалады, бірақ бұл заңдылық,

олар бұрын айтқандай, бұл қызметкерлердің санының артуына байланысты байқалады делінген болатын; колледждер саны.

а) оқытушылар

б) өндірістік оқыту шеберлері

Ескертпе: авторлар [13] дереккөз негізінде жасады

5-сурет. Колледждердің кадрлық құрамы бойынша көрсеткіштердің динамикасы

Өндірістік оқыту шеберлеріне қатысты қарама-қарсы динамика байқалады, яғни олардың азаюы, сонымен қатар, олардың санының құрылымында толық емес жұмыс күнімен жұмыс істейтіндердің үлес салмағының артуы байқалады, бұл практикалық қызметкерлердің әдетте артықшылық беретіндігімен расталады; білім беру ұйымдарында емес, өндірісте жұмысқа орналасу және оның басты себебі – жалақы.

құрамының шамамен 4-5% ваканттық болады. Жалпы кәсіптік және арнайы пәндер бойынша мұғалімдерге, жалпы білім беретін пәндер бойынша мұғалімдерге, өндірістік оқыту шеберлеріне және жалпы гуманитарлық және әлеуметтік-экономикалық пәндер мұғалімдеріне аса қажеттілік бар екені байқалды.

Келесі, 6-суретте ТЖКБ оқытушыларының сапалық құрамын қарастырамыз.

ТЖКБ ұйымдарында кадр тапшылығы байқалады. Жыл сайын ИПР барлық

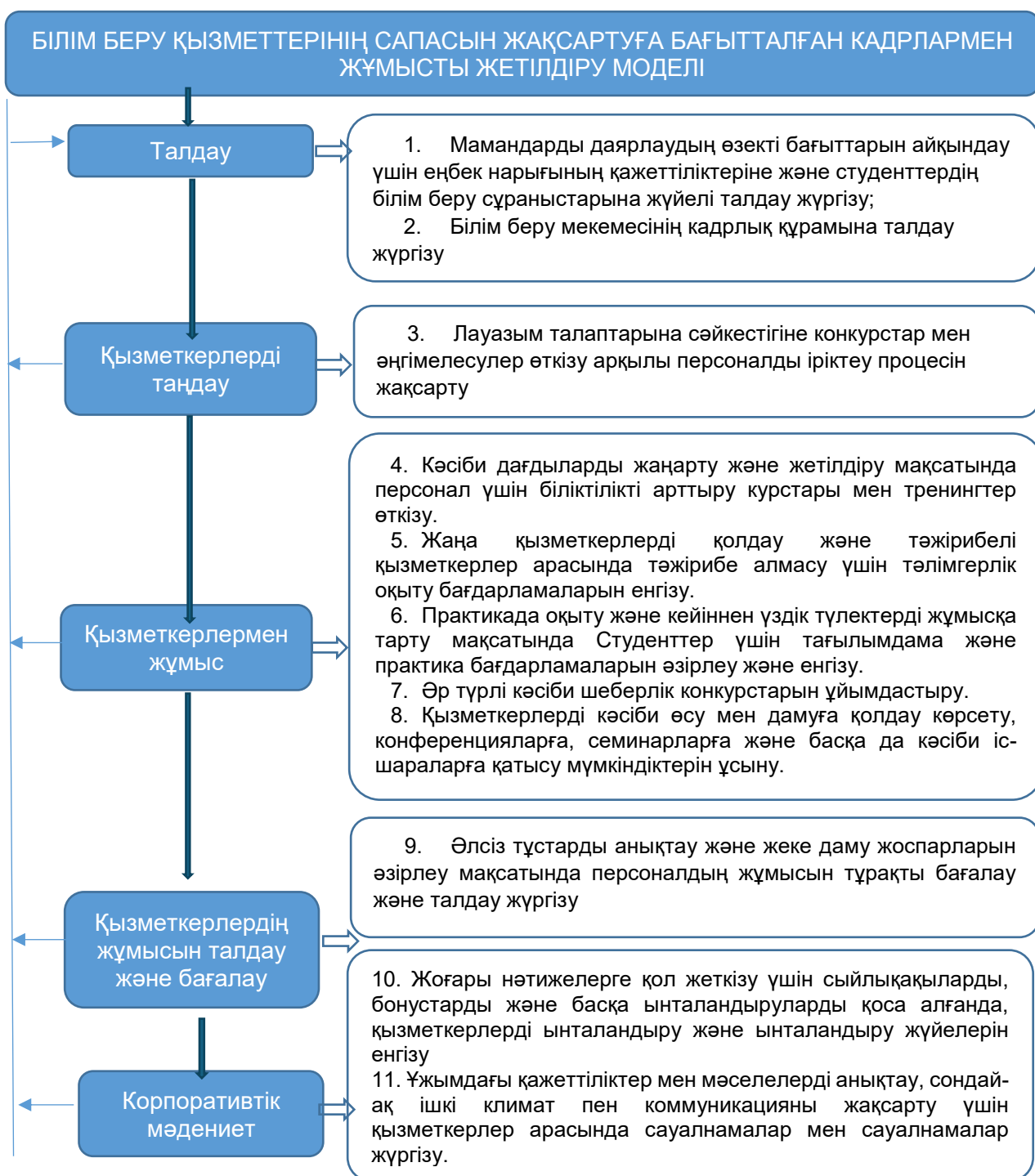

Ескертпе: авторлар дереккөз негізінде жасады [13]

6 -сурет. ТЖКБ-ның сапалық педагогикалық кадрлардың құрамы

Жоғарыдағы суретке жүгінсек, 35 803 мұғалімнің жоғары білімді, оның ішінде 20 148 адамның санаты жоқ екені анықталған. Мұғалімдердің 1,7 пайызы ғана мұғалім-шебер санатына ие. Яғни, талдау негізінде ТжКБ ұйымдарында көрсетілетін қызметтердің сапасы жыл сайын төмендегенің байқаймыз, бұған бірқатар факторлар әсер етеді, олардың бірі педагогикалық кадрлардың қолжетімділігі

мен сапасы. Ал бұл салада шешімін күткен мәселе бар. Бұл мәселені шешу үшін, біздің ойымызша, білім беру мекемесінің кадрлық әлеуетін қамтамасыз етуге және арттыруға бағытталған тұтас жүйені әзірлеу қажет. Ал біз кадрлармен жұмысты жақсартудың келесі үлгісін енгізуді ұсынамыз (7-суретті қараңыз), ол білім беру қызметінің сапасын арттыруға бағытталған

Дереккөз: авторлармен құрастырылған

7-сурет. Білім беру қызметтерінің сапасын жақсартуға бағытталған кадрлармен жұмысты жетілдіру моделі

Персоналмен жұмысты талдау негізгі проблемалық аймақтарды анықтауға және

корпоративтік мәдениетін ескеру маңызды, өйткені дәл осы құндылықтарды, мінез-құлық нормаларын және ұжымда қабылданған тәжірибелерді анықтайды.

Персоналмен жұмысты және корпоративтік мәдениетті бағалау басқарудың күшті және әлсіз жақтарын анықтауға және оларды жақсарту бойынша шаралар қабылдауға мүмкіндік береді. Мысалы, командалық рухты нығайту, қызметкерлерді оқытудың жаңа әдістеріне үйрету немесе марапаттау жүйесі арқылы ынталандыруды арттыру.

Сонымен, талдау, кадрларды іріктеу, кадрлармен жұмыс, персоналмен жұмысты талдау және бағалау және корпоративтік мәдениеттің өзара әрекеттесуі білім беру қызметінің сапасын арттыруда және студенттерді оқыту мен дамыту үшін қолайлы жағдай жасауда маңызды рөл атқарады.

Бұл бөлімде мақаланың негізгі идеялары көрсетілген, алынған нәтижелер мен олардың жаңалығы тұжырымдалған. Ұсыныстар, қорытындылар мен ұсыныстар зерттеудің қойылған мақсаттары мен міндеттеріне қол жеткізуді растауы керек. Алынған нәтижелерді практикалық пайдалану мүмкіндігін белгілеп, әрі қарай ғылыми зерттеулердің бағыттарын ұсыну қажет.

1. Жоғарыда келтірілген талдау және білім беру ұйымдарындағы білім сапасын арттыруға бағытталған кадрлармен жұмысты жақсартудың жоғарыда аталған үлгісін іске асыру негізінде бірқатар шараларды қабылдау қажет:

тиімді шешімдерді ұсынуға мүмкіндік береді. Бұл ретте білім беру мекемесі

Колледж оқытушысы мамандығының беделін арттыру. Ол үшін оқытушылардың жалақысын ұлғайту, оларға кәсіби даму және біліктілікті арттыру үшін мүмкіндіктер беру қажет.

2. Колледждерді білікті және білікті мамандармен қамтамасыз етуге көмектесетін оқытушыларды даярлау және біліктілігін арттыру бағдарламаларын әзірлеу және енгізу.

3. Жас перспективалы мамандарды оқытушы ретінде Тарту, ғылыми зерттеулерге қатысу, Кәсіби өсу мен даму мүмкіндігі сияқты ынталандырулар жасау қажет.

4. Колледждерді заманауи жабдықтармен және оқу материалдарымен қамтамасыз ету.

5. Оқытушылар құрамының ғылыми деңгейін арттыруға және колледждерді заманауи және өзекті біліммен қамтамасыз етуге мүмкіндік беретін оқытушылардың ғылыми-зерттеу жұмыстарын ынталандыру және қолдау жөніндегі бағдарламаны әзірлеу.

6. Бос лауазымдарға ашық конкурстар өткізе отырып, оқытушыларды жалдау процесінің ашықтығы мен тиімділігін қамтамасыз ету, сондай-ақ оқытушылардың кәсіби қызметін бағалау жүйесін құру.

Осы шараларды іске асыру еліміздің колледждерінің кадр құрамын жақсартуға, білім беру сапасын арттыруға және колледждерді заманауи және өзекті ресурстармен қамтамасыз етуге мүмкіндік береді.

Әдебиеттер тізімі

1. World Economic Forum (2023). Future of Jobs Report 2023. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2023.pdf
2. Журавлева, О. Н. Входная диагностика профессиональных дефицитов в системе дополнительного профессионального образования педагогов (на примере оценивания уровня информационно-аналитической компетенции учителя истории) / О. Н. Журавлева, Т. П. Андреевская, С. В. Александрова. Текст: непосредственный // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2019. № 1 (38). С. 97–106
3. Gao, Q. Professional development and ICT literacy of college teachers based on FPGA and image target recognition education / Q. Gao. Text: electronic // Microprocessors and Microsystems. 2021. Vol. 80. URL: <https://doi.org/10.1016/j.micpro.2020.103349>
4. Гафурова, Н. В. Адаптивная система развития преподавателей для реализации образовательного процесса в идеологии CDIO / Н. В. Гафурова, С. И. Осипова, О. Ю. Шубкина. Текст: непосредственный // Перспективы науки и образования. 2019. № 5 (41). С. 441–451

5. Борибеков К.К., Кусаинов А.К. Развитие технического и профессионального образования в Казахстане / К.К. Борибеков., А.К. Кусаинов. Текст // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2015. №2 (18). С. 23-36.
6. Министерство просвещения Республики Казахстан // Главные новости: [сайт]. – 2024. -URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/edu?lang=ru> (дата обращения 05 августа 2024 года)
7. Национальный доклад о состоянии и развитии системы образования Республики Казахстан (за 30 лет Независимости и 2021 год). – Астана: Министерство просвещения Республики Казахстан, Министерство науки и высшего образования Республики Казахстан, АО «Информационно-аналитический центр», 2022. – 177 с.
8. Уровень удовлетворенности качеством образовательных услуг растет в РК // ranking.kz: [сайт]. – 2023. -URL: <https://ranking.kz/reviews/socium/uroven-udovletvoryonnosti-kachestvom-obrazovatelnyh-uslug-rastyot-v-rk.html> (данные обращения на 25 августа 2024 года)
9. Национальный доклад о состоянии и развитии системы образования Республики Казахстан (по итогам 2022 года): Б. Баекешова, С. Жумажанова, Г. Кайрат, А. Кусаинова, Г. Ногайбаева, Г. Толеу, Ш. Шаймуратова, А. Щербаков – г. Астана: Министерство просвещения Республики Казахстан, АО «Национальный центр исследований и оценки образования «Талдау» им. А. Байтұрсынұлы», 2023. – 279 стр
10. Победители VIII Республиканского чемпионата профессионального мастерства получили приглашения на работу от ведущих компаний страны//Білімді ел. Образованная страна. Республиканская образовательная общественно-политическая газета: [сайт]. – 2023. -URL: <https://bilimdinews.kz/?p=246300> (дата обращения 28 августа 2024 года)
11. PISA publications. PISA-2018 results // OECD: [сайт]. – 2022. URL: <https://www.oecd.org/pisa/publications/pisa-2018-results.htm> (дата обращения 28 августа 2024 года).
12. Пыль в глаза? О чём говорит рейтинг Казахстана в PISA? // The-tenge: [сайт]. – 2023. - URL: <https://the-tenge.kz/articles/pisa-i-reiting-kazakhstan> (дата обращения 28 августа 2024 года)
13. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан // Образование. Динамические таблицы: [сайт]. – 2024. – URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/stat-edu-science-inno/publications/6390/> (дата обращения 28 августа 2024 года)
14. Handbook of vocational teacher professional development in the digital age Handbook of vocational teacher professional development in the digital age , edited by Xibin HanQian Zhou, Ming Li, Yuping Wang, Singapore, Springer, 2024, 125 pp., ISBN: 9789819959365

References

1. World Economic Forum (2023). Future of Jobs Report 2023. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2023.pdf
2. ZHuravleva, O. N. Vhodnaya diagnostika professional'nyh deficitov v sisteme dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya pedagogov (na primere ocenivaniya urovnya informacionno-analiticheskoy kompetencii uchitelya istorii) / O. N. ZHuravleva, T. P. Andreevskaya, S. V. Aleksandrova. Tekst: neposredstvennyj // Nauchnoe obespechenie sistemy povysheniya kvalifikacii kadrov. 2019. № 1 (38). S. 97–106
3. Gao, Q. Professional development and ICT literacy of college teachers based on FPGA and image target recognition education / Q. Gao. Text: electronic // Microprocessors and Microsystems. 2021. Vol. 80. URL: <https://doi.org/10.1016/j.micpro.2020.103349>
4. Gafurova, N. V. Adaptivnaya sistema razvitiya prepodavatelej dlya realizacii obrazovatel'nogo processa v ideologii CDIO / N. V. Gafurova, S. I. Osipova, O. YU. SHubkina. Tekst: neposredstvennyj // Perspektivy nauki i obrazovaniya. 2019. № 5 (41). S. 441–451
5. Boribekov K.K., Kusainov A.K. Razvitie tekhnicheskogo i professional'nogo obrazovaniya v Kazahstane / K.K. Boribekov., A.K. Kusainov. Tekst // Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom. 2015. №2 (18). S. 23-36.
6. Ministerstvo prosvesheniya Respubliki Kazahstan // Glavnye novosti: [sajt]. – 2024. -URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/edu?lang=ru> (data obrasheniya 05 avgusta 2024 goda)
7. Nacional'nyj doklad o sostoyanii i razvitii sistemy obrazovaniya Respubliki Kazahstan (za 30 let Nezavisimosti i 2021 god). – Astana: Ministerstvo prosveshcheniya Respubliki Kazahstan, Ministerstvo nauki i vysshego obrazovaniya Respubliki Kazahstan, AO «Informacionno-analiticheskij centr», 2022. – 177 s.
8. Uroven udovletvoryonnosti kachestvom obrazovatelnyh uslug rastyot v RK // ranking.kz: [sajt]. – 2023. -URL: <https://ranking.kz/reviews/socium/uroven-udovletvoryonnosti-kachestvom-obrazovatelnyh-uslug-rastyot-v-rk.html> (data obrasheniya 25 avgusta 2024 goda)
9. Nacional'nyj doklad o sostoyanii i razvitii sistemy obrazovaniya Respubliki Kazahstan (po itogam 2022 goda): B. Baekeshova, S. ZHumazhanova, G. Kajrat, A. Kusainova, G. Nogajbaeva, G. Toleu, SH. SHajmuratova, A. SHCHerbakov – g. Astana: Ministerstvo prosveshcheniya Respubliki Kazahstan, AO «Nacional'nyj centr issledovaniy i ocenki obrazovaniya «Taldau» im. A. Bajtұrsynұly», 2023. – 279 str

10. Pobediteli VIII Respublikanskogo chempionata professionalnogo masterstva poluchili priglasheniya na rabotu ot vedushih kompanij strany//Bilimdi el. Obrazovannaya strana. Respublikanskaya obrazovatel'naya obshchestvenno-politicheskaya gazeta: [sajt]. – 2023. -URL: <https://bilimdinews.kz/?p=246300> (data obrasheniya 28 avgusta 2024 goda)

11. PISA publications. PISA-2018 results // OECD: [sajt]. – 2022. URL: <https://www.oecd.org/pisa/publications/pisa-2018-results.htm> (data obrasheniya 28 avgusta 2024 goda).

12. Pyl v glaza? O chyom govorit rejting Kazahstana v PISA? // The-tenge: [sajt]. – 2023. - URL: <https://the-tenge.kz/articles/pisa-i-reiting-kazahstana> (data obrasheniya 28 avgusta 2024 goda)

13. Byuro nacionalnoj statistiki Agentstva po strategicheskomu planirovaniyu i reformam Respubliki Kazahstan // Obrazovanie. Dinamicheskie tablicy: [sajt]. – 2024. – URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/stat-edu-science-inno/publications/6390/> (data obrasheniya 28 avgusta 2024 goda)

14. Handbook of vocational teacher professional development in the digital age Handbook of vocational teacher professional development in the digital age , edited by Xibin HanQian Zhou, Ming Li, Yuping Wang, Singapore, Springer, 2024, 125 pp., ISBN: 9789819959365

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ КАДРОВОЙ РАБОТЫ КАК ОСНОВА УЛУЧШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОКАЗЫВАЕМЫХ УСЛУГ

Зулфухар ГАИПОВ, доктор политических наук, профессор, директор Института управления, Академия государственного управления при Президенте РК, Астана, Казахстан, zulfukhar.gaipov@apa.kz, ORCID: 0009-0001-8894-6719.

Гулим УКИБАЕВА*, PhD, доцент Института управления, Академия государственного управления при Президенте РК, Астана, Казахстан, g.ukibayeva@apa.kz, ORCID: 0000-0002-6122-3932, Scopus ID: 57205545277, Researcher ID Web of Science: AAB-8841-2021.

Айбек СОЛТАНГАЗИНОВ, доктор PhD, ассоциированный профессор, заведующий сектора сертификации персонала центра признания соответствия персонала в государственном управлении Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, Астана, Казахстан, aibek.soltangazinov@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-6917-3397.

Айнұр ДОСМАҒАМБЕТОВА, магистр педагогических наук, ассистент Института управления, Академия государственного управления при Президенте РК, Астана, Казахстан, a.dosmagambetova@apa.kz, ORCID: 0009-0004-7672-6227.

IMPROVEMENT OF THE HR SYSTEM AS A BASIS FOR IMPROVING THE QUALITY OF SERVICES PROVIDED

Zulfukhar GAIPOV, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of Management, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan, zulfukhar.gaipov@apa.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-8894-6719>.

Gulim UKIBAEVA*, PhD, Associate Professor, Institute of Management, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan, g.ukibayeva@apa.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6122-3932>, Scopus ID: 57205545277, Researcher ID Web of Science: AAB - 8841-2021.

Aibek SOLTANGAZINOV, PhD, Associate Professor, Head of the Personnel Certification Sector of the Personnel Conformity Recognition Center in Public Administration of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan, aibek.soltangazinov@yandex.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6917-3397>.

Ainur DOSMAGAMBETOVA, Master of Pedagogical Sciences, assistant at the Institute of Management, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan, a.dosmagambetova@apa.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-7672-6227>.

Совершенствование инструментов эффективного исполнения государственного бюджета в части социальных выплат

**Мурат
АБУОВ***

докторант Академии государственного управления при Президенте РК, Астана, Казахстан, m.abuov@apa.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0006-5530-5380>

**Harun
KIRILMAZ**

доцент, профессор, доктор, Университет Сакарья, Школа бизнеса Сакарья, Сакарья, Турция, hkirilmaz@sakarya.edu.tr, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6055-6826>

Дата поступления рукописи в редакцию: 14/11/2024

Доработано: 13/02/2025

Принято: 27/02/2025

DOI: 10.52123/1994-2370-2025-1371

УДК 336.146

МРНТИ 06.75.02

Аннотация. Экономическое развитие государства во многом зависит от качественного и эффективного исполнения бюджета. Особенно хищение бюджетных средств при его исполнении оказывает крайне негативное влияние на рост экономики. В результате хищения возникает дефицит бюджетных средств, которые могли быть использованы для выполнения задач, возложенных на государство: снижается качество государственных услуг, нехватка бюджета на социальные программы. Население столкнется с последствиями недостаточного финансирования и низким качеством государственных услуг. В данной статье исследованы способы хищения и определены направления по совершенствованию существующих инструментов эффективного исполнения государственного бюджета. В исследовании, кроме общенаучных методов исследования, применен метод анализа рисков, позволяющий определить шаги рисков, какие действия необходимо выполнить для решения проблемы. Для обозначения актуальности темы исследования приведены официальные данные, Агентства Республики Казахстан по противодействию коррупции: порядка 327 бухгалтеров, руководителей и других лиц только в сфере образования в рамках исполнения бюджета социальных выплат государственных учреждений в разных регионах Казахстана всего за два года похищали порядка 15,0 млрд. тенге. Эти проблемы указывают на недостатки не только в деятельности администраторов бюджетных программ, но и на усиление программ казначейского контроля.

В статье разработаны рекомендации уполномоченным государственным органам Республики Казахстан по совершенствованию механизма исполнения бюджета в части социальных выплат.

Ключевые слова: стабильность экономики, хищение бюджета, завышение оплаты, казначейство-клиент, бухгалтеры, интеграция, исполнение бюджета.

Аңдатпа. Мемлекеттің экономикалық дамуы көбінесе бюджеттің сапалы және тиімді орындалуына байланысты. Әсіресе, оны атқару кезінде бюджет қаражатының ұрлануы экономиканың өсуіне өте кері әсерін тигізуде. Ұрлықтың салдарынан мемлекетке жүктелген міндеттерді орындауға болатын бюджет қаражаты тапшылығынан: мемлекеттік қызмет көрсету сапасы төмендейді, әлеуметтік бағдарламаларға бюджеттік қаражат жетіспейді. Қаржының жеткіліксіздігінен және мемлекеттік қызметтердің сапасыздығынан халық зардап шегеді. Бұл мақала ұрлау әдістерін қарастырады және мемлекеттік бюджетті тиімді атқару үшін қолданыстағы құралдарды жетілдіру бағыттарын анықтайды. Зерттеуде жалпы ғылыми зерттеу әдістерінен басқа тәуекелді талдау әдісі қолданылды, бұл тәуекел қадамдарын және мәселені шешу үшін қандай әрекеттерді орындау керектігін анықтауға мүмкіндік береді. Зерттеу тақырыбының өзектілігін көрсету үшін Қазақстан Республикасы Сыбайлас жемқорлыққа қарсы іс-қимыл агенттігінің ресми деректері ұсынылды: әлеуметтік салаға арналған бюджетті атқару шеңберінде тек білім саласындағы 327-ге жуық бухгалтерлер, басшылар және басқа да тұлғалар Қазақстанның әртүрлі аймақтарындағы мемлекеттік мекемелердің төлемдері бар болғаны екі жылда 15,0 млрд тенгені ұрлағанын көрсетеді. Бұл мәселелер бюджеттік бағдарламалар әкімшілерінің жұмысында ғана емес, қазынашылық бақылау бағдарламаларын күшейтуде де кемшіліктерді көрсетеді.

Мақалада Қазақстан Республикасының уәкілетті мемлекеттік органдарына әлеуметтік төлемдер бөлігінде бюджетті атқару тетігін жетілдіру бойынша ұсынымдар әзірленген.

Түйінді сөздер: экономикалық тұрақтылық, бюджетті ұрлау, артық төлеу, қазынашылық-клиент, бухгалтерлер, интеграция, бюджеттің орындалуы.

Abstract. The economic development of the state largely depends on the high-quality and efficient execution of the budget. Particular theft of budget funds had a negative impact on economic growth. As a result of theft, there is a shortage of

* Автор для корреспонденции: Абуов Мурат, m.abuov@apa.kz

budget funds that could be used to fulfill the tasks assigned to the state: the quality of public services decreases and there is a lack of budget for social programs. The population will face the consequences of insufficient funding and poor quality of public services. This article examines methods of theft and identifies directions for improving existing tools for the effective execution of the state budget. In addition to general scientific research methods, the study used the risk analysis method, which allows us to determine the risk steps and what actions need to be taken to solve the problem. To indicate the relevance of the research topic, official data from the Anti-Corruption Agency of the Republic of Kazakhstan is presented: about 327 accountants, managers and other persons in the field of education alone, as part of the execution of the budget for social payments of government institutions in different regions of Kazakhstan, stole about 15.0 billion tenge in just two years. These problems indicate shortcomings not only in the performance of budget program administrators, but also in the strengthening of treasury control programs.

The article develops recommendations for authorized government bodies of the Republic of Kazakhstan to improve the mechanism for budget execution in terms of social payments.

Keywords: economic stability, budget theft, overpayment, treasury-client, accountants, integration, budget execution.

Введение

Качественное исполнение бюджета является одним из важных задач государства, так как хищение бюджета подрывает стабильность экономики. Бюджетные средства направленные на развитие образования, обороны, здравоохранения и другие сферы оказываются на руках мошенников.

Хищение бюджета является серьезной угрозой для государственного развития, оно непосредственно влияет на качество государственных услуг — нехватка школ и больниц, некачественные дороги, недофинансирование социальных программ. К примеру, по данным Агентства Республики Казахстан по противодействию коррупции «всего за последние два года установлено 247 уголовных дел только сфере образовательных учреждений, ущерб составил более 15 млрд. тенге. В совершении преступлений установлены 327 лиц, из них 154 лица осуждены и приговорены к различным мерам наказания ...» [1].

В государственных учреждениях чаще всего выявляются факты хищения бюджетных средств по спецификам «оплата труда», «компенсационные выплаты», «трансферты физическим лицам» и «стипендии».

Бухгалтерами применяются различные не простые методы хищения бюджета.

Уполномоченными государственными органами принимаются колоссальные меры на предотвращение и приостановление хищения бюджета путем автоматизации процессов, внесения изменений и дополнений в действующие нормативно-правовые акты, усиления аудита и т. д.

Несмотря на усилия государственных органов и принятые меры, направленные

на предотвращение и приостановление хищения бюджета, проблема не решается.

Данные хищения возникают по следующим причинам:

1. Отсутствует функционал возврата денег при завышенных оплатах;
2. Не существует единый механизм выявления фиктивных сотрудников.
3. В банковских операциях беспрепятственно добавляются лица, не работающие в организации.

Целью данной работы является выявление причин возникновения фактов хищения и разработка практических рекомендаций по совершенствованию существующих и новых инструментов эффективного исполнения государственного бюджета в части социальных выплат.

Научной гипотезой статьи является предположение о том, что применение новых и совершенствование существующих инструментов путем внедрения современных технологических решений, будет способствовать улучшению системы исполнения бюджета в части социальных выплат.

Результаты исследования могут послужить основой для усиления применения инструментов цифровизации казначейского контроля.

Литературный обзор

Хищение бюджета при распределении и использовании бюджетных средств является одним из видов коррупционных нарушений. В этой связи необходимо изучить причины возникновения данных нарушений и способы их решения.

В теории экономики и финансов государственного сектора ряд публикаций посвящены вопросам коррупции и хищения бюджета. Так, Нобелевский лауреат по

экономике, Джозеф Стиглиц рассматривает коррупцию и хищения как факторы, препятствующие экономическому развитию [2]. По его мнению, они приводят к неэффективному распределению ресурсов, уменьшению инвестиционной привлекательности и утрате доверия к государственным органам [3].

Причины возникновения экономической коррупции достаточно изучены в работах Сьюзан Роуз-Аккерман [4]. По ее мнению, «коррупция, искажая цели самых многообещающих реформ, заставляет население разувериться в их легитимности и честности» [5]. Она использует разные смешанные методы, в условиях коррупционных рисков.

Бразильские специалисты Паоло Мауро, Пауло Медас и Жан-Марк Фурнье в результате исследований коррупции в частном секторе, пишут коррупция приводит не только к потере налоговых поступлений, но и к негативным социальным последствиям [6].

Широкую известность получила «формула коррупции» профессора Роберта Клитгаарда: Коррупция = Монополия + Свобода действий — Подотчётность. Он сделал заключение: «необходимо создать механизм, которые гарантируют прозрачность действий государственных органов и их открытость перед обществом», «увеличить стимул для государственных служащих», «активно участвовать гражданам в контроле и мониторинге бюджетных затрат» [7].

Несмотря на достигнутые результаты разных авторов, проблема совершенствования исполнения бюджета требует дальнейших исследований.

К основным направлениям по мнению авторов можно отнести:

1. Изучение влияния цифровизации: возможно провести глубокий анализ того, как внедрение цифровых технологий влияющий на качество и эффективность исполнения бюджета.

2. Сравнительный анализ: актуально изучить успешные практики исполнения бюджета в других развитых стран, чтобы выявить наилучшие способы применения и методы.

Учитывая постоянную совершенствования методов хищения, возникает необходимость исследовать его и применять контр-методы.

Материалы и методы исследования

В исследовании, кроме общенаучных методов исследования, которые включают метод сравнительного анализа, обобщение, систематизацию и прочие, применен метод анализа рисков, позволяющий определить шаги рисков, какие действия необходимо выполнить для решения проблемы.

Риск — это «вероятность несоблюдения бюджетного и иного законодательства Республики Казахстан, неблагоприятного воздействия события или действия на объект и предмет государственного аудита, которая приведет к финансовым нарушениям, хищениям (растрате) бюджетных средств и нанесению экономического ущерба государству...» [8].

Основной нормативно-правовой акт исполнения бюджета является Бюджетный кодекс Республики Казахстан от 4 декабря 2008 года [9].

Детальный порядок исполнения бюджета для всех государственных учреждений в Республике Казахстан регламентирован Правилами исполнения бюджета и его кассового обслуживания, утвержденными приказом Министра финансов Республики Казахстан № 540 от 4 декабря 2014 года. Правила зарегистрированы в Министерстве юстиции Республики Казахстан №9934 от 5 декабря 2014 года [10].

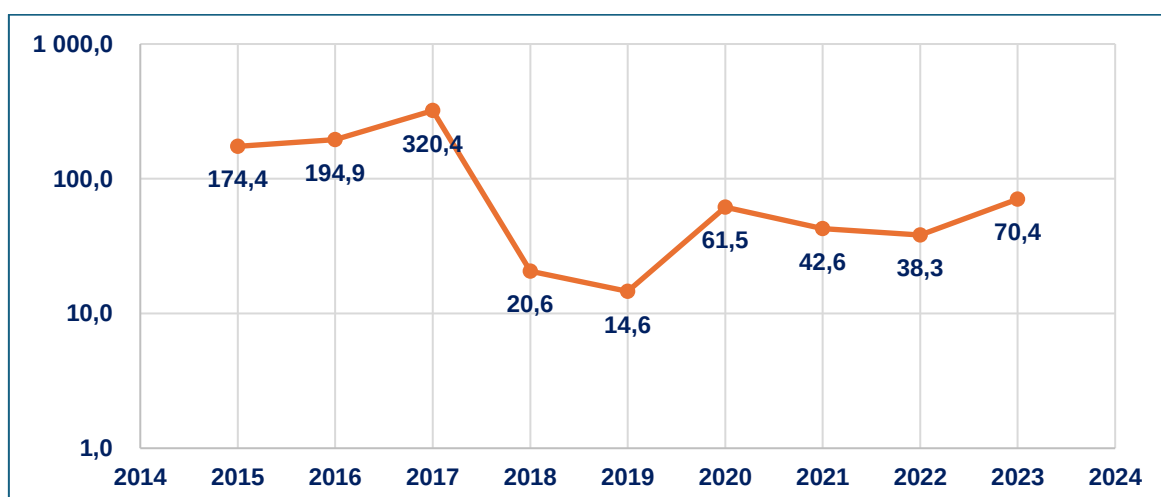
Все государственные учреждения Республики Казахстан обслуживаются и осуществляют платежи через органы казначейства в рамках вышеуказанных Правил.

Для пресечения финансовых нарушений при исполнении бюджета осуществляются государственный аудит и финансовый контроль.

Государственный аудит и финансовый контроль проводятся соответствующими органами в рамках Закона Республики Казахстан "О государственном аудите и финансовом контроле" [11].

Несмотря на усиление финансовой дисциплины государственными органами Высший орган аудита - Высшая аудиторская палата Республики Казахстан, ежегодно устанавливает существенные финансовые нарушения при исполнениях республиканского бюджета:

Рис 1. «Финансовые нарушения выявленная Высшей аудиторской палатой Республики Казахстан за 2015-2023г. (млрд. тенге)

Источник: Составлено авторами на основании данных [12,13,14,15,16,17,18].

Бюджет, предназначенный для оплаты труда бухгалтерам, был похищен как в республиканских государственных учреждениях, так и в местных.

Проведенный мониторинг Антиторрупционной службы Республики Казахстан показал схемы хищения бюджета следующими способами:

Рис 2. «Схема хищений бюджета»

Источник: Составлен авторами на основании данных [19].

Выплаты работникам осуществляются через информационную систему «Казначейство-клиент» путем зачисления сумм на счета, открытые в банке по выбору получателя денег [20].

Информационная система «Казначейство – клиент» обеспечивает контроль исполнения бюджетных процедур на всех бюджетных уровнях и этапах бюджетного процесса, в том числе местных бюджетов и исполнительных органов [21].

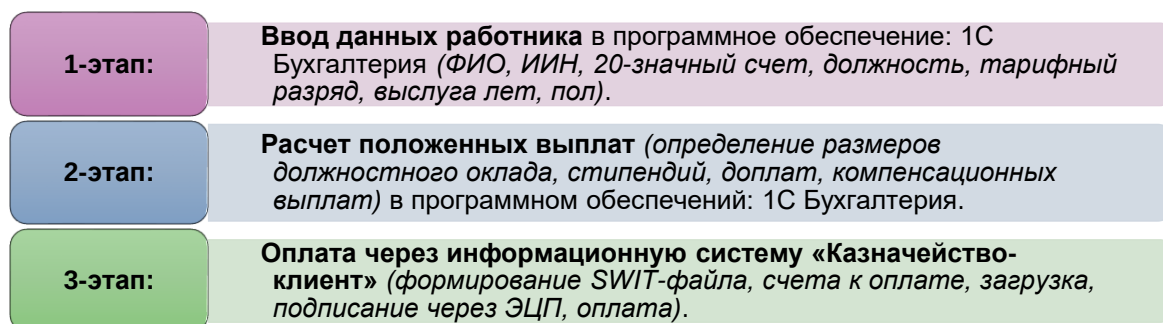
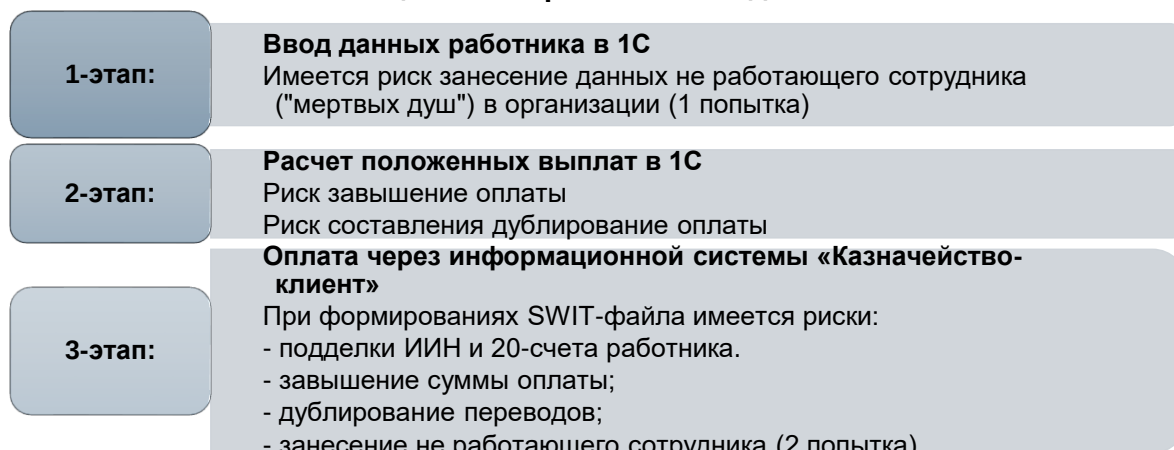
Для обеспечения безопасности для работы уполномоченные лица, в лице бухгалтера и руководителя, используют защищенные носители: eToken 72K, JaCarta, Kaztoken, AKey [22]. Данные носители защищают использование ЭЦП в удаленном режиме третьими лицами, однако не предотвращают хищение бюджета совершаемые бухгалтером.

Для достижения нашей цели нами проведено исследование методом анализа рисков:

Шаги анализа рисков:

1. Шаг. Определение основных этапов исполнения бюджета по социальным выплатам:

Проведение оплат проходит следующие этапы:

Рис 3. «Этапы исполнения бюджета»*Источник: Составлен авторами.***2-шаг Выявление потенциальных рисков на каждом этапе:****Рис 4. «Этапы исполнения бюджета и риски»***Источник: Составлен авторами.***3-шаг: Оценка вероятности и разработка мер управления рисками:****Результаты**

По 1-этапу. По риску занесение данных не работающего сотрудника в организации:

На сегодняшний день в государственных учреждениях бухгалтер беспрепятственно может ввести в 1С не работающего сотрудника ("мертвые души"). Под "мертвыми душами" понимаются сотрудники, не числящиеся в штате, но получающие заработную плату.

Во избежание добавления бухгалтером «мертвых душ» в 1С требуется исключение в функционале бухгалтера ввод сотрудника. Однако, создание «сотрудников» в 1С кадровыми подразделениями при приеме их на работу, также исключение из 1С при их увольнениях не решает проблему на 100%. Это связано с тем, что SWIT-файл может редактироваться стандартными текстовыми редакторами операционной системы компьютера по усмотрению отправителя (бухгалтера).

В этой связи возникает необходимость интегрированной сверки фейс-контроля посещаемых работников с информационной системой «Казначейство-клиент». Для проведения сверки требуется присвоение отдельной «роли» в службу внутреннего аудита государственных органов, что выявить перечисление денег "мертвым душам".

По 2-этапу. Расчет положенных выплат.

На сегодняшний день в государственных учреждениях бухгалтерам блокируется виды оплат для исключения самостоятельного изменения цифр. К примеру, бухгалтер не может отразить должностной оклад вместо 300 000, к примеру 3 000 000 тенге. Однако функционал «перерасчет» денежных выплат в 1С всегда является открытым. В этой связи бухгалтер осознанно может добавить отдельную доплату.

В этой связи применение методов блокировки в 1С не решает проблему. Для предотвращения подобных фактов авторами предлагается усиление способов контроля информационной системы «Казначейство-клиент» путем установления предельных сумм при оплате. Расчет предельных сумм производится администраторами бюджетных программ. К примеру, должностной оклад сотрудника учреждений 300 000 тенге, с учётом доплат получает 500 000 тенге. В случае завышения суммы информационная система «Казначейство-клиент» по итогам месяца передает материалы для камерального контроля в службу внутреннего аудита государственных органов. В случае выявления фактов хищения принимаются установленные правилами меры.

Камеральный контроль проводится в рамках Правил проведения камерального контроля, утвержденных приказом Министра финансов Республики Казахстан №598 от 30 ноября 2015 года.

По 3-этапу. Оплата через информационную систему «Казначейство-клиент».

Для проведения платежей по перечислению оплаты труда в информационной системе «Казначейство-клиент» к электронному образу счета к оплате бухгалтера прикрепляют списки получателей денег в формате MT102, установленном Казахстанским центром межбанковских расчетов Национального Банка Республики Казахстан [23].

Списки получателей денег загружаются в информационную систему «Казначейство-клиент» SWIT-файлом с расширением «.txt», который может редактироваться стандартными текстовыми редакторами операционной системы компьютера по усмотрению отправителя (бухгалтера).

Однако, в случае отсутствия добросовестности бухгалтера, перечисляющего оплату труда после выгрузки списков получателей денег из 1С до загрузки в информационную систему «Казначейство-клиент», меняет данные. На данном этапе могут вручную завышать суммы отдельным лицам путем корректировки цифр файла с «.txt» расширением.

Свифт файл выглядит, следующим образом:

SWIT-файл достоверный	SWIT-файл Подделанный бухгалтером
/NAME/Organization Государственное учреждение «xxxxxxxxxxxx» /IDN/800800800800 /CHIEF/ ФИО Руководителя xxxxxxx /MAINBK/ФИО Главного бухгалтера xxxxxx /IRS/1 /SECO/2 :52B:HSBKKZKX :57B:HSBKKZKX :59:KZ156010983000046368 /NAME/ Филиал Народного Банка Казахстана /IDN/000000000000 :1: /FM/АБАЕВ /NM/ЕРБОЛ /FT/САБИТОВИЧ /IIN/800503301591 /LA/KZ566010131000000005 :32B:KZT 250 000 (размер оплаты) :2: /FM/БЕРЕКЕТОВ /NM/РУСЛАН /FT/ЕРМЕКОВИЧ /IIN/852505400044 /LA/KZ136010131000000003 :32A:241020KZT 300 000 (размер оплаты)	/NAME/Organization Государственное учреждение «xxxxxxxxxxxx» /IDN/800800800800 /CHIEF/ ФИО Руководителя xxxxxxx /MAINBK/ФИО Главного бухгалтера /IRS/1 /SECO/2 :52B:HSBKKZKX :57B:HSBKKZKX :59:KZ156010983000046368 /NAME/ Филиал Народного Банка Казахстана /IDN/000000000000 :1: /FM/АБАЕВ /NM/ЕРБОЛ /FT/САБИТОВИЧ /IIN/950125155100 (реквизит др. лиц) /LA/KZ176010131000000001 (реквизит др. лиц) :32B:KZT 250 000 000 (размер оплаты) :2: /FM/БЕРЕКЕТОВ /NM/РУСЛАН /FT/ЕРМЕКОВИЧ /IIN/985623550020 (реквизит др. лиц) /LA/KZ985632123000000000 (реквизит др. лиц) :32A:241020KZT 300 000 000 (размер оплаты)

Табл. 1. Пример Свифт файла

Источник: Составлен авторами на основании данных [24].

На данном этапе бухгалтером могут применяться четыре способа хищения:

1. Завышение суммы оплат вручну;
2. Подделка Ф.И.О. получателя к его индивидуальному идентификационному номеру (ИИН) и индивидуальному идентификационному коду (ИИК);
3. Занесение не работающего сотрудника;
4. Дублирование переводов.

По первому способу. В случае завышения суммы информационная система «Казначейство-клиент» по итогам месяца должна передавать материалы для камерального контроля в службу внутреннего аудита государственных органов.

По второму способу. В информационной системе «Казначейство-клиент» отсутствует сопоставление Ф.И.О. получателя к его индивидуальному идентификационному номеру (ИИН) и индивидуальному идентификационному коду (ИИК).

Отсутствие такого сопоставления способствует при загрузке списков получателей в информационной системе «Казначейство-клиент» к Ф.И.О. работника прописать ИИН и ИИК другого получателя с дальнейшим зачислением ему сумм.

В результате чего при формировании формы 5-15А с Ф.И.О. работника выдается ИИН и ИИК другого получателя.

При этом, информационная система «Казначейство-клиент» не выдает ошибку несоответствия.

В этой связи информационная система «Казначейство-клиент» по мнению авторов должна осуществить сопоставление Ф.И.О. получателей к их ИИН и ИИК, в случае расхождения отклонять платежные документы.

Для достижения данной цели информационная система «Казначейство-клиент» должна интегрироваться с Государственной базой данных «Физические лица».

Государственная база данных «Физические лица» — это единая система

регистрации и хранения информации о физических лицах Республики Казахстан, достаточной для идентификации и определения гражданского состояния [25].

По третьему способу. Возникает необходимость интеграции данных фейс-контроля посещаемых работников с информационной системой «Казначейство-клиент»;

По четвертому способу. Для выявления хищения путем дублирования переводов авторами предлагается доработка информационной системы «Казначейство-клиент»:

К примеру, заработная плата сотрудника учреждений составляет 300 000 тенге. Злоупотребляя положением, бухгалтер может формировать счет к оплате по 300 000 тенге два раза. Информационная система «Казначейство-клиент» по итогам месяца передает материалы для камерального контроля в службу внутреннего аудита государственных органов.

Из вышеприведенного анализа хищения при исполнении бюджета следует сделать вывод что, анализа рисков позволяет выявить уязвимости на каждом этапе и заранее разработать конкретные меры контроля, что снижает вероятность хищения и повышает прозрачность расходования бюджетных средств.

Заключение

Для достижения поставленной цели авторами предлагается усилие нескольких уполномоченных органов: в части усиления контроля, путем интеграции оборудования фейс-контроля, Государственной базы данных «Физические лица» с Информационной системой «Казначейство-клиент», также службам внутреннего аудита государственных органов установить камеральный контроль по завышенным и дублируемым суммам.

Для успешного и полного автоматизации процесса, авторами предлагается:

№	Способы хищения	контр-меры
1	начисление оплаты «мертвым душам»	Интеграция системы фиксации посещения работников с информационной системой «Казначейство-клиент»
2	завышение оплаты бухгалтером: - на стадии расчета сумм в 1С; - на стадии формирования SWIT-файла	информационная система «Казначейство-клиент» должна отобрать завешенные суммы и передавать материалы для камерального контроля в службу внутреннего аудита
3	дублирование переводов денежных средств	информационная система «Казначейство-клиент» должна передавать материалы для камерального контроля в службу внутреннего аудита
4	начисление на свои карт-счета по реквизитам посторонних лиц (подделка SWIT-файла)	информационная система «Казначейство-клиент» необходимо интегрироваться с Государственной базой данных «Физические лица» для возврата оплат

Табл. 2. Контр-меры рискам по хищения бюджетных средств

Источник: Составлена авторами.

Повышение прозрачности и ясности в сфере исполнения бюджета, усиление камерального контроля, внедрение более строгих и эффективных систем позволят предотвратить растрату бюджетных средств.

Уполномоченные государственные органы должны принять меры в данном направлении, так как хищение бюджета на этапе исполнения бюджета усиливает проблемы:

1. Дефицит бюджета: В 2025 году не нефтяной дефицит республиканского бюджета Республики Казахстан составил 11,0 трлн. тенге [26].

2. Падение доверия к государственным органам: Граждане становятся менее доверчивыми к бюджетным системам государства, так как средства расходуются неэффективно или присваиваются нечестным путём государственными служащими.

3. Торможение экономического развития: Хищение средств ограничивает поступление ресурсов в нужные сферы, что замедлит экономический рост страны.

4. Падение уровня жизни населения: Похищенные средства могли бы пойти на улучшение услуг в таких ключевых отраслях, как здравоохранение, оборона, образование и социальная поддержка, что напрямую сказывается на благосостоянии граждан.

5. Усиление социального неравенства: В 2023 году в Казахстане уровень безработицы равен 4,7%, что ниже показателя 2022 года. Вместе с тем, в 2022 году в сравнении с 2021 годом показатель увеличилась на 8,6 тыс. человек [27].

Хищение бюджетных средств при исполнении бюджета приводит к тому, что

состояние концентрируется в руках отдельных лиц, увеличивая экономическое неравенство и оставляя маленький объём ресурсов для большого количества населения.

Хищение бюджетных средств выделенные на социальные расходы рядовыми бухгалтерами и другими лицами государственных учреждений ведёт к долгосрочным экономическим и социальным последствиям, снижая качество жизни и замедляя развитие и подрывает устойчивость страны.

Для приостановления указанных действий в процессе исполнения бюджета на всех уровнях и этапах необходимо:

1. при перечислении на свои карт-счета по реквизитам посторонних лиц (подделка SWIT-файла) требуется команда «возврат оплаты»: для достижения данной цели информационная система «Казначейство-клиент» должна интегрироваться с Государственной базой данных «Физические лица». Данный способ в Республике Казахстан применяется по следующим оплатам: пенсионные взносы, социальные отчисления, взносы и отчисления социального медицинского страхования.

2. по способам хищения: завышение оплаты, дублирование переводов денежных средств - внедрить функцию контроля в Информационную систему «Казначейство – клиент». Автоматизировано отобранные данные ИС Казначейство-клиент должна проверяться службами внутреннего аудита в рамках камерального контроля;

3. во избежание начисление оплаты «мертвым душам» - интегрировать

системы фиксации посещения работников с Информационной системой «Казначейство – клиент», присвоением отдельной роли службами внутреннего аудита;

Внешний анализ коррупционных рисков Агентства Республики Казахстан по противодействию коррупции за 2023 год также подтвердил, что многочисленные

факты хищений бюджетных средств стали возможными по причине отсутствия автоматизации процессов формирования бюджетных заявок, механизмов предотвращения нарушений и интеграции систем бухгалтерского учета и государственных баз данных [28].

Список литературы

1. Агентство по противодействию коррупции. Внешний анализ коррупционных рисков в сфере образования. [Электрон. ресурс] - URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/anticorruption/press/news/details/825147?lang=ru> (дата обращения: 06.11.2024).
2. Джозеф Стиглиц. Книга "Цена неравенства", (2015). [Электрон. ресурс] - URL: https://www.meloman.kz/economy/stiglic-d-e-cena-neravenstva-chem-rassloenie-obschestva-grozit-nashemu-buduschemu.html?srsltid=AfmBOoq6Z4ODalbPh10HS5vM8VCug-ks_yBRAAjOp1jSP6aLJ3y7DZpD (дата обращения: 06.11.2024).
3. Джозеф Стиглиц. Книга "Глобализация: тревожные тенденции" с англ. – М., 2003. [Электрон. ресурс] - URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/126797/>.
4. Сьюзан Поуз. Книга «Коррупция и правительство, причины, последствия и реформа» (2010). [Электрон. ресурс] - URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005114421/ (дата обращения: 06.11.2024).
5. Антикоррупционный букварь из серии «Библиотека антикоррупционера». [Электрон. ресурс] - URL: https://axu.ru/file_download/444 (дата обращения: 06.11.2024);
6. Темные уголки мировой экономики [Электрон. ресурс] - URL: <https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fandd/2019/09/pdf/fd0919r.pdf> (дата обращения: 06.11.2024).
7. Роберт Клитгаард. Книга "Борьба с коррупцией". [Электрон. ресурс] - URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Robert_Klitgaard (дата обращения: 06.11.2024).
8. Об утверждении Правил проведения камерального контроля. Приказ Министра финансов Республики Казахстан от 30 ноября 2015 года № 598. Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 29 декабря 2015 года № 12599. [Электрон. ресурс] - URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500012599#z10> (дата обращения: 06.11.2024).
9. Бюджетный кодекс Республики Казахстан. [Электрон. ресурс] - URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K080000095> (дата обращения: 06.11.2024).
10. Об утверждении Правил исполнения бюджета и его кассового обслуживания. Приказ Министра финансов Республики Казахстан от 4 декабря 2014 года № 540. Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 5 декабря 2014 года № 9934 [Электрон. ресурс] - URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V14E0009934> (дата обращения: 06.11.2024).
11. О государственном аудите и финансовом контроле. Закон Республики Казахстан от 12 ноября 2015 года № 392-V ЗРК. [Электрон. ресурс] - URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000392#z65> (дата обращения: 06.11.2024).
12. Отчет Счетного комитета по контролю за исполнением республиканского бюджета за 2015 год, страница 3 [Электрон. ресурс] - URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/esep/documents/details/16081?lang=ru>.
13. Приложение №3 к Отчету Счетного комитета об исполнении республиканского бюджета за 2017 год, страница 302 [Электрон. ресурс] - URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/esep/documents/details/16071?lang=ru>.
14. Информация о результатах аудиторских мероприятий и решениях Счетного комитета 2018 г., страница 385 [Электрон. ресурс] - URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/esep/documents/details/8890?lang=ru>.
15. Заключение к отчету Правительства Республики Казахстан Об исполнении республиканского бюджета за 2019 год, страница 299 [Электрон. ресурс] - URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/esep/documents/details/45379?lang=ru>.
16. Заключение к отчету Правительства Республики Казахстан Об исполнении республиканского бюджета за 2021 год, страница 433 [Электрон. ресурс] - URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/esep/documents/details/319511?lang=ru>.

17. Заключение к отчету Правительства Республики Казахстан Об исполнении республиканского бюджета за 2022 год, страница 464 [Электрон. ресурс] - URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/esep/documents/details/485211?lang=ru>.
18. Заключение Высшей аудиторской палаты Республики Казахстан к отчету Правительства Республики Казахстан Об исполнении республиканского бюджета за 2023 год, страница 56 [Электрон. ресурс] - URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/esep/documents/details/681592?lang=ru>.
19. Международное информационное агентство «Казинформ». Брифинг. (апрель 2024) [Электрон. ресурс] - URL: <https://www.inform.kz/ru/hisheniya-na-14-mlrd-tenge-v-sfere-obrazovaniya-viyavil-antikor-7e5dde> (дата обращения: 06.11.2024).
20. ИС "Казначейства-клиент". [Электрон. ресурс] - URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/kazyna/activities/532?lang=ru> (дата обращения: 06.11.2024).
21. client.kazynashylyk.kz [Электрон. ресурс] - URL: <https://ecc.kz/ru/project/kaznachejstvo-klient> (дата обращения: 06.11.2024).
22. Участник ИС Казначейство-Клиент [Электрон. ресурс] - URL: https://pki.gov.kz/docs/guides_ru/kk/ (дата обращения: 06.11.2024).
23. Платежные системы в Казахстане, (2003), [Электрон. ресурс] - URL: <https://nationalbank.kz/file/download/21600> (дата обращения: 06.11.2024).
24. Примеры расчета и заполнение платежного поручения (SWIFT-файл) Единого платежа. [Электрон. ресурс] - URL: <https://uchet.kz/news/primery-platezhnogo-porucheniya-swiffayl-edinogo-platezha/> (дата обращения: 06.11.2024).
25. Государственная база данных «Физические лица» [Электрон. ресурс] - URL: <https://www.nitec.kz/ru/proekty/gosudarstvennaya-baza-dannykh-fizicheskie-lica> (дата обращения: 06.11.2024).
26. Закон Республики Казахстан О республиканском бюджете на 2025 – 2027 годы от 4 декабря 2024 года № 141-VIII [Электрон. ресурс] - URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2400000141> (дата обращения: 01.27.2025).
27. Заключение ВАП ЗА 2023 ГОД, 16 стр. [Электрон. ресурс] - URL: https://www.gov.kz/uploads/2024/6/24/9fb806d6f5c9e71055ae5213099d9478_original.4559373.pdf (дата обращения: 06.11.2024).
28. Национальный доклад о противодействии коррупции за 2023 год. [Электрон. ресурс] - URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/anticorruption/documents/details/695032?lang=ru> (дата обращения: 06.11.2024).

References

1. Anti-Corruption Agency. External analysis of corruption risks in the field of education. [Electron. resource] - URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/anticorruption/press/news/details/825147?lang=ru> (access date: 11/06/2024).
2. Joseph Stiglitz. Book "The Price of Inequality", (2015). [Electron. resource] - URL: https://www.meloman.kz/economy/stiglic-d-e-cena-neravenstva-chem-rassloenie-obschestva-grozit-nashemu-buduschemu.html?srsltid=AfmBOoq6Z4ODalBPh10HS5vM8VCug-ks_yBRAAjOp1jSP6aLJ3y7DZpD (access date: 06.11. 2024).
3. Joseph Stiglitz. Book "Globalization: Alarming Trends" from English. – M., 2003. [Electron. resource] - URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/126797/>.
4. Susan Rose. The book "Corruption and Government, Causes, Consequences and Reform" (2010). [Electron. resource] - URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005114421/ (access date: 11/06/2024);
5. Anti-corruption primer from the "Anti-Corruption Library" series. [Electron. resource] - URL: https://axu.ru/file_download/444 (access date: 11/06/2024).
6. DARK CORNERS OF THE WORLD ECONOMY [Electron. resource] - URL: <https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fandd/2019/09/pdf/fd0919r.pdf> (access date: 11/06/2024).
7. Robert Klitgaard. Book "Fight against corruption". [Electron. resource] - URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Robert_Klitgaard (access date: 11/06/2024).
8. On approval of the Rules for conducting desk control. Order of the Minister of Finance of the Republic of Kazakhstan dated November 30, 2015 No. 598. Registered with the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan on December 29, 2015 No. 12599. [Electron. resource] - URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500012599#z10> (access date: 11/06/2024).
9. Budget Code of the Republic of Kazakhstan. [Electron. resource] - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K080000095_ (access date: 11/06/2024).
10. On approval of the Rules for the execution of the budget and its cash services. Order of the Minister of Finance of the Republic of Kazakhstan dated December 4, 2014 No. 540. Registered with the Ministry of

Justice of the Republic of Kazakhstan on December 5, 2014 No. 9934 [Electron. resource] - URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V14E0009934> (access date: 11/06/2024).

11. On state audit and financial control. Law of the Republic of Kazakhstan dated November 12, 2015 No. 392-V ZRK. [Electron. resource] - URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000392#z65> (access date: 11/06/2024).

12. Report of the Accounts Committee for control over the execution of the republican budget for 2015, page 3 [Electronic. resource] - URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/esep/documents/details/16081?lang=ru>.

13. Appendix No. 3 to the Report of the Accounts Committee on the execution of the republican budget for 2017, page 302 [Electronic. resource] - URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/esep/documents/details/16071?lang=ru>.

14. Information on the results of audit activities and decisions of the Accounts Committee 2018, page 385 [Electronic. resource] - URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/esep/documents/details/8890?lang=ru>;

15. Conclusion to the report of the Government of the Republic of Kazakhstan on the execution of the republican budget for 2019, page 299 [Electronic. resource] - URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/esep/documents/details/45379?lang=ru>.

16. Conclusion to the report of the Government of the Republic of Kazakhstan on the execution of the republican budget for 2021, page 433 [Electronic. resource] - URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/esep/documents/details/319511?lang=ru>.

17. Conclusion to the report of the Government of the Republic of Kazakhstan on the execution of the republican budget for 2022, page 464 [Electronic. resource] - URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/esep/documents/details/485211?lang=ru>.

18. Conclusion of the Supreme Audit Chamber of the Republic of Kazakhstan to the report of the Government of the Republic of Kazakhstan on the execution of the republican budget for 2023, page 56 [Electron. resource] - URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/esep/documents/details/681592?lang=ru>.

19. International news agency "Kazinform". Briefing. (April 2024) [Electron. resource] - URL: <https://www.inform.kz/ru/hisheniya-na-14-mlrd-tenge-v-sfere-obrazovaniya-viyavil-antikor-7e5dde> (access date: 11/06/2024).

20. IS "Treasury-client". [Electron. resource] - URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/kazyna/activities/532?lang=ru> (access date: 11/06/2024);

21. client.kazynashylyk.kz [Electron. resource] - URL: <https://ecc.kz/ru/project/kaznachejstvo-klient> (access date: 11/06/2024).

22. Member of the Treasury-Client IS [Electronic. resource] - URL: https://pki.gov.kz/docs/guides_ru/kk/ (access date: 11/06/2024).

23. Payment systems in Kazakhstan, (2003), [Electron. resource] - URL: <https://nationalbank.kz/file/download/21600> (access date: 11/06/2024).

24. Examples of calculation and filling out a payment order (SWIFT file) of the Single payment. [Electron. resource] - URL: <https://uchet.kz/news/primery-platezhnogo-porucheniya-swiffayl-edinogo-platezha/> (access date: 11/06/2024).

25. State database "Individuals" [Electronic. resource] - URL: <https://www.nitec.kz/ru/proekty/gosudarstvennaya-baza-dannykh-fizicheskie-lica> (access date: 11/06/2024).

26. Law of the Republic of Kazakhstan On the Republican Budget for 2025 – 2027 dated December 4, 2024 No. 141-VIII [Electron. resource] - URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2400000141> (access date: 01.27.2025).

27. CONCLUSION OF THE WAP FOR 2023, 16 pages [Electronic. resource] - URL: https://www.gov.kz/uploads/2024/6/24/9fb806d6f5c9e71055ae5213099d9478_original.4559373.pdf (access date: 11/06/2024).

28. NATIONAL ANTI-CORRUPTION REPORT for 2023. [Electron. resource] - URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/anticorruption/documents/details/695032?lang=ru> (access date: 11/06/2024).

МЕМЛЕКЕТТІК БЮДЖЕТТІ ТИІМДІ АТҚАРУ ҚҰРАЛДАРЫН ӘЛЕУМЕТТІК ТӨЛЕМДЕР БӨЛІГІНДЕ ЖЕТІЛДІРУ

Мурат АБУОВ* *Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясының докторанты, Астана, Қазақстан, m.abuov@ara.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0006-5530-5380>.*

Harun KIRILMAZ, *доцент, профессор, доктор, Сакария университети, Сакария бизнес мектебі, Сакария, Түркия, hkirilmaz@sakarya.edu.tr, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6055-6826>.*

IMPROVING THE TOOLS FOR EFFECTIVE EXECUTION OF THE STATE BUDGET IN TERMS OF SOCIAL PAYMENTS

Murat ABUOV*, doctoral student at the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan, m.abuov@apa.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0006-5530-5380>
Harun KIRILMAZ, Assoc. Prof. Dr., Sakarya University, Sakarya Business School, Sakarya, Türkiye, hkirilmaz@sakarya.edu.tr, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6055-6826>

DIGITAL TRANSFORMATION OF THE CITY MANAGEMENT PROCESS

Sultan ZHUBANAZAROV*	<i>PhD student, Karaganda university of Kazpotrebsoyuz, Karaganda, Kazakhstan, szhubanazar@gmail.com, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-0782-7719, ResearcherID: ADA-2933-2022</i>
Sairan ULAKOV	<i>Candidate of Economic Sciences, Professor, Karaganda university of Kazpotrebsoyuz, Karaganda, Kazakhstan, s_ulakov@mail.ru, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-6867-2407, Scopus Author ID: 57148290800</i>
Desislava YORDANOVA	<i>Full Professor, Doctor of Sciences, Faculty of Economics and Business Administration, Sofia University "St Kliment Ohridski", Sofia, Bulgaria, d_yordanova@feb.uni-sofia.bg, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4042-2681, ResearcherID: AAL-6826-2020</i>

Manuscript received: 21/09/2024

Revised: 20/12/2024

Accepted: 15/01/2025

DOI: 10.52123/1994-2370-2025-1326

UDC 332.1

CICSTI 06.61.53

Abstract. The digital transformation of the city management process is fundamentally changing the way cities work, increasing efficiency, sustainability, and the quality of life of the population. Digital technologies are important for the further transformation of cities, increasing innovation and global competitiveness. To improve the methods for assessing digital processes, a multivariate econometric regression model was developed to assess the impact of urban economic development. This allows us to determine the characteristics of the impact on urban planning, as well as identify key factors. Foreign and domestic experiences aimed at urban development are based on reliable data, the results of which are of practical importance for effective urban planning. Based on the SWOT analysis associated with the research initiatives, the possibilities of introducing digital technologies in cities were studied. Based on the research conducted, recommendations were developed to optimize the city management process. Emphasis is placed on data protection, inclusiveness, and the need to attract investments. The main conclusions show that digital technologies streamline urban processes, enable data-based decision-making, and improve the quality of public services. The importance of the research results lies in the possibility of practical implementation of the effectiveness of urban management within the framework of digital transformation.

Key words: digital transformation, city, digital government, information technology, strategy

Аңдатпа. Қаланы басқару процесінің цифрлық трансформация қалалардың жұмыс істеу тәсілін түбегейлі өзгертіп, тиімділікті, тұрақтылықты және халықтың өмір сапасын арттырады. Цифрлық технологиялар қалаларды одан әрі трансформациялау, инновациялар мен жаһандық бәсекеге қабілеттілікті арттыру үшін маңызды. Цифрлық процестерді бағалау әдістерін жетілдіру үшін қала экономикасының даму әсерін бағалауда көп айнымалы эконометриялық регрессия моделі әзірленді. Бұл қалалық жоспарлауға әсер ету сипаттамасын анықтауға, сондай-ақ негізгі факторларды анықтауға мүмкіндік береді. Қаланы дамытуға бағытталған шетелдік және отандық тәжірибелер тиімді қалалық жоспарлау үшін практикалық маңызы бар нәтижелері сенімді деректерге негізделген. Зерттеу бастамаларымен байланысты SWOT-талдау негізінде қалаларда цифрлық технологияларды енгізу мүмкіндіктері зерттелді. Жүргізілген зерттеу негізінде қаланың басқару процесін оңтайландыру бойынша ұсыныстар әзірленді. Деректерді қорғау, инклюзивтілік және инвестициялар тарту қажеттілігіне баса назар аударылады. Негізгі қорытындылар цифрлық технологиялар қалалық процестерді ретке келтіретін, деректерге негізделген шешім қабылдауға мүмкіндік беретін және мемлекеттік қызметтерді алу сапасы жақсартатынын көрсетеді. Зерттеу нәтижелерінің маңыздылығы цифрлық трансформация шеңберінде қалаларды басқару тиімділігінің іс жүзінде жүзеге асыру мүмкіндігінде.

Түйінді сөздер: цифрлық трансформация, қала, цифрлық үкімет, ақпараттық технологиялар, стратегия

Аннотация. Цифровая трансформация процессов городского управления кардинально изменит способ функционирования городов, повысив эффективность, устойчивость и качество жизни горожан. Цифровые технологии имеют решающее значение для дальнейшего преобразования городов, стимулирования инноваций и повышения глобальной конкурентоспособности. Для совершенствования методов оценки цифровых процессов была разработана многомерная эконометрическая регрессионная модель для оценки влияния развития экономики города. Это позволяет нам охарактеризовать влияние на городское планирование, а также выявить ключевые факторы. Зарубежный и отечественный опыт развития городов базируется на достоверных данных, результаты

*Corresponding author: Sultan Zhubanazarov, szhubanazar@gmail.com

которых имеют практическое значение для эффективного городского планирования. На основе SWOT-анализа, связанного с исследовательскими инициативами, были изучены возможности внедрения цифровых технологий в городах. На основе проведенных исследований были разработаны рекомендации по оптимизации процесса управления городом. Особое внимание уделяется защите данных, инклюзивности и необходимости привлечения инвестиций. Основные результаты показывают, что цифровые технологии оптимизируют городские процессы, позволяют принимать решения на основе данных и повышают качество государственных услуг. Значимость результатов исследования заключается в практической реализации эффективности управления городом в рамках цифровой трансформации.

Ключевые слова: цифровая трансформация, город, цифровое правительство, информационные технологии, стратегия

Introduction

In many countries, traditional approaches to local governance are being re-examined and re-structured, re-imagining the role and purpose of local authorities. These changes have led to the emergence of a "new urban management" associated with a paradigm of public governance described as "new public governance" [1]. But new urban management involves the development of a set of management tools for city governance, such as consumer-based decision-making and public service delivery. The changing roles of politicians, managers and citizens in local governance are also driving innovation in public service management. Successful urban management in the 21st century is associated not only with managerial innovation but also with democratic renewal [2]. Local economic and social interests, as well as innovative approaches to community development, need to be considered as part of the governance agenda and will allow for improved service delivery to citizens.

There are significant differences in the ways in which local government has grown and developed over the years across countries. These need to be considered in any cross-national analysis of urban management. Thus, the constitutional position of local government, the powers, and functions of elected local authorities, and so on, vary across nation-states [3]. However, the value of the new perspective on urban governance is not to put the complex issues of different countries on a single agenda for the modernization of local government, but rather to provide a set of indicators that help us understand how the processes of urban governance are changing and how cities will change in the future.

Digital technologies are increasingly being implemented in the modern urban structure. The problem in cities is twofold: on the one hand, as centers of attraction, cities need to expand the information field using

innovative technologies, and on the other hand, the consistent introduction of innovations into urban life is one of the most difficult tasks [4].

The main parameters of cities are aimed at improving the ability to build, saving resources, intelligence, and quality of life. The criteria for the intelligence of a city are environmental compatibility, safety, energy efficiency, and maximum comfort of living [5].

The digitalization of urban processes, as well as the increase in urbanization, leads to the need to optimize processes in urban spaces. According to United Nations research, in 2018, 55.3% of the world's population lived in urban areas, and it is predicted that this figure will reach 60.4% by 2030 [6]. These facts indicate the need for innovative approaches and strategies in planning and ensuring a quality of life through concepts such as agricultural production planning, education, healthcare, traffic optimization, inefficiency in traditional urban management, lack of data-based decision-making, etc.

The purpose of the study is to study the digital transformation of the process of optimizing the urban structure as a special approach to urban planning, where digital technologies are used to increase the efficiency of the operation of urban infrastructure and to manage it operationally. Cities need to create a holistic infrastructure managed by data processing centers capable of storing a large amount of information received from various systems and objects of the "smart city". Thus, it can become an information hub, corresponding to the function of the city center, as a large-scale object of a completely new type, due to its unique characteristics.

By implementing digital technology, cities want to facilitate the interaction of citizens with government and other actors to enrich the existing relationship between the local and economic environment [7]. Smart city initiatives clearly indicate that they aim to improve urban productivity by using data,

information, and digital technologies to provide more efficient services to citizens, monitor and optimize existing infrastructure.

In this context, new paradigms of life in society require the management processes of urban centers to use innovation, creativity, and planning to solve the challenges of social life [8]. Cities are complex ecosystems inhabited by people with diverse interests, who are called to cooperate with each other, striving to achieve a sustainable environment and an adequate standard of living. Accordingly, cities can use information technology in their governance processes to understand and create smart solutions to the demands of the public and private sectors. This phenomenon represents the convergence of two trends, the digital revolution, and the urbanization process towards becoming a smart city [9]. The idea of a smart city is a motivator for developing policies that contribute to improving society and, therefore, the quality of life of citizens [10]. It confirms that the basis of cities is the integration of human capital, social capital, and information, using digital technology infrastructure to improve economic development, improving the well-being and quality of life of the population. Therefore, quality of life is a key element in the development of cities.

Materials and methods

The following methods and research principles were used during the study:

- Description of the research methodology – a multivariate econometric regression model was determined by analyzing statistical data based on quantitative and qualitative methods. Multivariate econometric regression models are used to analyze and predict relationships between several independent variables and one dependent variable.

- City Data Collection. Case studies of cities implementing digital tools are compiled, providing several examples of cities that have successfully implemented digital tools to improve urban governance and improve the quality of life of their citizens.

- SWOT analysis used to assess the effectiveness of digital transformation in cities. Based on the SWOT analysis, the strengths, weaknesses, opportunities, and threats of the city management process were identified.

Results

The world's population is growing, and with this growth, new strategies are being planned to ensure a better life for humanity. New initiatives and innovative technologies are emerging in several ways, contributing to a new wave of innovation in city services [11]. Digital technologies help connect city residents with key areas of urban services such as transportation, governance, education, healthcare, public services, public openness, and citizen rights, etc [12].

Urban governance involves the management, service delivery, organization, and policy formulation of urban communities located in urban areas. It works to develop technologies to encourage citizen participation in various areas that have received attention in recent decades due to their impact on the quality of life of urban residents [13].

The evaluation of the urban governance process has revealed that it can only be solved by involving citizens in urban planning processes. The urban governance process plays a key role in involving citizens in urban issues [14]. In this context, it helps to bring the government and citizens closer together.

It highlights the need to use digital technologies to encourage citizen participation in decision-making processes, improve information and service delivery, and strengthen transparency, accountability, and trust. This increases the opportunities for new research into the issues of effective implementation of the urban governance process. By improving the efficiency of the governance process, citizens can quickly access services wherever they are.

The digital transformation of cities is not just about using technology. It also requires more interactive systems at key points in the city to bridge the gap between citizens and technology, as well as developing a model to assess the impact of urban economic development on the city's needs.

Methods for developing an econometric model to assess the impact of urban economic development are considered by foreign scientists A. Alsharif, B. Pradhan [15], G. Zhang, Y. Jia [16] and domestic scientists S. Mukhametzhan, G. Zhunisbekova, M. Daueshov [17] in their studies, which use urban data and a correlation-regression model to determine the expansion of the city, and spatial econometric analysis based on urban

data has yielded results and will lead to significant achievements in urban planning. Multivariate econometric models are widely used in various fields such as economics, finance, marketing, and agriculture. The proposed econometric model demonstrates the need for goals, priorities, and strategies for the digital transformation of the city.

Based on statistical data for 2023, we determine the dependence of the level of gross regional product for the management of cities in Kazakhstan on the volume of industrial production and the number of urban populations in the regions (Table 1).

Table 1. Dependence of the level of gross regional product in Kazakhstan on the volume of industrial production and the number of urban populations, 2023

№	Regions	Gross regional product, <i>billion tenge</i>	Volume of industrial production, <i>billion tenge</i>	Urban population in the regions, <i>thousand people</i>
1	Abai	3 034,10	1 597,08	370 746
2	Akmola	3 685,30	1 793,15	441 997
3	Aktobe	4 717,85	2 544,95	692 467
4	Almaty	4 974,85	1 753,15	243 889
5	Atyrau	14 950,42	10 815,03	382 459
6	West Kazakhstan	4 811,06	3 527,14	386 775
7	Zhambyl	3 108,41	856,26	526 938
8	Zhetysu	1 923,71	325,23	310 599
9	Karaganda	8 449,35	3 531,68	922 380
10	Kostanay	4 613,16	2 670,33	515 257
11	Kyzylorda	2 860,04	1 043,54	391 207
12	Mangystau	4 867,00	3 065,80	346 958
13	Pavlodar	4 346,51	3 157,70	532 886
14	North Kazakhstan	2 229,28	674,86	258 935
15	Turkestan	4 166,43	1 054,75	519 243
16	Ulytau	1 949,73	1 141,37	175 100
17	East Kazakhstan	4 470,60	2 320,00	483 403
18	Astana city	12 874,96	1 933,02	1 354 556
19	Almaty city	24 828,71	2 096,03	2 161 902
20	Shymkent city	3 699,65	1 090,72	1 192 199

Source: Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan

The general form of the multifactor regression equation (1) for our study is as follows:

$$\tilde{y} = a + b_1 x_1 + b_2 x_2 \quad (1)$$

The ordinary least squares system of equations (2) for estimating model parameters has the following form:

$$\begin{cases} na + b_1 \sum x_1 + b_2 \sum x_2 = \sum y \\ a \sum x_1 + b_1 \sum x_1^2 + b_2 \sum x_1 \cdot x_2 = \sum y \cdot x_1 \\ a \sum x_2 + b_1 \sum x_1 \cdot x_2 + b_2 \sum x_2^2 = \sum y \cdot x_2 \end{cases} \quad (2)$$

Where n is the number of regions and cities of republican significance in Kazakhstan.
 y – gross regional product.
 x_1 – volume of industrial production.
 x_2 – the number of urban populations in the regions.

Substituting the found values of the sums into the formula, we obtain the following normal system of equations (3):

$$\begin{cases} 20a + 46991,79b_1 + 12209896b_2 = 120561,1 \\ 46991,79a + 203196078,21b_1 + 27909288055,86b_2 = 387378636,14 \\ 12209896a + 27909288055,86b_1 + 11746456184968b_2 = 113113303367,45 \end{cases} \quad (3)$$

Thus, by solving the system of equations using the inverse matrix method, the required regression equation takes the following form (4):

$$\tilde{y} = -2546,87344 + 1,201164223x_1 + 0,009422989x_2 \quad (4)$$

The results show that with an increase in industrial production in Kazakhstan's cities by 1 billion tenge, the gross regional product will increase by 1.2 billion tenge per year. An increase in the urban population in Kazakhstan by 1 million people will lead to an increase in the gross regional product in each region by 0.009 billion tenge or 9 million tenge per year. Thus, we can say that there is an enormous potential for effective resource allocation and reduction of urban emissions to improve urban governance and the quality of life of urban residents in Kazakhstan.

The correlation coefficient of the multifactor regression equation (5) is estimated by the following formula and has a value between [-1;1]. If R=1, we get a positive result of the dependence of the level of gross regional product in Kazakhstan on the volume of industrial production and the number of urban populations, and if R=-1, we get a negative result. If R=0, it indicates that there is no dependence result:

$$R_{y/x_1x_2} = \sqrt{\frac{r_{yy}^2 + r_{y_1x_2}^2 - 2 \cdot r_{y_1x_1} \cdot r_{y_1x_2} \cdot r_{x_1x_2}}{1 - r_{x_1x_2}^2}} = \sqrt{\frac{0,44^2 + 0,78^2 - 2 \cdot 0,44 \cdot 0,78 \cdot (-0,03)}{1 - (-0,03)^2}} = 0,91. \quad (5)$$

The resulting correlation coefficient value R=0.91 indicates a strong positive relationship and a high correlation coefficient indicates that changes in one variable can predict changes in the other variable. A value of 0.91 is close to 1, meaning that as one variable increases, the other variable also tends to increase. This regression model shows a high result of the change in gross

regional product based on the factors of the volume of industrial production and the growth of the urban population in the regions. Thus, the level of gross regional product in Kazakhstan shows a close relationship between the volume of industrial production and a strong positive linear relationship between the number of urban populations in the regions and the gross regional product in the region. This means that as the number of urban populations in the regions increases, the gross regional product increases, and the relationship between these quantities is expressed quite strongly. If we analyze the relationship between the number of urban population and the volume of industrial production, the value of the correlation coefficient 0.91 indicates that the growth of the possibility of mass introduction of digital technologies in cities and the optimization of urban management processes are associated with the growth of the urban population and the increase in productivity in the production sector, and the effectiveness of the process of transferring work carried out in the urban environment to the digital environment.

Digital technologies help create data-driven environments that improve urban services and the quality of life of citizens. This can increase efficiency and accountability in areas such as transportation, energy management, and public safety in cities [18].

The digital transformation of urban governance processes requires significant decision-making to identify the needs and priorities of cities, using a clear roadmap, a reference model in innovation zones with knowledge and skills requirements. In addition, city-specific indicators that describe specific needs still need to be integrated into models for assessing the quality-of-service delivery.

How the introduction of digital tools is transforming urban governance and contributing to the development of cities. Examples from foreign countries and cities around the world that have successfully implemented digital tools to improve urban governance and improve the quality of life of city residents are shown in Table 2:

Table 2. Case studies of cities implementing digital tools

Cities	Examples
Cambridge, United Kingdom	The Digital Cities for Change project aims to integrate digital tools for better decision-making in urban planning and management. Supported by the Ove Arup Foundation and the Digital Built Britain Centre, the project works with local authorities to address issues such as air quality and congestion. They are developing a digital twin prototype to support policy objectives and improve city services [19].
Greece	A comprehensive study on Digital Twin technology highlights its role in the development of a smart city in Greece. This technology creates virtual representations of physical systems that allow for real-time data analysis and predictive service delivery. This technology is essential for advanced urban management that combines IoT and machine learning for better decision-making [20].
Helsinki, Finland	A project to create a 3D model of cities has been launched. This model is intended for free use by citizens and external organizations, as well as for research and development [21].
Minsk, Belarus	The city is actively using innovative digital technologies to manage its affairs. This will help the city successfully overcome the consequences of the COVID-19 pandemic and improve the quality of life of its residents.
Singapore	Singapore is known for its advanced smart city technologies. The implementation of digital twins and traffic management systems has significantly improved the accessibility and safety of transportation in the city. Collaboration between the government and the private sector is being implemented by leveraging expertise and funding [22].
Barcelona, Spain	The Internet of Things (IoT) is being actively used to manage city resources through public-private partnerships. Smart sensors help optimize lighting, waste management, and water supply, significantly reducing costs and improving the environment.
Tokyo, Japan	It has implemented advanced traffic management systems that use real-time data to optimize traffic flow and reduce congestion. The city is also actively developing infrastructure for autonomous vehicles.
New York, USA	Big data and analytics platforms are being used to improve public safety and emergency management. For example, the ShotSpotter system helps police respond quickly by pinpointing the location of gunshots using acoustic sensors.

Source: Compiled by authors based on Scopus Database

These case studies demonstrate the transformative potential of digital tools in urban governance and how digital technologies can transform cities, making them more livable and efficient places to live. Digital technologies play a crucial role in urban development, helping to solve pressing urban challenges and improve the quality of life of urban residents. Digital transformation in cities also involves integrating advanced technologies to improve city governance and improve access to public services.

Although the Smart City initiative offers many advantages, its implementation faces challenges such as comprehensive coordination among stakeholders, significant financial investments, and ensuring cybersecurity in digital systems. The process of implementing the Smart City concept in Kazakhstan is provided for in the Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan No. 269 dated March 28, 2023

“On approval of the Concept of digital transformation, development of information and communication technologies and cybersecurity for 2023–2029”. The initiative aims to improve urban living conditions, ensure sustainable development, and address socio-economic, environmental, and cultural needs by integrating digital technologies and smart solutions. These measures are expected to facilitate the transition to smart technologies, which will benefit the city and the population.

Kazakhstan is making progress in urban digitalization, especially in large cities such as Astana, Almaty and Shymkent. Astana’s smart city initiatives are aimed at implementing projects in the areas of transport, public safety, utilities, etc. The Smart Street Lighting project is being implemented to introduce energy-efficient and remotely controlled streetlights to reduce energy consumption, as well as the Safe City project to install surveillance

cameras and artificial intelligence (AI)-controlled systems to increase public safety and monitor traffic violations. The Astana Hub international technology park supports urban startups and aims to develop innovations in areas such as artificial intelligence, IoT and blockchain. Branched networks consisting of regional IT hubs managed by Astana Hub are operating in other cities of Kazakhstan.

The Digital Almaty program is aimed at introducing digital technologies into the fields of healthcare, education, transport, and public safety. Mobile applications for effective parking management, the Almaty Parking system, have been implemented to simplify the city's road network. The Digital Almaty Forum is an annual event where stakeholders discuss urban digitalization and present innovative solutions.

The installation of "smart electricity metering" systems in cities such as Astana and Aktobe allows citizens to monitor and manage their energy and water consumption through apps. These systems, designed to monitor energy use and maintenance needs in the city in real time, contribute to environmental sustainability by managing energy more efficiently and reducing emissions.

In the field of public transport management in Shymkent, a project to monitor the movement of public transport has

been implemented. The mobile application "I-kolik" allows you to monitor the movement and arrival of a specific public transport vehicle at a stop using GPS tracking.

In Karaganda, the unified coordination center "Senim109" has been launched, which has become a single space for interaction between residents and local executive bodies. This will allow for good relations with citizens.

Kazakhstan's Smart City initiative demonstrates a forward-thinking approach to urban development, with a focus on sustainability, efficiency, and quality of life. It aims to create modern, livable cities that meet the needs of city residents by leveraging digital technologies across sectors. The experience gained from this initiative can serve as a model for other countries pursuing similar goals.

Digital technologies allow cities to integrate various urban services, such as transport, health, and security, and improve their coordination and efficiency. The digital transformation of city management allows cities to quickly adapt to new requirements and make them more resilient to external challenges. To assess the effectiveness of city management, we present the results of a SWOT analysis that helps identify strengths and weaknesses, as well as opportunities and threats associated with the introduction of digital technologies (Table 3).

Table 3. SWOT analysis to assess the effectiveness of digital transformation of city development

Strengths	Weaknesses
- Efficiency. Digital technologies streamline city management processes and lead to faster and more efficient service delivery. - Data-driven decision-making. Access to real-time data enables better decision-making and resource allocation. - Improved public services. Digital technologies improve public services such as transportation, healthcare, and security [23]. - Sustainability. Digital solutions contribute to environmental sustainability through efficient energy management and reduced emissions. - Demographic growth. The positive dynamics of urban population growth [24] implies the optimization of the process of new urban management.	- Initial costs. Implementing digital infrastructure can be expensive and requires significant investment. - Technical challenges. Integrating different digital systems can be complex and require specialized skills. - Data privacy concerns. The increase in data collection raises concerns about privacy and data security. - Digital divide. Not all citizens may have equal access to digital services, leading to potential inequalities.
Opportunities	Threats
- Innovation and growth. Digital transformation opens opportunities for innovation and economic growth [25].	- Cybersecurity risks. Increasing reliance on digital systems makes cities vulnerable to cyberattacks.

- Public-private partnerships. Collaboration between government and the private sector can boost digital initiatives. - Citizen participation in urban issues. Digital platforms allow for better communication with citizens. - Global competitiveness. Cities that embrace digital transformation can become globally competitive.	- Resistance to change. Stakeholders may resist change due to misunderstanding or fear of the unknown. - Technological obsolescence. Rapid technological advances can quickly make current systems obsolete.
--	---

Source: Compiled by authors

The research presented in the SWOT analysis allows us to better understand the potential and risks of digital transformation in city management and to develop strategies to minimize risks and maximize benefits by better understanding the potential impact of digital transformation. Efficiency can be considered the most crucial factor affecting the degree of satisfaction of city residents with public services.

The digital transformation of city management is a complex process that requires effective planning and consideration of many factors. The importance of digital technologies for effective city management increases the quality of life of city residents. The implementation of digital technology systems, which are the internal systems of cities, requires investment.

For urban governance challenges, managing upfront costs, technical challenges, and cybersecurity risks are potential solutions. The various components of digital adoption help to avoid physical contact, anticipate demand, and expand market access. Encouraging the use of digital technology to improve the quality of life of urban residents is one of the important steps.

Discussion and conclusions

The results of the study show that the correlation-regression model contributes to the increase in the possibility of mass introduction of digital technologies in cities and the optimization of urban management processes, as well as the growth of the city's population, which contributes to an increase in productivity in the production sector. For effective city management, it can be used to determine the specific quantitative and qualitative results of medium-term plans aimed at increasing the volume of industrial production and gross regional product. At the same time, it provides clear insights into the process of city management, which has a

positive effect on the effective interpretation and analysis of the results.

The potential impacts of digital transformation on city governance will help identify opportunities to maximize the benefits of digital initiatives while minimizing the risks that could negatively impact sustainable and urban development. Quantitative and qualitative data will be used to develop recommendations for planning measures to gain a comprehensive understanding of the factors influencing urban development. Digital transformation will foster new urban governance models and innovations that will lead to economic growth. As a result, cities can become a common hub for technological startups and innovation.

The increasing reliance on digital systems can expose city dwellers to cyberattacks. Ensuring cybersecurity is a major challenge. While digital technologies offer significant benefits, financial and security challenges need to be addressed to facilitate widespread adoption. To mitigate these challenges, cities need to develop strategies that align with their goals and priorities in terms of funding support and robust data protection regulations. Engaging citizens, businesses and other stakeholders in the planning process is a major step in ensuring that digital initiatives meet the needs of city residents. The significant investment required for digital infrastructure can be a barrier, especially for cities with limited budgets. This includes costs for technology, training, and maintenance. It is important to implement investment-led projects to implement digital technology systems that are an integral part of cities. Collaboration between government and the private sector can boost digital initiatives by leveraging expertise and funding. Smart city projects in Barcelona and Singapore are examples.

Assessing the effectiveness of urban digital transformation will allow for improved urban governance and public services. Digital

technologies reduce the time and costs associated with managing cities and simplify the processes for citizens to receive services. Access to real-time data allows for informed decisions by optimizing resource allocation and improving service delivery.

Digital platforms can foster positive attitudes towards urban governance and foster better relationships with citizens. At the same time, cities that incorporate digital transformation components into their governance processes can attract investment and become globally competitive.

The future of city governance is to leverage digital technologies to create suitable for living urban environments that are more efficient. Through strategic planning, infrastructure investment, and innovation, cities can harness the full potential of digital transformation to meet the challenges of the 21st century.

Conclusion

With emerging technologies offering unprecedented opportunities to improve urban life, the digital transformation of city governance holds great promise. Cities that embrace digital transformation can deliver significant improvements in efficiency, sustainability, and quality of life for their residents. However, this requires careful planning, investment, and ensuring inclusiveness and security.

Digital technologies facilitate urban management processes by delivering urban

services faster and more efficiently. They improve the overall functionality of urban services, reduce operating costs, and increase citizen satisfaction. At the same time, they allow for decision-making based on access to real-time data and effective resource management. Based on the results of the study, the following measures are recommended to implement the main initiatives for the digital transformation of the urban management process:

- implementing comprehensive data protection rules to protect citizens' data.
- development of financing mechanisms based on public-private partnerships for the implementation of digital infrastructure projects.
- Ensuring that digital transformation initiatives aimed at eliminating digital inequality and ensuring equal access for all citizens are inclusive (equal and accessible to all).

By embracing digital technologies, cities can become more globally competitive. It is important for urban planners to collaborate with stakeholders to ensure that digital initiatives are well-funded, safe, and accessible to all citizens. Digital transformation provides the infrastructure for effective decision-making in city governance and is a key driver of urban development. The goal is to create an urban environment that is not only technologically advanced, but also just and sustainable for future generations.

References

1. Dunleavy, P., & Hood, C. (1994). From old public administration to new public management. *Public money & management*, 14(3), 9-16.
2. Hambleton, R. (2002). The new city management. In *Globalism and local democracy: Challenge and change in Europe and North America* (pp. 147-168). London: Palgrave Macmillan UK.
3. Ohiole, O. K., & Ojo, I. S. (2014). Local government autonomy and democratic governance: A comparative analysis of Nigeria and United States of America. *Journal of Policy and Development Studies*, 9(1), 57-73.
4. Akhmedova, E., & Vavilonskaya, T. (2019). Digital transformation of existing cities. In *E3S Web of Conferences* (Vol. 110, p. 02027). EDP Sciences.
5. Appio, F. P., Lima, M., & Paroutis, S. (2019). Understanding Smart Cities: Innovation ecosystems, technological advancements, and societal challenges. *Technological Forecasting and Social Change*, 142, 1-14.
6. Amović, M., Govedarica, M., Radulović, A., & Janković, I. (2021). Big data in smart city: Management challenges. *Applied Sciences*, 11(10), 4557.
7. Marchesani, F., Masciarelli, F., & Bikfalvi, A. (2023). Smart city as a hub for talent and innovative companies: Exploring the (dis) advantages of digital technology implementation in cities. *Technological Forecasting and Social Change*, 193, 122636.

8. Camboim, G. F., Zawislak, P. A., & Pufal, N. A. (2019). Driving elements to make cities smarter: Evidences from European projects. *Technological Forecasting and Social Change*, 142, 154-167.
9. De Guimarães, J. C. F., Severo, E. A., Júnior, L. A. F., Da Costa, W. P. L. B., & Salmoria, F. T. (2020). Governance and quality of life in smart cities: Towards sustainable development goals. *Journal of Cleaner Production*, 253, 119926.
10. Bolívar, M. P. R. (2019). Governance in Smart Cities: A Comparison of Practitioners' Perceptions and Prior Research. In *Smart cities and smart spaces: Concepts, methodologies, tools, and applications* (pp. 1688-1707). IGI Global.
11. Evans, A. M., & Campos, A. (2013). Open government initiatives: Challenges of citizen participation. *Journal of policy analysis and management*, 172-185.
12. Oliveira, T. A., Oliver, M., & Ramalhinho, H. (2020). Challenges for connecting citizens and smart cities: ICT, e-governance and blockchain. *Sustainability*, 12(7), 2926.
13. De Guimarães, J. C. F., Severo, E. A., Júnior, L. A. F., Da Costa, W. P. L. B., & Salmoria, F. T. (2020). Governance and quality of life in smart cities: Towards sustainable development goals. *Journal of Cleaner Production*, 253, 119926.
14. Gilman, H. R. (2016). Participatory budgeting and civic tech: The revival of citizen engagement. Georgetown University Press.
15. Mukhametzhan, S. O., Junusbekova, G. A., & Daueshov, M. Y. (2020). An econometric model for assessing the asymmetry of urban development as a factor of regional economic growth: The case of Kazakhstan. *Industrial Engineering & Management Systems*, 19(2), 460-475.
16. Alsharif, A. A., & Pradhan, B. (2014). Urban sprawl analysis of Tripoli Metropolitan city (Libya) using remote sensing data and multivariate logistic regression model. *Journal of the Indian Society of Remote Sensing*, 42, 149-163.
17. Zhang, G., Jia, Y., Su, B., & Xiu, J. (2021). Environmental regulation, economic development and air pollution in the cities of China: Spatial econometric analysis based on policy scoring and satellite data. *Journal of Cleaner Production*, 328, 129496.
18. Ullah, A., Anwar, S. M., Li, J., Nadeem, L., Mahmood, T., Rehman, A., & Saba, T. (2024). Smart cities: The role of Internet of Things and machine learning in realizing a data-centric smart environment. *Complex & Intelligent Systems*, 10(1), 1607-1637.
19. Nochta, T., Wan, L., Schooling, J. M., Lemanski, C., Parlikad, A. K., & Jin, Y. (2019). Digitalisation for smarter cities: moving from a static to a dynamic view. *Proceedings of the Institution of Civil Engineers-Smart Infrastructure and Construction*, 171(4), 117-130.
20. El-Agamy, R. F., Sayed, H. A., AL Akhatatneh, A. M., Aljohani, M., & Elhosseini, M. (2024). Comprehensive analysis of digital twins in smart cities: a 4200-paper bibliometric study. *Artificial Intelligence Review*, 57(6), 154.
21. Goloventchik, G. G. (2022). Digital Technologies are a Key Driver of the Development of Smart Cities: Analysis of World Rankings. *Digital Transformation*, 28(1).
22. Semjachkov, K. A. (2020). Cifrovye dannye kak kljuchevoj resurs razvitija umnyh gorodov. *Jekonomika, predprinimatel'stvo i pravo*, 10(12), 3003-3020.
23. Kosatkin, A. S. (2019). Razvitie proektov «umnyj gorod» v Rossijskoj Federacii. *Sovremennaja paradigma i mehanizmy jekonomicheskogo rosta rossijskoj jekonomiki i ee regionov: sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. 2, 169-173
24. Esbergen, R. (2024). Qazaqstan Respublikasynda shagyn qalalardyn damu perspektivalary (Aqtobe oblysy Qandyagash qalasy mysalynda). *Memlekettik basqaru zhane memlekettik qyzmet*, 2(89).
25. Tihonov, V. A., & Stepanova, N. R. (2021). Iskusstvennyj intellekt kak integrator processov umnogo goroda. *Fundamental'nye issledovanija*, 12, 197-202.

ҚАЛАНЫ БАСҚАРУ ПРОЦЕСІНІҢ ЦИФРЛЫҚ ТРАНСФОРМАЦИЯСЫ

Сұлтан ЖҰБАНАЗАРОВ*, PhD докторант, Қазтұтынуодағы Қарағанды университеті, Қарағанды, Қазақстан, szhubanazar@gmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0782-7719>, ResearcherID: ADA-2933-2022

Сайран УЛАКОВ, э.ғ.к., профессор, Қазтұтынуодағы Қарағанды университеті, Қарағанды, Қазақстан, s_ulakov@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6867-2407>, Scopus Author ID: 57148290800

Дезислава ИВАНОВА, ғылым докторы, профессор, Әулие Климент Охрид атындағы София университеті, София, Болгария, d_yordanova@feb.uni-sofia.bg, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4042-2681>, ResearcherID: AAL-6826-2020

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОЦЕССА УПРАВЛЕНИЯ ГОРОДОМ

Сұлтан ЖҰБАНАЗАРОВ*, PhD докторант, Карагандинский университет Казпотребсоюза, Караганда, Казахстан, szhubanazar@gmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0782-7719>, ResearcherID: ADA-2933-2022

Сайран УЛАКОВ, к.э.н, профессор, Карагандинский университет Казпотребсоюза, Караганда, Казахстан, s_ulakov@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6867-2407>, Scopus Author ID: 57148290800

Дезислава ИВАНОВА, доктор наук, профессор, Софийский университет "Св. Климент Охридского", София, Болгария, d_yordanova@feb.uni-sofia.bg, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4042-2681>, ResearcherID: AAL-6826-2020

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР

INTERNATIONAL RELATIONS

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

POSITIONING KAZAKHSTAN AS AN EMERGING MIDDLE POWER IN CENTRAL ASIA

Aliya* KUSSAINOVA	<i>Ph.D., acting Associate Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, International Relations Department, Astana, Kazakhstan, kussainova.am@gmail.com, Scopus ID 57213153883, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-1131-1934</i>
Sadri HOUMAN	<i>Ph.D., Associate Professor, University of Central Florida; School of Politics, Security and International Affairs, 4297 Andromeda Loop N., Orlando, United States, Houman.Sadri@ucf.edu, Scopus ID 6601977924, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0006-1342-2917</i>
Dilnaz YESBOLATOVA	<i>researcher on «International Relations» educational program, L. N. Gumilyov Eurasian National University, International Relations Department, Astana, Kazakhstan; dika-2002@inbox.ru ORCID ID: https://orcid.org/0009-0005-4394-6597</i>

Manuscript received: 20/11/2024

Revised: 30/01/2025

Accepted: 07/02/2025

DOI: 10.52123/1994-2370-2025-1369

UDC 11.25.42

CICSTI 327

Abstract. With the rise of the non-Western world, the topic of middle powers has been of increasing interest. The article analyzes Kazakhstan's significance as a middle power in the Central Asian region. In this regard, the analysis has provided the criteria assessment of middle power status to Kazakhstan, while attributing this to active participation in international dynamics that were targeted to strengthen the state's position. We examine whether Kazakhstan can be classified as such, using the hierarchical, functional, behavioral perspectives. While questions remain about its viability, this study concludes that Kazakhstan does indeed play the role of middle power in its region. Through its engagement in the Shanghai Cooperation Organization and the Eurasian Economic Union it has been able to significantly advance regional security and ensure economic stability.

Key words: middle power, multilateral engagement, economic stability, regional leadership, diplomatic engagement, economic cooperation, international initiatives.

Аңдатпа. Батыстық емес әлемге қызығушылықтың артуымен орта державалар тақырыбы өзекті бола түсуде. Бұл мақалада Қазақстанның аймақтағы орта держава ретіндегі маңыздылығы талданады. Осыған байланысты талдау Қазақстанның мемлекеттің ұстанымын нығайтуға бағытталған халықаралық динамикаға белсенді қатысуын ескере отырып, критерийлерді ұсыну арқылы орта держава мәртебесін бағалауды қамтамасыз етті. Біз Қазақстанды иерархиялық, функционалдық және мінез-құлық тәсілдер арқылы осындай державаға жатқызуға болатынын қарастырамыз. Бұл рөлдегі оның әлеуеті туралы сұрақтардың толастамауына қарамастан, зерттеу Қазақстан өз аймағындағы орташа держава ретінде пайда болады деген қорытындыға келеді. Шанхай ынтымақтастық ұйымы мен Еуразиялық экономикалық одаққа қатысудың арқасында аймақтық қауіпсіздікті айтарлықтай нығайтып, экономикалық тұрақтылықты қамтамасыз ете алды.

Түйінді сөздер: орта держава, көпжақты өзара іс-қимыл, экономикалық тұрақтылық, аймақтық көшбасшылық, дипломатиялық өзара іс-қимыл, экономикалық ынтымақтастық, халықаралық бастамалар..

*Corresponding author: Aliya Kussainova, kussainova.am@gmail.com

Аннотация. С ростом интереса к не западному миру тема средних держав становится все более актуальной. В данной статье анализируется значение Казахстана как средней державы в регионе. В этой связи анализ предоставил оценку статуса средней державы через предоставление критериев для Казахстана, учитывая при этом активное участие страны в международной динамике, которая направлена на укрепление позиции государства. Мы рассматриваем, можно ли отнести Казахстан к таким державам, используя иерархический, функциональный и поведенческий подходы. Несмотря на сохраняющиеся вопросы о его потенциальности в этой роли, исследование приходит к выводу, что Казахстан действительно выступает в роли средней державы в своем регионе. Благодаря участию в Шанхайской организации сотрудничества и Евразийском экономическом союзе, ему удалось существенно укрепить региональную безопасность и обеспечить экономическую стабильность.

Ключевые слова: средняя сила, многостороннее взаимодействие, экономическая стабильность, региональное лидерство, дипломатическое взаимодействие, экономическое сотрудничество, международные инициативы.

Introduction

Interest in middle powers has surged with the interstate system trending towards multipolarity [1]. Despite its relatively recent independence, Kazakhstan presents an appealing case study, considering its active role in the international arena and global issues, including the war against terrorism [2]. Its peaceful transition to nationhood, commitment to nuclear disarmament, and adherence to a multi-faceted and multi-vector foreign policy have raised its standing on the global stage. These factors appeared as significant trends in the Kazakh foreign policy and relations soon after its independence [3, 4, 5]. The dedication Astana has shown in upholding regional stability, along with its geopolitical position and natural resources give credence to its potential for middle power status. Hence, the purpose of this study is to determine whether Kazakhstan can be considered a middle power by looking at its diplomatic activities, economic diversification strategies, and security initiatives.

Thanks to the particular geopolitical position and strategically important location of the country in Central Asia, which is likely to be transformed into strengths and promising opportunities, Kazakhstan is a full-fledged actor in the international relations. In this context, it is necessary to review Kazakhstan as being the largest landlocked country, that is predominantly served as a significant bridge, connecting East and West. As might be pointed out, Kazakhstan is likely to be identified as a rapidly developing middle power and regional leader in Central Asia. Taking into consideration national interests, it can be observed that the Republic of Kazakhstan has pursued multi-vector policy, which is oriented at the increased promotion of international peace and security, as well as balance and stability.

Kazakhstan, which is ranking 9th in terms of land area, possesses a profound historical narrative that underscores the state's significance within the Central Asian region. Historically, the territory, which is now recognized as Kazakhstan, served as a bridge for different civilizations and trade routes, fostering a fruitful environment of cultural diversity and economic importance [5]. Further, throughout the 20th century, Kazakhstan was identified as an integral part of the Soviet Union, developing as one of its pivotal countries. It should be mentioned that the region assumed an essential role in the Soviet space program, with the Baikonur Cosmodrome serving as the principal launch site [6]. Subsequent to the collapse and quick dissolution of the Soviet Union in 1991, Kazakhstan transitioned into an independent and sovereign nation under the leadership of the former President Nursultan Nazarbayev.

The growing importance of the topic lies in surging interest in middle power status, Kazakhstan's geopolitical position with natural resources and proactive foreign policy, which establish state as a pivotal player in both regional and global contexts. In this regard, it is acceptable to analyze the state's role and activity as an emerging middle power in Central Asia, as well as to determine its contribution to the process of cooperation and interconnectedness of Central Asian states. In accordance with this purpose, via investigating Kazakhstan's diplomatic activities, economic diversification strategies, and security initiatives as defined objectives, the crucial insights on the Kazakhstan's development as a middle power in Central Asia are likely to be offered. Moreover, Kazakhstan's peaceful transition to nationhood, commitment to nuclear disarmament, and adherence to a multi-faceted and multi-vector foreign policy have enriched its standing on the global stage. Kazakhstan's dedication to upholding regional stability, proactive involvement in conflict

resolution endeavors, and hosting of prominent international gatherings have augmented its stature as a pivotal actor in the realm of Central Asian geopolitics.

Theoretical approaches to define state as a middle power

A middle power might be evaluated as a state that has significant influence on the interstate system, though not to the extent of the great powers. In this regard, middle powers contribute substantively to both regional and global stability and balance, which might be characterized by active engagement in international affairs, peace-building diplomacy, and economic development [6]. As for Kazakhstan, the pursuit of middle power status has constituted a deliberate foreign policy objective, to fulfill its desire to extend its influence beyond its borders.

Unfortunately, the field of IR still wrestles with how to define middle power. No objective definition exists [7]. As often occurs in areas of ambiguity, different schools of thought have emerged to provide some regularity to the study of the concept. Most theoretical approaches fall into the behavioral, hierarchical, and functional perspectives. The behavioral perspective deems a state a middle power if it perceives itself to be one and acts accordingly [8]. From the behavioral perspective, then, if the Republic of Kazakhstan is perceived as an emerging middle power in the Central Asian region it holds that status. Some have criticized this perspective as engaging in circular reasoning—a middle power is a state that has the characteristics of a middle power [9]. However, that overlooks the degree to which perception determines reality in international relations. If a state can convince key actors it is a middle power then it is one. In fact, it has been posited that scholars and officials began pushing the concept of the middle power into the discourse precisely to that effect. That most of the work on the subject has been done by scholars from such states cannot be a coincidence [9], though that does not invalidate the concept *a priori*. However, that does preclude the formation of an objective definition for middle power on that basis.

The hierarchical perspective attempts to resolve that issue by considering the capabilities, self-positioning and recognized status of the state. Thus, middle states

logically stand in the middle of the hierarchy [8]. Bolton and Nash [10] favor a simple version of the hierarchical perspective, characterizing middle powers “as relatively wealthy, small to medium-sized states, with no nuclear weapons and no permanent seat on the UN Security Council.”

Unsurprisingly, Organski [11], the father of power transition theory, a variant of hegemonic stability theory, favored the hierarchical perspective.

Yet, the hierarchical perspective itself retains some subjectivity. Which indicator(s) of power should be used to determine the ranking of the world powers? Lacking a clear answer, the ranking depends on the scholar [12]. As its purported objectivity is the primary strength of the hierarchical objective, others prefer the functional perspective, which defines a middle power as a state that exerts influence in certain areas of interest, and fulfills a special role in the international arena [7]. It is arguably less objective than the hierarchical perspective, but a purely raw examination of state capacity overlooks states that punch above their weight in the interstate system by engaging in global responsibilities, multilateralism, and conflict resolution [12]. In other words, the hierarchical perspective cannot capture a state's limitations for a specific environment and thus its expressed power. The opposite is true of the functional perspective, which intuitively captures the latter while eschewing attempts to measure its raw power.

So, it is reasonable to consider the status of middle powers in a similar fashion to that of threat. The familiar equation is Threat = Capabilities x Intent. Here, threat could be more broadly thought of as expressed power or influence and capabilities of course as a combination of population growth, military forces and level of security, and economic development [13]. By including intention, capabilities, and threat or influence, variables associated with the behavioral, hierarchical and functional perspectives, respectively, this approach offers a blend of the three main schools of thought. In that vein, Kazakhstani academics have argued for the status of Kazakhstan as an emerging and developing middle power, comprehensively analyzing the country's prospects in relation to other major countries [14]. They concluded that Kazakhstan's future status as a middle power will depend on its active commitment to strengthening and advancing science,

economic readiness for the challenges of our time, and the political will of the country's leadership and the geopolitical situation [14].

The methodological basis

This study incorporates both quantitative and qualitative methods to determine whether Kazakhstan is a middle power from all three perspectives. We first looked at data from credible sources, including Global Peace Index, World Bank, IMF, Global Firepower Index, SIPRI, and Political Risk Index (described below) to assess Kazakhstan's middle power status from the hierarchical perspective.

1. The Global Peace Index substantially measures the level of peace and security in countries based on such quantitative factors as crime rates, political stability index, and the size of the country's military expenditures annually.

2. The World Bank Rating aims to provide data on indicators of a country's economic development, including indicators of economic output and diversification of economic development.

3. The Global Firepower Index mainly assesses the military strength of a country based on quantitative factors such as the number of active military equipment, human resources in the active army, the diversity of military equipment, munitions, and technological innovations.

4. The Political Risk Index: assesses the risk associated with investing in a country based on political stability, sustainability of leadership, and governance.

In comparative terms, the behavioral perspective focuses on how states formulate their foreign policy behavior, as well as how states perceive themselves and are perceived

by other countries and actors in the international community. In this case, both quantitative and qualitative analyses are applied, since Google Trends data demonstrate the number of queries in the search engine. In addition, we looked at qualitative data, including public interest in the topic of middle power diplomacy, as well as evaluating perceptions regarding the country's compliance with the given status. To follow its diplomatic evolution, we used the case-study method, examining specific instances of Kazakhstan mediating international conflicts.

Last, but not least, the functional approach highlights the weight a middle power's actions carries, which we evaluated by examining its participation in international conflicts as a mediator for maintaining stability and security. This involved performing a qualitative analysis of political reports, speeches of leaders, in which the diplomatic commitments of Kazakhstan and its influence at both the regional and international levels are described and documented.

The integration of diverse viewpoints yields a comprehensive understanding of Kazakhstan and its influence on regional and global dynamics, which will demonstrate whether it is a middle power, and if not, whether it has the potential to be, and under what conditions.

Criteria assessment of Kazakhstan's middle power status

Our evaluation of Kazakhstan's status in Central Asia from the hierarchical perspective focused on its economic diversification, the country's foreign policy behavior through diplomatic engagement, level of spending on security and defense, and commitment to peace-building (Table 1).

Table 1. Evaluation of Kazakhstan's middle power status across key criteria

Criteria for Middle Power Status	Source	Relevance to Kazakhstan
Diplomatic Engagement	Global Peace Index, United Nations	It should be mentioned that Kazakhstan ranked 76th in the Global Peace Index (GPI) out of 163 countries, climbing 21 places, according to the June 2023 report published by the Institute for Economics and Peace (IEP) [15]. Kazakhstan actively participates in global organizations such as the United Nations, hosting key diplomatic events such as the Astana Process on Syria. Moreover, the state has diplomatic connections with various nations and engages in peacekeeping efforts.
Economic Diversification	World Bank, IMF	As regards to IMF World Economic Outlook 2023, Kazakhstan's annual real GDP growth is 4.2% [16]. Kazakhstan's economy has diversified beyond natural resources, growing its technology, manufacturing, and services sectors.
Security and Defense	Global Firepower Index 2024	Referring to the Global Firepower, Kazakhstan is holding 58 places out of 145 countries out [17]. Furthermore, according to Global Firepower, Kazakhstan is likely to be identified as the second big military power in the Collective Security Treaty Organization after Russia. Kazakhstan plays a pivotal role in Central Asian geopolitics, mediating regional conflicts and promoting stability. Moreover, in order to ensure peacekeeping initiatives, Kazakhstan is strengthening security and defense in country, as well as in the region, by increasing its military strength.
Commitment to Peace-Building	Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI)	According to the Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI), in 2022, Kazakhstan's military budget is \$1.1 billion [18]. Kazakhstan is committed to peace-building, hosting peace talks such as Astana Peace Talks concerning Syrian conflict and contributing to various UN peacekeeping missions.

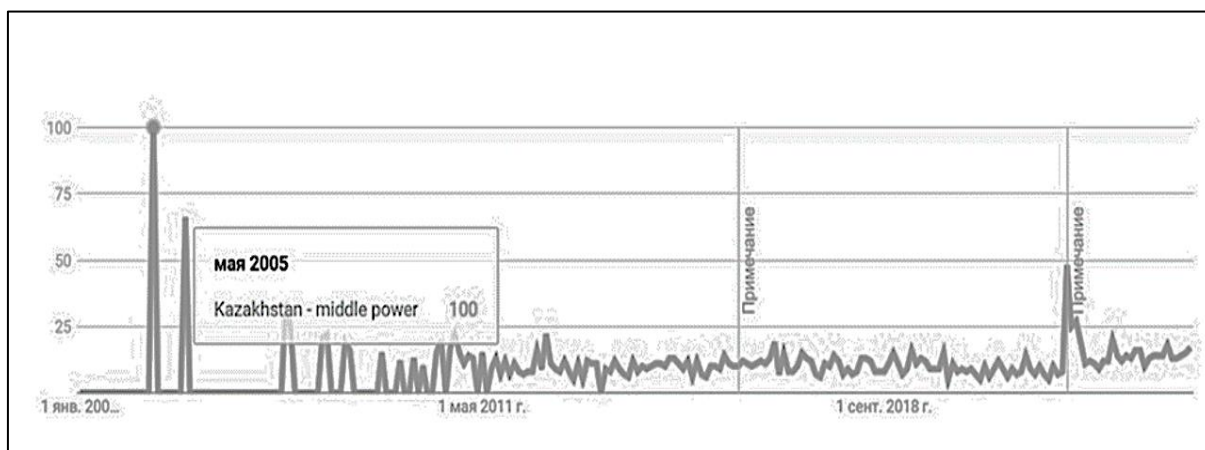
Source: compiled by authors

In addition to the above more objective criteria, we looked to at Kazakhstan from the behavioral perspective to determine whether Kazakhstan views itself as a middle power. To assess this, we looked at the interest in the topic among Internet users. In searching queries for the words “Kazakhstan is a middle power”, we found it characterized most by the following expressions: “emerging middle

power” and “middle power as a bridge between East and West”.

Referring to the Google Trends statistics [19], the first peak in the interest of this topic occurred in May 2005. Moreover, the search tendencies give support to Kazakhstan's status as an emerging middle power.

Picture 1. Dynamics of search query “Kazakhstan is a middle power” in the world from 2004 to the present (based on Google Trends materials)

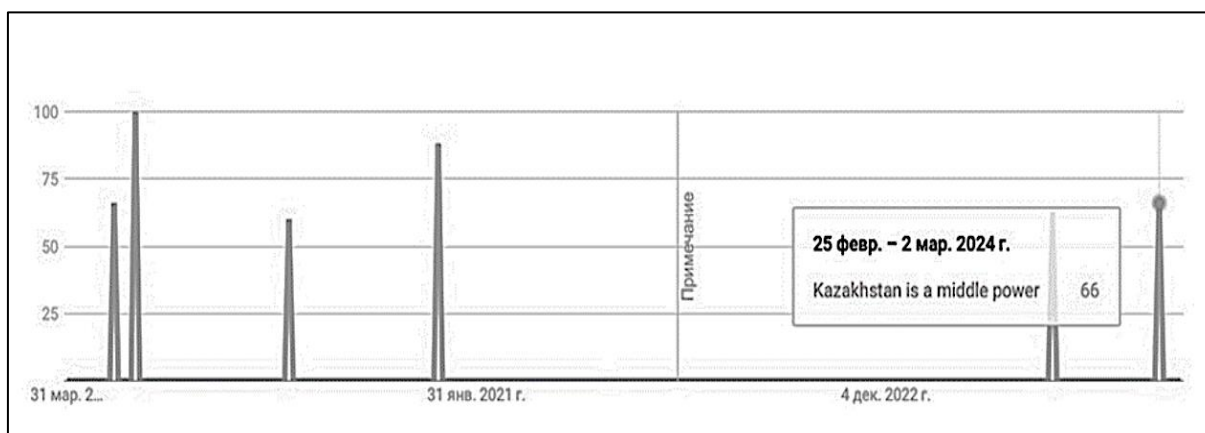

Source: Official site of Google Trends [19]

According to the statistics given below, in the past five years, interest in the topic increased from May 31, 2020 to January 31, 2021. More recently, over the period from February 25 to March 2, 2024, the popularity

of queries was 66 out of 100, which is an above-average popularity indicator [19].

Picture 2. Statistics for the query “Kazakhstan is a middle power” in the world from 2019 to 2024, over the last 5 years (based on Google Trends statistics)

Source: Official site of Google Trends [19]

Kazakhstan must provide leadership in multiple domains to demonstrate middle power status. First and foremost, it necessitates proactive participation in international organizations and global forums and summits to shape global governance and to address international challenges. Such engagement provides Kazakhstan with a platform to demonstrate its diplomatic advocacy for Central Asian interests and aspirations, which is its central focus. Thus, Kazakhstan takes on the role of regional leader, maintaining stability and enhancing

economic cooperation between the nations of Central Asia. This includes mediation of long-running international conflicts, promotion of economic integration, and tackling challenges such as water resource management and regional security.

Kazakhstan's vigorous engagements in SCO and EAEU

Kazakhstan's performance in various international organizations, has underscored this dedication to fostering international

cooperation and bolstering regional stability. The level of its involvement (summarized in Table 2) gives a qualitative indication of its middle power status from the behavioral and functional perspective. Since its appearance as a member of the United Nations in 1992 [20], Kazakhstan has exhibited its commitment to addressing critical issues and concerns. Kazakhstan's election as a non-permanent member for the 2017-2018 term afforded it a significant opportunity to make vigorous contributions for sustainability in international arena. Throughout its tenure, the state has established initiatives associated with nuclear disarmament, while ensuring action-points to counter terrorism as a substantial threat, and asserting peaceful instruments on conflict settlement, which were determined to advance efforts to combat the financing of terrorism [21]. In addition, Kazakhstan has been an energetic member of the Shanghai Cooperation Organization (SCO), which has been providing security across the Central Asian region. Significantly, Kazakhstan was a founding member of the SCO, which has promoted economic cooperation initiatives and highlighted the acute problem of terrorism. In accordance with the aforesaid, the country directs the organization to focus on the development and implementation of measures to combat terrorist and extremist associations in the region within the SCO's Regional Anti-Terrorist Structure (RATS) [22].

On the security dimension, in 2022 the country was elected co-chair of collaborative and cooperative military exercises and intelligence and reconnaissance operations. These exercises and investigations were mainly focused on counter-terrorism commitments. In this regard, Kazakhstan organized the Peace Mission 2022, a joint military exercise aimed at improving the military and strategic coordination among the members of the organization. These exercises included scenario-based role-playing models of urban combat, and various types of hostage rescue operations, which incorporated special exercises on the strategy and tactics of

negotiations with terrorist leaders and extremist representatives. As an illustrative example, in September 2022, these tests were organized in Tajikistan, which were targeted at combat operations with terrorists in mountainous areas and other places without ready access to water, food, and communication.

In terms of Kazakhstan's participation in high-level conferences and dialogues, in May 2022, the country held an International Conference with respect to the topic of preventing and prohibiting the use of Internet resources for terrorist purposes within RATS. The following month, Almaty conducted specialized training in drone surveillance and digital intelligence collection.

This cooperation has yielded concrete results. More than 500 potential terrorist attacks were prevented thanks to the creation of joint databases which pooled intelligence information from the participating countries. Under Kazakhstan's chairmanship, the Shanghai Cooperation Organization held three large-scale military exercises involving more than 20,000 military personnel. Kazakhstan also initiated five pivotal conferences and high-level meetings concerning digital influence on terrorist movements and issues related to security in the border areas.

Kazakhstan's participation in the Eurasian Economic Union (EAEU), which proactively seeks to create a unified common market and customs union, is perhaps even more important. By facilitating the free movement of goods, services, and capital, it effectively increases the productivity and economic strength of the region. This also helps fulfill one of Kazakhstan's main interests – diversifying its economy. Kazakhstan accounts for around 20% of the union's trade. It mainly exports crude oil products, radioactive metals, and uranium ore, and imports automotive parts, telecommunications equipment, and pharmaceuticals, with trade relations growing slightly over the past few years with Russia.

Table 2. Evaluation of Kazakhstan's middle power status via SCO and EAEU engagement

Issue-point	SCO Engagement	EAEU Engagement
Membership	A state is considered as a founding member since 2001.	A state is regarded as a founding member since 2015.
Focus Areas	Security framework, establishment of measures on fight against terrorism and religious extremism, reinforcing regional stability.	Advanced focus on economic integration, facilitation of trade connections.
Security Cooperation	Participation in the SCO's Regional Anti-Terrorist Structure (RATS) to extensively combat terrorism and extremism, participation in Joint military exercises such as Peace Mission in 2022.	Focus on economic security in order to reduce the dependence on natural resources such as oil and natural gas.
Economic Cooperation	Participates crucially in energy and trade cooperation, which is considered critical to the Belt and Road Initiative (BRI) as a logistical transit hub.	Highly promotes and advances trade by involving the natural resources, namely oil, uranium, natural gas and metals, and additionally, agriculture products.
Economic Diversification	Advocate for broader economic activities beyond hydrocarbons, aiming to attract Chinese investment in infrastructure.	Pushes for economic diversification through non-traditional sectors (agriculture, tech, manufacturing).
Diplomatic Role	A state might be identified as a diplomatic hub, facilitating high-level summits, namely Astana Summit, Astana International Forum 2023, Astana International Think Tank Forum 2024, where simultaneously significant state-actors, organizations and institutions participates fairly.	A state has performed an intermediary role between dominant powers such as Russia and China, and via that lens, a state has shaped regional economic policy within the union.
Regional Leadership	A regional leadership is held through the initiatives on countering terroristic acts through RATS, and significantly, organized the Syrian peace talks, namely the Astana Process, highlighting its leadership.	A state's leadership can be viewed via the relevance of its advocacy in order to pursue regional economic reforms, which will influence customs and contemporary trade policies within the given union.

Source: compiled by authors

Active engagement in international organizations and initiatives

Kazakhstan's proactive diplomacy in various international organizations and institutions, has proven its dedication to fostering international cooperation and bolstering regional stability. Such expressions of regional leadership provides evidence of middle power status from the functional perspective. Since the appearance as a member of the United Nations (UN) in 1992

[20], Kazakhstan has exhibited its commitment to addressing pivotal and critical global issues and concerns. Prominently, Kazakhstan's election as a non-permanent member on the UN Security Council for the 2017-2018 term has provided an opportune platform to make an active contribution for international security and sustainability. Throughout its tenure, Kazakhstan has established initiatives associated with the program of nuclear disarmament, ensuring measures to counter terrorist acts, and asserting peaceful means

and instruments of conflict resolution. Kazakhstan's intensive efforts to adopt UN Security Council Resolution 2395 [21] to combat the financing of terrorism exemplify such leadership.

On this issue, Kazakhstan's membership in the Collective Security Treaty Organization (CSTO) has been a testament to its dedication to joint defense [22]. It has participated in joint military exercises and security tests, endeavoring to address challenges and concerns in relation to the Eurasian region. Kazakhstan has emphasized its commitment to multilateral cooperation within the CSTO framework towards fostering regional stability.

More broadly, Kazakhstan has used its diplomatic initiatives to establish its position as Central Asia's leader, facilitating cooperation across the region to address its challenges. It has emerged as an effective mediator with a reputation as an honest broker for facilitating conflict management and peace-building both regionally and globally. In this regard, it is noteworthy that Kazakhstan has initiated the Conference on Interaction and Confidence Building Measures in Asia (CICA), which is seen as a multilateral forum whose objective is to enhance and deepen a dialogue and cooperation on security issues in the Asian region [22]. Though they ultimately failed, it is also worth mentioning that Kazakhstan's mediation efforts in the Ukraine crisis, resulting from Russia's annexation of Crimea in 2014. To deescalate tensions and attempt to resolve the crisis peacefully, Kazakhstan became a trusted ground for fostering dialogue, hosting numerous rounds of peace talks and international forums, the so-called Astana Talks.

Furthermore, the country initiated the Astana Process on Syria, a forum for convening critical stakeholders including Russia, Türkiye, and Iran to diplomatically settle a rather protracted conflict. Astana has served as the venue for multiple rounds of negotiations, focusing on formulating ceasefire agreements, delineating conflicting zones, and orchestrating and preparing a delivery of humanitarian aid. That the Astana Process has complemented United Nations' own efforts underscores the Kazakhstan's commitment to enhancing and promoting peace-building initiatives and stimulating constructive dialogue among parties.

Though the main vehicle for Kazakhstan's drive to assume regional leadership in Central Asia has been diplomatic initiatives, its

economic dimensions of its strategy should not be overlooked. In terms of economic potential, Kazakhstan's significant resources and strategic position have made it a vital player in Central Asia. The country's robust economy, based primarily on rich oil, natural gas and mineral reserves, has attracted significant foreign investment and facilitated economic integration within the region. Initiatives such as the Shining Path economic policy and the Nurly Zhol infrastructure development program have strengthened Kazakhstan's economic influence, promoting growth and development both domestically and regionally. Others, such as the Astana International Financial Center and the International Center for Green Technologies and Investment Projects (ICGTIP), attract foreign investment and promote sustainable development in Central Asia. In addition, Kazakhstan's active participation in initiatives such as the Belt and Road Initiative (BRI) and the Eurasian Economic Union (EAEU) highlight its commitment to regional economic cooperation and integration [22]. Kazakhstan's collaborative approach to regional economic development underscores its commitment to promoting prosperity and cooperation.

To further enhance economic integration, Kazakhstan prioritizes cross-border cooperation and connectivity initiatives to facilitate people-to-people exchanges as well as trade and investment in Central Asia. Kazakhstan is also looking beyond Central Asia with ambitious projects such as the Western Europe-Western China Economic Corridor, which is predominantly aimed and intended to improve transport connectivity and promote economic integration [23].

In addition, Kazakhstan encourages entrepreneurship, innovation and technological progress to stimulate economic growth. Initiatives such as the Digital Kazakhstan program and the Astana International Financial Center create a favorable environment for business development, attracting foreign direct investments and stimulating innovation in non-resource sectors. Kazakhstan's emphasis on economic diversification reflects its commitment to building a resilient economy.

Kazakhstan also plays a key role in addressing various regional issues in Central Asia, including water resource management, security cooperation and transboundary cooperation. With extensive experience in water resource management, Kazakhstan has

led initiatives aimed at promoting sustainable practices and addressing transboundary water issues. For example, Kazakhstan's participation in the Central Asia Regional Economic Cooperation (CAREC) Program aims to improve water resource management and infrastructure development to promote regional stability and cooperation.

Kazakhstan's path to economic development is closely intertwined with the state's active desire for regional leadership. As the country seeks to diversify beyond natural resources, initiatives such as Nurlı Zhol and Digital Kazakhstan are designed to enhance and develop the country's capacity for economic sustainability and competitiveness. Accordingly, through investment in technology, particularly in agriculture and food processing, and a corresponding focus on renewable energy sources, Kazakhstan is increasingly seeking to reduce its dependence on variable natural resources and unstable commodity markets to promote ongoing sustainable growth.

Kazakhstan aims to leverage its geostrategic location via the physical and the economic integration promised by the BRI and the EAEU. They will likely open up opportunities for increased trade and investment, thereby enhancing the country's regional influence [21]. Thus, Kazakhstan's ability to maintain its momentum and pace of economic growth, and thus consolidate its position as the middle power of Central Asia depends upon the successful and prosperous implementation of these strategies.

Results and reasoning

Our analysis of Kazakhstan's role as a developing middle power in Central Asia region and the wider interstate system has revealed several key points:

- Geopolitical significance is characterized by the strategic location of the country, which places Kazakhstan at an important crossroad, enhancing its trading profile. Kazakhstan's has fulfilled this role between East and West since its independence.

Theories of International relations generally characterize middle powers as significant regional actors with, moderate economic development and diplomatic presence who are nevertheless relatively insignificant at the global level, as evidenced by their lack of a permanent seat on the UN

Security Council and their lack of nuclear weapons.

Kazakhstan's increasing perception of itself as a middle power, as seen in the Google Trends statistics, tracks with the success of its diplomatic engagement with international organizations, strategically important partners, particularly in its implementation of international initiatives.

a. Internet users' queries on the topic of Kazakhstan as a middle power have been evidenced by substantive fluctuations over time. Moreover, the first significant increase in queries occurred in May 2005, which was the earliest manifestation of recognition of the middle power status in relation to the country.

b. However, from February to March 2024, a peak in the popularity of search queries was noted.

c. Since 2020, as illustrated in the statistics, there has been a noticeable boost in the query "Kazakhstan is a middle power", which reflects on the awareness of social media and search engine users.

d. Given the results and implications, there was initially a moderate and then a rapid increase in the relevance of the middle power status in relation to Kazakhstan.

That perception finds further support in the average indicators in the Global rankings, which placed Kazakhstan roughly in the middle. It ranked 76th out of 167 countries on the Global Peace Index and 58th out of 145 countries in the Global Firepower index, though its military budget for 2022 was only about 0.5% of its GDP, well below the global median of 1.34%. Its conduct in addressing specific international crises such as the Syrian conflict is characteristic of a middle power as well. The country's annual real GDP growth is 4.2%, in which notable advances in technology, services and manufacturing have significantly reduced the economy's dependence on natural resource extraction.

Kazakhstan has demonstrated its ambitions for the economic integration of Central Asia by taking a lead role in the drive to create the more stable security environment required for that vision to be realized. It has led intensive initiatives on nuclear non-proliferation, and developed counter-terrorism measures during its tenure as chairman of the SCO in 2022. In addition, Kazakhstan's participation in the EAEU initiatives clearly demonstrates the country's dedication and commitment to economic, trade, and industrial cooperation in the wider regional framework.

Conclusion

Set against the backdrop of intensifying international competition, Kazakhstan's geopolitical role as a stabilizing and balancing force and an effective mediator, is becoming increasingly important in modern times. It has committed itself to a policy of multilateralism and diplomacy, which allows it to successfully navigate complex geopolitical realities and, at times, even shape the trends and future of Central Asia.

The ability to chart one's own path in the face of opposition is the essence of power. While we have shown Kazakhstan's potential as a regional leader in Central Asia, it is also important to consider the alternative hypothesis that Kazakhstan will ultimately fall short of middle power status. For example, while Kazakhstan has made strides towards diversifying its economy the question remains over whether it can sustain those efforts over the long term. Considering the dominant powers influencing Central Asia, if not, it will find itself constrained and thus unable to act independently enough to be considered a middle power.

Kazakhstan's engagement within international organizations and its decisive role in conflict settlement issues and peace-building operations represent its growing stature as a responsible global actor. Through far-looking diplomatic engagements and the correct management of key initiatives, Kazakhstan has showcased its

purposefulness to maintain peace, strengthening stability, and collaborative partnerships both on the regional and global levels.

This article contributes to a broader understanding of the prospects and trends in how emerging middle powers navigate the complex landscape of international relations. Further research and discussion on this topic could lead to a more in-depth analysis of Kazakhstan's role as a middle power in Central Asia and how this affects the development of the country and the region.

One path future research could take to better understand Kazakhstan's place in the interstate system is to apply a classical realist perspective, as opposed to the hierarchical, functional, and behaviorist perspectives. The hierarchical perspective looks at some of the same indicators of power as does realism, while the other two perspectives focus on elements that are more related to the liberal internationalist school of thought. Yet, all of them limit themselves to state-level factors as the determinant of power, even as power is ultimately a relative concept [8]. Thus, it could prove fruitful to perform a quantitative analysis of to determine, for instance, whether the other Central Asian states follow Kazakhstan when it diverges from China or Russia's preferences. Alternatively, a qualitative study of a few cases in the same vein might shed some light on Kazakhstan's standing as well.

References

1. Kurmashev, A., & Sadri, H. Understanding Criteria for Defining Small and Middle Powers // *Journal of Central Asian Studies*, 88(4) – 2022 DOI:10.52536/2788-5909.2022-4.01
2. Kurmashev, A., Akhmedyanova, D., Zholdasbekova, A., & Sadri, H. Kazakhstan's middle power response to terrorism // *Insight Turkey*, SETA Foundation for Political // Economic and Social Research. 20(4) - 2018, p. 111-128 DOI:10.25253/99.2018204.12
3. Sadri H. Trends in foreign relations of Kazakhstan // *Journal of Central Asian Studies* 2(2) – 1998, p. 20-34
4. Sadri H. Major sources of threats to the Caspian Region, with a special focus on Kazakhstan // *International Research: Society, Politics, Economics* – 2013, p. 3-4, 67-78
5. Sadri H. (2014) Kazakh Silk Road Analysis // *International Quarterly (or APA) Journal* – 2 (2014), p. 96-101
6. Anceschi, L. Analysing Kazakhstan's Foreign Policy: Regime Neo-Eurasianism in the Nazarbaev Era, - Routledge, New-York - 2020 DOI:10.4324/9781315674698
7. Kerdodé, C. and Motin, D. Why do middle powers project forces in distant regions? The case of France in the Indo-Pacific. *International Journal of Asia-Pacific Studies*, 2024, 20(1). DOI:10.21315/ijaps2024.20.1.6
8. Shin D. A Critical review of the concept of middle power. *E-International Relations*, 4. - 2015 // <https://www.e-ir.info/2015/12/04/a-critical-review-of-the-concept-of-middle-power/> (date of access: 30.01.2025)

9. Chapnick, A. The middle power. *Canadian Foreign Policy Journal*, 1999, 7(2), pp.73-82 // Retrieved from <https://doi.org/10.1080/11926422.1999.9673212> (date of access: 30.01.2025)
10. Bolton M., Nash T. The Role of Middle Power-NGO Coalitions in Global Policy: The Case of the Cluster Munitions Ban // *Global Policy* - 2010 DOI:10.1111/j.1758-5899.2009.00015.x
11. Organski A. World politics. New York: Knopf. - 1958
12. Nossal K., Stubbs R. Mahathir's Malaysia: An Emerging Middle Power? // In book: *Niche Diplomacy* / ed. F. Cooper. – London, 1997 DOI:10.1007/978-1-349-25902-1_8
13. Saxer C. Capabilities and aspirations: South Korea's rise as a middle power // *Asia Europe Journal*, 2013 DOI:10.1007/s10308-013-0361-7
14. Bakhtiyarova A., Seyit A. Middle power behavior during the transition in world order: the case of Kazakhstan // *Bulletin of Al-Farabi KazNU*, 2022 DOI:10.26577/IRILJ.2022.v97.i1.06
15. Global Peace Index 2023: Measuring Peace in a Complex World. Retrieved from <http://visionofhumanity.org/resources> (date of access: 30.01.2025)
16. World Economic Outlook 2023: Navigating Global Divergences. Retrieved from <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2023/10/10/world-economic-outlook-october-2023> (date of access: 30.01.2025)
17. Global Firepower Index 2024. Retrieved from <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php> (date of access: 30.01.2025)
18. Stockholm International Peace Research Institute Yearbook 2022. Retrieved from <https://www.sipri.org/yearbook/2022> (date of access: 30.01.2025)
19. Google Trends - 2024, April 5. Retrieved from <https://trends.google.com/trends/> (date of access: 30.01.2025)
20. Multi – Vector Policy of the Republic of Kazakhstan Part 1. Retrieved from <https://e-history.kz/en/library/show/25459> (date of access: 30.01.2025)
21. UN Security Council Resolution 2395 on 21 December 2017 (2024, March 28). Retrieved from [https://undocs.org/ru/S/RES/2395\(2017\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2395(2017)) (date of access: 30.01.2025)
22. Kuppaeva B. Foreign policy stratagems of Kazakhstan // *The European Journal of Humanities and Social Sciences*, February 29, 2023. Retrieved from <https://doi.org/10.29013/ejhs-23-2-19-33> (date of access: 30.01.2025)
23. Olcott M. Kazakhstan: Unfulfilled Promise / Carnegie Endowment for International Peace, 2010 / Retrieved from <https://doi.org/10.2307/j.ctt6wpkdj> (date of access: 30.01.2025)

ҚАЗАҚСТАНДЫ ОРТАЛЫҚ АЗИЯДАҒЫ ҚАЛЫПТАСЫП КЕЛЕ ЖАТҚАН ОРТА ДЕРЖАВА РЕТІНДЕ ПОЗИЦИЯЛАУ

Алия КУСАИНОВА*, Ph.D. докторы, халықаралық қатынастар кафедрасының доцентінің м.а., Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан, kussainova.am@gmail.com, Scopus ID 57213153883, ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-1131-1934>.

Sadri HOUMAN, Ph.D. докторы, профессор, Орталық Флорида университетінің Саясат, қауіпсіздік және халықаралық істер мектебі, 4297 Andromeda Loop N., Орландо, Америка Құрама Штаттары, Houman.Sadri@ucf.edu, Scopus ID 6601977924, ORCID <https://orcid.org/0009-0006-1342-2917>.

Дильназ ЕСБОЛАТОВА, «Халықаралық қатынастар» білім беру бағдарламасының зерттеушісі, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан, dika-2002@inbox.ru, ORCID ID <https://orcid.org/0009-0005-4394-6597>.

ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ КАЗАХСТАНА КАК РАЗВИВАЮЩЕЙСЯ СРЕДНЕЙ ДЕРЖАВЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Алия КУСАИНОВА*, доктор PhD, и.о. доцента кафедры международных отношений, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан, kussainova.am@gmail.com, Scopus ID 57213153883, ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-1131-1934>.

Sadri HOUMAN, доктор PhD, профессор Университета Центральной Флориды, Школа политики, безопасности и международных отношений, 4297 Andromeda Loop N., Орландо, Соединенные Штаты Америки, Houman.Sadri@ucf.edu, Scopus ID 6601977924, ORCID ID <https://orcid.org/0009-0006-1342-2917>.

Дильназ ЕСБОЛАТОВА, исследователь по образовательной программе «Международные отношения», Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан, dika-2002@inbox.ru, ORCID ID <https://orcid.org/0009-0005-4394-6597>

DIGITAL DIPLOMACY: HOW THE EU UTILIZES FACEBOOK IN CENTRAL ASIA

Manuel FERNANDEZ-GRELA	<i>PhD, Professor at the University of Santiago de Compostela, a researcher at the IDEGA, Santiago de Compostela, Spain, mf.grela@usc.es, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6087-7929, Scopus ID: 6504575604</i>
Arsen* MALTABAROV	<i>PhD Candidate, Lecturer of the Department of International Relations and World Economy, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan, Maltabarov.Arsen@kaznu.kz, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8864-6049</i>
Gulzada APSATTAROVA	<i>PhD Candidate, Senior Lecturer of the Department of International Relations and World Economy, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan, Apsattarova.Gulzada@kaznu.kz, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6004-1574</i>

Manuscript received: 04/11/2024

Revised: 20/12/2024

Accepted: 27/01/2025

DOI:10.52123/1994-2370-2025-1361

UDC 327.7

CICSTI 11.25.67, 06.54.31

Abstract. This article analyzes the diplomatic presence of European Union countries on social media platforms within Central Asian countries. The issue under consideration is the need to evaluate the effectiveness of social media as a diplomatic tool for EU missions in Central Asia. The research methodology includes the analysis of Facebook data and diplomatic profiles from 2009 to 2024. The study employs engagement metrics such as the number of followers, likes, shares, and comments. Through these metrics, the authors sought to assess the effectiveness of the digital diplomatic efforts undertaken by diplomats. In addition, a correlation analysis is conducted to determine the relationship between the frequency of posts and audience engagement. The results show significant differences in the use of social media by various EU countries. This highlights the role of cultural and regional factors in shaping diplomatic strategies. The practical significance of this research lies in providing recommendations for diplomats to optimize their social media strategies. These strategies should align with cultural expectations as well as the preferences of target audiences.

Key words: Digital diplomacy, social media, region, European Union, Central Asia, digital transformation

Аңдатпа. Бұл мақала Еуропалық Одақ елдерінің Орталық Азия елдеріндегі әлеуметтік медиа платформаларындағы дипломатиялық қатысуын талдайды. Қарастырылатын мәселе әлеуметтік желілерді ЕО елдерінің Орталық Азиядағы дипломатиялық өкілдіктері үшін дипломатиялық құрал ретінде тиімділігін бағалау қажеттілігіне негізделген. Зерттеу әдіснамасы 2009-2024 жылдар аралығындағы Facebook деректері мен дипломатиялық профильдерді талдауды қамтиды. Зерттеуде жазылушылар саны, лайктар, репосттар мен пікірлер сияқты қатысу көрсеткіштері пайдаланылады. Осы көрсеткіштер арқылы авторлар дипломатиялық цифрлық күш-жігерлердің тиімділігін бағалауды мақсат тұтты. Сонымен қатар, жарияланымдар жиілігі мен аудиторияның қатысу деңгейі арасындағы байланысты анықтау үшін корреляциялық талдау жүргізіледі. Нәтижелер Еуропалық Одақ елдерінің әлеуметтік желілерді қолдануда айтарлықтай айырмашылықтарын көрсетеді. Бұл мәдени және аймақтық факторлардың дипломатиялық стратегияларды қалыптастырудағы рөлін атап көрсетеді. Осы зерттеудің практикалық маңызы әлеуметтік желілердегі стратегияларды оңтайландыру бойынша дипломатарға арналған ұсыныстарды қамтиды. Бұл стратегиялар мәдени күтілімдер мен мақсатты аудиторияның артықшылықтарына сай болуы тиіс.

Түйінді сөздер: Цифрлық дипломатия, әлеуметтік желілер, аймақ, Еуропалық Одақ, Орталық Азия, цифрлық трансформация

Аннотация. Данная статья анализирует дипломатическое присутствие стран Европейского Союза на платформах социальных сетей в странах Центральной Азии. Рассматриваемая проблема заключается в необходимости оценить эффективность социальных сетей как дипломатического инструмента для миссий ЕС в Центральной Азии. Методология исследования включает анализ данных Facebook и дипломатических профилей за период с 2009 по 2024 годы. В исследовании используются метрики вовлеченности, такие как количество подписчиков, лайков, репостов и комментариев. Через них авторам было важно оценить эффективности цифровых дипломатических

* Corresponding author: A.Maltabarov, Maltabarov.Arsen@kaznu.kz

усилий дипломатами. Кроме того, проводится корреляционный анализ с целью определить связь между частотой публикаций и вовлеченностью аудитории.

Результаты показывают значительные различия в использовании социальных сетей различными странами ЕС. Что подчеркивает роль культурных и региональных факторов в формировании дипломатических стратегий. Практическое значение данного исследования заключается в рекомендациях для дипломатов по оптимизации стратегий в социальных сетях. Чтобы они соответствовали культурным ожиданиям, а также предпочтениям целевых аудиторий.

Ключевые слова: Цифровая дипломатия, социальные медиа, регион, Европейский Союз, Центральная Азия, цифровая трансформация

Introduction

In the context of ongoing conflicts in the Middle East (Palestine and Israel) and Eastern Europe (Ukraine and Russia) reaching their critical phases, social media plays an important role in the dissemination of political discourses alongside other factors. This is directly relevant to both diplomacy and the broader field of international relations [1]. There is considerable literature today that examines the impact of digitalisation on diplomacy. Specifically, the utilisation of digital technologies results in changes in the norms, values, and operational routines of diplomats [2]. Among the research topics that address changes in diplomacy, we consider studies on the development of the Department of External Propaganda within the Ministry of Foreign Affairs and its role in media engagement to be particularly important [3].

Undoubtedly, digital technologies, especially social media, have become an important tool of diplomacy. They have changed the ways of communication between states and their citizens. It is evident that, under such conditions, it is important for EU countries to optimise their diplomatic efforts for effective engagement with Central Asia. Thus, the relevance of the study lies in the analysis of the use of social media by the EU in the region. This is important, as it is necessary to understand which recommendations are needed to improve engagement with audiences in the digital era.

Literature review

The authors of the article examined several works discussing the importance of implementing ecosystem [4], digital, and human-centered approaches in the modernization of public administration [5], taking into account the international experience of various countries. Given that the article focused on the Central Asian region, it was also important for the authors to analyze

the theoretical foundations of the formation of the digital space of integration associations [6], its impact on the stability of regional integration, and the prospects for the practical implementation of national and supranational initiatives.

It is noteworthy that several authors today [7] propose a new perspective on power and international relations through the lens of subversion and cyber operations. We believe that there are several implications for understanding contemporary diplomatic and informational strategies [8]. This concerns the inclusion of social media as a tool for influence and manipulation. It is important to highlight the role of texts in diplomatic practice, which has only increased in social media. Diplomatic texts, as always, remain instruments for shaping perceptions of subjects and contexts, thus influencing state policy [9] and international relations [10]. The widespread distribution of digital devices and technologies makes it practically impossible to separate analogue and digital diplomatic practices in our time (the concept of «hybrid diplomacy») [11].

It should be noted that within the framework of the study, the authors analysed the diplomatic presence of EU countries on social media in Central Asia, with a focus on strategies and their effectiveness. We believe that the uniqueness of the work, in contrast to other studies [12], lies in the examination of the interaction between the EU and Central Asia through social media. It also lies in identifying the strategies and features of diplomatic communication. The theoretical significance of the study consists in expanding the understanding of digital diplomacy, while the practical significance lies in developing recommendations for improving strategies. It is worth noting that the study also addresses unresolved issues related to the effectiveness of digital diplomacy and cultural differences in the perception of content. Finally, it was important for the authors to assess the impact of social media on public opinion.

Research methods

In this study, the authors conducted an analysis of Facebook to examine the diplomatic presence of EU countries in Central Asia. The main focus was on the official pages of diplomatic missions, which were verified through Yandex and Google. The data were collected by the authors from 2009 to 2024 and included the number of followers, likes, reposts, and comments to assess the effectiveness of the strategies.

A correlation method was used for the analysis to identify the relationship between the frequency of posts and audience engagement. The significance of audience reactions was also evaluated, and different types of content (such as cultural events, multimedia posts, etc.) were compared. It is important to note that the aim of the study was to determine the EU's strategies on social media and provide recommendations for their improvement in Central Asia.

As a result, the researchers have formulated the following hypotheses:

- **Hypothesis 1:** Embassies with a higher frequency of posts on the social network (Facebook) will show a direct correlation with higher levels of audience engagement (in Central Asian countries).

- **Hypothesis 2:** Content types focused on cultural events will demonstrate higher audience engagement levels compared to other types of posts (in Central Asian countries).

- **Hypothesis 3:** Multimedia content (videos, photos) will attract higher levels of engagement compared to posts containing only textual content (in Central Asian countries).

Results and Discussion

The data on social media platforms, including Facebook, Twitter, Instagram, LinkedIn, and YouTube, indicate that these platforms have become integral to modern diplomatic practice. It is worth noting that government officials in Central Asian Republics actively use these platforms for information exchange. According to the data, there is active engagement with the public, implementing public diplomacy campaigns [13]. Nevertheless, based on the data obtained on the popularity of social media platforms in the region from 2009 to 2024, it can be observed that Facebook holds the highest market share. Overall, the data underscore the importance of Facebook as a key platform for communication in Central Asia.

Table 1 - Popularity Data of Social Media Platforms in Central Asian Countries for the Period 2009-2024

Social Media	Uzbekistan	Kyrgyzstan	Tajikistan	Turkmenistan	Kazakhstan
Facebook	45,82	55,25	60,02	33,62	32,37
VKontakte	-	-	-	11,29	23,94
YouTube	-	10,52	-	-	16,23
Twitter	14,13	9,67	7,88	22,68	9,34
Pinterest	10,65	-	-	-	8,47
Instagram	-	-	7,75	-	3,84

Note: Compiled by the authors according to the source. (StatCounter, 2009-2024)

It is worth noting that social media platforms are highly popular among the populations of Central Asian Republics (CAR). This trend is particularly evident in Kazakhstan. For instance, an analysis of social media popularity in Kazakhstan from 2009 to 2024 revealed that:

Facebook holds the largest market share (32.37%) among social media platforms in Kazakhstan. The popularity of this social network indicates its widespread use among all popular social networks in the region.

VKontakte, often referred to as the «Russian Facebook» also has a significant presence in Kazakhstan (23.94%). Its popularity reflects a large user base interested in social networking and media exchange specifically in the Russian language.

The popularity of YouTube (16.23%) highlights the importance of video content consumption in Kazakhstan. It should be noted that this platform primarily serves for entertainment, education, and information dissemination in the region.

In terms of global social media platform popularity, data indicate that Facebook dominates the market across all regions with a market share ranging from 62.57% to 83.61%.

Other major platforms, such as Twitter, Pinterest, YouTube, and Instagram, also maintain significant market shares globally but lag noticeably behind Facebook.

Table 2 - Global Data on Social Media Market Share (2009 - 2024)

Social Media Platform	World (%)	Europe (%)	Asia (%)	North America (%)	South America (%)	Oceania (%)
Facebook	74,37	79,69	83,61	62,57	81,18	71,15
Pinterest	7,95	4,56	1,71	15,28	3,74	8,63
Twitter	6,7	5,89	6,89	7,58	6,91	5,58
StumbleUpon	2,95	1,52	0,31	6,21	0,34	3,69
YouTube	2,91	2,59	4,19	1,89	4,25	2,09
Instagram	1,56	1,51	1,76	1,56	1,93	1,98
Tumblr	1,38	1,73	0,57	1,71	1,14	3,18
Reddit	1,27	1,07	0,21	2,33	0,16	2,82
Vkontakte	0,2	0,67	0,15	0,02	0,02	0,02
LinkedIn	0,18	0,23	0,16	0,2	0,07	0,26

Note: Compiled by the authors according to the source. (StatCounter, 2009-2024)

It is worth noting that market shares vary by region, reflecting regional preferences. For instance, North America exhibits a diverse social media landscape where Pinterest holds a significant market share alongside Facebook and Twitter. Europe shows a strong preference for Facebook, followed by Twitter and Pinterest. The social media market in Asia is also led by Facebook, but platforms like Twitter, YouTube, and Instagram maintain substantial shares, highlighting the diverse social media landscape in the region.

As the data indicate, there is a global dominance of Facebook in the social media market. Research on the value of Facebook as a news dissemination platform provides important insights for analysing the presence of diplomat profiles on social networks in host countries [14]. Thus, considering current trends, it is likely that European Union diplomats should also utilise social media to strengthen their positions and expand their influence in Central Asia. However, to clearly understand their activities, current situations, problems, and prospects, it is essential to understand how they operate on social networks and what results they achieve.

Analysis of European Diplomat Profiles in Central Asian Countries

The analysis of the post-Soviet countries of Central Asia in historical retrospect shows different trajectories in the development of political freedoms. The dynamics revealed that despite governments' attempts to regulate information, the media landscape has become

more pluralistic. The internet and social networks, despite restrictions, have become important channels of communication. They have opened access for external actors to the region's audience.

The authors of the study identified the active use of Facebook by EU embassies and diplomatic missions not only for interacting with the audience but also for promoting initiatives. An analysis of the Facebook pages of European diplomatic services in Central Asia was conducted (including embassies, consulates, and cultural centres).

The collected data covered the number of followers, likes, shares, comments, and the frequency of publications. It is important to understand that the content was classified according to themes of diplomatic activity, cultural events, and bilateral relations.

At the same time, the level of engagement was measured by the average number of reactions per post. It is important to note that the effectiveness of the pages was compared with each other and with other diplomatic representations in the region.

Kazakhstan

There are numerous studies examining the role of social media influencers in shaping public discourse and raising awareness of socio-political agendas [16]. Overall, this situation is most familiar and understandable for Kazakhstan compared to other Central Asian countries. However, when examining the profiles of EU diplomats in the CAR countries, such a situation was not observed.

A more detailed look at the digital presence of EU diplomatic services shows that a significant number of embassies and diplomatic missions of European countries in

Kazakhstan maintain active profiles on Facebook.

Below is a table summarising the data for each embassy profile:

Table 3 - Total Number of Followers, Posts, Reactions, Comments on Facebook Profiles of Diplomats in Kazakhstan for the Period from 2021 to 2024

Embassies in Kazakhstan	Reactions	Engagement	Followers	Shares	Posts	Comments
Germany	12,901	14,771	11,326	1,076	649	794
Italy	6,014	6,900	5,077	552	280	334
France	3,640	4,411	4,702	597	286	174
Sweden	4,922	5,742	1,574	376	374	444
Poland	8,465	9,665	2,550	931	632	269
Lithuania	2,879	3,103	645	158	506	66
Finland	1,800	2,063	2,163	166	281	97
Spain	500	603	733	94	118	9
Latvia	2,121	2,437	1,065	258	208	58
Estonia	3,844	4,150	670	246	525	60
Slovakia	1,953	2,043	471	60	330	30

Note - Compiled by the authors according to the source (Facebook, 2024)

The analysis of the activity of diplomatic missions' profiles in Kazakhstan on Facebook revealed differences in the embassies' strategies (reflecting their diplomatic goals). It was established that the embassies of Germany and Italy have the highest number of followers. It was found that Germany leads in the number of posts and reactions, which highlights the importance of regular activity. The Polish Embassy holds second place in terms of followers and reactions. The embassies of Latvia and Finland showed an average level of engagement, while Estonia and Sweden demonstrated high engagement despite having fewer followers. The embassies of Lithuania and Slovakia display low engagement. Overall, the authors were able to identify a connection between the content of publications and the level of

audience reactions. During the study, the authors identified posts with high and low levels of reactions:

Posts with high engagement:

1. Dimash Kudaibergen will soon perform in Germany!
2. Celebration of the 31st Day of German Unity.
3. Introduction of the new ambassador, Monica Iversen.
4. Virtual visit to Sweden's exhibition at an educational online expo.
5. Recommendation of the book «Uzynshylyk Pippi» by Astrid Lindgren.
6. Concert of Spanish guitarist Dani de Moron at the Alem Saz festival in Astana.
7. Exhibition «Moonlight» by Jose Maria Cano in Almaty.

Figure 1 - Examples of posts with the highest user reactions

Note - Compiled by the authors according to the source (Facebook, 2024)

Low reaction posts:

1. COP28 Conference in Dubai.
2. Advent event in North Rhine-Westphalia.

3. Climate actions in Germany.
4. Internship program project «Make Our Planet Great Again – Master».
5. Foreign policy.
6. Polish-Ukrainian relations.
7. Congratulations on Teachers' Professional Day.

Figure 2 - Examples of posts with the lowest user reactions

Note - Compiled by the authors according to the source (Facebook, 2024)

To calculate the percentage distribution of post themes, the authors determined the number of posts in each theme. Subsequently, the percentage distribution was calculated for each theme.

Themes with high audience engagement:

- Cultural events = 50%
- Opening of new embassies $\approx 7.14\%$
- Educational events $\approx 21.43\%$

Congratulations $\approx 21.43\%$

Themes with low audience engagement:
 Conferences and climate events $\approx 2.86\%$
 Political events and relations $\approx 11.43\%$
 Congratulations $\approx 5.71\%$
 Various events $\approx 77.43\%$

The analysis revealed that the majority of publications with high engagement are related to cultural events. Among them, meetings at embassies and events offering opportunities

for participation (concerts, exhibitions) should be highlighted. Meanwhile, publications with low engagement are more often focused on political and informational topics (conferences, training sessions).

The content analysis conducted by the authors showed that more than half of the posts with high engagement contain images (42.86%) or a combination of text and images (45.71%), whereas text-only posts account for 11.43% of cases. We believe that this confirms the audience's interest in visual content.

It was also established that invitations to events, holiday greetings, and publications featuring personal stories or success stories generate the highest engagement. Such posts stimulate interaction with the audience in Central Asia, particularly if they evoke an emotional response.

In addition, it was found that multimedia content (photos, videos) significantly

increases engagement. We believe that this confirms its effectiveness. At the same time, the number of followers is not always directly linked to engagement—content quality (and its local relevance) is more important. Finally, it is essential to understand that the regularity of publications also contributes to increased audience activity.

Based on the obtained results, it is now essential to calculate the frequency of content updates and the levels of audience engagement (for each embassy profile for the period from 2021 to 2024). Content update frequency (posts per year) and audience engagement level (reactions + comments + shares per post).

Below is a table showing the frequency of content updates (posts) and average engagement per post for each embassy profile.

Table 4 - Frequency of Content Updates and Average Engagement per Post on Facebook Pages of Diplomatic Missions in Kazakhstan for the Period from 2021 to 2024

Embassy	Content Update Frequency (Posts)	Average Engagement per Post
Embajada de España en Kazajstán	39.33	5.11
Ambasada Rzeczypospolitej Polskiej w Astanie	210.67	15.30
Ambasciata d'Italia in Kazakhstan	93.33	24.64
Germany in Kazakhstan	216.33	22.75
Latvian Embassy in Kazakhstan	69.33	11.72
Embassy of Sweden in Kazakhstan	124.67	15.35
Estonian Embassy in Astana	175.00	7.90
Finland in Kazakhstan	93.67	7.34
Consulat général de France à Almaty	34.33	12.01
Ambassade de France au Kazakhstan	95.33	15.41
Embassy of Lithuania in Kazakhstan	168.67	6.13
Slovak Embassy in Kazakhstan	110.00	6.20

Note - Compiled by the authors according to the source (Facebook, 2024)

The table shows that the profile «Ambasciata d'Italia in Kazakhstan» demonstrates one of the highest average engagements per post (24.64). This is despite a lower posting frequency compared to Germany and Poland, which indicates the high quality and relevance of their content.

Note that the Embassy of Sweden in Kazakhstan publishes 124.67 posts with an engagement rate of 15.35, demonstrating a balance between posting frequency and content quality. The Latvian Embassy has a lower frequency (69.33) and engagement (11.72), indicating potential for improving

effectiveness. The Estonian Embassy in Astana posts more frequently (175 posts) but with lower engagement (7.90), which requires improving content quality. The French Embassy in Almaty publishes rarely (34.33) but effectively (12.01 engagement). A similar approach is shown by the "Ambassade de France au Kazakhstan" (95.33 posts, 15.41 engagement). Therefore, the data confirm that for effective digital diplomacy in Central Asia, it is important to maintain a balance between posting frequency and content quality.

Below are tables with data for each diplomatic service on Facebook in Uzbekistan:

Table 5 - Overall Subscriber Metrics for Diplomatic Profiles in Uzbekistan for 2021-2024

Embassy in Uzbekistan	Reactions	Followers	Comments	Shares	Posts
Germany	42,727	28,281	3,255	2,683	737
Poland	35,029	2,431	4,173	5,314	954
France	22,133	7,076	1,136	2,313	863
Slovakia	808	142	13	113	123

Note - Compiled by the authors according to the source (Facebook, 2024)

As with Kazakhstan, the German Embassy in Uzbekistan has the most significant number of followers (28,281) and a high number of reactions (42,727). This indicates a strong engagement with the audience. The French Embassy also actively publishes content (863 posts) and receives a considerable number of reactions (22,133) and comments (1,136), indicating good user engagement. The Slovak Embassy, despite having a small number of followers (142), shows publication activity (123 posts) but with relatively low reactions and comments. This

suggests a need for improved content strategies.

The authors noted that the posts of the most active EU profiles mainly engage in historical projects (exhibitions, films, or interactive online platforms). In the examples of Kazakhstan and Uzbekistan, these posts somewhat create an emotional connection with historical characters and events. Other studies have shown that audience interaction with historical event projects can stimulate emotional identification with characters, which enhances long-term soft power [17].

Table 6 - Content Update Frequency and Engagement Rate on Facebook Pages of Diplomatic Missions in Uzbekistan for 2021-2024

Embassy	Content Update Frequency (posts/year)	Engagement Rate (reactions + comments + shares per post)
Ambassade de France en Ouzbékistan	287.67	29.44
Deutsche Botschaft Taschkent	245.67	63.64
Ambasada RP w Taszkencie	318.00	45.86
Slovenské veľvyslanectvo v Uzbekistane	41.00	7.23

Note - Compiled by the authors according to the source (Facebook, 2024)

The table analysis showed that the French Embassy demonstrates regular activity, posting more than 287 times a year. This results in a solid engagement rate of 29.44, indicating that the posting frequency and content quality attract audience attention. The German Embassy, although posting slightly less frequently, achieves the highest engagement rate of 63.64. The Polish

Embassy is the leader in posting frequency (318 posts per year) and also demonstrates a high engagement rate of 45.86. Overall, the table highlights the importance of both posting frequency and content quality for effective digital diplomacy.

Below are tables with data for each diplomatic service on Facebook in Kyrgyzstan:

Table 7 - Activity and Engagement on Facebook Pages of Diplomatic Missions in Kyrgyzstan for 2021-2024

Embassy in Kyrgyzstan	Reactions	Followers	Comments	Shares	Posts
European Union	18,007	17,992	951	2,733	769
Germany	16,802	4,911	639	2,520	705
France	4,973	2,681	102	313	393
Hungary	1,593	870	38	181	200

Note - Compiled by the authors according to the source (Facebook, 2024)

The analysis of the tables for Kyrgyzstan reveals that the European Union, with the highest number of followers and posting

frequency, also shows significant engagement. It is worth noting that this is comparable to the indicators for Germany and

Poland in other countries. Meanwhile, embassies with fewer followers and posts (such as the Hungarian embassy in Kyrgyzstan) show significantly lower engagement rates.

Now it is important to calculate the content update frequency and engagement rate for each embassy profile:

Table 8 - Content Update Frequency and Engagement Rate on Facebook Pages of Diplomatic Missions in Kyrgyzstan for 2021-2024

Embassy	Content Update Frequency (posts/year)	Engagement Rate (reactions + comments + shares per post)
Ambassade de France au Kirghizstan	131.00	13.94
Deutsche Botschaft Bischkek	235.00	26.27
European Union in Kyrgyzstan	256.33	28.61
Magyarország Nagykövetsége Biskek	66.67	9.56

Note - Compiled by the authors according to the source (Facebook, 2024)

Based on the data, the French embassy in Kyrgyzstan updates its content an average of 131 times a year. This indicates active, though moderately effective, audience engagement. The European Union Delegation in Kyrgyzstan publishes content even more frequently (256.33 posts per year), achieving the highest engagement rate of 28.61. This suggests a strategy that not only attracts but

also retains a large number of followers. The Hungarian embassy in Bishkek updates content the least frequently (66.67 posts per year) and has the lowest engagement rate of 9.56, indicating a need to increase frequency and improve interaction.

Below are tables with data for each diplomatic service on Facebook in Tajikistan:

Table 9 - Activity and Engagement on Facebook Pages of Diplomatic Missions in Tajikistan from 2021 to 2024

Embassy in Tajikistan	Reactions	Followers	Comments	Shares	Posts
European Union	14,415	10,493	630	1,721	392
Germany	4,626	3,738	254	470	247
France	4,209	2,803	196	551	375

Note - Compiled by the authors according to the source (Facebook, 2024)

In Tajikistan, the European Union Delegation has the highest number of followers (10,493) and the most reactions (14,415). This indicates a successful strategy for attracting and retaining an audience. The French embassy shows consistent posting frequency and moderate engagement (4,209 reactions and 196 comments), indicating steady work on content. The German

embassy in Dushanbe publishes content less frequently (247 posts) compared to other embassies but still shows a significant number of reactions (4,626), confirming their effective use of social media.

Now, let us calculate the content update frequency and audience engagement rate for each embassy profile:

Table 10 - Content Update Frequency and Engagement Rate on Facebook Pages of Diplomatic Missions in Tajikistan from 2021 to 2024

Embassy	Content Update Frequency (posts/year)	Engagement Rate (reactions + comments + shares per post)
European Union in Tajikistan	130.67	43.17
Ambassade de France au Tadjikistan	125	16.15
German Embassy Dushanbe	82.33	24.16

Note - Compiled by the authors according to the source (Facebook, 2024)

The European Union Delegation in Tajikistan demonstrates the highest content update frequency (130.67 posts per year) and the highest engagement rate (43.17). The French embassy similarly updates content actively (125 posts per year), but their engagement rate is much lower (16.15). An interesting observation by the authors is that the German embassy in Dushanbe publishes content less frequently (82.33 posts per year) but has a relatively high engagement rate

(24.16). This indicates that even less frequently published high-quality content can significantly attract the audience. Therefore, overall data confirm that successful digital diplomacy requires a balance between the frequency of posts and their quality.

Below are tables with data for each diplomatic service on Facebook in Turkmenistan:

Table 11 - Activity and Engagement on Facebook Pages of Diplomatic Missions in Turkmenistan from 2021 to 2024

Embassy in Turkmenistan	Reactions	Followers	Comments	Shares	Posts
EU	651	157	17	58	567
France	0	1,583	0	0	0

Note - Compiled by the authors according to the source (Facebook, 2024)

The French embassy in Turkmenistan has a significant number of followers (1,583). However, the lack of posts shows that even with an audience, inactivity leads to zero engagement. The European Union Delegation in Turkmenistan demonstrates high activity with 567 posts, confirmed by

reactions (651), comments (17), and shares (58), highlighting the importance of regular content interaction. Comparison with other Central Asian countries confirms that diplomatic missions with high-quality frequent posts achieve better engagement indicators, regardless of the country.

Table 12 - Content Update Frequency and Engagement Rate on Facebook Pages of Diplomatic Missions in Turkmenistan from 2021 to 2024

Embassy	Content Update Frequency (posts/year)	Engagement Rate (reactions + comments + shares per post)
Ambassadeur de France au Turkménistan	0	N/A (No posts)
EU Delegation to Turkmenistan	189	1.43

Note - Compiled by the authors according to the source (Facebook, 2024)

It has been established that regular publications are important for audience engagement. Thus, the French Embassy in Turkmenistan did not publish any content, which resulted in zero engagement. Notably, the EU Delegation in Turkmenistan published 189 posts per year but with low engagement (1.43). In Kazakhstan and Uzbekistan, a high frequency of publications ensures better indicators.

We consider it important to note the role of internet platforms in shaping public opinion on EU policies (including gender equality) in the case of Turkmenistan. It has been observed that over the past decade, media profiles have been actively used to disseminate such information, and the number of these publications is growing.

It has been established that Facebook has not only become a significant platform for mobile media and communications in Central Asia but has also strengthened its role in digital diplomacy and influence strategies.

At the same time, the analysis shows that not all EU countries actively update their profiles, and low user engagement may be related to the geographical and cultural distance between the regions.

It has been revealed that economic ties between the EU and Central Asia may influence content moderation policies on social media [18].

The research highlights the dual role of social networks. On the one hand, they promote values and culture [19]; on the other, they are used to influence public opinion,

which affects the ontological security of states [20].

It is believed that the perception of EU countries as a positive or negative phenomenon for Central Asia influences the political, geostrategic, and cultural situation in the region. The impact on the pace of interregional cooperation is also significant. Research shows that, in addition to public and media diplomacy, there are other forms of interaction with various ethical implications for governments, the media, and public opinion.

The analysis of materials indicates that economic ties between the EU and Central Asia significantly affect the strategy of diplomatic presence on social networks. This is indeed an important aspect of digital diplomacy.

The data in the tables allow for the calculation of Pearson's correlation coefficient between the frequency of publications and engagement for embassy profiles. This is necessary to determine the presence of a significant correlation.

Correlation Analysis

Based on the obtained data, the authors conducted a correlation analysis using Kazakhstan (as the leader among Central Asian countries) as an example. As a result of mathematical calculations, a linear correlation coefficient between variable Y (audience engagement) and factor X (posting frequency) was determined. The calculated correlation coefficient value is 0.268. This indicates the following characteristic of the relationship:

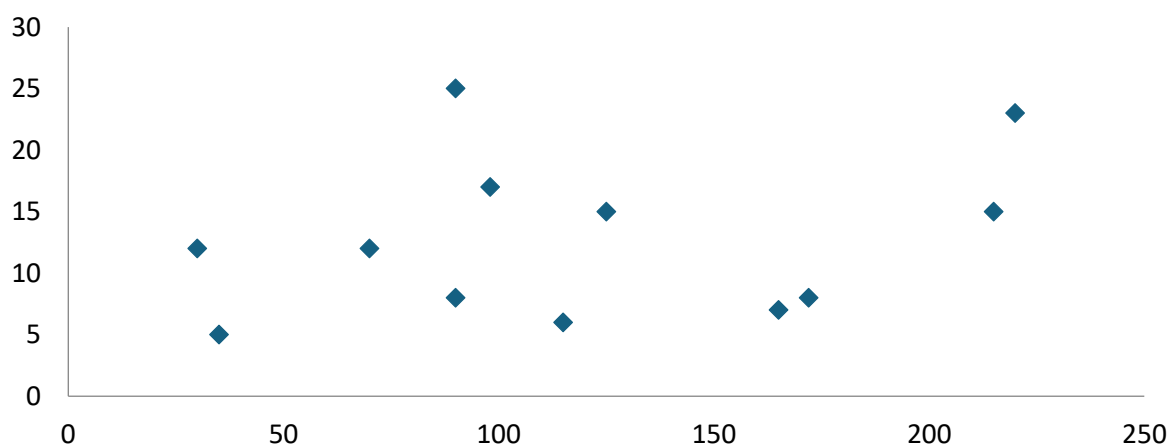

Figure 3 - Scatter Plot for Indicators in Kazakhstan

Note - Compiled by the authors according to the source (Facebook, 2024)

Firstly, the correlation coefficient of 0.268 indicates a weak relationship. This suggests that the relationship between the posting frequency of diplomatic missions and audience engagement is weak. Secondly, the positive value of the coefficient (0.268) indicates a direct relationship. This means that as the posting frequency increases, audience engagement also tends to increase slightly. Thirdly, despite some correlation, the tests conducted showed that it is statistically insignificant. This implies that the observed weak relationship could have occurred by chance and is not strong enough to be considered statistically reliable.

Overall, the analysis results indicate that: There is a weak direct relationship between the posting frequency of diplomatic missions and audience engagement. However, this relationship is not significant at a statistical level. This does not allow for definitive conclusions about the dependence between these factors.

The authors then conducted additional studies with a larger dataset on Central Asian countries. They also considered other possible variables that might influence audience engagement to obtain alternative results.

The analysis leads to the following conclusions:

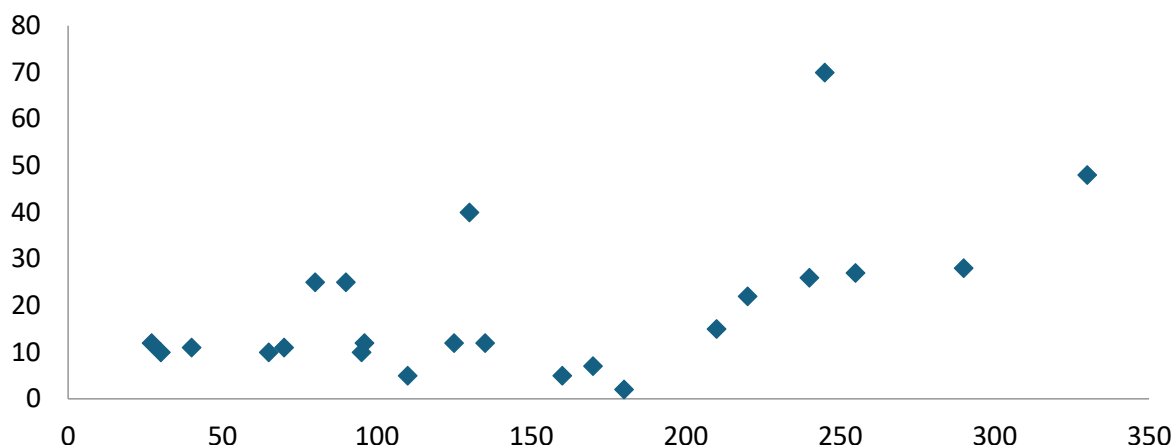

Figure 4 - Scatter Plot for Indicators in Central Asian Countries

Note - Compiled by the authors according to the source (Facebook, 2024)

The correlation coefficient $r=0.577$ indicates a noticeable and direct relationship between the variables Y (average post engagement) and X (content update frequency). A positive value of $r=0.577$ signifies a moderate positive correlation, where an increase in one variable (X) is associated with an increase in the other variable (Y). This is visually confirmed by the clear linear relationship in the scatter plot between X and Y.

To describe the relationship between content update frequency (X) and average post engagement (Y), the authors proposed a linear regression model. The model equation is: $Y = 0.0283 * X + 9.115$. This equation shows that for each additional increase in content update frequency (X) by one unit, the average post engagement (Y) increases by approximately 0.0283.

For another dataset, the linear correlation coefficient was $r=0.268$. A value of $r=0.268$ indicates a weak positive relationship between content update frequency and average post engagement. A value close to 0 shows that the relationship between these two variables is weak.

As a result, the analysis shows that the relationship between content update frequency and audience engagement on Facebook for the studied embassies is not statistically significant. However, it is important to note that a weak positive correlation is observed. Of course, this may be random, and other factors are likely to influence engagement. Nevertheless, mathematical analysis revealed that the impact of update frequency varies (and is not always significant). As a result, the authors were once

again convinced that successful digital diplomacy depends on multiple factors.

Results

Thus, we believe that this study has revealed the issue of achieving public diplomacy goals. It has highlighted the insufficient effectiveness of social media use by European diplomatic missions in Central Asia. Data analysis showed that the frequency of content updates and the level of audience engagement vary between different diplomatic profiles. The authors also identified a weak positive correlation between the frequency of publications and engagement. This indicates the need for culturally informed approaches. Consequently, more active content updates may increase user participation.

It was found that publications considering cultural characteristics, language, and audience preferences contribute to better engagement. In addition, multimedia formats (videos, photographs) prove to be more effective than text-based formats, providing a more memorable presentation of information. It has been established that the key factors for the success of digital diplomacy are not only the frequency of publications but also their content, corresponding to the cultural specifics of the target audience. As a result, the study confirms the necessity of regular updates and cultural adaptation of content.

The weak positive correlation between the frequency of publications and engagement underlines the importance of a strategic approach. This should include creating content that resonates with the target audience. Publications covering cultural

events demonstrated a higher level of engagement.

In conclusion, the research data confirm that the EU's diplomatic profiles in Central Asia can play a significant role in diplomatic relations. However, it is essential to understand that this is possible only through the use of adapted content, establishing dialogue, and promoting values that are understandable to the local audience.

Conclusion

Since gaining independence, Central Asia as a region has become increasingly attractive. Russia and China compete for influence in Central Asia, while regional states use this rivalry to their advantage.

At first glance, this helps the EU promote its policies and strengthen its influence in the region. From another perspective, it provides Central Asian countries with the opportunity to maintain connections with European countries, which are necessary for the region. This, in turn, contributes to their political

stability in the complex geopolitical game of world powers.

Given the above, we believe that in the context of sanctions against Russia and China, EU countries need to reconsider their diplomatic strategies in the region. Specifically, it is important to strengthen existing cooperation platforms with the region, including social media channels. As practice shows, trends today shape the agenda for conflict response. It is evident that, overall, European diplomats should use social media to support favourable «viral» trends.

In modern international relations, the exchange of information about financial opportunities and investment rules, as well as the formation of public opinion and lobbying for support within the framework of international relations, is highly suitable for interested parties. In this regard, for the successful implementation of digital diplomacy by EU countries in Central Asia, social networks should become a platform for European diplomats to coordinate with regional diplomats.

References

1. Zhang, C. Right-wing populism with Chinese characteristics? Identity, otherness and global imaginaries in debating world politics online [Text] // *European Journal of International Relations*. – 26(1). – pp. 88–115. – <https://doi.org/10.1177/1354066119850253> (Retrieved: 10.12.2024)
2. Manor, I., Huang, Z.A. Digitalization of public diplomacy: Concepts, trends, and challenges [Text] // *Communication and the Public*. – 7(4). – pp. 167–175. – <https://doi.org/10.1177/20570473221138401> (Retrieved: 18.09.2024)
3. Fareedi, G. The Indian Media's Interface with Diplomacy [Text] // *India Quarterly*. – 80(1). – pp. 86–100. – <https://doi.org/10.1177/09749284231225681> (Retrieved: 10.09.2024)
4. Iskendirova, S., Daueshova, A., Amirova, A. Ekosistemnyj, cifrovoj i chelovekocentrichnyj podhod na gosudarstvennoj sluzhbe: mezhdunarodnyj opyt i vozmozhnosti dlya Kazahstana [Text] // *Gosudarstvennoe upravlenie i gosudarstvennaya sluzhba*. – 3(3, 90). – pp. 150–159. – <https://doi.org/10.52123/1994-2370-2024-1317> (Retrieved: 15.09.2024)
5. Myndybaev, B., Burbaeva, P. Effekty sistematizacii gosudarstvennyh uslug na primere edinogo provajdera gosudarstvennyh uslug [Text] // *Gosudarstvennoe upravlenie i gosudarstvennaya sluzhba*. – (4 (79)). – pp. 4–15. – <https://doi.org/10.52123/1994-2370-2021-113> (Retrieved: 09.10.2024)
6. Musina, G., & Ospanova, A. Theoretical Foundations of the Formation of the Digital Space of Integration Associations [Text] // *Public Administration and Civil Service* (1) (84), pp. 158–170. // <https://doi.org/10.52123/1994-2370-2023-999> (Retrieved: 12.09.2024)
7. Maschmeyer, L. Subversion, Cyber Operations, and Reverse Structural Power in World Politics [Text] // *European Journal of International Relations*. – 29 (1), pp. 79–103. // <https://doi.org/10.1177/13540661221117051> (Retrieved: 13.09.2024)
8. Atlantic Council. Twenty-First-Century Diplomacy: Strengthening US Diplomacy for the Challenges of Today and Tomorrow [Text] // 2021. // <https://www.atlanticcouncil.org/in-depth-research-reports/issue-brief/twenty-first-century-diplomacy-strengthening-us-diplomacy-for-the-challenges-of-today-and-tomorrow/> (Retrieved: 10.09.2024)
9. Shamsieva, I. On the Phenomenon of SMART Government in the UAE [Text] // *Public Administration and Civil Service* (2) (77), pp. 109–124. // <https://doi.org/10.52123/1994-2370-2021-251> (Retrieved: 10.09.2024)
10. de Orellana, P. Retrieving How Diplomacy Writes Subjects, Space, and Time: A Methodological Contribution [Text] // *European Journal of International Relations*. – 26 (2), pp. 469–494. // <https://doi.org/10.1177/1354066119868514> (Retrieved: 10.11.2024)

11. Adler-Nissen, R., Eggeling, K.A. Blended Diplomacy: The Entanglement and Contestation of Digital Technologies in Everyday Diplomatic Practice [Text] // *European Journal of International Relations*, 28(3): 640–666. <https://doi.org/10.1177/13540661221107837> (Retrieved: 11.01.2025)
12. Almash, A. Rol' cifrovoy kommunikacii v diplomatii i cifrovaya diplomatiya Kazahstana [Text] // *Gosudarstvennoe upravlenie i gosudarstvennaya sluzhba*, (4 (63), 25–31. // <https://journal.apa.kz/index.php/path/article/view/149> (Retrieved: 14.01.2025)
13. Allamurodov, B. Digital Diplomacy as a Tool for Implementing the Foreign Policy of Central Asian Countries (On the Example of Kazakhstan and Uzbekistan) [Text] // *Russia & World: Sc. Dialogue*, 22–35. [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-22-35](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-22-35) (Retrieved: 10.01.2025)
14. Chen, V.Y., Pain, P. News on Facebook: How Facebook and Newspapers Build Mutual Brand Loyalty Through Audience Engagement [Text] // *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 98(2): 366–386. <https://doi.org/10.1177/1077699019876634> (Retrieved: 10.01.2025)
15. Reyaz, M. Cyberspace in the Post-Soviet States: Assessing the Role of New Media in Central Asia [Text] // *Jadavpur Journal of International Relations*, 24(1): 7–27. <https://doi.org/10.1177/0973598419875266> (Retrieved: 10.01.2025)
16. Li, X. (Leah), Feng, J. Influenced or to be influenced: Engaging social media influencers in nation branding through the lens of authenticity [Text] // *Global Media and China*, 7(2): 219–240. – <https://doi.org/10.1177/20594364221094668> (Retrieved: 23.11.2024)
17. Crilley, R., Gillespie, M., Willis, A. Tweeting the Russian revolution: RT's #1917LIVE and social media re-enactments as public diplomacy [Text] // *European Journal of Cultural Studies*, 23(3): 354–373. – <https://doi.org/10.1177/1367549419871353> (Retrieved: 10.01.2025)
18. Gamso, J. Is China exporting media censorship? China's rise, media freedoms, and democracy [Text] // *European Journal of International Relations*, 27(3): 858–883. – <https://doi.org/10.1177/13540661211015722> (Retrieved: 13.01.2025)
19. Zhang, Y., Ong'ong'a, O. Unveiling China's digital diplomacy: A comparative analysis of CGTN Africa and BBC News Africa on Facebook [Text] // *Asian Journal of Comparative Politics*, 7(3): 661–683. – <https://doi.org/10.1177/20578911211068217> (Retrieved: 30.01.2025)
20. Lupovici, A. Ontological security, cyber technology, and states' responses [Text] // *European Journal of International Relations*, 29(1): 153–178. – <https://doi.org/10.1177/13540661221130958> (Retrieved: 10.01.2025)

ЦИФРЛЫҚ ДИПЛОМАТИЯ: ЕО ОРТАЛЫҚ АЗИЯДА FACEBOOK-ТІ ҚАЛАЙ ПАЙДАЛАНАДЫ

Мануэль ФЕРНАНДЕС-ГРЕЛА, PhD, Сантьяго-де-Компостела университетінің профессоры, IDEGA зерттеушісі, Сантьяго-де-Компостела, Испания, mf.grela@usc.es, orcid id: <https://orcid.org/0000-0001-6087-7929>, Scopus ID: 6504575604

Арсен МАЛТАБАРОВ*, PhD кандидаты, Халықаралық қатынастар және әлемдік экономика кафедрасының оқытушысы, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан, Maltabarov.Arsen@kaznu.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8864-6049>

Гулзада АПСАТТАРОВА, PhD кандидаты, Халықаралық қатынастар және әлемдік экономика кафедрасының аға оқытушысы, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан, Apsattarova.Gulzada@kaznu.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6004-1574>

ЦИФРОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ: КАК ЕС ИСПОЛЬЗУЕТ FACEBOOK В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Мануэль ФЕРНАНДЕС-ГРЕЛА, PhD, профессор Университета Сантьяго-де-Компостела, исследователь в IDEGA, Сантьяго-де-Компостела, Испания, mf.grela@usc.es, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6087-7929>, Scopus ID: 6504575604

Арсен МАЛТАБАРОВ*, кандидат в PhD, Преподаватель кафедры МО и МЭ, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан, Maltabarov.Arsen@kaznu.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8864-6049>

Гулзада АПСАТТАРОВА, кандидат в PhD, старший преподаватель кафедры международных отношений и мировой экономики, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан, Apsattarova.Gulzada@kaznu.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6004-1574>

OBSTACLES TO ESTABLISHING A WATER-ENERGY CONSORTIUM IN CENTRAL ASIA

Ural Kuspayev	<i>Doctoral student of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, u.kuspayev@apa.kz, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0000-2353-2171</i>
Manarbek Kabaziev	<i>Deputy Chairman of the Board of the Institute of Foreign Policy Studies under the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Kazakhstan, Astana, The Republic of Kazakhstan, m.kabaziyev@sszi.kz, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2285-3421</i>
Imran Bhuiyan	<i>Doctoral student of the University of Manchester, The United Kingdom, England, Manchester city, Oxford Rd M13 9PL, imran.bhuiyan@postgrad.manchester.ac.uk, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-5621-3852</i>

Manuscript received: 09/09/2024

Revised: 02/12/2024

Accepted: 23/01/2025

DOI: 10.52123/1994-2370-2025-1316

UDC 341.22 (574)

CICSTI 11.25.67

Abstract. Throughout their independence, the countries of the region have been trying to find rational ways to manage water resources of the transboundary rivers Amu Darya and Syr Darya. The idea of establishing a water-energy consortium was first voiced in 2018, with the main objective of balancing the use of water resources for irrigation and hydropower. However, the construction of mutually beneficial and predictable water cooperation is based on framework agreements at the local levels and against the background of territorial problems. The article considers the issues of legal support of water cooperation at the regional level and the status of ratification of international legal acts in the field of water resources management by Central Asian countries. Also, the problems of ethnic enclaves located on the territory of the Fergana Valley, which hinder friendly relations in the use of water and land resources, are touched upon. In addition to internal problems, the article discusses the successful experience of establishing water-energy cooperation between the countries of the Senegal River Basin and the possibility of its application in the Central Asian region.

Keywords: water-energy consortium, water cooperation, water legislation, conflict, territorial disputes.

Аңдатпа. Ел тәуелсіздігінің барлық кезеңінде Амудария мен Сырдария трансшекаралық өзендерінің су ресурстарын басқарудың ұтымды жолдарын табуға тырысуда. Су-энергетикалық консорциум құру идеясы алғаш рет 2018 жылы айтылды, оның негізгі мақсаты су ресурстарын ирригация мен гидроэнергетикаға теңгерімді пайдалану болып табылады. Дегенмен, өзара тиімді және болжамды су ынтымақтастығын құру жергілікті деңгейде және аумақтық проблемалар аясында негіздемелік келісімдерге негізделген. Мақалада өңірлік деңгейде су саласындағы ынтымақтастықты құқықтық қамтамасыз ету мәселелері және Орталық Азия елдерінің су ресурстарын басқару саласындағы халықаралық құқықтық актілерді ратификациялауына қатысты істердің жай-күйі талқыланады. Сондай-ақ Ферғана алқабында орналасқан этникалық анклавтардың су және жер ресурстарын пайдаланудағы достық қарым-қатынасына кедергі келтіретін мәселелері қозғалады. Мақалада ішкі проблемалардан басқа Сенегал өзені бассейні елдерінің су-энергетикалық ынтымақтастығын құрудың табысты тәжірибесі және оны Орталық Азия аймағында қолдану мүмкіндіктері талқыланады.

Түйін сөздер: су-энергетикалық консорциум, су ынтымақтастығы, су заңнамасы, қақтығыс, аумақтық даулар.

Аннотация. На протяжении всей независимости страны региона пытаются построить найти рациональные пути управления водными ресурсами трансграничных рек Амударья и Сырдарья. Идея создания водно-энергетического консорциума впервые прозвучала в 2018 году, основной целью которой является сбалансированное использование водных ресурсов на ирригацию и гидроэнергетику. Однако, строительство взаимовыгодного и предсказуемого водного сотрудничества основывается на рамочных соглашениях местного уровня и на фоне существует территориальных проблем. В статье рассматриваются вопросы юридического сопровождения водного сотрудничества регионального уровня и состояние дел по ратификации странами Центральной Азии международных правовых актов в области управления водными ресурсами. Также, затрагиваются проблемы этнических анклавов, расположенных на территории Ферганской долины, препятствующие дружественным взаимоотношениям при использовании водных и земельных ресурсов. Помимо внутренних проблем, в статье обсуждается успешный опыт создания водно-энергетического сотрудничества стран бассейна реки Сенегал и возможность его применения в Центрально-Азиатском регионе.

*Corresponding author: Ural Kuspayev, u.kuspayev@apa.kz

Ключевые слова: водно-энергетический консорциум, водное сотрудничество, водное законодательство, конфликт, территориальные споры.

Introduction

After the collapse of the Soviet Union, during more than 30 years of independence, the countries of Central Asia continue to seek ways to solve problems on rational and equitable distribution of water resources of the two transboundary rivers Syr Darya and Amu Darya. To this end, in 1992, the leaders of the region's countries established the International Fund for Saving the Aral Sea (IFAS), which in its early days envisioned the preservation of previously established rules based on the principles of the Soviet planned economy and barter relations. To date, IFAS continues to try to solve the problems of seasonal water allocation, however, disagreements between the countries every year become wider and sharper, as evidenced by the suspension of the Kyrgyz Republic's participation in IFAS.

Under these conditions, the establishment of a water-energy consortium is perceived by all countries in the region as an optimal solution for water resources allocation and satisfaction of national interests. The first attempts to establish a consortium were made in 1998 by signing the Agreement between the Government of the Republic of Kazakhstan, the Government of the Kyrgyz Republic and the Government of the Republic of Uzbekistan on the use of water and energy resources in the Syrdarya River basin. Within the framework of the agreement, numerous variants of projects, charters and concepts were proposed; however, the countries did not make a final decision on the establishment of the consortium. Further actions to accelerate water-energy cooperation were confirmed by signing the Almaty Declaration in 2003. The draft declaration was supported by the World Bank at the meeting of the countries of the region in 2004, but, as before, the participating countries did not find a common ground for a final solution [1].

To date, Central Asian leaders continue their efforts to establish a consortium in the hope of adopting a mutually beneficial document on water and energy cooperation. The discussion of water problems has nowadays moved from regional to international platforms. Thus, in his speech at the UN Summit on Food Systems in 2021, the

President of the Republic of Kazakhstan K.K.Tokayev noted that food security of the countries in the region largely depends on the distribution of water resources and cooperation of the countries within the framework of water diplomacy [2]. Also, the President of the Republic of Tajikistan E. Rakhmon voiced water problems in the region at the opening ceremony of the UN-2023 Water Conference, where he expressed concern about climate change in the region and its economic and environmental consequences for the water resources of transboundary rivers [3].

Throughout the post-independence period, the countries of the Central Asian region have adopted numerous multilateral agreements, declarations, and statements that were largely aimed at maintaining the previously established Soviet standards of energy exchange between the upstream and downstream countries of the region's transboundary rivers [4]. Ultimately, the conditions for transition to more modern and productive ways of cooperation in the field of water allocation have not been adopted, which is evidenced by the statute of limitations of the last joint document (Dushanbe Declaration) signed between the countries back in 2002.

In my article, I will try to consider the issues related to the conditions for establishing a water-energy consortium and the obstacles existing on the way to its realization. Is it possible, taking into account the current conditions, to build water-energy cooperation in the region?

The first part of the article will consider aspects of the legislative framework for cooperation between the Central Asian countries and existing gaps between regional legislation and international water law. The second part of the article will touch upon the issues of territorial disputes between the countries of the region and their impact on further building of the water-energy consortium. In the final part of the article it is planned to present international experience of water-energy cooperation in other basins and recommendations for their implementation in the region. In order to cover the existing issues more broadly, it is planned to consider the experience of other countries and regions that have similar problems in water resources

management and allocation within the framework of water-energy cooperation.

Literature review

First of all, it is necessary to consider what types of water conflicts exist in the world practice. According to Boyarkina, conflict is a natural state of most international relations, which implies that each party has its own interests in various aspects of human life that do not coincide with the interests of other countries. The author divides water conflicts into 4 main types: a clash over the ability to control water resources (Israel-Syria, 1962); use of water as a strategic weapon for military purposes (Iran-Iraq war 1980-1988); as an instrument of political pressure (Ukraine-Crimea, 2014); use as a terrorist target (Israel-Hezbollah, 2006); as a military seizure (Israel-Syria, 1967); disputes based on socio-economic development (Tajikistan-Uzbekistan) [5].

Many conflicts, by their nature, have corresponding dimensions by which it is possible to understand the depth and cause of the conflict. First of all, there is the physical dimension, in other words, land and natural resources, which are the cause of most conflicts. Secondly, the temporal dimension, where we should count the beginning of the conflict and its end. For example, the beginning of the Arab-Israeli conflict should be considered the beginning of the military action during the 6 days war (1967) or from the declaration of Israel's independence (1948). Another type of dimension is the symbolism of the conflict, with which the armed clash between Kosovo and Serbia is associated. For many years, Kosovo has been the birthplace of the entire Serbian nation, from where the history of the formation of the nation of Serbia originates. Such symbols of various kinds are spread all over the world and are an important part of many nations. The last dimension relates to ethnicity. There are many examples where borders are drawn and mapped without taking into account the ethnic composition of individual territories, which ultimately creates conflict and tension between border populations [6].

When it comes to conflicts over water resources, it should be noted that despite many expert forecasts about impending wars over access to water, the number of major clashes between groups of individuals or states is much smaller than over other natural

resources. Moreover, Carus et al. argue that water can be a catalyst not only for conflicts, but also a resource that unites people and states. In order to preserve and favorable existence, conflicting countries, through rational and equitable use of water resources, can benefit economically and ecologically [7].

Water by its nature is involved in many processes of human activity and has a significant impact on humans and their environment. Thus, according to Wolf et al. When organizing water resources management, it is impossible to build management only for the sake of providing drinking water to the population, it is necessary to approach this issue comprehensively, because water affects the interests of many stakeholders and different sectors of the economy. In the process of building relationships between them, contradictions arise, and if state borders are added, the conflict can move from the intra-state level to the international level [8].

The causes of water conflicts can have different nature, depending on the geographical location and ecological state of the river basin. In the article by Haftendorn a table is given where the author notes 4 causes of water conflicts. The first cause of conflict is the use of water resources, for example, for navigation. The second reason the author notes pollution of water resources from the impact of various industrial facilities. The third cause of conflict is due to the equitable distribution of water resources, through the construction of dams and dikes. The last reason is the insufficiency of water resources in arid zones and its availability to the population [9].

An important factor in the development of water conflicts is the geographical location of a water basin with its climatic ecological conditions. Thus, according to Giordano et al. geographical location of countries plays a key role in studying the nature of conflict and its further development. The authors analyzed water conflicts in Israel, India and South Africa and concluded that the intensity and intensity of the conflict depends on climatic conditions of the region, political system of neighboring states, historical relations of the countries in the region and resource potential of the conflicting parties [10].

In addition to the obvious reasons for the lack of constructive dialog and building mutually beneficial cooperation, there is a high

level of mistrust among the countries in the region regarding the allocation of water resources of transboundary rivers. Central Asian leaders try to defend their own political interests to the detriment of common economic and environmental benefits. As Tsygankov notes, the future of any regional security depends to a greater extent on full cooperation, which implies surrendering a part of one's independence for the benefit of state security and joint coexistence of countries at a certain point in the world [11].

Further, developing the theme of regional cooperation, it should be recognized that the problems of regional cooperation are largely determined by the political system of neighboring states. Fukuyama notes that countries with a liberal social order are less prone to conflict among themselves. Nevertheless, it cannot be said that these countries have not engaged in military conflicts with other states; clashes have occurred, but only with countries of a different political system. For example, the United States has fought in Vietnam and Iraq, but countries with liberal values do not allow open military conflicts in relation to each other [12].

Similar opinion is held by Petersen-Perlman et al., who believe that the success of water cooperation largely depends on the institutional capacity of each participant, its ability to jointly manage water resources of transboundary rivers. Strengthening water cooperation by implementing international and regional agreements and establishing joint basin organizations will avoid conflicts between states and reduce the likelihood of water disputes [13].

Another reason that has a negative impact on cooperation in the region is the uneven distribution of water resources among the Central Asian countries. The main water resources are located in two upstream countries (Kyrgyzstan and Tajikistan), which consider water resources as an energy resource. The other countries of the region (Kazakhstan, Uzbekistan and Turkmenistan) are pursuing agrarian and food purposes, which require large amounts of water resources from transboundary rivers. This situation puts the countries of the region in a stalemate situation where the hydropower interests of one group of countries contradict the food interests of another group of countries [14].

Significant pressure on water cooperation processes can be exerted by the level of political interests and plans regarding water resources, which lead to aggravation of conflicts of regional character. Under these conditions, it is necessary to strengthen the role of science in the search for opportunities for mutually beneficial cooperation, in other words, to involve specialists of so-called water diplomacy in the dialog, taking into account the transboundary nature of rivers and water bodies. The role of narrowly focused specialists is especially important in the context of growing climate variability and annual increase of arid zones, which have a huge impact on people's livelihoods and push them to various types of conflicts [15].

Taking into account the above-mentioned reasons, it should be noted that in such conditions it is difficult to build equal cooperation on the basis of trusting relations. To date, the rhetoric of the countries of the region is based on protecting and defending their own interests, without taking into account regional security and economic benefits. Despite the convincing intentions for mutually beneficial cooperation of the Heads of Central Asian states, there is a process of strengthening national and political views within the region, leading to misunderstanding and termination of dialog. As a result, since 2016 Kyrgyzstan has decided to suspend its participation in the International Fund for Saving the Aral Sea, motivated by the lack of real measures to reform and develop water and energy cooperation in the region [16].

Methodology

The object of scientific research is the territory of Central Asia with its water resources and territorial boundaries. Transboundary rivers Amu Darya and Syr Darya with adjacent territories and legislative frameworks in the field of water resources use at regional and international level should be considered as the subject of study.

When studying the legislative aspects of water cooperation, it should be taken into account that international law on the use of transboundary rivers is used and implemented depending on the political, economic and geographical peculiarities of the region. In this regard, in order to effectively carry out the study of legislative peculiarities it is necessary to apply the method of comparative analysis, which will allow to identify gaps and analogies

of different legal relationships between the participants of water cooperation.

Territorial conflicts and disputes are characterized by their intensity and involvement of the opposing parties with their political goals for further development or termination of the conflict. Therefore, in order to track the event series of a local conflict in a dispute over territories it is necessary to apply the method of content analysis, which will allow to collect the necessary information on the basis of news and text arrays and its further application for the purposes of forecasting and development of the event.

In addition, the complexity of water conflicts lies in the fact that water is a transboundary resource that is owned by several states on the basis of equitable and mutually beneficial use. In such circumstances, careful collection and processing of information is an essential part of the study and is achieved by using the document analysis method.

Therefore, for a comprehensive study of the problems of water and territorial disputes, it is necessary to resort to the international experience of other basins with similar scenarios of confrontation in order to find solutions to the problems and prevent future clashes.

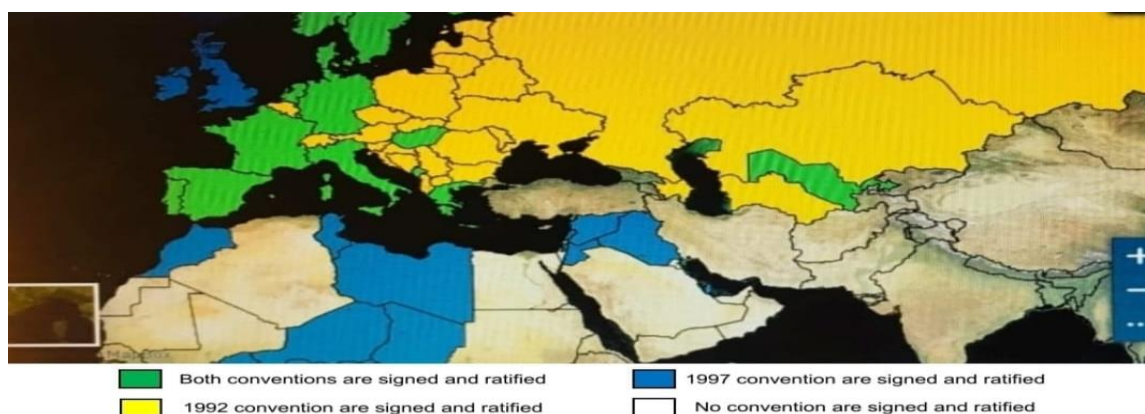
Legal aspects of cooperation

The importance of water cooperation today is due to the fact that transboundary rivers and lakes cover more than half of the Earth's landmass, where 40% of the world's population live, and about 90% of the inhabitants live in the countries through which

transboundary watercourses run [17]. Taking into account the importance of water, water cooperation should be built on the basis of generally accepted legislative norms, in particular the Convention on the Law of the Non-navigational Uses of International Watercourses and the Convention on the Protection and Use of Transboundary Watercourses and International Lakes [18]. The practice of conducting relations between states sharing transboundary watercourses on the basis of international agreements is more common in Europe and North America than in other regions of the world, such as the Mekong, Nile and Jordan river basins. [19]. The reason for this state of affairs lies not only in the fact that the countries of Europe and North America adhere to liberal principles of cooperation, but also in the fact that most transboundary rivers are located in the territory of developing, non-industrialized countries [20].

Water cooperation in Central Asia dates back to the signing in 1992 of the Agreement "On Cooperation in the Sphere of Joint Management of Use and Protection of Water Resources of Interstate Sources" between the five countries of the region. Then a number of joint declarations and governmental agreements were adopted, the latest of which was signed in 1998 and addresses the issues of water-energy cooperation between the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Republic of Tajikistan and the Republic of Uzbekistan [21].

Figure 2. Central Asia position on UN Convention (1997) and UNECE Convention (1992)

Source: Water diplomacy training in Tashkent
August 2024

Despite multiple regional agreements on water resources management, the internal compass of regional cooperation development needs to be directed towards joint water resources management with emphasis on international law and conventions on water resources management, which unfortunately have been ratified by only three out of five countries [22]. In other words, in terms of political and economic interests, the attitude to the norms of international law of upstream countries (Kyrgyzstan, Tajikistan) sharply differs from downstream countries (Kazakhstan, Uzbekistan, Turkmenistan), which believe that water resources of transboundary rivers are not the natural property of all countries in the region, making water an energy resource only for those countries from which they originate.

To date, 153 countries share water resources of transboundary rivers in different

parts of the world. However, only 48 countries or 31% of the total number of countries located on transboundary rivers are parties to the Convention on the Protection and Use of Transboundary Watercourses and International Lakes [23]. Moreover, Table 1 shows that the countries of the two river basins (Danube and Rhine) located in Europe have confirmed their commitment to international treaties by ratifying the international instrument. In contrast, the countries of the African, Asian and Middle Eastern River basins have either partially or completely rejected its adoption. There is a certain regularity in which mutually beneficial multilateral water cooperation between the country's parties to the Convention and permanent conflict in the river basins that are completely or partially outside its jurisdiction are noted.

Table 1. Information on ratification of the Convention on the Protection and Use of Transboundary Watercourses and International Lakes by transboundary river basins

Basin	Countries	Information about ratification
Danube	Germany, Austria, Slovakia, Hungary, Hungary, Croatia, Serbia, Bulgaria, Romania, Ukraine, Moldavia	All countries have ratified
Rhine	Switzerland, Liechtenstein, Austria, Germany, France, Netherlands	All countries have ratified
Mekong	China, Myanmar, Laos, Thailand, Cambodia, Vietnam	All countries have not ratified
Nile	Burundi, Congo, Egypt, Eritrea, Ethiopia, Kenya, Rwanda, Sudan, Tanzania, Uganda	All countries have not ratified
Brahmaputra	China, India, Bangladesh, Bhutan	All countries have not ratified
Jordan	Syria, Israel, Palestine, Lebanon, Jordan	All countries have not ratified
Senegal	Guinea, Mali Senegal, Mauritania	Ratified by Guinea and Senegal
Euphrates and Tigris	Turkey, Syria, Iraq	Ratified by Iraq
Amu Darya and Syr Darya	Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan, Afghanistan	Ratified by Kazakhstan, Uzbekistan, Turkmenistan

Consequently, given the framework nature of regional agreements, ratification of the Convention on the Protection and Use of Transboundary Watercourses and International Lakes by all countries of the region is fundamental, as its adoption ensures compliance with the principle of «Pacta Sunt Servanda», adopted by the Vienna Convention on the Law of Treaties in 1969, and guarantees equitable and rational use of water resources of transboundary rivers by all countries of the region. Thus, the absence of

an international treaty on transboundary river water management adopted by all in the region is a “loophole” through which the countries of the region can unilaterally agreements. Thus, of the total length of the border, which is violate bilateral and multilateral agreements, which further aggravates the disagreement between them.

Territorial disputes

After the collapse of the Soviet Union, the previously established administrative boundaries between the Central Asian

countries became state borders and caused many border disputes and clashes. Previously established transportation and logistical links fell into disrepair, the newly established During the planned economy of the Soviet period, residents of neighboring countries lived in historical territories without regard to administrative boundaries, forming an ethnic group around their settlement to maintain cultural ties with the historical homeland. Independence has delineated new borders that lack any documentary evidence; delimitation of borders without appropriate treaties has been the subject of long and persistent litigation over every scrap of land. As a consequence, territorial conflicts and disputes have centered around ethnic enclaves, where armed conflicts with numerous casualties have periodically erupted.

As of today, there are 8 enclaves in the Fergana Valley region, which are located as follows:

- Tajik enclaves Vorukh and Kairagach on the territory of Kyrgyzstan;

Despite painstaking work on border delimitation, relations between Uzbekistan and Tajikistan remain difficult, especially on the

independent republics established control over resources and their further movement, family ties and friendly ties acquired a visa status [24].

- The Tajik enclave of Sarvak on the territory of Uzbekistan;

- Uzbek enclaves of Sokh, Shakhimardan, Chon-Gara and Jangail on the territory of Kyrgyzstan; Kyrgyz enclave Barak on the territory of Uzbekistan [25].

The main territorial disputes in Central Asia have centered around the three states of Uzbekistan, Kyrgyzstan and Tajikistan, which since independence have disputed border territories based on Soviet-era maps dating back to the 1920s, 1950s and 1980s [26], where Uzbekistan and Tajikistan propose the border line based on the maps of 1924 – 1927, the Kyrgyz side on the contrary relies on the information of 1955, 1956 and 1989 [27]. In the absence of specific marked borders on the maps of those years, each side tried to interpret the border line in accordance with its national interests, laying the conflict mood of the enclaves' inhabitants for many years to come.

parts of the border where the parties cannot reach appropriate

Figure 2. Map of location enclaves

Source: <https://yde.neu.edu.tr/border-conflicts-in-central-asia-failed-opportunities-and-sovietness-at-play/>

1,332 kilometers, 84% of the borders have been agreed upon, while 93 kilometers remain unresolved. Regarding the Kyrgyz-Tajik border, it should be noted that relations between these two countries on border issues remain the most acute in the region. The length of the common border is 970 km, of which 517 km remain undetermined due to the difficulty of negotiating border sections through mountainous terrain. [28].

At the same time, the tension of the conflict situation between Uzbekistan, Kyrgyzstan and Tajikistan is aggravated by the fact that the border line separating the countries in most cases runs along riverbeds, has steep turns and bends, which in turn create obstacles for the movement of ethnic composition of populated territories, historical aspects of economic activity and geographical peculiarities of the area. As a consequence, people who lived in one country, had free access to water and land resources, engaged in agriculture, without paying attention to administrative boundaries, at one moment became residents of other countries, separated by state borders [30]. For a long time, territorial disputes in Central Asia have remained a «stumbling block» to

to the fact that it crosses the four countries of Guinea, Mali, Mauritania and Senegal from source to mouth [31]. The Senegal River Basin is home to about 3.5 million people, 85% of whom live in close proximity to the river. The climatic conditions of the river basin range from mountainous zones with an average annual rainfall of 1,475 mm to arid zones with less than 270 mm of annual rainfall [32]. The key role is to prevent salt water from reaching irrigated lands and further protect soils from solarization [34]. Unlike the two dams

residents. For example, for residents of Osh and Jalal-Abad oblasts in the south of the Kyrgyz Republic, the main done to resolve these problems, even at the cost of human casualties. transportation artery for communication runs through the territory of the Republic of Uzbekistan. A similar picture is observed for residents of the Republic of Tajikistan, who have to pass the state border with the Republic of Uzbekistan when traveling from the city of Dushanbe to the city of Khujand. Such intertwining of state borders is a constant source of resentment for the residents of border settlements and can at any time escalate into an armed conflict [29]. Thus, it should be noted that in Soviet times, the division of borders was carried out without taking into account the meaningful political and economic cooperation, although much has been

Senegal river basin

The Senegal River basin covers an area of 300,000 km² and is located in two climatic zones. The Senegal River originates in the southern humid tropics of Guinea, passes through the semi-arid zone of the Sahara Desert in the north and discharges into the Atlantic Ocean. The transboundary character of the river is due

river infrastructure is built around three main dams Manantali, Diama and Felou. The construction of the Manantali dam was primarily aimed at the multipurpose nature of its use with a key function of regulating water flow for irrigation in agriculture, power generation and a storage capacity of up to 11.3 billion m³ of water [33]. As for the Diama dam, its mentioned above, the sole purpose of the Felou dam is to generate electricity [35].

In the face of dramatic climate change and population growth, the countries of the Senegal River Basin (Mali, Mauritania and Senegal) signed the Convention on the Status of the Senegal River in 1972 to promote irrigation, improved access to water resources, mutually beneficial energy and agricultural cooperation. The main idea of the Concept can be formulated as follows: the countries of the Senegal River basin have no right to change the characteristics of the river regime, influence its navigational conditions, use it for agricultural and industrial purposes, change the sanitary condition of the river and its biological properties, as well as change the level of the river without prior agreement with all participating countries [36].

The experience of water-energy cooperation of the Senegal River Basin countries is important for the Central Asian region in terms of the use and application of international treaties. The value of this experience lies in the fact that the Organization for Development of the Senegal River Basin, established within the framework of the Convention "On the Status of the Senegal River", started its activities two decades before the adoption of the UN Convention on the Protection and Use of Transboundary Watercourses and International Lakes of 1992. In other words, water cooperation between the countries of the transboundary Senegal River is the most striking example that countries sharing common water resources can cooperate without certain framework conditions of international intervention based on the awareness of mutually beneficial and equitable water resources management.

However, in 1989, water cooperation between the Senegal River Basin countries was put to the test by territorial disputes between the inhabitants of Senegal and Mauritania. The conflict was based on land disputes when Mauritanian border guards killed Senegalese farmers who clashed with Mauritanian pastoralists. Information about the conflict caused massive aggression among the inhabitants of the two countries towards each other. For example, during pogroms and ethnic

clashes in Mauritania, more than 100 Senegalese were killed and about 700 were injured of varying complexity. As a result of bilateral violence, diplomatic relations

between the two countries were suspended [37]. A notable fact of the conflict settlement

Figure 3. Map of Senegal river basin

Source: https://www.un.org/waterforlifedecade/water_cooperation_2013/senegal_river.shtml

between the two countries is that one of the important factors of reconciliation between the conflicting parties was the preservation of the existing water infrastructure and established water and energy cooperation. In the course of the interstate conflict, diplomatic relations were maintained only within the framework of discussing further development of water cooperation and preservation of the agreements reached, which further mitigated the confrontation and led to a peace agreement in 1992 [38].

Thus, water-energy cooperation of the Senegal River Basin countries is based on the principles of transboundary river water resources utilization as indivisible joint property of the countries-participants of the treaty. Consequently, all countries share the costs and benefits depending on the allocated quotas and the contribution of each country. The uniqueness of water-energy cooperation is based on multilateral responsibility of the countries, which implies distribution of benefits not on the basis of the volume of contribution, but on the principle of development of the relevant sector of the economy. Consequently, the development of the water potential of the Senegal River contributes to economic growth, reduction of harmful impacts on the basin's ecosystem, building long-term and friendly relations, and ensuring food security of the countries participating in the treaty [39].

Results and conclusions

Recently, political processes in the Central Asian region have attracted the close attention of international actors and organizations of various levels, offering their services to stimulate the sustainable development of trade, economic and diplomatic relations. As Vinokurov notes, globalization processes are weakening significantly, and the vector of development of many countries is aimed at regionalization [40], and water resources of transboundary rivers in Central Asia can serve as a trigger for full-fledged mutually beneficial cooperation in the region. Under current conditions, disputes over water force the countries of the region to create various obstacles in the way of water flow, which have a significant impact on the environment and lead to environmental consequences. For example, uncoordinated actions of water cooperation partners have led to the destruction of the Aral Sea and its ecosystem, which is a vivid example of non-rational anthropological impact.

Most of the problems of multilateral water cooperation between the countries of the region lie in the legal plane, where there are no clear rules of the game and disciplinary consequences for their violation. The main part of interstate relations on water resources is conducted in the space of framework agreements and declarations, under which each country can at a certain moment interrupt or suspend cooperation to serve its own interests. Under these conditions, the countries of the region should strive to organize a legal field of international character, without which all attempts to establish a water-energy consortium will be exposed to a constant risk of its termination at any stage of cooperation.

Another problem of water cooperation has deeper roots, which periodically aggravate the situation in the border territories and complicate the processes of closer cooperation in water resources management.

Territorial disputes remain a bleeding wound on the body of the region, they remind us with certain periodicity of the mistakes of ethnic territorial division of the Soviet period. Delimitation and demarcation of borders between the countries of the region are a strategically important step towards building water cooperation, which should be carried out with the participation of a third party that has certain experience in resolving territorial disputes, as well as friendly and partnership relations with the opposing parties.

Regarding the experience of the Senegal River Basin countries in building and conducting interstate relations in the field of water resources management, it should be noted that it is important for the Central Asian countries, taking into account a number of similar aspects between them. With the exception of the Republic of Kazakhstan, the countries of the two river basins have roughly the same territorial area, socio-economic indicators, GDP, ever-growing populations and water and energy infrastructure. At the same time, it should be taken into account that in 2018 a large delegation of Central Asian countries visited the Senegal River Basin to study the experience of water-energy cooperation and its further application.

In conclusion, it is necessary to answer the question asked at the beginning of the article. Given the current conditions, is it possible to build a water-energy consortium in the region? Taking into account the common historical heritage of Central Asian countries, religious and traditional similarity, good neighborly relations on many issues of international cooperation, we should answer "POSSIBLE". However, without the creation of common rules based on international law and the adoption of relevant international agreements, without the resolution of territorial disputes and border claims, without the active participation of international actors, Russia and China, this consortium may remain only on paper.

References

1. Dukhovnyi V.A., Muminov S. Predlozhenie po sozdaniyu Vodno-energeticheskogo konsorciума Centralnoi Azii / V.A. Dukhovnyi, S. Muminov // Sbornik nauchnykh trudov. – 2020. – P. 33-39. http://cawater-info.net/library/rus/sb_tr_17.pdf (accessed:14.07.2024)
2. Glava gosudarstva vystupil na Sammite OON po prodovolstvennym voprosam. Akorda.kz, 24.09.2021. <https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-vystupil-na-sammite-onn-po-prodovolstvennym-sistemam-238167> (accessed:15.07.2024)

3. Vystuplenie Prezidenta Tadzhikistana na otkrytii Konferencii OON po vodnym resursam. Msu.ru, 24.03.2023. <https://ecfs.msu.ru/news/vystuplenie-prezidenta-tadzhikistana-na-otkrytii-konferenczii-oon-po-vodnym-resursam> (accessed:15.07.2024)
4. Otchet Konsultativnogo buro i RECCA 2017. Pereosmyslenie vodnogo voprosa v Centralnoi Azii: Cena bezdeistvia i preimuchestva vodnogo sotrudnichestva. Laserline Druckzentrum Berlin, 2017. <https://adelphi.de/en/system/files/mediathek/bilder/Rethinking%20Water%20in%20Central%20Asia%20-%20adelphi%20carec%20RUS.pdf> (accessed:13.08.2024)
5. Boyrkina O.A. Teoreticheskie aspekty issledovaniy mezhdunarodnogo vodnogo konflikta / O.A. Boyrkina // Konfliktologiy. – 2015. № 1(2). – P. 66-70. https://d1wqtxts1xzle7.cloudfront.net/90633157/library_get_pdf-libre.pdf?1662265004 (accessed:13.08.2024)
6. Gallo G. Conflict Theory, Complexity and Systems Approach / G. Gallo // Systems Research and Behavioral Science. – 2012. – P. 156–175. <https://nexacenter.org/nexacenterfiles/gallo2013conflict.pdf> (accessed:15.08.2024)
7. Carius A., Dabelko G.D., Wolf A.T. Water, Conflict, and Cooperation / Environmental Change and Security // A. Carius, G.D. Dabelko, A.T. Wolf. – 2004. – P. 2-6. https://ftp.science.ru.nl/toinesmits/PDF_files_supporting_literature_24&25-11-2009/2004CariusWater%20conflict%20and%20cooperation.pdf (accessed:15.08.2024)
8. Wolf A.T., Kramer A., Carius A., Dabelko G.D. Managing Water Conflict and Cooperation / A.T. Wolf, A. Kramer, A. Carius, Dabelko G.D. // The Worldwatch Institute. – 2005. – P. 80-86. <https://www.gwp.org/globalassets/global/toolbox/references/managing-water-conflict-and-cooperation-worldwatch-institute-2005.pdf> (accessed:15.08.2024)
9. Haftendorn H. Water and international conflict / H.Haftendor. // Third World Quarterly. – 2000. – №1 (21). – P. 51-56. <https://library.fes.de/libalt/journals/swetsfulltext/6975453.pdf> (accessed:17.08.2024)
10. Giordano, M., Giordano, M., Wolf, A. The geography of water conflict and cooperation: internal pressure and international manifestations / M. Giordano, M. Giordano, A.Wolf // The Geographical Journal. – 2002. № 4(168). – P. 294-300. https://d1wqtxts1xzle7.cloudfront.net/41650075/The_geography_of_water_conflict_and_cooperation_Internal_pressures_and_international_manifestations-libre.pdf?1453922629 (accessed:17.12.2024)
11. Cygankov P.A. Teoria mezhdunarodnykh otnoshenii: uchebnik dla vuzov / Book // Moskva, Isdatelstvo Urite. 2023. – 317 p.
12. Fukuyama F. Rossia na rasputie / Book // Moskva, Izdatekstvo Rodina. 2023. – 224 p.
13. Petersen-Perlman J.D., Veilleux J.C., Wolf A.T. International water conflict and cooperation: challenges and opportunities / J.D. Petersen-Perlman, J.C. Veilleux, A.T. Wolf // Water International. – 2017. – P. 2-10. https://www.researchgate.net/profile/Jacob-Petersen-Perlman/publication/312574274_International_water_conflict_and_cooperation_challenges_and_opportunities/links/59d3b4600f7e9b4fd7ffbcab/International-water-conflict-and-cooperation-challenges-and-opportunities.pdf (accessed:17.08.2024)
14. Zhilcov S.S., Zonn I.C. Rol vodnykh resursov v Centralnoi Azii / S.S. Zhilcov, I.C. Zonn // Mezhdunarodnye otnoshenia i mirovaya politika. – 2019. №7(6). – P. 228-237. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-3-228-237> (accessed:17.08.2024)
15. Saklani U., Shrestha P.P., Mukherji A., Scott C.A. Hydro-energy cooperation in South Asia: Prospects for transboundary energy and water security / U. Saklani, P.P. Shrestha, A. Mukherji, C.A. Scott // Environmental Science and Policy. – 2020. – P. 22-34. <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1462901120305621> (accessed:15.12.2024)
16. Kyrgyzstan priostanovil svoe uchastie v deyatel'nosti Fonda po spaseniu Arala. Radio Ozoli. 20.05.2016. <https://rus.ozodi.org/a/27747050.html> (accessed: 17.08.2024)
17. Sindico, F. Transboundary Water Cooperation and the Sustainable Development / F. Sindico // UNESCO: Paris, France. – 2016. – P. 6-8. https://pure.strath.ac.uk/ws/portalfiles/portal/86564675/Sindico_2016_Transboundary_Water_Cooperation_and_the_Sustainable.pdf (accessed:17.08.2024)
18. Keskinen M., Salminen E., Haapala J. Water diplomacy paths – An approach to recognise water diplomacy actions in shared waters / M. Keskinen, E. Salminen, J. Haapala // Journal of Hydrology. – 2021. – P. 1-10. <https://pdf.sciencedirectassets.com/271842/1-s2.0-S0022169421X00091/1-s2.0-S0022169421007873/main.pdf> (accessed:23.08.2024)
19. Gökçeku H., Bolour F. Transboundary Waters and Their Status in Today's Water-Scarce World / H. Gökçeku, F. Bolour // Sustainability. – 2023. – P. 2-12. <https://www.mdpi.com/2071-1050/15/5/4234> (accessed:23.08.2024)
20. Nagheeby M., Amezaga J. Decolonising water diplomacy and conflict transformation: from security-peace to equity-identity / M. Nagheeby, J. Amezaga // Water policy. – 2023. №8(25). – P. 836-842.

- https://scholar.google.com/scholar?hl=ru&as_sdt=0%2C5&q=Decolonizing+water+diplomacy+and+conflict&btnG= (accessed:23.08.2024)
21. Zhupankhan A., Tussupova K., Berndtsson R. Could Changing Power Relationships Lead to Better Water Sharing in Central Asia? / A. Zhupankhan, K. Tussupova, R. Berndtsson // *Water*. – 2017. №9(139). – P. 2-17. <https://www.mdpi.com/2073-4441/9/2/139> (accessed:23.08.2024)
22. Kudabayeva A., Zholdasbekova A., Avcu S.A. The Role of International Water Law in Central Asia's Water and Food Security / A. Kudabayeva, A. Zholdasbekova, S.A. Avcu // *Public Administration and Civil Service*. – 2023. №4(87). – P. 95-99. <https://journal.apa.kz/index.php/path/article/view/1112/885> (accessed:23.08.2024)
23. Eche 10 stran prisoeдинztsya k Konvencii po transgranichnym vodam. Novosti OON, 22.03.2023. <https://news.un.org/ru/story/2023/03/1439047> (accessed:23.08.2024)
24. International Crisis Group 2002. Central Asia: Border Disputes and Conflict Potential. Asia Report, 2021. <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/central-asia/tajikistan/central-asia-border-disputes-and-conflict-potential> (accessed:23.08.2024)
25. Baizakova Z. Border Issues in Central Asia: Current Conflicts, Controversies and Compromises / Z. Baizakova // *UNISCI Journal*. – 2017. – P. 221-234. <https://www.redalyc.org/pdf/767/76754084010.pdf> (accessed:23.08.2024)
26. Gabdulhakov R. The highly securitized insecurities of state borders in the Fergana Valley / R. Gabdulhakov // *The Central Asia fellowship papers*. – 2015. – P. 2-10. <http://centralasiaprogram.org/wp-content/uploads/2015/04/CAF-papers-9-Rashid-Gabdulhakov.pdf> (accessed:23.08.2024)
27. Achykez M. Vliyanie pogranychykh sporov na vneshnyuyu politiku gosudarstv Centralnoi Azii / M. Achykez // *Postsovetskie Issledovaniya*. – 2022. – P. 252-255. <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-pogranychykh-sporov-na-vneshnyuyu-politiku-gosudarstv-tsentrlnoy-azii/viewer> (accessed:25.08.2024)
28. Zhunusbek A. Problema territorialnykh sporov v Centralnoi Azii, 2020. <https://www.eurasian-research.org/publication/problema-territoryalnih-sporov/?lang=ru> (accessed:25.08.2024)
29. Ormonaliev K.O., Zakirov M.A. Postsovetskaya Centralnaya Aziya i territorialnye prigranichnye spory / K.O. Ormonaliev, M.A. Zakirov // *Bulleten nauki i praktiki*. – 2022. – P. 507-513. <https://cyberleninka.ru/article/n/postsovetskaya-tsentrlnaya-aziya-i-territorialnye-pogranychnye-spory/viewer> (accessed:25.08.2024)
30. Makukha R., Satches P.B., Trumble J. Borders and Borderlands: Working across the Lines That Divide Us in Central Asia / R. Makukha, P.B. Satches, J. Trumble // *IFSH*. – 2013 - P. 201-217. <https://ifsh.de/file-CORE/documents/yearbook/english/13/MakukhaSatchesBrohsTrumble-en.pdf> (accessed:25.08.2024)
31. Bodian A., Diop L., Panthou G., Dacosta H., Deme A., Dezetter A., Ndiaye P.M., Diouf I., Vischel T. Recent Trend in Hydroclimatic Conditions in the Senegal River Basin / A. Bodian, L. Diop, G. Panthou, H. Dacosta, A. Deme, A. Dezetter, P.M. Ndiaye, I. Diouf, T. Vischel // *Water*. – 2020. №12(436). – P. 2-12. <https://www.mdpi.com/2073-4441/12/2/436> (accessed:25.08.2024)
32. Vick M.J. The Senegal River Basin: A Retrospective and Prospective Look at the Legal Regime / M.J. Vick // *Natural Resources Journal*. – 2006. №1(46) – P. 212-215. <https://www.jstor.org/stable/24889030> (accessed:05.09.2024)
33. Faye C. Weight of Transformations and Major Drifts Related to Major River Water Projects in Africa: Case of The Manantali Dam on The Senegal River Basin / C. Faye // *Journal of Research in Forestry*. – 2018. №3(10). – P. 13-15. <https://www.ajol.info/index.php/jrfwe/article/view/178575> (accessed:05.09.2024)
34. Duvail S., Hamerlynck O. Mitigation of negative ecological and socio-economic impacts of the Dama dam on the Senegal River Delta wetland (Mauritania), using a model based decision support system / S. Duvail, O. Hamerlynck // *Hydrology and Earth System Sciences*. – 2003. №1(7). – P. 133-140. <https://hess.copernicus.org/articles/7/133/2003/> (accessed: 05.09.2024)
35. Taïbi A.N., Kane A., Bourlet M., Lorin M., Ballouche A. The Senegal River, a Disturbed Lifeline in the Sahel / A.N. Taïbi, A. Kane, M. Bourlet, M. Lorin, // *HAL open science*. – 2023. – P. 79-113. [https://univ-angers.hal.science/hal-03940856/file/Taïbi et al 2023 382779eng.pdf](https://univ-angers.hal.science/hal-03940856/file/Taïbi%20et%20al%202023%20382779eng.pdf) (accessed:05.09.2024)
36. Mbengue M.M. A Model for African Shared Water Resources: The Senegal River Legal System / M.M. Mbengue // *RECIEL*. – 2014. №1(23). – P. 59-63. <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/reel.12071> (accessed:05.09.2024)
37. Khabenskaya E.O. Pogranychnye konflikty v Afrike (na primere senegalo-mavritanskogo konflikta 1989 g.) / E.O. Khabenskaya // *ASPI*. – 2015. <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=3214> (accessed: 05.09.2024)
38. Alam U., Dione O. West Africa - A Regional Approach to Reducing Poverty in the Senegal River Basin / U. Alam, O. Dione // *Scaling Up Poverty Reduction: A Global Learning Process and Conference Shanghai*. – 2004. – P. 1-15. <https://documents1.worldbank.org/curated/en/458151468767391401/pdf/307660West0Afr1ver01see0also0307591.pdf> (accessed:05.09.2024)

39. Delegaciya CA izuchila opyt basseina reki Senegal – mai 2018. Blue Peace Central Asia, 2018. <https://bluepeace-centralasia.ch/ru/materials/senegal-CA/> (accessed:05.09.2024)

40. Vinokurov V.I. Sovremennaya diplomaticheskaya sistema. Teoria i praktika / Book // Isdatelstvo Russkaya panorama, 2022, 304 p.

ОРТАЛЫҚ АЗИЯДА СУ-ЭНЕРГЕТИКА КОНСОРЦИУМЫН ҚҰРУДАҒЫ КЕДЕРГІЛЕР

Орал ҚҰСПАЕВ*, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясының докторанты, u.kuspayev@ara.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0000-2353-2171>.

Манарбек ҚАБАЗИЕВ, Қазақстан Республикасы Сыртқы істер министрлігі Сыртқы саяси зерттеулер институты басқарма төрағасының орынбасары, Қазақстан Республикасы, Астана қаласы, m.kabaziyev@sszi.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2285-3421>.

Imran BHUIYAN, Манчестер университетінің докторанты, Ұлыбритания, Англия, Манчестер Cumi, Oxford Rd M13 9PL, imran.bhuiyan@postgrad.manchester.ac.uk, <https://orcid.org/0000-0002-5621-3852>.

ПРЕПЯТСТВИЯ НА ПУТИ СОЗДАНИЯ ВОДНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОНСОРЦИУМА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Урал КУСПАЕВ*, Докторант Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, u.kuspayev@ara.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0000-2353-2171>.

Манарбек КАБАЗИЕВ, Заместитель Председателя Правления Института внешнеполитических исследований при Министерстве иностранных дел Астана, Республики Казахстан, Республика Казахстан, m.kabaziyev@sszi.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2285-3421>.

Imran BHUIYAN, докторант Манчестерского университета, Соединенное Королевство, Англия, Манчестер-Cumi, Oxford Rd M13 9PL, imran.bhuiyan@postgrad.manchester.ac.uk, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5621-3852>.

VOTING BY BRAZIL, ISRAEL, AND THAILAND IN UNITED NATIONS GENERAL ASSEMBLY RESOLUTIONS ON THE WAR IN UKRAINE: A COMPARATIVE ANALYSIS

**Artur *
UTEBAYEV**

Head of International Relations Program, International School of Economics, Maqsut Narikbayev University (MNU), Assistant Professor, Astana, Kazakhstan, a.utebayev@gmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-4647-0490>

**Kazbek
KHAIZABEKOV**

Master's Student in European and Global Studies at the University of Padova, Italy, khaizabekovk@gmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-8241-8016>

**Diana
KAPPASSOVA**

Master's Student in European and Global Studies at the University of Padova, Italy, kappasova.13@gmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-8388-3909>

Manuscript received: 07/10/2024

Revised: 02/12/2024

Accepted: 14/01/2025

DOI: 10.52123/1994-2370-2025-1337

UDC 321.01

CICSTI 11.25.49 (UN and its agencies)

Abstract. The study examines the fluctuating voting behavior of states in the United Nations General Assembly resolutions on the war in Ukraine. Following the Eleventh Emergency Special Session of the United Nations General Assembly on February 28, 2022, the study investigates the factors influencing states' voting patterns and the discursive strategies employed to articulate national interests. Grounded in realism, the analysis focuses on Latin America, the Middle East, and Southeast Asia, with particular attention to Brazil, Thailand, and Israel. Employing Van Dijk's Critical Discourse Analysis, the study deciphers the rhetoric of representatives from these countries to reveal the role of the United Nations General Assembly and how countries utilize this platform. The findings reveal that the discourse of Brazil, Israel, and Thailand was predominantly driven by their national interests, focusing on promoting peaceful dialogue and critiquing the liberal international order. This study contributes to the broader academic literature on political realism showcasing the limitation of international institutions in addressing the global issues. We believe this study will be interesting for academics, policymakers, and practitioners seeking insights into the intricacies of international relations in times of crisis.

Key words: voting, resolutions, national interests, United Nations General Assembly, Brazil, Israel, Thailand.

Аңдатпа. Бұл зерттеу Біріккен Ұлттар Ұйымының Бас Ассамблеясының Украинадағы соғысқа қатысты қарарларындағы мемлекеттердің дауыс беру әрекеттерінің өзгермелі сипатын талдайды. 2022 жылғы 28 ақпанда өткен Біріккен Ұлттар Ұйымының Бас Ассамблеясының он бірінші төтенше арнайы сессиясынан кейін зерттеу мемлекеттердің дауыс беру үлгілеріне әсер ететін факторларды және ұлттық мүдделерді білдіру үшін қолданылатын дискурсивті стратегияларды зерттейді. Реализмге негізделген бұл талдау Латын Америкасы, Таяу Шығыс және Оңтүстік-Шығыс Азия аймақтарына, атап айтқанда, Бразилия, Тайланд және Израильге ерекше назар аударады. Ван Дейктің Сындарлы дискурс талдауын қолдана отырып, зерттеу осы елдердің өкілдерінің риторикасын шешіп, Біріккен Ұлттар Ұйымының Бас Ассамблеясының рөлі мен мемлекеттердің бұл платформаны қалай пайдаланатынын ашып көрсетеді. Нәтижелер Бразилия, Израиль және Тайландтың дискурсы негізінен ұлттық мүдделерге бағытталғанын, бейбіт диалогты алға жылжыту және либералды халықаралық тәртіпті сынауға басымдық бергенін көрсетті. Бұл зерттеу халықаралық қатынастардың дағдарыс жағдайындағы күрделілігін түсінгісі келетін ғалымдар, саясаткерлер және практиктер үшін қызықты болады деп санаймыз, сондай-ақ халықаралық институттардың жаһандық мәселелерді шешудегі шектеулерін көрсететін саяси реализм тақырыбына қосылған маңызды үлес болып табылады.

Түйінді сөздер: дауыс беру, қарарлар, ұлттық мүдделер, Біріккен Ұлттар Ұйымының Бас Ассамблеясы, Бразилия, Израиль, Тайланд.

Аннотация. В исследовании рассматриваются колебания в голосовании государств по резолюциям Генеральной Ассамблеи ООН по войне в Украине. Следуя за Одиннадцатой чрезвычайной специальной сессией Генеральной Ассамблеи ООН 28 февраля 2022 года, исследование изучает факторы, влияющие на характер голосования государств, и дискурсивные стратегии, используемые для артикуляции национальных интересов. Основанный на реализме, исследование фокусируется на Латинской Америке, Ближнем Востоке и Юго-Восточной Азии с особым вниманием к Бразилии, Таиланду и Израилю. Используя критический дискурс-анализ Ван Дайка, исследование

*Corresponding author: Artur Utebayev, a.utebayev@gmail.com

расшифровывает риторику представителей указанных стран, чтобы выявить роль Генеральной Ассамблеи ООН и то, как страны используют данную платформу. Полученные результаты свидетельствуют о том, что в своих выступлениях Бразилия, Израиль и Таиланд руководствовались преимущественно национальными интересами, ставя во главу угла продвижение мирного диалога и критику либерального международного порядка. Данное исследование вносит вклад в более широкую академическую литературу по политическому реализму, демонстрируя ограниченность международных институтов в решении глобальных проблем. Мы считаем, что данное исследование будет интересно ученым, политикам и практикам, стремящимся разобраться в тонкостях международных отношений во время кризиса.

Ключевые слова: голосование, резолюции, национальные интересы, Генеральная Ассамблея ООН,

Introduction

In the aftermath of the Russian invasion in Ukraine, the United Nations General Assembly (UNGA) called for the Eleventh Emergency Special Session on February 28, 2022 [1]. Discussions within this issue unfolded against a backdrop of heightened

battleground of ideas, providing a theater for expressing and defending these interests. In this context, the most powerful states shape and influence institutions, transforming them into “arenas for the actualization of power relations,” aiming to maintain or expand their influence [2]. As Van Dijk aptly opines, contexts have a controlling power that shapes what people say and especially how they say. This assertion underscores the significance of considering broader contextual factors, such as sociocultural, political, and personal circumstances that shed light on how influential nations strategically navigate international institutions [3].

Within the resolutions on the war in Ukraine, where every word carries weight, it is crucial to explore the discursive strategies employed by different countries under the auspices of the UNGA, as language plays a pivotal role in molding the execution of actions and the conduct of global politics, possessing the power to construct positive and destructive changes [4]. In other words, individuals receiving information are not merely passive listeners; they are subject to social influence and can be manipulated through

text to achieve political or economic objectives [5]. Despite a profound understanding of the role language plays in this context, a research problem arises when scrutinizing states' voting behavior in UNGA resolutions on the war in Ukraine. The core issue is the complexity of deciphering countries' actions: while their verbal expressions may suggest a particular stance, unraveling the concealed national interests behind their words proves intricate. The added difficulty of oscillating behavior

tensions among states, emphasizing the need for a meticulous understanding of their voting dynamics and behavioral shifts. In international politics, where national interests act as guiding beacons shaping state actions, each UNGA meeting become

further complicates understanding the motivations at the heart of researching UN voting patterns.

Existing studies on UNGA voting behavior delve into the underlying reasons behind general patterns exhibited by states. Key themes include exploring the impacts of factors like foreign aid, trade, and intensive lobbying on states' voting tendencies [6, 7, 8]. These studies precisely aim to unravel the complexities of why certain countries demonstrate more sympathetic attitudes towards Russia or Ukraine [9, 10, 11]. A synthesis of the literature brings forth recurring themes, including economic dependence, military incentives, political ideology, and historical or personal affiliations. Moreover, in the exploration of theoretical approaches, this study deliberately focuses on realism as a framework providing nuanced insights into the intricate motivations that underpin states' behavior in the global arena. Studies within this perspective emphasize human nature as a driving force for politicians' foreign policy decisions, rooted in self-interest and pursuit of national survival in an anarchic international environment.

While existing research meticulously examines various factors influencing voting dynamics, a noticeable gap arises when discussing the discursive elements employed by countries in analyzing voting behavior amid the complex conflict in Ukraine. The study aims to contribute to this area by examining various aspects of voting behavior. Specifically, the intention is to identify distinctive shifts in voting and systematically analyze official statements at the UNGA

focusing on the discursive strategies of the speakers to decipher intricate discursive patterns they employ. Therefore, this research delves into states' voting behaviors in the UNGA amid the Ukraine conflict, addressing gaps in existing literature through Critical Discourse Analysis (CDA). It offers valuable insights into how countries articulate their national interests, thereby enriching an understanding of global diplomacy and power

Literature Review

The study of the voting dynamics in the UNGA is a crucial tool for understanding the direction of foreign policy [12]. Delving into the intricacies of this diplomatic arena, where national interests manifest in significant votes, contemporary research focuses on uncovering potential explanations for voting changes during emergency UNGA sessions.

Within this framework, existing studies on countries' behavior in the UNGA often scrutinize the mechanisms by which bilateral trade and foreign aid from influential nations like the United States (US) and China shape voting patterns. Alexander and Rooney's research investigates whether the US utilizes foreign aid as a tool for "vote buying" in the UNGA [6]. Bailey et al. propose a dynamic model for assessing states' ideal points in UNGA voting, exploring how preference choice impacts the democratic world [7]. Additionally, the works of Brazys and Panke shed light on the "windows of opportunity" and intensive lobbying, influencing states' voting changes on recurring resolutions [8]. These findings emphasize that financially constrained states may be more flexible in their voting positions on repeated international resolutions. In a broader context of analyzing factors influencing voting dynamics, Letician and Bigleiser investigate how US sanctions, especially when targeting aid-dependent countries,

can shape voting similarity. The impact of natural resource exports and China's positive effect on political support on bilateral trade is studied by Che et al., Yan and Zhou, and Dreher et al., highlighting the voting alignment of some African nations with China's interests.

Literature in the academic sphere regarding the war in Ukraine is limited due to the relatively short time since this crisis

dynamics across academic, policymaking, and practitioner communities.

The article is structured as follows: an existing literature including theoretical framework will be reviewed in the second section, research method encompassing CDA and case sampling strategy will be discussed in the third followed by the data analysis in the fourth, results and discussions will be given in the fifth section, while a conclusive synthesis will finalize the study.

garnered the global community's attention. Consequently, these studies primarily focus on identifying critical motives for choices and inconsistencies. This reflects a growing interest in understanding the intricacies of decision-making within the international community. Amighini and García-Herrero delve into various factors influencing countries' votes during the UNGA resolutions on the conflict in Ukraine, categorizing them into economic, defense cooperation, and soft power spheres [9]. Their findings reveal high voting model similarities when comparing and dividing votes along the Global South and Global North, as well as countries supporting the "Belt and Road Initiative" (BRI) and those not involved in the initiative. Farzanegan and Gholipour also concentrate on exploring potential economic-political, military, and historical-geographical factors that determine a country's voting behavior in favor of Russia, including the absence of military conflicts with the Soviet Union, similarity in political ideologies, and cooperation agreements in defense and trade spheres [10].

Mikami looks into numerous resolutions and systematically examines factors such as existential threats, internal security dependence on Russia, historical friendship, and emotional aspects [11]. Contrary to common belief, the research shows that factors like trade dependence and emotional considerations are insignificant, emphasizing the dominance of authoritarianism and concerns about undermining internal security dependent on Russia's assistance.

Examining state voting dynamics in the UNGA unveils a multifaceted global political landscape, where major powers and power-constrained states alike engage in a complex interplay of national interests. However, despite the dearth of existing literature, we believe that more nuanced approach is still

required. Firstly, the existing studies often focus on individual resolutions rather than providing a holistic view of voting changes across multiple resolutions in the Eleventh Emergency Special Session of the UNGA. Secondly, while existing studies specifically address the voting behavior of countries concerning the war in Ukraine, exploration focused on the states' national positions is still needed. Thirdly, the literature predominantly emphasizes on the roles of major powers',

Methods and Materials

This study seeks to address the following research questions:

1. Which states have exhibited fluctuating and distinctive voting behavior in the UNGA resolutions on the war in Ukraine?
2. What are the reasons behind the fluctuating and distinctive voting behavior of some states in the UNGA resolutions on the war in Ukraine?

First of all, the states' votes on all resolutions adopted during the Eleventh Emergency Special Session of the UNGA, centered on the war in Ukraine were scrutinized. The resolutions in question were

such as the US and China, voting patterns. Therefore, inclusion of other states' voting behavior will add value to the existing literature.

Thus, unraveling the intricacies of how these countries articulate their stances can contribute to addressing these gaps and providing a more nuanced picture of the global response to the war in Ukraine

ES-11/1, ES-11/2, ES-11/3, ES-11/4, ES-11/5, and ES-11/6. After assembling a comprehensive overview of global voting patterns through the examination of publicly available data from the UN documents website (<https://research.un.org/en>), it was decided to focus on South America, the Middle East, and Southeast Asia. This focus was determined based on observable and noteworthy voting behavior distinctions (Table 1). For better understanding, it should be noted that countries when voting on UNGA resolutions can choose between “yes” (Y), “no” (N), “abstentions” (A), or “non-voting” (X).

Table 1.1: Latin America

Countries	ES-11/1	ES-11/2	ES-11/3	ES-11/4	ES-11/5	ES-11/6
Argentina, Chile, Colombia, Costa Rica, Ecuador, Guatemala, Panama, Paraguay, Peru, Uruguay	Y	Y	Y	Y	Y	Y
Mexico	Y	Y	A	Y	Y	Y
Brazil, Belize, Guyana, Suriname	Y	Y	A	Y	A	Y
Honduras	Y	Y	Y	A	A	Y
Mexico	Y	Y	A	Y	Y	Y
El Salvador	A	A	A	X	A	A
Bolivia	A	A	N	A	A	A
Nicaragua	A	A	N	N	N	N
Venezuela	X	X	X	X	X	X

Table 1.2: Middle East and North Africa

Countries	ES-11/1	ES-11/2	ES-11/3	ES-11/4	ES-11/5	ES-11/6
-----------	---------	---------	---------	---------	---------	---------

Kuwait, Qatar	Y	Y	A	Y	Y	Y
<i>Israel</i> , Libya	Y	Y	Y	Y	A	Y
Egypt, United Arab Emirates, Yemen, Oman, Bahrain, Tunisia, Jordan, Saudi Arabia	Y	Y	A	Y	A	Y
Iraq	A	Y	A	Y	A	Y
Lebanon	Y	Y	X	Y	A	X
Morocco	X	X	X	Y	X	Y
Algeria	A	A	N	A	A	A
Iran	A	A	N	X	N	A
Syrian Arab Republic	N	N	N	N	N	N

Table 1.3: Southeast Asia						
Countries	ES-11/1	ES-11/2	ES-11/3	ES-11/4	ES-11/5	ES-11/6
Myanmar, Philippines	Y	Y	Y	Y	Y	Y
Timor-Leste	Y	Y	Y	Y	A	Y
Singapore	Y	Y	A	Y	Y	Y
Cambodia, Indonesia, Malaysia	Y	Y	A	Y	A	Y
Brunei Darussalam	Y	A	A	Y	A	Y
<i>Thailand</i>	Y	Y	A	A	A	Y
Vietnam, Lao PDR	A	A	N	A	A	A

Within these regions, Brazil, Israel, and Thailand were the nations that displayed the most notable and interesting voting patterns (Table 2).

Table 2: Countries with the most fluctuating voting dynamics			
Resolution	Brazil	Israel	Thailand
ES 11/1 (Aggression against Ukraine)	Y	Y	Y
ES 11/2 (Humanitarian consequences of the aggression against Ukraine)	Y	Y	Y
ES 11/3 (Suspension of the rights of membership of the Russian Federation in the Human Rights Council)	A	Y	A
ES 11/4 (Territorial integrity of Ukraine: defending the principles of the Charter of the United Nations)	Y	Y	A

ES 11/5 (Furtherance of remedy and reparation for aggression against Ukraine)	A	A	A
ES 11/6 (Principles of the Charter of the United Nations underlying a comprehensive, just, and lasting peace in Ukraine)	Y	Y	Y

In comparison to other countries in Latin America, the Middle East and North Africa, and Southeast Asia, the votes of Brazil, Israel, and Thailand are distinguished by their behavior, which is neither repetitive, as it constantly oscillates between Y and A, nor easily attributable to a large group of countries whose decisions are more congruent. Furthermore, the cases were selected in accordance with the Most Different System Design (MDSD) that presupposes the selection of dissimilar cases that demonstrate the similar outcomes [13]. Thus, being significantly different in many political, social and economic factors, Brazil, Israel, and Thailand exhibited similarity in their erratic voting patterns. For example, in terms of the political system, Brazil holds a presidential system, Israel is a parliamentary system, whereas Thailand is a constitutional monarchy. Against this backdrop, MDSD allows to reveal whether there are generalized patterns between states as different as Brazil, Israel, and Thailand.

Secondly, to compare the voting behavior, this study applies CDA - the analytical approach that seeks to analyze how influential groups such as professors, journalists, lawyers, and politicians define discourse [14]. Therefore, the speeches of the UNGA ambassadors who fall into the category of specific actors who utilize their power not to shape but rather to broadcast the chosen political discourse of their leadership. Furthermore, in addition to power, critical areas of CDA are domination, hegemony, ideology, social structures, social order, class, gender, race, discrimination, as well as institutions and interests [15]. It is the latter two aspects, in conjunction with the concept of power, that this study is concerned with. Consequently, application of CDA enables us to focus on how such countries as Brazil, Israel, and Thailand, through their powers, employ an institution such as UNGA as a platform to promote their agendas.

Finally, applying CDA, this study examined official records of speeches made by ambassadors of Brazil, Israel, and Thailand

at the plenary meetings of the UNGA in 2022 and 2023 on the war in Ukraine, i.e., on the resolutions adopted during the Eleventh Emergency Special Session. Specifically, the study analyzed fourteen speeches — five from Brazil and Thailand and four from Israel — delivered at the third, fifth, ninth, tenth, eleventh, fourteenth, seventeenth, and nineteenth plenary meetings (Appendix 1). H.E. Mr. Costa Filho and H.E. Mr. De Almeida Filho spoke on behalf of Brazil, while the ambassadors of Israel were H.E. Mrs. Noa Furman and H.E. Mr. Gilad Erdan, along with representatives from Thailand H.E. Mr. Suriya Chindawongse and H.E. Mr. Supark Prongthura. The number of plenary sessions is considered appropriate, since it provided a sufficiently extensive and substantial base of discourse by Brazil, Israel, and Thailand on the war in Ukraine. The records of the plenary meetings were accessed via the official website of the UN-affiliated Dag Hammarskjöld Library (<https://research.un.org/en/docs/ga/quick/emergency>). Also, all speeches were analyzed in English in the official UN translation, so there were no difficulties with the accuracy of the transmitted information that could potentially arise from relying on unofficial translations. Studying such sources is one of the most accessible and reliable ways of comprehending the common discourse of various nations.

Results

The data analysis section includes close examination of the six resolutions adopted during the Eleventh Emergency Special Session of the UNGA concerning the Ukrainian issue. Resolution ES-11/1, passed in March 2022, condemned Russian aggression and urged the withdrawal of its troops from occupied territories of Ukraine, initially garnering unified support from Brazil, Israel, and Thailand. Resolution ES-11/2, which tackled the humanitarian crisis, received unanimous support from these nations. Somewhat divergent voting, however, occurred at the voting for the Resolution ES-

11/3 in April 2022 on suspending Russia from the UNHRC; Brazil and Thailand abstained while Israel supported the resolution. Resolution ES-11/4, adopted in October 2022 reaffirmed principles of Ukraine's territorial integrity and sovereignty, when Brazil and Israel supported the resolution, whereas Thailand abstained. In voting for the Resolution ES-11/5 in November 2022 all three states opted for abstaining as the Resolution laid accountability for Russia's violations of international law. Finally, Resolution ES-11/6 in February 2023 underscored the urgency of Russia's withdrawal from Ukraine, receiving unanimous support from Brazil, Israel, and Thailand.

These intricate voting patterns highlight the evolving perspectives of Brazil, Israel, and Thailand in response to the situation in Ukraine and almost unanimous international condemnation of Russia.

Brazil

An analysis of Brazil's discourse during UNGA plenary meetings, focusing on the Russia-Ukraine conflict, reveals distinct linguistic patterns and foreign policy alignments.

In Resolution ES-11/1, Brazil adopted a nuanced stance regarding Russia's aggression against Ukraine. During the 5th meeting on March 2, 2022, Brazil's Permanent Representative to the UN, H.E. Mr. Costa Filho, emphasized peace, ceasefire, dialogue resumption, de-escalation, agreement, and adherence to UN principles and international humanitarian law. Brazil urged both Russia and Ukraine to comply with these measures, refraining from publicly condemning Russia's actions and maintaining neutrality. Instead, Brazil criticized the UN for not playing a supportive role and for overly focusing on assigning blame, expressing dissatisfaction with its current dynamics. Mr. Costa Filho underscored Brazil's disapproval of broad sanctions and military deployments, advocating against universal condemnation and punitive measures towards Russia (A/ES-11/PV.5).

During the 9th plenary meeting on March 24, 2022, addressing Resolution ES-11/2 concerning the humanitarian impact of the Ukraine conflict, H.E. Mr. Costa Filho emphasized the urgency for a humanitarian solution to alleviate civilian sufferings.

Specifically, he called on all UNGA participants, including Russia and Ukraine, to uphold humanitarian law and cease hostilities. However, Mr. Costa Filho also criticized the UN for what he described as the gradual erosion of rules against the use of force and its failure to present a unified voice. He underscored Brazil's frustration with the UN's approach, stating that "war begins when diplomacy fails," indicating dissatisfaction with current international diplomatic efforts. A significant aspect of Mr. Costa Filho's speech was his condemnation of "indiscriminate economic sanctions," arguing that such measures not only exacerbate economic hardship in already vulnerable countries recovering from the pandemic, but also harm their most disadvantaged populations (A/ES-11/PV.9).

At the 10th plenary meeting held on April 7, 2022, focusing on Resolution ES-11/3 to suspend Russia's membership rights in the UNHRC, Brazil's representative, H.E. Mr. Costa Filho, expressed concern about gross violations of human rights and humanitarian law in Ukraine.

At the 14th plenary meeting on October 12, 2022, the UNGA discussed Resolution ES-11/4, which focused on Ukraine's territorial integrity and UN Charter principles. Representing Brazil, H.E. Mr. De Almeida Filho emphasized on respecting states' territorial integrity and upholding international law. Brazil advocated for dialogue over nuclear threats and expressed frustration that its proposed initiative "to include a clear message urging the parties to cease hostilities and engage in peace negotiations was not included in the draft" (A/ES-11/PV.14). This aspect of De Almeida Filho's speech is indicative of the fact that Brazil has its own specific agenda it wishes to promote. Notably, Brazil abstained from voting and remained silent for the first time during the 15th plenary meeting on November 14, 2022, that focused on Resolution ES-11/5 concerning remedy and reparation for aggression against Ukraine. Moving forward to the 19th plenary meeting on February 23, 2023, that marked one year since Russia's intervention, Brazil re-engaged in discussions, supporting the UN Charter principles for achieving just and enduring peace in Ukraine.

Brazil's emphasis on promoting peaceful dialogue extends beyond rhetoric to

active initiatives. Thus, in 2023, Brazil initiated formation of a coalition of nations dedicated to peacebuilding efforts. President Lula da Silva personally engaged with leaders of China, Portugal, Spain, and the UK to advocate for dialogue and diplomacy as essential pathways to peace.

Brazil's stance on the Ukraine conflict reflects a nuanced critique of global powers and their policies. President Lula attributed blame for the war to Putin's aggression but also criticized the US and EU for not formally forbidding Ukraine from joining NATO, which he viewed as contributing to the conflict escalation. This criticism aligns with sentiments expressed by former President Jair Bolsonaro, who began questioning the UN during his 2018 campaign, suggesting Brazil might withdraw from the UNHRC [16]. Moreover, Brazil's current and past leaders have been vocal critics of Western sanctions against Russia. This stance is rooted in Brazil's historical experience with sanctions, particularly during the 1980s due to nuclear technology disputes with the US [17]. Brazilian officials, including H.E. Mr. Costa Filho and H.E. Mr. De Almeida Filho, have consistently opposed sanctions and even facilitated circumvention efforts for affected countries [18]. This critique of the liberal international order serves multiple purposes for Brazil. It positions Brazil as a voice challenging dominant global power while also drawing on historical grievances regarding the use of punitive measures like sanctions. This rhetoric not only shapes Brazil's diplomatic strategy but also resonates with domestic audiences, particularly those skeptical of Western influence.

Israel

At the 9th plenary meeting on March 24, 2022, where Resolution ES-11/2 was adopted, H.E. Mrs. Noa Furman represented Israel for the first time during this session. This marked Israel's sole instance of commenting on Israel's position and actions regarding the ongoing circumstances. Mrs. Furman strategically used phrases like "humanitarian assistance" and "humanitarian efforts" to depict Israel as actively addressing the humanitarian impact of Russian aggression. Her statement, "we will extend a helping hand to them, as has always been Israel's custom in such crises," underscored Israel's

commitment to consistent humanitarian response, highlighting tradition and reliability. Mrs. Furman also noted Israel's positive relations with both parties involved in the conflict and its active engagement in mediation efforts, positioning Israel as a diplomatic mediator seeking resolution amidst the war (A/ES-11/PV.9).

During the 3rd plenary meeting of the Eleventh Emergency Special Session of the UNGA, H.E. Mrs. Noa Furman spoke assertively as the Israeli representative. She condemned Russia's actions as a "serious violation of the international order" and emphasized the devastating impact of war. Mrs. Furman consistently used phrases like "territorial integrity," "sovereignty," and "diplomatic efforts," highlighting Israel's commitment to global peace and stability (A/ES-11/PV.3). Despite her critique, she also underscored Israel's long-standing and positive relations with both Russia and Ukraine, indicating a willingness to play a diplomatic role in mediating the conflict, which aligns with Israel's interests in maintaining ties with both nations.

During the 11th plenary meeting on April 7, 2022, H.E. Mrs. Noa Furman delivered a speech strongly condemning Russia's invasion of Ukraine, affirming Israel's steadfast opposition to the violation of Ukrainian sovereignty and the harm inflicted on civilians. She expressed Israel's support for Resolution ES-11/3, which addresses the suspension of Russia's membership rights in the UNHRC. Mrs. Furman then criticized the UNHRC for its long-standing credibility issues, accusing it of discriminatory practices against Israel. Specifically, she cited the establishment of a commission of inquiry in May 2021 that focused on Israel without addressing Hamas, suggesting bias and questioning the Council's impartiality in its treatment of member states. Her remarks underscored ongoing concerns about fairness within the Council's framework. Furthermore, Mrs. Furman referenced past international efforts to reform human rights mechanisms, noting the unsuccessful attempt in 2006 to replace the UN Commission on Human Rights (UNCHR). This critique reflected Israel's dissatisfaction with global initiatives aimed at improving human rights governance (A/ES-11/PV.11).

During the 17th plenary meeting of the Eleventh Emergency Special Session of the UNGA in February 2023, H.E. Mr. Gilad Erdan represented Israel. His address carried diplomatic weight as he affirmed Israel's steadfast support for Ukraine's sovereignty and territorial integrity, using diplomatic language to emphasize solidarity. Mr. Erdan strategically invoked the Jewish maxim "saving even one life is akin to saving the entire world" to underscore Israel's value-driven approach and ethical stance. Furthermore, Mr. Erdan characterized Iran as a "global threat," employing assertive language to justify international action and frame Israel's concerns. He emphasized the imperative to act "for the sake of the Iranian people, for the Middle East, for Ukraine, and for the world," broadening the narrative to highlight global security and humanitarian imperatives (A/ES-11/PV.17).

In navigating the complexities of the Ukraine conflict, Israel finds itself in a delicate diplomatic position influenced by its relationships with major global powers. Traditionally aligned closely with the US, which strongly condemns Russia's actions, Israel must also balance its strategic ties with Russia, a pivotal player in regional dynamics including the Syrian conflict and Iranian interests. Israel's response has been marked by a commitment to humanitarian assistance rather than military involvement. The Israeli Ministry of Foreign Affairs, through its Agency for International Development Cooperation (MASHAV), dispatched substantial aid to Ukraine.

Criticism has arisen against Israel for its perceived neutrality in the Ukraine conflict, viewed by Ukrainian officials as leaning towards Russia [19]. This stance reflects Israel's security concerns, exacerbated by Russia's presence in Syria and warnings from figures like former Russian President Dmitry Medvedev about potential repercussions from aiding Ukraine militarily [20]. Despite calls for Israel to provide military assistance, leveraging its advanced Iron Dome air defense system, the country has opted for a cautious approach. This strategy aims to balance internal security interests with diplomatic considerations amid the ongoing conflict between Russia and Ukraine. In response to Israel's cautious stance, Ukraine supported an initiative at the UNGA's Fourth Committee on

November 11, urging an urgent advisory opinion from the International Court of Justice on Israel's activities in Palestinian territories [21]. This move sparked dissatisfaction from Israeli authorities, leading them to abstain from voting on UNGA Resolution ES-11/5 adopted on November 14, which addressed reparations for Ukraine (A/RES/ES-11/5). Israel's decision may have been influenced by concerns that supporting such a resolution could establish a precedent affecting issues related to Palestinian refugees.

While the voting dynamics in the UNGA underscore Israel's close relations with the US and the West, the country still needs to maintain its neutrality and effectively leverage its relationships with various blocs. For example, despite supporting Resolution ES-11/1 to mitigate its significance and avoid potential diplomatic conflict with Russia, Israel appointed Deputy UN Ambassador Noa Furman instead of Ambassador Gilad Erdan during the Emergency Session, with Erdan's office refraining from making any official comments [22]. Israel's support for Ukraine in UN resolutions reflects its long-standing pro-Western orientation, particularly evident in its military-economic relations with the US. This alignment is further underscored by Israel's status as the largest recipient of US vetoes at the UN, shielding against resolutions critical of Israeli policies [23]. Israeli policymakers consistently urge the UN to reform its approach towards the country, criticizing what they perceive as bias and politicization. Despite its alignment with Western positions, Israel refrained from severing economic ties or imposing sanctions on Russia, arguing the lack of a legal basis to target assets and individuals from a state not legally defined as hostile [24].

Thus, Israel's diplomatic maneuvers in the context of the Ukraine conflict highlight its strategic efforts to advance national interests while navigating complex international dynamics. By balancing support for Ukraine with maintaining relations across diverse global alliances, Israel aims to ensure security and stability amidst a turbulent geopolitical landscape.

Thailand

During the 5th plenary meeting on March 2, 2022, H.E. Mr. Chindawongse represented Thailand and voiced support for Resolution

ES-11/1, citing adherence to principles in the UN Charter and international law, particularly emphasizing sovereignty and territorial integrity (A/ES-11/PV.5). Thailand's diplomatic discourse, akin to strategies observed in speeches by Brazil and Israel, underscored its commitment to principled international relations. Mr. Chindawongse expressed deep concern for the humanitarian impact of the conflict, focusing on the suffering "in the area" without explicitly naming Russia or Ukraine. This deliberate choice reflects Thailand's cautious approach, avoiding premature attribution of blame.

During the 9th plenary meeting on March 24, 2022, H.E. Mr. Prongthura represented Thailand during discussions on Resolution ES-11/2. It was a notable shift as Thailand explicitly mentioned Ukraine for the first time, expressing concern about the humanitarian crisis and commending neighboring countries and others for swift humanitarian aid efforts. Mr. Prongthura emphasized the importance of international law, humanitarian principles, and dialogue between Russia and Ukraine. He also highlighted Thailand's ongoing humanitarian assistance through the Red Cross Society of Ukraine.

In the subsequent 10th plenary meeting on April 7, 2022, Thailand abstained from voting on Resolution ES-11/3. H.E. Mr. Chindawongse expressed the need for careful consultations, adherence to principles, verified facts, and consideration of consequences (A/ES-11/PV.10). By stating that "another life lost is another life too many, Thailand expressed regret over the conflict's escalation and reiterated calls for respecting humanitarian laws, and providing impartial aid.

At the 14th plenary meeting on October 12, 2022, Thailand abstained from voting on Resolution ES-11/3. H.E. Mr. Chindawongse justified this decision by highlighting Thailand's commitment to sovereignty, international law, and its aversion to violence or threats against other nations' sovereignty. He described the atmosphere surrounding the resolution as highly volatile and emotionally charged, which he believed hindered peaceful negotiations and could escalate to nuclear conflict and global economic collapse (A/ES-11/PV.14). Mr. Chindawongse criticized the increased politicization of international principles and argued that condemnation of Russia could lead to further intransigence.

During the 19th plenary meeting on February 23, 2023, Mr. Chindawongse again spoke on behalf of Thailand, addressing the exacerbating factors in the Ukraine crisis. He criticized the politicization and discriminatory handling of humanitarian issues, escalation of military actions, imposition of additional sanctions, and oversimplified moral narratives that vilify Russia. Mr. Chindawongse advocated for dialogue and engagement, quoting Isaiah 1:18 "it is now time for all nations to come and 'reason together'," to emphasize the need for nations to reason together and pursue pragmatic diplomacy for achieving peace (A/ES-11/PV.19).

In summary, Thailand's representatives consistently emphasized adherence to international law and humanitarian principles, advocating for humanitarian assistance and dialogue between Russia and Ukraine while refraining from explicitly condemning Russia. This stance underscores Thailand's prioritization of neutrality in response to the conflict in Ukraine, as evidenced by its passive reaction and decision not to impose sanctions on Russia or supply weapons to Ukraine, aligning with ASEAN's principles of mutual respect for sovereignty [25, 26]. During UNGA voting, Thailand adopted a nuanced approach by supporting some resolutions while abstaining from others, including Resolution ES-11/3, delineating commitment to transparency and impartiality in multilateral engagements. These abstentions may be linked to Thailand's preparations to host the APEC Summit, aiming to maintain diplomatic relations without causing friction, particularly with Russia [27]. These actions reflect Thailand's strategic diplomacy aimed at navigating complex geopolitical dynamics and preserving national interests and regional stability.

Furthermore, Thailand strategically utilizes its position in the UN to advance both economic and geopolitical interests, navigating a delicate balance with long-standing diplomatic ties to Russia. This relationship shapes Thailand's neutral stance on the conflict in Ukraine and supports its engagement in negotiations for a free trade agreement with the Eurasian Economic Union [28]. Recent high-level meetings between Mr. Thongphakdi and Russian envoy Evgeny Tomikhin, underscore the importance of maintaining and cautiously managing bilateral

relations, reflecting Thailand's pragmatic approach to diplomacy [29]. Despite engaging in military-industrial cooperation post-2014

Discussion and Findings

The results of the CDA indicate that the officials' rhetoric was often driven by the pursuit of the national interests of their respective governments. Moreover, there were specific common patterns among the selected countries, in particular, the

establishment of peaceful dialogue and judgment of the framework of liberal global governance.

Elevation of National Interests Over the Liberal Agenda

All officials frequently emphasized the significance of promoting peaceful dialogue as the only way to resolve the conflict. Based on Brazil's speeches at the UNGA, it was clear that the country actively advocates the necessity of diplomatic negotiations. Moreover, this was also evident in its foreign policy actions, which aimed to implement initiatives to organize meetings between countries to find ways to achieve peace and engage in various UN entities. This proactive stance demonstrated that Brazil has consistently sought to strengthen and enhance its role in the international political arena. As for Israel, in the context of diplomatic relations, the country aims to maintain neutrality and balance between various stakeholders. Israel's dual approach to participation in the UN reflects its strategic interest in promoting its national ambitions, such as ensuring security and preserving diplomatic relations between the West and Russia. Thailand supports the idea of peaceful dialogue to resolve conflicts as well. However, Thailand stands out with its more neutral position, driven by its support for ASEAN's calls for dialogue to settle and end the conflict, and potential long-term diplomatic ties with Russia. Thus, as part of its national strategy, Thailand adheres to a neutral position in the context of the conflict in Ukraine, aiming to ensure preservation of independent foreign policy.

Critique of the Liberal International Order

One important pattern of Brazil and Israel was their constant criticism of the liberal international order. For example, Brazil's

coup, Thailand's economic reliance on Russia remains secondary to partnerships with Vietnam and Myanmar [30].

representatives in the UNGA, along with the previous and current president of Brazil, have actively criticized the UN, the US, and the EU for not only failing to take active measures to resolve the conflict in Ukraine but also for exacerbating it by imposing sanctions on Russia. It is worth noting that Brazil itself was under US sanctions in the 1980s; since then, it has historically been against their application. Israel, in its engagement with the UN, underscores the shortcomings and biases of the UNHRC, highlighting its subjectivity, unequal recognition of Israeli rights, and the necessity to prioritize international resources towards real threats such as Iran or terrorist organizations in Palestine. This not only demonstrates Israel's pursuit of fair treatment for itself but also reflects its uncompromising stance on systemic deficiencies within international bodies that impact its position and security. Both Brazil and Israel's critique of the liberal international order aligns with realist thought, suggesting that international organizations often serve the interests of powerful states, such as the US and the EU, rather than fostering genuine multilateral cooperation. Their stance reflects a deeper realist skepticism about the efficacy of international institutions in promoting equitable global governance.

Conclusion

This study aimed to explore some standout voting behavior at the UNGA on the war in Ukraine. After examining all the resolutions of the Eleventh Emergency Special Session of the UNGA, we have discovered that Latin America, the Middle East and North Africa, and Southeast Asia demonstrated the most bizarre voting behavior. Brazil, Thailand, and Israel particularly distinguished themselves from other nations within these regions. After selection of cases, we applied Van Dijk's CDA to explore the rhetoric and discourse of the selected countries' officials.

Our findings revealed national interests as shaping and advancing states' positions during UNGA deliberations. This becomes evident as states strategically emphasize the primacy of state sovereignty

and security concerns. To explain and justify this phenomenon, it is appropriate to apply the theoretical framework of realism - a research tradition that points to human nature as the core explanation for politicians' foreign policy decisions. Individuals' essence, seen as selfish, self-interested, and unconcerned with moral principles, spurred also by an anarchic environment, favors the will of states to pursue a coherent agenda of their goals, which is not influenced by international institutions such as the UNGA [31, 32, 33, 2].

The analysis confirms that national interests, especially security concerns,

dominate state behavior in UNGA deliberations. In line with realist theory, states like Brazil, Israel, and Thailand prioritize sovereignty over international norms, often acting independently of liberal international frameworks when their strategic interests are at stake. Hence, our study contributes to the broad academic literature on realism and critique of the liberal international order by illuminating the key role of national interests and international organizations in contemporary global affairs.

References

1. General Assembly of the United Nations [Electronic resource] – URL: <https://www.un.org/en/ga/sessions/emergency11th.shtml> (accessed: 09.02.2024).
2. Mearsheimer, J.J. The False Promise of International Institutions. [Electronic resource] / J.J. Mearsheimer // *International Security*. – 1994. – Vol. 19, No. 3. – P. 5. – URL: <https://doi.org/10.2307/2539078>
3. Van Dijk, T.A. *Society and Discourse: How Social Contexts Influence Text and Talk* [Text] / T.A. Van Dijk. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – Vol. 21, No. 3. – Pp. 346–348. – URL: <https://doi.org/10.1177/09579265100210030603>
4. Ebim, M.A., Nta, E.G., Tasen, O.S. Power relations in the deployment of linguistic resources by world leaders during the Russian-Ukrainian war [Text] // *Journal of Languages, Linguistics and Literary Studies*. – 2022. – Vol. 2, No. 2. – P. 45–53. – URL: <https://doi.org/10.57040/jlls.v2i2.192>
5. Hall, S. *Encoding and Decoding in the Television Discourse* [Electronic resource] // Centre for Contemporary Cultural Studies, Birmingham, 1973.
6. Alexander, D., Rooney, B. Vote-buying by the United States in the United Nations [Text] // *International Studies Quarterly*. – 2019. – Vol. 63, No. 1. – P. 168–176. – URL: <https://doi.org/10.1093/isq/sqy059>
7. Bailey, M.A., Strezhnev, A., Voeten, E. Estimating dynamic state preferences from United Nations voting data [Text] // *The Journal of Conflict Resolution*. – 2017. – Vol. 61, No. 2. – P. 430–456. – URL: <https://www.jstor.org/stable/26363889>
8. Brazys, S., Panke, D. Analyzing voting inconsistency in the United Nations General Assembly [Text] // *Diplomacy & Statecraft*. – 2017. – Vol. 28, No. 3. – P. 538–560. – URL: <https://doi.org/10.108>
9. Amighini, A., García-Herrero, A. What really influences United Nations voting on Ukraine? [Electronic resource] – URL: <https://www.bruegel.org/analysis/what-really-influences-united-nations-voting-ukraine> (accessed: 06.02.2024).
10. Farzanegan, M.R., Fereidouni, H.G. Ukraine invasion and votes in favor of Russia in the UN General Assembly (Working Paper 17–2022) [Electronic resource] // MAGKS Joint Discussion Paper Series in Economics. – URL: <https://www.econstor.eu/handle/10419/262318>
11. Mikami, S. Democracy, Trade, or Security? An Empirical Analysis of Factors Influencing Countries' Stance on the Russian Invasion of Ukraine. [Electronic resource] / S. Mikami. – URL: https://www.researchgate.net/publication/374060495_Democracy_Trade_or_Security_An_Empirical_Analysis_of_Factors_Influencing_Countries'_Stance_on_the_Russian_Invasion_of_Ukraine (accessed: 06.02.2024).
12. Ball, M.M. Bloc voting in the General Assembly [Text] // *International Organization*. – 1951. – Vol. 5, No. 1. – P. 3–31. – URL: <https://www.jstor.org/stable/2703786>
13. Steinmetz, J., Null, N. Chapter 8: Comparative politics [Electronic resource] / J. Steinmetz, N. Null // In: *Politics, power, and purpose: An orientation to political science*. – Fort Hays State University, 2021. – URL: <https://doi.org/10.58809/BYFI6880> (accessed: 12.02.2024).
14. Halperin, S., Heath, O. *Political research: Methods and practical skills* [Electronic resource] // 3rd ed. – Oxford University Press, 2020.
15. Van Dijk, T.A. Critical discourse analysis [Text] / T.A. Van Dijk // In: Tannen, D., Hamilton, H.E., Schiffrin, D. (Eds.). *The Handbook of Discourse Analysis*. 1st ed. – Wiley, 2015. – Pp. 466–485. – URL: <https://doi.org/10.1002/9781118584194.ch22>
16. Vasconcellos De Carvalho Motta, B., Succi Junior, D.P. Brazilian foreign policy for the war in Ukraine: Changing non-alignment, counterfactual, and future perspectives [Text] / B. Vasconcellos De

Carvalho Motta, D.P. Succi Junior // Globalizations. – 2023. – Vol. 20, No. 7. – Pp. 1227–1240. – URL: <https://doi.org/10.1080/14747731.2023.222462>

17. Stuenkel, O. Why Brazil has not criticized Russia over Crimea [Electronic resource] / O. Stuenkel // The Norwegian Peacebuilding Resource Centre. – 2014. – URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/180529/65655a04cd21b64dbcc9c8a823a8e736.pdf> (accessed: 11.02.2024).

18. Chivvis, C.S., Geaghan-Breiner, B. Brazil in the Emerging World Order [Electronic resource] // Carnegie Endowment for International Peace. – 2023. – URL: <https://carnegieendowment.org/2023/12/18>

19. Shmigel, P. Israel-Ukraine: Accusations fly while aid doesn't [Electronic resource] / P. Shmigel // Kyiv Post. – 2023. – URL: <https://www.kyivpost.com/post/18714> (accessed: 11.02.2024).

20. Polyakova, V. Medvedev called Israel's decision to provide military aid to Kiev reckless [Медведев назвал опрометчивым решение Израиля оказать военную помощь Киеву]. [Electronic resource] / V. Polyakova // RBC. – 2022. – URL: <https://amp.rbc.ru/rbcnews/politics/17/10/2022/634d1ed69a7947adc970bd03> (accessed: 06.02.2024).

21. Tress, L. UN panel asks Int'l Court of Justice to urgently weigh in on Israeli 'annexation' [Electronic resource] / L. Tress // The Times of Israel. – 2022. – URL: <https://www.timesofisrael.com/un-panel-asks-international-court-of-justice-to-weigh-in-on-israeli-annexation/amp/> (accessed: 11.02.2024).

22. Magid, J. UN General Assembly, including Israel, votes overwhelmingly to condemn Russia [Electronic resource] / J. Magid // The Times of Israel. – 2022. – URL: <https://www.timesofisrael.com/un-general-assembly-including-israel-votes-overwhelmingly-to-condemn-russia/amp/> (accessed: 07.02.2024).

23. UN reforms could make it harder for the US to veto criticism of Israel [Text] / Middle East Monitor. – 2022. – URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20220419-un-reforms-could-make-it-harder-for-the-us-to-veto-criticism-of-israel/amp/> (accessed: 11.02.2024).

24. Freedman, R. Israel's Tightrope between Russia and Ukraine [Electronic resource] // Middle East Forum. – 2022. – URL: <https://www.meforum.org/63520/israel-tightrope-between-russia-and-ukraine> (accessed: 08.02.2024).

25. Thailand will not rush to condemn Russia over Ukraine, says Foreign Minister Don [Electronic resource] // Thai PBS World. – 2022. – URL: <https://www.thaipbsworld.com/thailand-will-not-rush-to-condemn-russia-over-ukraine-says-foreign-minister-don/> (accessed: 08.02.2024).

26. Chivvis, C., Marciel, S., Geaghan-Breiner, B. Thailand in the Emerging World Order [Electronic resource] // Carnegie Endowment for International Peace. – 2023. – URL: <https://carnegieendowment.org/2023/10/26/thailand-in-emerging-world-order-pub-90818>

27. Sanglee, T. Thailand's APEC misfortunes continue [Electronic resource] / T. Sanglee // The Diplomat. – 2022. – URL: <https://thediplomat.com/2022/10/thailands-apec-misfortunes-continue/> (accessed: 08.02.2024).

28. Asri, A. ASEAN Member States responses to the Russian invasion of Ukraine [Electronic resource] // Jurnal Mengkaji Indonesia. – 2023. – Vol. 2, No. 2. – URL: <https://rb.gy/6ohxz7> (accessed: 06.02.2024).

29. Neutral on Russia-Ukraine: PM. [Electronic resource] / Bangkok Post. – 2022. – URL: <https://www.bangkokpost.com/thailand/general/2272191/neutral-on-russia-ukraine-pm> (accessed: 10.02.2024).

30. For many, Thailand's UN vote on Russia still a puzzle [Electronic resource] // Thai PBS World. – 2022. – URL: <https://www.thaipbsworld.com/for-many-thailands-un-vote-on-russia-still-a-puzzle/> (accessed: 06.02.2024).

31. Smith, N.R. Can neoclassical realism become a genuine theory of international relations? [Electronic resource] / N.R. Smith // The Journal of Politics. – 2018. – Vol. 80. – Pp. 742–749. – URL: <https://doi.org/10.1086/696882>

32. Smith, N.R., Yuchshenko, A. Realism and the study of EU-Russian relations [Electronic resource] / N.R. Smith, A. Yuchshenko // In: Romanova, T., David, M. (Eds.). The Routledge Handbook of EU-Russian Relations. – Routledge, 2021. – URL: <https://doi.org/10.4324/9781351006262-9>

33. Korab-Karpowicz, W.J. Political Realism in International Relations [Electronic resource] / W.J. Korab-Karpowicz // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. – 2010. – URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2017/entries/realism-intl-relations/> (accessed: 15.02.2024)

Appendix 1. List of Plenary Meeting Records

1. A/ES-11/PV.3. 1 March 2022
2. A/ES-11/PV.5. 2 March 2022
3. A/ES-11/PV.9. 24 March 2022
4. A/ES-11/PV.10. 7 April 2022
5. A/ES-11/PV.11. 7 April 2022
6. A/ES-11/PV.14. 12 October 2022
7. A/ES-11/PV.17. 22 February 2023
8. A/ES-11/PV.19. 23 February 2023

Source: <https://research.un.org/en/docs/ga/quick/emergency>

БРАЗИЛИЯ, ИЗРАИЛЬ ЖӘНЕ ТАИЛАНДТЫҢ БІРІККЕН ҰЛТТАР ҰЙЫМЫНЫҢ БАС АССАМБЛЕЯСЫНДА УКРАИНАДАҒЫ СОҒЫСҚА ҚАТЫСТЫ ҚАРАРЛАРҒА ДАУЫС БЕРУІ: САЛЫСТЫРМАЛЫ ТАЛДАУЫ

Артур УТЕБАЕВ*, Халықаралық қатынастар бағдарламасының жетекшісі, Халықаралық экономика мектебі, Maqsut Narikbayev University (MNU), Assistant Professor, Астана, Қазақстан, a.utebayev@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-4647-0490>.

Казбек ХАЙЗАБЕКОВ, Падуа университетінің Еуропа және жаһандық зерттеулер магистрі, Италия, khaizabekovk@gmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-8241>.

Диана КАППАСОВА, Падуа университетінің Еуропа және жаһандық зерттеулер магистрі, Италия, kappasova.13@gmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-8388-3909>.

ГОЛОСОВАНИЕ БРАЗИЛИИ, ИЗРАИЛЯ И ТАИЛАНДА НА ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЁННЫХ НАЦИЙ ПО РЕЗОЛЮЦИЯМ, КАСАЮЩИХСЯ ВОЙНЫ В УКРАИНЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ БРАЗИЛИЯ, ИЗРАИЛЬ, ТАИЛАНД

Артур УТЕБАЕВ*, Руководитель программы по международным отношениям, Международная школа экономики, Maqsut Narikbayev University (MNU), Assistant Professor, Астана, Қазақстан, a.utebayev@gmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-4647-0490>.

Казбек ХАЙЗАБЕКОВ, Магистрант Европейских и Глобальных Исследований Университета Падуа, Италия, khaizabekovk@gmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-8241-8016>.

Диана КАППАСОВА, Магистрант Европейских и Глобальных Исследований Университета Падуа, Италия, kappasova.13@gmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-8388-3909>.

/brazil-in-emerging-world-order-pub-91285.

THE GLOBAL ASPECT OF KAZAKHSTAN'S CULTURAL POLICIES

Abzal*
DOSBOLOV

PhD, International relations department, Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University, Turkistan, Kazakhstan, Abzal.d@ayu.edu.kz, Orcid ID: <https://orcid.org/0000-0002-8168-2431>

Firat
PURTAS

Professor, Department of International Relations, Ankara Haci Bayram Veli University, Ankara, Türkiye, firat.purtas@hbv.edu.tr, Orcid ID: <https://orcid.org/0000-0002-0531-4178>

Manuscript received: 20/07/2024

Revised: 23/12/2024

Accepted: 15/01/2025

10.52123/1994-2370-2025-1290

UDC 321.01

CICSTI 11.25.91

Abstract. This article analyzes the worldwide importance of Kazakhstan's cultural policies within the framework of international relations. Since achieving independence in 1991, Kazakhstan has deliberately included cultural elements into its domestic and foreign policy in order to influence its worldwide perception and strengthen its diplomatic efforts. The paper examines Kazakhstan's cultural diplomacy activities, drawing on historical analysis and contemporary trends. It highlights the projects' importance in fostering mutual understanding, cooperation, and peace at the international level. The analysis commences by examining the development of culture in the realm of international relations theory and practice, emphasizing its increasing significance in influencing diplomatic interactions, foreign policy choices, and power dynamics. The text explores Kazakhstan's cultural policies, covering the period from its early years of independence to the present. The Cultural Heritage Program and the promotion of current Kazakh culture globally are extensively analyzed to demonstrate Kazakhstan's proactive strategy for revitalizing and promoting its culture. Ultimately, the study emphasizes the crucial significance of culture in influencing Kazakhstan's approaches to international relations and bolstering its position on the world stage. Kazakhstan has established itself as a powerful and prominent participant in global affairs by utilizing its cultural legacy and promoting intercultural conversation and understanding. This has contributed to the development of a more harmonious and prosperous global community.

Key words: Kazakhstan, Culture, Cultural Diplomacy, Cultural Heritage, Soft Power, Cultural Policy

Аңдатпа. Бұл мақалада Қазақстан Республикасының мәдени саясатының әлемдік маңызы талданады. 1991 жылы тәуелсіздік алғаннан бері Қазақстан Республикасы дипломатиялық күш-жігерін күшейту үшін өзінің ішкі және сыртқы саясатына мәдени элементтерді енгізе бастайды. Мақалада тарихи талдау және қазіргі заманғы үрдістер негізінде Қазақстанның мәдени дипломатиясының қызметі қарастырылады. Ол халықаралық деңгейде өзара түсіністікті, ынтымақтастықты және бейбітшілікті нығайтудағы жобалардың маңыздылығын атап көрсетеді. Талдау халықаралық қатынастар теориясы мен практикасы саласындағы мәдениеттің дамуын зерттеуден басталады, оның дипломатиялық өзара іс-қимылға, сыртқы саяси таңдау мен билік динамикасына әсер етудегі өсіп келе жатқан маңыздылығын атап көрсетеді. Мәтінде Тәуелсіздіктің алғашқы жылдарынан бастап қазіргі уақытқа дейінгі кезеңді қамтитын Қазақстанның мәдени саясаты зерттеледі. "Мәдени мұра" бағдарламасы және бүкіл әлемде заманауи қазақ мәдениетін ілгерілету Қазақстанның өз мәдениетін жаңғырту мен ілгерілету жөніндегі белсенді стратегиясын көрсету үшін мұқият талданады. Сайып келгенде, зерттеу Қазақстанның халықаралық қатынастарға көзқарастарына әсер етудегі және оның әлемдік аренадағы ұстанымын нығайтудағы мәдениеттің шешуші мәнін көрсетеді. Қазақстан өзінің мәдени мұрасын пайдалана отырып және мәдениетаралық диалог пен өзара түсіністікке ықпал ете отырып, өзін әлемдік істердің ықпалды және көрнекті қатысушысы ретінде көрсетті. Бұл үйлесімді және гүлденген әлемдік қауымдастықтың дамуына ықпал етті.

Түйінді сөздер: Қазақстан, мәдениет, мәдени дипломатия, мәдени мұра, жұмсақ күш, мәдени саясат

Аннотация. В данной статье анализируется всемирное значение культурной политики Казахстана в рамках международных отношений. С момента обретения независимости в 1991 году Казахстан сознательно включил культурные элементы в свою внутреннюю и внешнюю политику, чтобы повлиять на мировое восприятие и усилить свои дипломатические усилия. В статье на основе исторического анализа и современных тенденций рассматривается деятельность культурной дипломатии Казахстана. Он подчеркивает важность проектов в укреплении взаимопонимания, сотрудничества и мира на международном уровне. Анализ начинается с изучения развития культуры в сфере теории и практики международных отношений, подчеркивая ее растущее значение во влиянии на дипломатические взаимодействия, внешнеполитический выбор и динамику власти. В тексте исследуется культурная политика Казахстана, охватывающая период с первых лет независимости до настоящего времени. Программа «Культурное наследие» и продвижение современной казахской культуры во всем мире

*Corresponding author: Abzal Dosbolov, Abzal.d@ayu.edu.kz

тщательно анализируются, чтобы продемонстрировать активную стратегию Казахстана по возрождению и продвижению своей культуры. В конечном счете исследование подчеркивает решающее значение культуры во влиянии на подходы Казахстана к международным отношениям и укреплении его позиций на мировой арене. Казахстан зарекомендовал себя как влиятельный и видный участник мировых дел, используя свое культурное наследие и способствуя межкультурному диалогу и взаимопониманию. Это способствовало развитию более гармоничного и процветающего мирового сообщества.

Ключевые слова: Казахстан, культура, культурная дипломатия, культурное наследие, мягкая сила, культурная политика

Introduction

The importance of culture within the discipline of International Relations has grown significantly since the end of the Cold War. Encompassing a broad spectrum of human activities and social behaviors, culture has become a critical tool in shaping political agendas and fostering public support. As Theodore Heuss, the first president of the Federal Republic of Germany, aptly noted, “politics cannot engender culture, but culture can shape politics” [1]. This observation underscores the enduring relevance of culture as a force capable of influencing both domestic and international political landscapes. States increasingly leverage culture to implement political initiatives, shape perceptions abroad, and address complex foreign policy challenges. Moreover, cultural connections play a pivotal role in preventing ethnic conflicts and fostering unity across diverse political, social, and religious groups.

The dissolution of the Soviet Union in 1991 marked the emergence of newly independent states, including Kazakhstan, which now plays an active role on the global stage. This article examines Kazakhstan's cultural policies, emphasizing their relevance to the nation's post-independence development and international engagement. By investigating the intersection of cultural diplomacy and foreign policy, this study addresses critical gaps in understanding the strategic use of culture as a form of soft power by post-Soviet states. Furthermore, the analysis highlights how Kazakhstan's cultural initiatives have contributed to its international reputation and diplomatic efforts, offering insights into the broader implications of culture in global politics.

This research seeks to answer the central question: How have Kazakhstan's cultural policies shaped its international reputation and contributed to its global diplomatic strategy? Employing a qualitative approach, the study integrates historical analysis and thematic reviews of policy documents and academic

literature to examine Kazakhstan's cultural strategies. The findings illuminate the pivotal role of culture in navigating globalization, asserting sovereignty, and enhancing the country's influence in international relations.

In an era characterized by intensified globalization, culture has emerged as a vital component of both domestic and foreign policy. While its utility as a policy instrument is not new, the reliance on cultural diplomacy as a mechanism for achieving strategic objectives has grown substantially. For Kazakhstan, this reliance reflects a broader effort to integrate cultural heritage into its identity-building processes and international engagements, underscoring the critical role of culture in shaping global perceptions and fostering diplomatic success.

Method

This study utilizes a qualitative research methodology to examine the impact of Kazakhstan's cultural policies on its global reputation and diplomatic efforts. The study entails a historical analysis centered on Kazakhstan's cultural development since independence, with specific emphasis on significant events such as the Cultural Heritage Program and modern global cultural efforts. An extensive document analysis was performed, examining policy papers, government publications, and strategic frameworks pertinent to Kazakhstan's cultural diplomacy. Furthermore, speeches, declarations, and official statements delivered in international venues were analyzed to evaluate how Kazakhstan conveys its cultural identity globally. A thematic assessment of scholarly literature on cultural diplomacy, soft power, and national identity was done to enhance the study. This methodological approach offered an in-depth analysis of Kazakhstan's tactics for incorporating cultural diplomacy into its foreign policy and its efficacy in promoting collaboration, mutual understanding, and worldwide recognition.

Literature Review

Culture and International Relations

The etymology of the term "culture" may be traced back to the Italian word "cultura" and was initially employed in literature dating from the 13th and 14th centuries. The Italian term "cultura" translates to "to cultivate." The term cultivation here implies plowing the soil, producing crops, and raising animals. It is evident that the culture was initially employed for agricultural purposes. The term, originally derived from Italian and later adopted by the French, initially referred to "couture," or the act of sewing, and subsequently evolved to encompass "culture," or the practice of agriculture. In the 18th century, the French assigned this phrase, which denotes the act of cultivating, the connotation of nurturing intellectual growth, and the shaping and advancement of human intellect [2, p. 50]. Subsequently, the term "culture," originally borrowed from the French language by the Germans, started to be employed to denote the concept of civilization and the progressive development of society [3, p. 104]. Therefore, in Italian, it means "cultivating the land." The term "culture" refers to the acquisition and development of sophisticated knowledge in Western European languages. According to anthropologist Edward Burnett Tylor, culture and civilization, in their widest ethnographic meaning, encompass a comprehensive collection of knowledge, beliefs, art, conventions, traditions, and all other acquired talents and habits of human beings as members of society [4, p. 19–21].

Culture is a complex topic that defies a simple definition. Raymond Williams, a British cultural scholar, characterized culture as one of the most intricate words in the English language [5, p. 19]. Culture is a notion that lacks a universally agreed-upon definition among professionals worldwide. Some sources suggest that there are 160 distinct meanings of the concept of culture [6]. The term of culture in this study refers to all the material and spiritual values produced by the human community.

Culture plays a complex and important role in international relations. Culture is an integral part of the theory and practice of international relations, providing important reflections and insights into diplomatic encounters, foreign policy decisions, and power dynamics [7]. Cultural diplomacy functions as a pragmatic implementation, promoting comprehension

among states and enhancing the acquisition of soft power [8–10]. Cultural constructivism offers a more profound understanding of how cultural and social influences mold foreign policies, allowing policymakers to comprehend the motivations and goals of nations [11]. Moreover, culture plays a significant role in shaping how power is seen and in forming the reputation of nations in the international arena, thereby emphasizing the interdependence between culture and international relations [12]. Culture is a crucial factor in influencing the dynamics of global society, ranging from theoretical frameworks to real diplomatic efforts and the demonstration of national influence.

Culture originated with the inception of societal living, serving as a means of international and inter-societal connections. Events like commerce, conquests, and migration have an impact on cultural interaction between societies. Ancient diplomats, sometimes known as ambassadors, were crucial in facilitating cultural interchange between communities or governments. Ambassadors were dispatched during those times not merely to deliver messages but also to gather intelligence about the country or region they were visiting. Ambassadors played a crucial role in promoting their culture to other societies and facilitating communication across communities.

France was the first state to formalize cultural activity. The French established the French Academy (Académie Française) in 1635, emphasizing their language and cultural ideals. Cardinal Richelieu formally established the intellectuals' society in 1635 at the residence of writer Valentin Conrart. This academy is responsible for overseeing the French language and monitoring published works. France recognized that the reputation and impact of the state internationally relied on the continuation of *la francophonie*. In 1883, France founded the French Cultural Center (Alliance Française) to enhance the global dissemination and endorsement of the French language. In the mid-18th century, other European nations began establishing institutions to showcase their cultural riches and accomplishments internationally, following a similar approach. The British Council, established by the United Kingdom in 1934, and the Goethe Institut, established by the Germans in 1951, are two examples of this

[13, p. 54]. Similarly, Russia has formed the Russkiy Mir foundation in other locations across the globe. The Russkiy Mir Foundation engages in the operation of cultural institutions, the organization of language courses, and the promotion of Russian cultural events on a global scale. Consequently, these endeavors have made the Russian language more attainable and attractive to individuals from many cultural backgrounds worldwide. In addition, the foundation's projects have played a role in promoting a deeper comprehension and admiration of Russian culture and heritage outside of Russia. Moreover, Russia utilizes this foundation as a means to uphold its influence in the territories that were once part of the Soviet Union. The main objective of these organizations is to promote their indigenous language and cultural heritage while also improving their global standing. Nevertheless, they also function as influential tools for projecting soft power on the international platform for their individual nations [14–16]. Furthermore, their efforts might be understood as strategic actions intended to offset the lingering impact of previous imperialist powers in territories that were historically occupied by these nations.

Cultural policies are crucial for newly independent governments such as Kazakhstan to protect their distinct cultural identity in the face of the overwhelming impact of more powerful nations. In addition, similar to countries that have experienced long-term external domination, Kazakhstan, after gaining independence, is making efforts to revive its cultural heritage, which was forcefully suppressed throughout its period of Soviet incorporation. Therefore, culture plays a crucial role in Kazakhstan's foreign policy agenda, functioning as an essential instrument for the decolonization process.

Culture has always been overlooked in the field of International Relations. Politicians and scholars both concentrate on national power, national interest, and international economic cooperation. International Relations theories typically center on these topics. Realism prioritizes power and security; liberalism focuses on international cooperation, law, and trade; and Marxism analyzes international relations through class struggle.

International relations encompass cultural, political, economic, and legal components in the interactions between states,

demonstrating the interconnectedness of culture and politics. The relationship between culture and politics can be categorized into three divisions in this context.

a.

he supremacy of politics; culture is reliant on politics and cannot exist as a separate entity. Marxists have supported this method. Marxists view culture and politics as the superstructure and economy and production as the infrastructure. They believe that culture is not a formation that exists outside of historical context. Culture arises within certain historical contexts and serves to justify the goals of the ruling class. Culture and politics are interwoven in international relations, which encompass the cultural, political, economic, and legal components of interactions between states. The relationship between culture and politics can be divided into three categories in this context [17,18].

b.

he supremacy of culture; Advocates of this strategy have a contrasting perspective. Experts suggest that culture's dominance over politics can result in nationalism. Representatives of the Frankfurt School, including Max Horkheimer, Theodor W. Adorno, Herbert Marcuse, and Jurgen Habermas, promoted this approach. Representatives of the Frankfurt School were influenced by Marxist ideology. Furthermore, individuals from this school scrutinized Marxism's concept of "an economic infrastructure and an ideological superstructure linked to this infrastructure" and contended that culture exists autonomously [19]. The Frankfurt School, a group of academics linked to the Institute for Social Research in Frankfurt in the 20th century, provided a detailed and critical view of the Marxist idea of the economic foundation and ideological framework. The Frankfurt School scholars enhanced conventional Marxist theory by proposing notions such as the "culture industry." According to this theory, elites have industrialized and turned cultural creation into commodities in developed capitalist countries so that they can control and influence public perception. The scholars criticized "instrumental reason," stating that rationality in modern civilizations has been

limited to efficiency and technical methods, leading to dehumanization and alienation in culture and society. The Frankfurt School developed Critical Theory to critically analyze societal structures, such as the economic base and ideological superstructure, in order to understand and challenge power dynamics in modern capitalist societies [20].

c.

interaction: In this perspective, culture and politics are considered equal in importance. Culture and politics have a reciprocal relationship. Cultural groups today collaborate closely with governments and hold significant influence over administrators' decision-making. This perspective is currently more emphasized than past viewpoints [19].

Results

The Global Aspect of Kazakhstan's Cultural Policies

States utilize culture as a foreign policy instrument to safeguard their national interests and accomplish their objectives. In the 21st century, states often utilize cultural diplomacy to maintain a favorable international reputation. Cultural diplomacy is a form of soft power. Joseph Nye, the originator of the notion of soft power, asserts that national culture is a fundamental component of soft power [21]. The cultural qualities of a state play a crucial role in enhancing its appeal on the global stage. Kazakhstan, as a sovereign nation, utilizes cultural components to enhance its favorable reputation on the global stage. After 2004, Kazakhstan began incorporating cultural components into their foreign policy, shifting their focus from economic and political matters, which were prioritized in the initial years of independence.

In the 1990s, Kazakhstan was undergoing three simultaneous transition periods. The transitions include the shift from communism to democracy following the dissolution of the Soviet Union, the change from a socialist economic system to a market economy, and the move from constant conflict in the bipolar international relations system to a peaceful and multi-vector foreign policy approach. Kazakhstan did not prioritize cultural policies throughout this transition period. Until the early 2000s, cultural elements were not included in Kazakhstan's foreign policy strategies and concepts. In the initial decade following

independence, Kazakhstan's foreign policy primarily focused on safeguarding its territorial integrity and upholding its independence. The "Kazakhstan 2030" strategy, released in 1997, stressed the importance of Kazakhstan enhancing its influence and fostering positive relationships with neighboring countries to safeguard its security and preserve its geographical boundaries [22]. Kazakhstan's foreign policy stance throughout the first decade prioritized economic considerations over political ones.

When assessing Kazakhstan's foreign policy during the initial years of independence, the former Minister of Foreign Affairs and current president, Tokayev, characterized Kazakhstan's relationships with China and Russia as a policy of balance [23, p. 28]. Kazakhstan initiated the construction of a collaborative oil pipeline with China in 1997 to enhance its energy security. The Atasu-Alashankou pipeline, finished in 2005, allowed Kazakhstan's oil from the Caspian basin to access the global market through China. The Kazakhstan government has partially diminished Russia's dominance in the energy sector. Kazakhstan maintains its independence and territorial integrity through similar balancing tactics without resorting to harsh rhetoric or xenophobia [24, p. 4].

The balance in Kazakhstan's international cultural policies can also be observed. Kazakhstan prioritizes the shared Soviet history in its cultural ties with Russia and CIS countries while focusing on research about Turkic identity and history in its connections with the Turkic World. Kazakhstan has been involved in the "CIS Capitals of Culture" project within the Commonwealth of Independent States since 2011 and has also engaged in the "Cultural Capitals of the Turkic World" project since 2012. Kazakhstan is enhancing its cultural collaboration with both CIS countries and the Turkic world. Astana, Almaty, and Shymkent were named the CIS capitals of culture in 2012, 2014, and 2020 [25], respectively. Astana and Turkistan became the cultural capitals of the Turkic World in 2012 and 2017 [26]. The Kazakhstan government manages cultural initiatives conducted inside the institution, such as the Russian-led CIS and TURKSOY, to promote unity and collaboration in the Turkic world.

With the launch of the Cultural Heritage program in 2004, Kazakhstan tried to revive

the cultural values it lost when it was a part of Tsarist Russia and the Soviet Union. Kazakhstan has incorporated cultural components into both its international and internal policies since this day. This program plays a significant role in the cultural decolonization process in Kazakhstan by allowing historical items representing the spiritual and cultural legacy of the Kazakh people to be accessible to a broad audience.

In his piece "Course towards the Future: Modernization of Kazakhstan's Identity," Nazarbayev stressed the importance of developing and promoting Kazakhstan's cultural values globally. He proposed the development of a new initiative titled "Contemporary Kazakhstan Culture in the Global World" for this goal. Nazarbayev expressed in the piece that Kazakhstan should be recognized not just for its natural resources, but foreign policy efforts, and cultural accomplishments [27]. Nazarbayev's project aimed to showcase Kazakhstan's accomplishments in modern cultural areas like literature, music, art, theater, and cinema on an international scale. Two works, "Anthology of Contemporary Kazakhstan Poetry" and "Anthology of Contemporary Kazakhstan Prose," were translated into the six official languages of the UN for this project. Furthermore, concerts and exhibitions featuring Kazakh artists are organized in many places. Abay State Academic Opera and Ballet Theater and Astana Symphony Orchestra performed concerts in France. The "Golden man is in World Museums" project aimed to promote Kazakh history and culture. The exhibition features a significant work from the Saka culture that offers a fresh perspective on Turkic history, along with over 200 historical artifacts from the Great Steppe culture and surrounding civilizations. It has been displayed in major museums across 12 countries since 2019. The exhibition named "Great Steppe: history and culture" took place at the Anatolian Civilizations Museum in Ankara from September 12 to October 12, 2019 [28]. Kazakhstan government organizations and its representatives abroad organize activities to promote Kazakh culture and history in major cities worldwide.

Kazakhstan's worldwide endeavors contribute to the beneficial development of the country's image. Kazakhstan has introduced several international projects, such as the Conference

on Interaction and Confidence Building Measures in Asia (CICA), the Congress of Leaders of World and Traditional Religions, and the UNESCO International Decade for the Rapprochement of Cultures (2013-2022). Kazakhstan's peaceful and diversified foreign policy approach is seen in its endeavors on the international arena.

Following independence, Kazakhstan began the process of establishing a unique cooperation and security initiative in Asia. President Nazarbayev proposed the idea of a Conference on Interaction and Confidence-Building Measures in Asia during his speech to the UN General Assembly on October 5, 1992. This project, which Kazakhstan initiated, aimed to establish an organization resembling the OSCE to uphold security and peace in Asia. Initially, Asian countries were not enthusiastic about this idea. The vast diversity of governments in Asia, along with regions prone to high conflict, posed a significant challenge to implementing this theory [29]. Unlike other regions, the Asian Continent did not have a similar framework during that period, and prior efforts to establish one were largely unsuccessful. Several Asian countries supported Kazakhstan's plan. In 1996, a meeting in Almaty convened the Deputy Ministers of Foreign Affairs from the 15 nations that had committed to participating in CICA. In 1999, three years later, the inaugural meeting of CICA Foreign Ministers took place. The First CICA Summit took place in Almaty in 2002 and approved the CICA Charter [30, p. 32–33]. CICA formulates and oversees policies focused on economic, social, and cultural collaboration through multilateral methods to safeguard peace, security, and stability on the Asian Continent. This is done within the principles of sovereignty, equality, and non-interference in the internal affairs of member states. CICA currently consists of twenty-seven member states, representing almost 90% of Asia's landmass and population. Five multinational organizations and nine countries, including the United Nations, hold observer status [31]. Kazakhstan proposed creating CICA to promote peace and security in international relations, advocating for peaceful and cooperative solutions to global issues.

The Congress of Leaders of World and Traditional Religions that Kazakhstan organized in Astana was another significant

initiative in the international arena. The congress, held in Astana on September 23–24, 2003, aimed to foster understanding between religions and cultures. Kazakhstan established a platform in response to the rising religious and sectarian disputes following the events of September 11, 2001. This initiative is directly connected to Kazakhstan's domestic policies. Kazakhstan is a country recognized for its diverse population living harmoniously. Thus, upon Kazakhstan's initial independence, certain scholars forecasted the likelihood of ethnic and religious conflicts within the country. Simply put, in the early 1990s, there were doubts about Kazakhstan's ability to remain a sovereign nation. Due to the peaceful policies implemented, all ethnic and religious groups in Kazakhstan coexist in safety and harmony. Kazakhstan wanted to extend its achievements in internal politics to regional and global levels. The Congress of World and Traditional Religious Leaders should be viewed as an effort to accomplish this objective.

The theme of the 6th Congress, which took place in October 2018, was "Religious leaders for a safe world." Over 82 representatives from many world and traditional faiths, religious organizations, and international groups participated in this convention [32]. The Palace of Peace and Tolerance in Astana, Kazakhstan, was constructed specifically to accommodate the Congress of World and Traditional Religious Leaders. A key element of the peaceful policies supporting Kazakhstan's platform is tolerance among the Kazakh people. Thus, all peaceful policies in Kazakhstan are based on this concept. The Congress of World and Traditional Religious Leaders in Kazakhstan is a significant forum where representatives of various religions, cultures, and civilizations gather, making it a key feature of Kazakhstan's international reputation.

The "International Decade for the Rapprochement of Cultures (2013-2022)" project, implemented inside UNESCO, is another significant endeavor started by Kazakhstan. The project was presented during the 34th General Conference of UNESCO. This initiative emphasizes the convergence of cultures, international security, and social cohesion, signaling Kazakhstan's good and peaceful image development. The rapprochement of cultures suggests that

global stability and societal unity rely on embracing fundamental notions like compassion, solidarity, brotherhood, hospitality, and enjoyment, which are essential elements of human nature across many beliefs and ideologies. Dialogue has a crucial role in fostering a broad global consciousness that transcends racial, ethnic, and socioeconomic biases [33]. Kazakhstan introduced the "International Decade for the Rapprochement of Cultures" initiative at the UNESCO General Conference and took the lead by hosting the official opening of ten projects and providing financial support for the initiative's implementation [34, p. 204].

In 2020, the International Center for Cultural Rapprochement was formed in Almaty under an agreement between the Ministry of Culture and Sports of Kazakhstan and UNESCO. Under the leadership of renowned writer, politician, and diplomat Olzhas Suleymenov, this center is anticipated to serve as a significant institution uniting professionals and scholars in the realm of international cultural studies. Kazakhstan aims to promote interreligious, interethnic, and intercultural communication inside the country and beyond.

Kazakhstan is becoming involved in global politics by establishing itself as a neutral mediator in international conflicts. Kazakhstan serves as the focal point of diplomacy in Central Asia due to hosting several international negotiations in large cities like Astana and Almaty. The discussions on Iran's nuclear program in Almaty in 2013 and the Astana process in 2017 to resolve the civil conflict in Syria enhanced Kazakhstan's role as a mediator. Kazakhstan has been involved in mediating several crises since the early years of its independence, although its role as a mediator grew more prominent following these two occurrences. Kazakhstan mediated in the Karabakh conflict between Azerbaijan and Armenia in 1991 and also sought to mediate in the crises between Ukraine and Russia, as well as the "aircraft crisis" between Turkey and Russia [30, p. 38]. These crises had a direct impact on the geopolitical situation in the Central Asian region. Any conflict or catastrophe on the Eurasian continent poses a threat to Kazakhstan. Kazakhstan's economic prosperity and political stability are closely dependent on the peace and calm of neighboring states such as China and Russia, given its small population

and vast territory. Kazakhstan acts as a mediator and conciliator to enhance its reputation and safeguard its territorial integrity and independence. Kazakhstan's mediation endeavors and calm foreign policy approach are attributed to effective cultural policies within the country.

Discussion

The results indicate that Kazakhstan's cultural diplomacy has been essential in defining its global identity and diplomatic approach. Since achieving independence, Kazakhstan has adeptly employed cultural projects to reinforce its national identity and shape global opinions. The nation has demonstrated its historical depth and cultural diversity through efforts like the Cultural Heritage Program and other notable global cultural endeavors, offering a more nuanced portrayal beyond its economic and geopolitical importance. This proactive cultural involvement has enabled Kazakhstan to develop soft power through the promotion of favorable diplomatic ties and worldwide goodwill. Kazakhstan has underscored its cultural richness and enhanced its global stature as a progressive and culturally cognizant nation by active participation in international cultural events and exhibitions. Furthermore, Kazakhstan's focus on cultural diplomacy has facilitated peacebuilding and regional collaboration. Its initiatives, like the Congress of Leaders of World and Traditional Religions and the Conference on Interaction and Confidence-Building Measures in Asia (CICA), have evidenced a dedication to intercultural discussion and conflict prevention. The nation's diplomatic initiatives in settling regional conflicts, shown by its facilitation of dialogue between Azerbaijan and Armenia, highlight the potential of cultural diplomacy as a mechanism for fostering stability. Kazakhstan has achieved notable advancements in employing cultural diplomacy to improve its international standing; however, there remains opportunity for further development, especially through enhanced collaborations with global organizations and greater promotion of current Kazakh culture. Kazakhstan's cultural diplomacy has effectively fostered international collaboration, enhanced its global profile, and promoted peace, establishing the country as a significant and responsible actor in global affairs.

Conclusion

Through a thorough examination of Kazakhstan's cultural policies and their impact on the world stage, it is clear that culture plays a crucial role in shaping the nation's international relations tactics and improving its global reputation. Kazakhstan's intentional integration of cultural elements into its domestic and foreign policies demonstrates a proactive strategy to utilize its cultural history and identity on a global platform.

Kazakhstan has consistently displayed a sophisticated comprehension of the complex relationship between culture, politics, and diplomacy throughout its history. Since gaining independence, Kazakhstan has actively pursued cultural revival and promotion, with the goal of reclaiming and showcasing its diverse legacy while developing global understanding and collaboration.

Kazakhstan's commitment to presenting its cultural diversity and innovation is evident through efforts like the Cultural Heritage Program and the international promotion of current Kazakh culture. Kazakhstan has successfully showcased its cultural identity on the global stage through initiatives like the "Contemporary Kazakhstan Culture in the Global World" project and exhibitions highlighting Kazakh artists and historical artifacts. This has helped to broaden the understanding of the nation beyond its natural resources and geopolitical importance, presenting a more nuanced and diverse perspective.

Kazakhstan's commitment to promoting dialogue, tolerance, and cooperation among nations is demonstrated through its active involvement in international forums and initiatives, including the Conference on Interaction and Confidence-Building Measures in Asia (CICA), the Congress of Leaders of World and Traditional Religions, and the UNESCO International Decade for the Rapprochement of Cultures. Kazakhstan has been a significant participant in worldwide endeavors to advance peace, security, and mutual respect by advocating for projects that encourage intercultural conversation and understanding.

In addition, Kazakhstan's position as a mediator in regional and international crises showcases its diplomatic skill and dedication to upholding stability and security in the Eurasian region. Kazakhstan has showcased

its potential to positively contribute to regional peace and security by acting as a neutral mediator in crises like the ones between Azerbaijan and Armenia and the civil crisis in Syria. This has further solidified its position as a responsible global actor.

Ultimately, the cultural policies of Kazakhstan have significant consequences for its international ties and global reputation.

Kazakhstan has established itself as a vibrant and influential participant in the international arena by utilizing its cultural heritage, fostering discussion and collaboration, and acting as a mediator in regional crises. Kazakhstan's ongoing investment in cultural diplomacy and dedication to promoting peace and understanding will surely enhance global harmony and prosperity.

References

1. Nye J.S. Soft Power // Foreign Policy. Washingtonpost.Newsweek Interactive, LLC, 1990. № 80. P. 153–171.
2. Reeves J. Culture and International Relations: Narratives, Natives and Tourists. London: Routledge, 2004. 240 p.
3. Koç N. Kültür ve medeniyet kavramları etrafındaki tartışmalar ve Atatürk'ün düşünceleri // Cumhuriyet Tarihî Araştırmaları Derg. 2011. Vol. 7, № 13. P. 103–122.
4. Erickson P.A., Murphy L.D. Readings for a History of Anthropological Theory, Sixth Edition. University of Toronto Press, 2021. 601 p.
5. Smith P., Riley A. Cultural Theory: An Introduction. John Wiley & Sons, 2008. 322 p.
6. Meriç C. Umrandan Uygarlığa, 15 // Baskı İstanbul İletişim Yayın. 2009.
7. Michałowska G., Schreiber H. Culture(s) in international relations. 2017. P. 2631 p.
8. Batora J., Mokre M. Culture and External Relations: Europe and Beyond. 2016. P. 2081 p.
9. Goff P.M. Cultural diplomacy // Routledge Handbook of Public Diplomacy. 2020. P. 30–37.
10. Herrera I.H., Espiga R.S. The role of culture in Ibero-American diplomacy. Analysis of the declarations of the Ibero-American summits of heads of state and Government (1991-2018) // Araucaria. 2021. № 47. P. 507–527.
11. Uemura T. Understanding Chinese Foreign Relations: A Cultural Constructivist Approach // Int. Stud. Perspect. 2015. Vol. 16, № 3. P. 345–365.
12. Gienow-Hecht J.C.E. Nation branding // Explaining the History of American Foreign Relations. 2016. P. 232–244.
13. Stelowska D. Culture in International Relations // Pol. J. Polit. Sci. Fundacja Instytut Nauki o Polityce, 2015. Vol. 1, № 3. P. 50–72.
14. Meienberger A. The concept of the "Russkiy Mir": History of the Concept and Ukraine. // Euxinos Gov. Cult. Black Sea Reg. 2023. Vol. 13, № 35.
15. Natalizia G. THE RUSSKIY MIR FORMULA AND THE HYPOTHESIS OF A "NEW" COLD WAR // Dyn. Policies Prejudice Eighteenth Twenty-First Century. Cambridge Scholars Publishing, 2018. P. 273.
16. Pieper M. *Russkiy Mir* : The Geopolitics of Russian Compatriots Abroad // Geopolitics. 2020. Vol. 25, № 3. P. 756–779.
17. Leftwich A. What is Politics: The Activity and its Study. John Wiley & Sons, 2015. 215 p.
18. Zabci F. Marksizm ve Kültür Üzerine: Bazı Değerlemeler ve Sorular | Filiz Zabci - Academia.edu [Electronic resource]. 2010. URL: https://www.academia.edu/12999461/Marksizm_ve_K%C3%BClt%C3%BCr_%C3%9Czerine_Baz%C4%B1_De%C4%9Finmeler_ve_Sorular (accessed: 19.03.2024).
19. Kasumzade F. Kul'tura i politika v sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij // Vektor Nauki Tolyattinskogo Gos. Univ. Seriya YUridicheskie Nauki. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего ..., 2013. № 4. P. 32–36.
20. Berman R.A. Modern culture and critical theory: art, politics, and the legacy of the Frankfurt School. Univ of Wisconsin Press, 1989.
21. Nye J.S. Soft power: The means to success in world politics. Public affairs, 2004.
22. Nazarbayev N. Kazakhstan - 2030 Program [Electronic resource]. 1997. URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K970002030_ (accessed: 19.03.2024).
23. Tokayev K.Z. Pod Styagom Nezavisimosti. Almaty: Bilim, 1997.
24. Starr F.S. Kazakhstan's Security Strategy: A Model for Central Asia? // Cent. Asias Aff. 2007. № 3.
25. Portal SNG. Ob opyte realizacii Mezghosudarstvennoj programmy «Kul'turnye stolicy Sodruzhestva» [Electronic resource] // Портал СНГ. URL: <https://e-cis.info/cooperation/3143/78881/> (accessed: 20.03.2024).
26. Yaldiz F. Türk Dünyası Kültür Başkentleri. Ankara: Nobel Akademik, 2020.

27. Nazarbayev N. Poslanie Prezidenta Respubliki Kazahstan N.Nazarbaeva narodu Kazahstana. 31 yanvarya 2017 g. — Oficial'nyj sajt Prezidenta Respubliki Kazahstan [Electronic resource] // Akorda.kz. 2017. URL: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-nnazarbaeva-narodu-kazahstana-31-yanvarya-2017-g (accessed: 08.02.2024).
28. Özdener. 2500 yıllık Altın Elbiseli Adam Türkiye'de [Electronic resource]. 2019. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/kultur-sanat/2500-yillik-altin-elbiseli-adam-turkiyede-/1583436> (accessed: 20.03.2024).
29. Bakishev D. Asian Security: a Way forward - Novinite.com - Sofia News Agency [Electronic resource]. 2009. URL: <https://www.novinite.com/articles/103620/Asian+Security%3A+a+Way+forward> (accessed: 20.03.2024).
30. Cornell S.E., Starr S.F. Kazakhstan's Role in International Mediation under First President Nursultan Nazarbayev // Inst. Secur. Dev. Policy Novemb. Httpsisdp Eupublicationkazakhstans-Role--Int.-Mediat.-Underfirst-Pres.-Nursultan-Nazarbayev. 2020.
31. Taş C. KAZAKİSTAN'IN ÖNCÜLÜK VE ÖNDERLİĞİNDEKİ BİR KURUM [Electronic resource]. 2021. URL: <https://sahipkiran.org/2021/11/22/kazakistanin-oculuk-ve-onderligindeki-bir-kurum/> (accessed: 20.03.2024).
32. VI Congress [Electronic resource]. 2018. URL: <https://religions-congress.org/ru/news/uchastniki-VI> (accessed: 20.03.2024).
33. UNESCO. What is the "rapprochement of cultures" all about? [Electronic resource] // UNESCO. 2015. URL: <https://en.unesco.org/decade-rapprochement-cultures/about> (accessed: 20.03.2024).
34. Purtaş F. Kazakistan ve Türkiye Arasında Kültür ve Sanat Alanındaki İlişkiler. Ahmet Yesevi Ün. Mütevelli Heyet Başkanlığı, 2018.

ҚАЗАҚСТАН МӘДЕНИ САЯСАТЫНЫҢ ЖАҒАНДЫҚ АСПЕКТІСІ

Абзал ДОСБОЛОВ*, PhD, Халықаралық қатынастар кафедрасының аға оқытушысы, Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті, Түркістан, Қазақстан, Abzal.d@ayu.edu.kz, Orcid: <https://orcid.org/0000-0002-8168-2431>.

Фырат ПУРТАШ, Профессор, Халықаралық қатынастар кафедрасы оқытушысы, Анкара Хаджы Байрам Вели Университеті, Анкара, Түрік мемлекеті, fiat.purtas@hbv.edu.tr, Orcid: <https://orcid.org/0000-0002-0531-4178>.

ГЛОБАЛЬНЫЙ АСПЕКТ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ КАЗАХСТАНА

Абзал ДОСБОЛОВ*, PhD, старший преподаватель кафедры международных отношений, Международный казахско-турецкий университет имени Х.А.Ясауи, Abzal.d@ayu.edu.kz Orcid: <https://orcid.org/0000-0002-8168-2431>.

Фырат ПУРТАШ, Профессор, преподаватель кафедры Международных отношений, Университет Анкара Хаджы Байрам Вели, Анкара, Турция, fiat.purtas@hbv.edu.tr, Orcid: <https://orcid.org/0000-0002-0531-4178>.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ИЗМЕНЕНИЕМ КЛИМАТА И СТРАТЕГИИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

**Аскар
ШОНАЙ**

докторант кафедры международных отношений КазНПУ имени Абая, Алматы, Казахстан, shonayaskar@gmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-3165-1477>

**Аймен*
КУРМАНГАЛИ**

доктор политических наук, доцент кафедры международных отношений КазНПУ имени Абая, Алматы, Казахстан, aymena@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9846-4983>

**Оксана
МОРГУНОВА**

профессор политических наук, Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, Россия, o_torgunova@hotmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2607-5599>

Дата поступления рукописи в редакцию: 25/09/2024

Доработано: 30/01/2025

Принято: 07/02/2025

DOI: 10.52123/1994-2370-2025-1327

УДК 341. 349.6

МРНТИ 10.53.30

Аннотация. Данная статья анализирует международно-правовые аспекты борьбы с изменением климата и разрабатывает стратегии для их эффективного разрешения. В работе освещаются ключевые международные договоры, такие как Рамочная конвенция ООН об изменении климата, Киотский протокол, и Парижское соглашение, и исследуется их влияние на глобальную политику в области климата. Авторы уделяют особое внимание вкладу национальных судов и стран Глобального Юга в применение и развитие международного климатического права. Статья также затрагивает сложности, связанные с выполнением международных обязательств, и предлагает меры по усилению правовых механизмов для повышения эффективности межгосударственного сотрудничества в этой области. Особое внимание уделяется необходимости глубокого взаимодействия между странами и международными организациями для более решительной борьбы с климатическими изменениями, подчеркивая важность глобального ответа на эту угрозу.

Ключевые слова: климат, право, конвенция, протокол, соглашение, суды, сотрудничество.

Аңдатпа Бұл мақала климаттың өзгеруіне қарсы күрестің халықаралық-құқықтық аспектілерін талдайды және оларды тиімді шешу стратегияларын әзірлейді. Жұмыста БҰҰ-ның Климаттың өзгеруі туралы негіздеделік конвенциясы сияқты негізгі халықаралық шарттар, Киото хаттамасы, және Париж келісімі, және олардың жаһандық климат саясатына әсерін зерттейді. Авторлар ұлттық соттар мен жаһандық Оңтүстік елдерінің халықаралық Климаттық құқықты қолдану мен дамытуға қосқан үлесіне ерекше назар аударады. Мақала сонымен қатар халықаралық міндеттемелерді орындаудағы қиындықтарды қарастырады және осы саладағы мемлекетаралық ынтымақтастықтың тиімділігін арттыру үшін құқықтық тетіктерді күшейту шараларын ұсынады. Климаттық өзгерістермен неғұрлым батыл күресу үшін елдер мен халықаралық ұйымдар арасындағы терең өзара іс-қимылдың қажеттілігіне баса назар аударылып, бұл қауіпке жаһандық жауаптың маңыздылығын атап өтті.

Түйінді сөздер: климат, құқық, конвенция, Хаттама, Келісім, соттар, ынтымақтастық.

Abstract. This article analyses the international legal aspects of combating climate change and develops strategies to effectively address them. The paper highlights key international treaties, such as the UN Framework Convention on Climate Change, the Kyoto Protocol, and the Paris Agreement, and explores their impact on global climate policy. The authors focus on the contribution of national courts and countries in the Global South to the application and development of international climate law. The article goes on to address the complexities involved in implementing international commitments and suggests measures to strengthen legal mechanisms to enhance the effectiveness of interstate co-operation in this area. Special attention is given to the need for deep engagement between countries and international organizations to combat climate change more decisively, highlighting the importance of a global response to this threat. Keywords: climate, law, convention, protocol, agreement, courts, cooperation.

Введение

* Автор для корреспонденции: Курмангали Аймен, aymena@mail.ru

Статья акцентирует внимание на сложившейся глобальной проблематике изменения климата. Проблемы, связанные с изменением климата потеплением, таянием ледников, участвующими и усиливающимися природными катастрофами, поднимаются вопросы, которые не могут быть решены отдельными государствами в изоляции. Научная статья исследует, как международное право и международные правовые инструменты могут и должны адаптироваться и реагировать на эти вызовы, предлагая стратегии и решения, которые способствуют устойчивому развитию и защите нашей планеты. Здесь освещаются и критически оцениваются как успехи, так и слабые стороны международных усилий в борьбе с климатическими изменениями, а также предлагаются новые подходы к укреплению верховенства права в этой области, с особым акцентом на важность интеграции национальных и международных мер, нацеленных на обеспечение климатической справедливости и устойчивости.

Материалы и методы

Используется комплексный подход, объединяющий теоретический анализ международно-правовых документов и практическое изучение их реализации. Основой для исследования послужили различные международные нормативно-правовые акты и соглашения. Также здесь анализируются различные документы, которые дополняются обзором юридической литературы, исследования разных ученых деятелей и специалистов в данной области. Рассматриваются отчеты международных организаций и их статистических данных о климатических изменениях, а также их последствиях. Методология исследования включает в себя как качественный, так и количественный анализ данных. Качественный анализ направлен на толкование правовых текстов и их практическое применение, в то время как количественный анализ используется для оценки эффективности и охвата международных усилий по улучшению климата. Дополнительно, в статье применяются методы сравнительного анализа для изучения различий в

национальном законодательстве и международной практике, что позволяет выявить основные тенденции и вызовы в реализации международного климатического права. Данный многогранный подход обеспечивает глубокое понимание текущих проблем и способствует разработке предложений по их решению.

Результаты

Масштабное международно-правовое регулирование изменений климата находится на стадии трансформации, обусловленной как эволюцией собственных норм и стандартов, так и изменениями климатических условий. Исследования и анализ международных соглашений показывает, что рассматриваемые документы заложили основу для глобального ответа на климатические вызовы, но они сталкиваются с рядом проблем в части обязательности и выполнения установленных целей. В частности, Парижское соглашение, несмотря на свою глобальность и инклюзивность, страдает от отсутствия строгих механизмов принудительного исполнения, что подрывает его эффективность в долгосрочной перспективе.

Кроме того, роль национальных судов в интерпретации и применении международного климатического права оказывается критически важной. Судебные решения в разных странах, включая Глобальный Юг, не только способствуют усилению международных норм, но и выявляют пробелы в их реализации на национальном уровне. Например, вопросы, связанные с национальным законодательством и его соответствием международным обязательствам, часто становятся предметом судебных споров, что стимулирует дальнейшее развитие юридических доктрин и улучшение законодательной базы.

В целом, результаты исследования указывают на необходимость более глубокой интеграции международного и национального права, а также на потребность в укреплении международных механизмов мониторинга и выполнения обязательств. Эти результаты могут служить основой для разработки новых

стратегий и политик, которые будут способствовать более эффективной и справедливой борьбе с глобальными климатическими изменениями.

Обсуждение и выводы

Изменение климата является глобальной проблемой, имеющей множество разнообразных и сложных последствий. Данная проблема подчеркивает уже существующие различия в статусе стран в мировой арене. Охрана окружающей среды определяется как один из краеугольных камней национальных интересов любого государства. Данное направление деятельности относится к стратегическим и долгосрочным задачам, поскольку вопросы экологии сохраняют свою актуальность на неопределенное время. Как важнейший аспект национальной безопасности, охрана окружающей среды должна находиться под строгим регулированием на основе четко определенных принципов конституционно-правовой политики [1], особенно в контексте Казахстанского законодательства, что подчеркивает ее значимость и необходимость системного подхода в данной области.

В 1967 году важный шаг в развитии международного сотрудничества по экологической безопасности был сделан на конференции в Стокгольме, Швеция. На этом собрании были заложены основы программы для исследования глобальных атмосферных процессов. Указанное мероприятие стало краеугольным камнем в истории экологических инициатив и способствовало разработке подобных программ в последующие годы [2]. В 1974 году последовала ещё одна программа, углубляющая и расширяющая исследования в данной области. Обе эти программы положили начало широкому международному сотрудничеству и стимулированию необходимых исследований в области изменения климата, подчеркивая важность глобальных усилий для изучения и решения экологических вызовов.

В 1977 году в Найроби, Кения, состоялась важная конференция ООН по проблеме опустынивания, на которой была единогласно принята резолюция о необходимости углубленного изучения изменения климата. Событие подчеркнуло глобальную озабоченность по данному

вопросу [3]. Продолжая тему климатических исследований, в 1979 году в Женеве была принята декларация, направленная на предотвращение потенциально опасных для жизни человека антропогенных изменений климата.

В 1988 году Генеральная Ассамблея ООН утвердила резолюцию о сохранении глобального климата для текущей и будущих поколений, что подчеркнуло продолжающуюся приверженность ООН решению этой проблемы. Особым моментом в истории международного климатического движения стала Рамочная конвенция ООН об изменении климата (далее - РКИКООН), подписанная 155 странами в 1992 году на конференции по окружающей среде в Рио-де-Жанейро [4].

Принятый в 1997 году Киотский протокол оказался необходимым для достижения целей, поставленных Рамочной конвенцией ООН по сохранению климата. В документе предусмотрены точно определенные количественные потребности в сокращении выбросов парниковых газов, которые в основном применяются к развитым странам и странам с переходной экономикой, что в совокупности дает примерно 15% от объема глобального выброса [5].

После принятия Киотского протокола международные усилия продолжились в форме напряженных переговоров среди государств-участников РКИКООН, направленных на разработку нового международного соглашения. Одним из значимых этапов в этом процессе стала 13-я Конференция РКИКООН в 2007 году в Бали, где был согласован план действий. Однако, несмотря на достигнутые договоренности, план так и не был реализован, оставаясь не более чем декларацией намерений [5].

На 16-й Конференции РКИКООН, которая прошла в 2010 году в Канкуне (Мексика), вновь поднимался вопрос о количественных обязательствах государств по уменьшению количества вредных газовых выбросов в атмосферу. Однако стало очевидно, что объявленные меры оказались недостаточными для достижения цели удержания роста глобальной температуры в пределах 2 °С, что вызвало серьезную озабоченность на международном уровне.

Дальнейшее развитие событий произошло в декабре 2011 года в Дурбане

(ЮАР) на 17-й Конференции РКИКООН, где было принято решение о продлении срока действия Киотского протокола. Этот шаг был воспринят как важное достижение в контексте международных климатических переговоров. Тем не менее, даже продление Киотского протокола не решило основную проблему, установленные странами свои обязательства по уменьшению выбросов все еще оказались недостаточными для предотвращения продолжающегося роста температуры на планете, что подчеркнуло необходимость более амбициозных и решительных действий на глобальном уровне.

На 21-й конференции РКИКООН, которая состоялась в Париже в 2015 году, был утвержден текст Парижского соглашения, которое стало новым этапом в международном процессе противодействия климатическим изменениям. Этот документ, предназначавшийся заменить Киотский протокол после его истечения в 2020 году, сделал на шаг вперед в климатической политике. В частности, в Парижском соглашении был зафиксирован принцип не допускать поднятия среднего глобального потепления на уровень выше 2°C. Такой показатель считается необходимым условием для избежания наихудших последствий глобального потепления. Кроме того, в тексте соглашения уделено особое место увеличению адаптивных возможностей стран по отношению к негативным последствиям климатических изменений, а также финансовым потокам коалиции, улучшающей климатические проблемы по всему миру. Одним из ключевых аспектов соглашения является стремление государства достичь пика глобальных парниковых газов в ближайшее время с последующим их резким сокращением [6].

20 июля 2015 года Совет Европы сделал вывод, что изменение климата является одной из самых серьезных угроз, требующих необходимых решений. По мнению Совета, отсутствие активных действий в борьбе с климатическими изменениями в регионе может привести к катастрофическим последствиям для окружающей среды, мировой экономики, процессов бедности, развития, а также мира и стабильности. Европейский Союз выделил ряд приоритетных направлений. В частности, акцент сделан на динамике

активизации ситуации с изменением климата, которая признана стратегическим приоритетом в рамках экономических диалогов и внешнеполитических инициатив, что включает в себя продвижение и реализацию Парижского соглашения, которое должно помочь смягчить глобальные последствия потепления и адаптировать текущую политическую стратегию и стратегию к нововведениям.

В своём первом глобальном обзоре от 24 января 2019 года под названием «Верховенство права окружающей среды» [7], Программа ООН по окружающей среде (далее - ЮНЕП) [8] поднимает вопрос о ключевой роли правоприменения в защите окружающей среды. Отчет уделяет внимание необходимости повышения осведомленности о существующих экологических законах, их соблюдения и эффективного исполнения как основы для того, чтобы инициативы по охране природы приносили пользу как человечеству, так и планете в целом. Отчет подчеркивает, что устранение разрыва между законодательными стандартами и их реальным исполнением является критически важным для достижения целей устойчивого развития. ЮНЕП освещает, что полное и эффективное применение экологических законов необходимо для глобальной защиты окружающей среды на будущее.

Эксперты ЮНЕП также указывают на то, что во многих странах исполнение природоохранных законов и нормативов оказывается недостаточным для ответа на экологические вызовы. Они замечают, что законодательство часто лишено чётких стандартов или необходимых полномочий, и не учитывает особенности национальных и локальных условий, что затрудняет адекватное решение реальных экологических проблем.

В докладе Программы ООН по окружающей среде особо подчёркивается, что министерства, отвечающие за реализацию экологических законов, часто сталкиваются с серьезными ограничениями, включая недостаточное финансирование и отсутствие достаточной политической поддержки. Эти министерства, по сравнению с теми, которые занимаются экономическим развитием или освоением природных ресурсов, обладают меньшей властью, что

затрудняет эффективное применение и соблюдение экологических норм и стандартов. Несмотря на усилия многих стран укрепить правоприменение в области охраны окружающей среды, наблюдается обратная тенденция: увеличение случаев насилия против защитников окружающей среды и сокращение финансирования организаций гражданского общества, что существенно ослабляет экологические инициативы. Указанные проблемы характерны как для развивающихся стран, так и для развитых государств, где также выявлены значительные недостатки в реализации эффективной экологической политики.

ЮНЕП подчеркивает многоаспектное влияние верховенства природоохранного права, которое выходит далеко за рамки экологической сферы. Хотя первичная функция такого права — защита окружающей среды, его воздействие ощутимо и в более широких контекстах. Верховенство природоохранного права укрепляет общие принципы верховенства закона, тем самым способствуя более стабильному и предсказуемому правовому полю в стране, что в свою очередь создает благоприятную среду с целью устойчивого экономического и социального развития, так как правовая определенность и соблюдение законодательства является основным фактором для инвесторов и бизнеса. Надлежащая охрана природы напрямую связана с защитой здоровья населения, потому что снижения уровня загрязнения и сохранения природных ресурсов напрямую влияет на качество жизни людей. Улучшения природоохранного законодательства способствует защите основных прав и свобод человека, сюда также относится право на здоровую среду обитания, что подчеркивает конституционное измерение такого права.

Профессор Крейг Мартин из Юридической школы Университета Уошберна выдвинул тезис о сложности рассмотрения изменения климата как вопроса безопасности. Он акцентирует внимание на потенциальных рисках, связанных с расширением концепции безопасности, таких как климатические изменения. К. Мартин предостерегает, что такой подход может привести к неправовому увеличению полномочий исполнительных органов, применению

чрезвычайных мер и ограничениям прав человека, что в свою очередь, угрожает основам верховенства права [9].

Однако несмотря на опасения, многие государственные органы и международные институты уже определили изменения климата как важный вопрос безопасности. Это объясняется тем, что последствия климатических изменений, включая частные природные катастрофы, могут привести к массовой миграции, ухудшению жизненных условий, социальным и политическим дестабилизациям.

В таком контексте изменение климата рассматривается не только как угроза экологической безопасности, но и как комплексная проблема, которая влияет на экономическую стабильность, социальную структуру, общественное здоровье и военную безопасность, из этого может возникнуть ресурсные конфликты, массовые миграции населения и другие нестабильные явления.

Каждый вид безопасности требует специфического политического реагирования и методов оценки. Например, экономическая безопасность может оцениваться стабильностью национальной валюты или уровнем безработицы, в то время как экономическая безопасность измеряется через уровни загрязнения и состояние природных ресурсов.

Для каждого типа безопасности необходимо разработать критерии, которые помогут оценить эффективность политик по улучшению защиты, определить уровень угроз, средства, необходимые для достижения безопасности, затраты и временные рамки реализации мер. Разработка таких критериев и их последующее применение позволит находить альтернативные политические решения и адаптироваться к меняющимся глобальным условиям, что является ключом к поддержанию стабильности и безопасности на всех уровнях.

Подход К. Мартина к изменению климата как к вопросу безопасности связан с тем, что климатологические угрозы воспринимаются не только как экологическая проблема, но как фундаментальная угроза основным человеческим ценностям и основам международной системы. По мнению автора, климат как проблема безопасности позволяет мобилизовать ресурсы и

политическую волю на том уровне, который соответствует ее важности. Это возможно из-за того, что проблемы безопасности будут признаваться как приоритетные и вызовут более быструю и жесткую реакцию, чем проблемы, требующие сложных решений из области политики. Исходя из данного подхода, климат изменяющегося требует немедленного и скоординированного действия на мировом уровне. Подход, основанный на безопасности, проявляет коллективную ответственность за защиту основных взаимосвязанных путей к жизнеобеспечению, поддерживающих физическое и социально-экономическое благополучие всего мира, и вызовет активное участие мировых институций, правительств и других заинтересованных вращений, так как значение реагирования на масштабы изменения климата и его последствий не только для нашего благополучия, но и влияние на глобальную устойчивость и мир. Эта данная точка зрения позволяет предложить более чем активные инвестиции в это направление, в том числе данные о сознании перемен, реакции на это и разработке устойчивых путей решения, которая включает все стороны человеческой безопасности.

Петра Миннероп из Даремского университета разрабатывает концепцию «межпоколенческой готовности» в контексте борьбы с климатическими изменениями, подчеркивая важность установления бессрочных обязательств стран в рамках международного права. Она указывает на необходимость учета долгосрочных перспектив в защите общественных интересов, особенно учитывая научные прогнозы, которые предсказывают усугубление экологической ситуации и возможное нарушение существующего порядка из-за климатических изменений. П. Миннероп утверждает, что проблема изменения климата является «общей заботой человечества», подчеркивая всемирное признание необходимости коллективных усилий для ее решения [10].

Ее идея основана на понимании, что даже если будет достигнута цель ограничения глобального потепления до 1,5°C к концу века, это не избавит будущие поколения от радикальных изменений в условиях их жизни. Поэтому она настаивает на необходимости пересмотра

текущей политики и законодательства, чтобы они не только смягчали последствия изменения климата, но и были нацелены на долгосрочную адаптацию и устойчивость в ответ на эти предстоящие вызовы [10].

Концепция «межпоколенческой готовности», введенная П. Миннероп, направлена на расширение нормативной сферы и углубление принципа равенства между поколениями в контексте международного права. Данный подход подчеркивает необходимость принятия государствами упреждающих мер, направленных на защиту и поддержку интересов будущих поколений в контексте изменения климата. Основная идея здесь заключается в том, что текущие действия не должны ущемлять способность будущих поколений удовлетворять свои потребности, и что сегодняшние решения должны учитывать долгосрочные последствия [10].

Отсутствие общей правовой базы для понимания и регулирования понятия «готовности» в контексте изменения климата на международном уровне является значительной проблемой. Текущее состояние международного права в этой области часто ограничивается реакцией на стихийные бедствия и управлением кризисами, что не учитывает необходимость долгосрочного планирования и проактивной подготовки к изменениям климата.

Большинство правовых рамок сфокусированы на немедленном реагировании на стихийные бедствия, вместо того чтобы внедрять меры по предотвращению или минимизации будущих рисков. В разных регионах понятие готовности может трактоваться по-разному. В рамках Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), например, готовность часто сводится к оперативным действиям в ответ на бедствия, не охватывая более широкие аспекты подготовки и устойчивого развития. Указанный подход сильно ограничивает возможность применения готовности как стратегической и аналитической концепции, необходимой для комплексного управления рисками, связанными с изменением климата.

П. Миннероп отмечает важность трансграничного охвата и глобального управления в контексте «готовности» к изменению климата, акцентируя внимание

на необходимости сотрудничества с целью защиты климата как глобального общественного блага, что основывается на понимании, что климат не знает национальных границ, и его изменения влияют на всё человечество и биосферу в целом. Она указывает, что, хотя не все риски и интересы могут или должны регулироваться на международном уровне, изменение климата является исключением из этого правила из-за его уникально глобального характера. Защита климата как общественного блага требует коллективных усилий и координированных действий со стороны всего мирового сообщества. Данное признание находит отражение в таких важных международных документах, как Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 43/53 от 1988 года и Парижское соглашение по климату 2015 года.

Андреас Бузер, профессор Факультета права Свободного университета Берлина, проводит анализ роли национальных судов в поддержании международного верховенства климатического права. Он указывает на то, что международный климатический режим сталкивается с проблемами, такими как отсутствие юридической обязательности, недостаточная ясность и ограниченные возможности судебного обжалования. В своём исследовании А. Бузер изучает, как национальные суды могут заполнить эти пробелы, опираясь на международные документы и климатические данные. Однако он подчеркивает, что большинство судебных разбирательств, связанных с климатом, не способствовали укреплению международного климатического права. Вместо этого, они ограничивались национальными и региональными уровнями, особенно это видно в странах Западной Европы. Данная система стала фрагментированной и не достигла глобального порядка [11].

Дебаты о судебных разбирательствах, связанных с природными изменениями, остаются весьма актуальными и вызывают разногласия среди ученых и правоведов. Сторонники таких разбирательств видят в них важное средство укрепления права в данном вопросе, подчеркивая их символическую значимость как механизм привлечения внимания к недостаточности действия государств в области защиты

экологии. Даже проигранные дела рассматриваются как важный инструмент давления и повышения общественного сознания. С другой стороны, есть опасения, что такие судебные разбирательства могут быть использованы как инструмент для замедления экономического развития в странах третьего мира. Особенно когда они направлены против стран, чья экономика активно растет и которые сталкиваются с необходимостью увеличения использования энерго ресурсов. В то же время, развивающиеся страны видят в международном праве возможность получить компенсацию за ущерб, возникшими из-за природных и климатических явлений, особенно если этот ущерб связан с действиями мега корпораций и индустриализированных государств, которые исторически вносили наибольший вклад в глобальное потепление планеты [12].

Вышеуказанные аспекты подчеркивают значимость международного сотрудничества и правового регулирования в области природы охраны, указывая на потенциал национальных судов в укреплении этих принципов через судебную практику, несмотря на то что эта роль остается косвенной.

Эра Киотского протокола к РКИКООН стала важным моментом в развитии международного климатического права, особенно для промышленно развитых стран, где были введены механизмы урегулирования споров близкие судебным, включая процедуру обжалования. Там также предусматривались санкции за превышения лимита вредных выбросов в экологию, таких как штрафы, рассчитываемые по коэффициенту 1,3 от излишка, что должно было стимулировать страны к соблюдению установленных норм.

Киотский протокол, несмотря на его амбициозные цели, столкнулся с рядом серьезных проблем, среди которых дифференциация обязанностями между развитыми и развивающимися странами, а также отказ США ратифицировать протокол в 2001 году. Указанные обстоятельства существенно ослабили его воздействия на международной арене. Специалисты отмечают, что обязательства по сокращению вредных выбросов, предусмотренным Киотским протоколом, охватывает только около 24% глобальных

выбросов парниковых газов. Эти обстоятельства указывают на ограниченный охват протокола в контексте глобальной проблемы климатических изменений [13].

Если говорить о Парижском соглашении по климату, то здесь имеется значительный сдвиг в международных усилиях по борьбе с изменением климата, но она также выделяется своими отличиями от Киотского протокола, особенно в аспектах, касающихся верховенства международного права. В отличие от Киотского протокола, который устанавливал строгие и обязательные квоты на выбросы для развитых стран, Парижское соглашение использует подход «снизу-вверх». Данный подход позволяет странам устанавливать собственные национально определяемые взносы (NDCs), что делает соглашение более гибким и способствующим широкой ратификации, включая все главные страны-загрязнители, что обеспечивает регулирование около 99% глобальных выбросов [14].

Данная гибкость, однако, ведет к определенной правовой неопределенности относительно обязательств стран. В то время как такой подход способствует универсальному участию и возможности стран самостоятельно определять уровень своих усилий, он также создает сложности в понимании обязательного характера этих усилий и их соблюдения. В результате, хотя Парижское соглашение можно рассматривать как успех в плане глобального вовлечения и охвата, с точки зрения юридической ясности и строгости обязательств оно может быть воспринято как шаг назад по сравнению с более формализованным и обязательным подходом, принятым в Киотском протоколе, что вызывает дискуссии о том, насколько эффективно Парижское соглашение может обеспечивать соблюдение международного климатического права в долгосрочной перспективе.

Неопределенность, охватывающая Парижское соглашение, особенно заметна в вопросах, связанных с установлением глобальной целевой температуры, что является критическим элементом договора. Хотя установление цели по температуре — «значительно ниже» 2°C — представляет собой важный шаг в установлении того, что может быть

отмечен как «опасным изменением климата», и таким образом укрепляет понимание верховенства закона и права в климатических вопросах, юридическая сила и ясность этой цели вызывают споры. С одной стороны, термин «значительно ниже» предоставляет гибкость, но с другой стороны, он оставляет много места для интерпретации, что уменьшает его эффективность как строгого юридического инструмента. Такая формулировка не накладывает прямых обязательств ни на отдельные страны, ни на коллектив сторон, что подрывает конкретность и обязательность договора и тем самым ослабляет его способность к обеспечению соблюдения и выполнения целей по снижению глобального потепления [15].

А. Бузер подчеркивает, что национальные судебные разбирательства по вопросам климата могут открыть новую эру в международном верховенстве климатического права. Он утверждает, что суды, применяя и интерпретируя международное климатическое право, активно способствуют его развитию. Этот процесс не ограничивается исключительно странами Запада; значительный вклад в эту область вносят и страны Глобального Юга. Эти страны активно используют юридические инструменты для продвижения мер, направленных на смягчение последствий климатических изменений, что способствует укреплению климатического права на глобальном уровне.

Тем не менее, А. Бузер выражает сдержанный оптимизм относительно эффективности таких усилий. Он указывает на множество ограничивающих факторов, таких как отсутствие международного регулирования инфраструктурных проектов, что ограничивает возможности национальных судов в применении и развитии международного климатического права. Кроме того, в странах Глобального Юга недостаток национального законодательства о климате может заставить истцов опираться на международное право и права человека.

В рамках анализа международно-правовых аспектов борьбы с изменением климата и стратегий их решения становится очевидной необходимость глобального ответа на эту масштабную угрозу. Несмотря на различные подходы к

регулированию климатических вопросов, принимаемые разными странами в зависимости от их социально-экономических условий, существует срочная потребность в координации усилий на всех уровнях управления. Международные правовые режимы, направленные на смягчение последствий изменения климата, продолжают развиваться, предлагая более гибкие механизмы участия и расширяя круг государств-участников. Здесь необходимо отметить, что перемена климата все больше и чаще рассматривается не только как экологическая, но и как безопасная проблема, требующая комплексного подхода на национальном и международном уровнях.

Для улучшения механизмов правового регулирования изменения климата на наш взгляд необходимо предпринять следующие шаги:

1. Усиление юридической обязательности международных соглашений, чтобы сделать международные климатические соглашения более эффективными, следует включать в них четкие и измеримые цели и обязательства, что потребует пересмотра и возможно дополнения существующих договоров такими параметрами, как конкретные сроки и численные цели по снижению выбросов, которые могут быть точно отслежены и оценены.

2. Укрепление международных институтов и программ. Важно укрепить способности международных организаций, таких как ЮНЕП и РКИКООН, а также их технических подразделений, для эффективного мониторинга и принудительного исполнения соглашений. В рамках данных институтов и программ необходимо разработать унифицированные стандарты отчетности по выбросам парниковых газов и систему верификации, которая обеспечит прозрачность и поможет странам вести точный учет своих выбросов.

3. Разработка системы отчетности и механизмов верификации. Создание унифицированной и стандартизированной системы отчетности повысит прозрачность действий стран. Включение независимых механизмов верификации, возможно с привлечением международных экспертных групп, укрепит доверие между странами и

обеспечит подлинность предоставляемых данных.

4. Поддержка национальных судебных систем. Национальные суды играют ключевую роль в толковании и применении международного климатического права на практике. Обеспечение доступа к ресурсам, обучение и обмен лучшими практиками между судебными системами различных стран поможет создать более эффективную и согласованную правовую базу для решения климатических вопросов.

5. Интеграция усилий на национальном и международном уровнях. Взаимодействие между национальными и международными уровнями управления должно быть укреплено для создания согласованных и эффективных стратегий борьбы с изменением климата. Надо проводить координацию политик, обмен знаниями и технологиями, а также совместное финансирование климатических проектов.

Заключение

Необходимо отметить, что современные международные усилия по борьбе с климатическими изменениями обретают новое измерение через интеграцию правовых инструментов и институциональных механизмов. Эффективное управление климатическими вызовами требует глубокой правовой основы, которая способствует унификации действий государств и укрепление международного сотрудничества.

На наш взгляд, изучение международно-правовых аспектов борьбы с изменением климата показывает, что, несмотря на значительные усилия, проблема остается крайне актуальной и требует углубленной международной кооперации. Мы считаем, что необходимо усиливать юридическую обязательность международных соглашений, включая четкие и измеримые цели и обязательства. Кроме того, следует уделить внимание укреплению международных институтов, ответственных за мониторинг и принудительное исполнение климатических соглашений.

Мы полагаем, что глобальные усилия по борьбе с изменением климата должны усиливаться за счет создания более эффективных международных механизмов соблюдения климатических обязательств. Мы считаем, что реализация обязательных

юридических стандартов и контроль за их исполнением могут значительно повысить дисциплину среди государств-участников. Мы предлагаем разработку единой системы отчетности и механизмов верификации для улучшения прозрачности и содействия доверию между странами. Поддержка национальных судебных систем в их усилиях по применению и развитию международного климатического права становится ключевым аспектом укрепления верховенства права в области климата. Особенно важно укрепление роли международных судебных органов, которые могли бы вмешиваться в случае нарушений обязательств по снижению выбросов парниковых газов. Интеграция национальных и международных усилий может значительно повысить эффективность правового регулирования в этой критически важной области.

Мы также предлагаем разработать глобальную стратегию адаптации, которая включала бы как технологические, так и социально-экономические аспекты адаптации к изменению климата, что

предусматривает инвестиции в зеленые технологии, поддержку научных исследований и развитие инфраструктуры, устойчивой к климатическим изменениям. Кроме того, необходимо усилить образовательные программы, направленные на повышение осведомленности общественности и формирование культуры устойчивого развития.

В заключение мы полагаем, что международное сообщество должно активизировать усилия по включению частного сектора и гражданского общества в процессы решения климатических проблем. Это может быть реализовано через создание стимулов для экологически устойчивых практик в бизнесе и интеграцию экологического образования в школьные и университетские программы. Только широкомасштабная и интегрированная политика, объединяющая усилия всех сторон, позволит достичь значительного прогресса в смягчении и адаптации к изменению климата.

Список литературы

1. Хижняк В.С. Принципы конституционно-правовой политики Российской Федерации в области охраны окружающей среды в условиях глобализации // Правовая политика и правовая жизнь. – Москва, 2021. – № 3. – С. 45.
2. Как воплотить в реальность идеи для охраны окружающей среды? Швеция делится опытом // <https://ru.sweden.se/klimat/pravila-eko-zhizni/ekologiya-kak-norma-zhizni>
3. От Чили до Китая: глобальная битва против опустынивания // <https://www.unep.org/ru/novosti-i-istorii/istoriya/ot-chili-do-kitaya-globalnaya-bitva-protiv-opustynivaniya>
4. Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата, принята 9 мая 1992 года // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml
5. Climate Change and Foreign Policy. An exploration of options for greater integration. Denmark : International Instituted of Sustainable Development, 2016. 52 p.
6. Парижское соглашение. – Организация Объединенных Наций, 2015 // https://unfccc.int/sites/default/files/russian_paris_agreement.pdf
7. Верховенство экологического права: первый всемирный доклад // <https://www.unep.org/ru/resources/doklad/verkhovenstvo-ekologicheskogo-prava-pervyy-vsemirnyy-doklad>
8. Программа ООН по окружающей среде // <https://www.un.org/ru/ga/unep/>
9. Martin C. Climate Change and Global Security: Framing an Existential Threat // AJIL Unbound. – 2022. – Vol. 116. – P. 248–253.
10. Minnerop P. Intergenerational Preparedness: Climate Change, Community Interest Obligations and the Environmental Rule of Law // Global Policy. – 2023. – Special Issue. – P. 1–22 // https://www.researchgate.net/publication/369981806_Intergenerational_Preparedness_Climate_Change_Community_Interest_Obligations_and_the_Environmental_Rule_of_Law
11. Buser A. National Climate Litigation and the International Rule of Law // Leiden Journal of International Law. – 2023. – Vol. 36, N 3. – P. 593–615.
12. Tigre M., Wewerinke-Singh M. Beyond the North–South Divide: Litigation's Role in Resolving Climate Change Loss and Damage claims / Columbia Law School, Sabin Center for Climate Change Law Scholarship Archive. – 2023. – 14 p.
13. Фостер Д. Провал киотского протокола. Часть I // <https://akrateia.info/proval-kiotskogo-protokola/>
14. Мазарджи М., Тукур Байеро М., Минкина Т.М., Сушкова С.Н., Манджиева С.С., Терещенко А.А., Ридван Кизилкая, Джошун Гелзер, Реализация целей ООН в области устойчивого развития по реабилитации почв, загрязненных тяжелыми металлами: новые тенденции и направления на будущее

(обзор) // «Живые и биокосные системы». – 2021. – № 37; URL: <https://jbks.ru/archive/issue-37/article-4/>. DOI: 10.18522/2308-9709-2021-37-4.

15. Тетельмин В.В. Расчетное подтверждение недостижимости климатических целей Парижского соглашения // Экология промышленного производства. 2024. № 2. С. 58–63.

References

1. Khizhnyak V.S. Printsipy konstitutsionno-pravovoi politiki Rossiiskoi Federatsii v oblasti okhrany okruzhayushchei sredy v usloviyakh globalizatsii // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. – Moskva, 2021. – № 3. – S. 45.
2. Kak voplotit' v real'nost' idei dlya okhrany okruzhayushchei sredy? Shvetsiya delitsya opytom // <https://ru.sweden.se/klimat/pravila-eko-zhizni/ekologiya-kak-norma-zhizni>
3. Ot Chili do Kitaya: global'naya bitva protiv opustynivaniya // <https://www.unep.org/ru/novosti-i-istorii/istoriya/ot-chili-do-kitaya-globalnaya-bitva-protiv-opustynivaniya>
4. Ramochnaya konventsia Organizatsii Ob"edinennykh Natsii ob izmenenii klimata, prinyata 9 maya 1992 goda // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml
5. Climate Change and Foreign Policy. An exploration of options for greater integration. Denmark : International Institute of Sustainable Development, 2016. 52 p.
6. Parizhscoe soglasenie. – Organizatsiya Ob"edinennykh Natsii, 2015 // https://unfccc.int/sites/default/files/russian_paris_agreement.pdf
7. Verkhovenstvo ekologicheskogo prava: pervyi vsemirnyi doklad // <https://www.unep.org/ru/resources/doklad/verkhovenstvo-ekologicheskogo-prava-pervyy-vsemirnyy-doklad>
8. Programma OON po okruzhayushchei sredy // <https://www.un.org/ru/ga/unep/>
9. Martin C. Climate Change and Global Security: Framing an Existential Threat // AJIL Unbound. – 2022. – Vol. 116. – P. 248–253.
10. Minnerop P. Intergenerational Preparedness: Climate Change, Community Interest Obligations and the Environmental Rule of Law // Global Policy. – 2023. – Special Issue. – P. 1–22 // https://www.researchgate.net/publication/369981806_Intergenerational_Preparedness_Climate_Change_Community_Interest_Obligations_and_the_Environmental_Rule_of_Law
11. Buser A. National Climate Litigation and the International Rule of Law // Leiden Journal of International Law. – 2023. – Vol. 36, N 3. – P. 593–615.
12. Tigre M., Wewerinke-Singh M. Beyond the North–South Divide: Litigation's Role in Resolving Climate Change Loss and Damage claims / Columbia Law School, Sabin Center for Climate Change Law Scholarship Archive. – 2023. – 14 p.
13. Foster D. Proval kiotskogo protokola. Chast' I // <https://akrateia.info/proval-kiotskogo-protokola/>
14. Mazardzhi M., Tukur Baiero M., Minkina T.M., Sushkova S.N., Mandzhieva S.S., Tereshchenko A.A., Ridvan Kizilkaya, Dzhoshkun Gelzer, Realizatsiya tselei OON v oblasti ustoichivogo razvitiya po reabilitatsii pochv, zagryaznennykh tyazhelymi metallami: novye tendentsii i napravleniya na budushchee (obzor) // «Zhivye i biokosnye sistemy». – 2021. – № 37; URL: <https://jbks.ru/archive/issue-37/article-4/>. DOI: 10.18522/2308-9709-2021-37-4.
15. Tetel'min V.V. Raschetnoe podtverzhdenie nedostizhimosti klimaticheskikh tselei Parizhskogo soglaseniya // Ekologiya promyshlennogo proizvodstva. 2024. № 2. S. 58–63.

КЛИМАТТЫҢ ӨЗГЕРУІНЕ ҚАРСЫ КҮРЕСТІҢ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ АСПЕКТІЛЕРІ ЖӘНЕ ОЛАРДЫ ШЕШУ СТРАТЕГИЯЛАРЫ

Асқар ШОНАЙ, халықаралық қатынастар саласындағы докторант, Сорбонна-Қазақстан институты, Абай атындағы ҚазҰПУ, Алматы, Қазақстан, Shonayaskar@gmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-3165-1477>.

Аймен ҚҰРМАНҒАЛИ*, саясаттану ғылымдарының докторы, қауымдастырылған профессор, Сорбонна-Қазақстан институты, Абай атындағы ҚазҰПУ, Алматы, Қазақстан, aymena@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9846-4983>.

Оксана МОРГУНОВА, саясаттану ғылымдарының профессоры, Ресей халықтар достығы университеті (РУДН), Мәскеу, Ресей, o_morgunova@hotmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2607-5599>.

INTERNATIONAL LEGAL ASPECTS OF COMBATING CLIMATE CHANGE AND STRATEGIES FOR THEIR RESOLUTION

Askar SHONAY, doctoral student in the field of international relations, Sorbonne-Kazakhstan Institute, Abai KazNPU, Almaty, Kazakhstan, Shonayaskar@gmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-3165-1477>

Aymen KURMANGALI*, Doctor of Political Science, Associate Professor, Sorbonne-Kazakhstan Institute, Abai KazNPU, Almaty, Kazakhstan, Aymena@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9846-4983>

Oksana MORGUNOVA, Professor of Political Sciences, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia, o_morgunova@hotmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2607-5599>

www.journal.apa.kz